ПРОБЛЕМЫ СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Выпуск 15

ПЕРМСКАЯ СОЦИОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ИДЕИ ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ

К 70-летию со дня рождения
Аллы Соломоновны Штерн

От редакции

1 февраля 2012 г. Алле Соломоновне Штерн исполнилось бы 70 лет... Она ушла из жизни за 15 лет до этого, в неполных 55, оставив после себя самое главное, что может оставить после себя ученый – идеи и учеников, которые продолжают их развивать.

Алла Соломоновна была удивительно щедрым на идеи человеком. И она была очень разносторонним лингвистом: ее интересовали проблемы восприятия и порождения речи, структуры текста, устройства внутреннего лексикона, социолингвистического расслоения языка и многие другие.

В память об Алле Соломоновне и в честь ее 70-летия в Перми на базе Пермского научного центра Уральского отделения РАН прошла Международная научная конференция «Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трех поколений», которая была организована учениками Аллы Соломоновны, вдохновителем и основным организатором которой стала ученица Аллы Соломоновны, ныне доктор филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков и философии ПНЦ УРО РАН Татьяна Николаевна Чугаева.

Нужно отметить, что психолингвистика и социолингвистика, будучи отдельными отраслями лингвистической науки, тем не менее очень тесно связаны и во многих случаях разделить социо- и психолингвистические исследования бывает очень трудно. Именно такой синкретичный взгляд на эти ветви языкознания и их методы разделяла и проповедовала Алла Соломоновна. В любом психолингвистическом исследовании она учитывала социолингвистические параметры информантов (хотя бы на этапе формирования выборки), в любом социолингвистическом – психологические характеристики и установки говорящих. Недаром в ее во многом программной статье «Три аспекта городского билингвизма» она говорит о том, что живую речь нельзя описывать вне единства трех составляющих: конституентов – собственно лингвистической составляющей, тех языковых кодов, которые используются в коммуникации; компонентов – социолингвистических характеристик коммуникантов; детерминантов – условий коммуникативного акта, которые традиционно учитываются в психолингвистике.

Конференция была посвящена идеям именно Пермской школы социопсихолингвистики потому, что Алла Соломоновна, работая в Санкт-Петербургском университете, к созданию и развитию Пермской социопсихолингвистической школы имеет самое непосредственное отношение. Она и ее муж, Леонид Волькович Сахарный, были кол-

легами и близкими друзьями первого поколения тех, кто начинал в Пермском университете разрабатывать проблемы данного направления – Е.Н. Поляковой, Т.И. Ерофеевой, Л.А. Грузберг. Алла Соломоновна была научным консультантом докторской диссертации Т.И. Ерофеевой и во многом определила развитие социолингвистики в Перми. А.С. Штерн и Л.В. Сахарный были научными руководителями и Учителями второго, среднего поколения представителей школы – Т.Н. Чугаевой, Т.И. Доценко, И.Г. Овчинниковой, И.А. Бариновой, Е.В. Ерофеевой и др. И наконец, третье поколение представляют уже ученики учеников Аллы Соломоновны и Леонида Вольковича.

Вклад Аллы Соломоновны в формирование научных взглядов пермских лингвистов заключался также и в том, что она регулярно приезжала в Пермь и проводила консультации по методике проведения экспериментов, по статистике и по другим вопросам с учениками учеников и всеми желающими, вольно или невольно влияя на лингвистические воззрения своего пермского окружения.

В программе конференции рассматривались вопросы, связанные с основными четырьмя аспектами исследований Аллы Соломоновны:

- *проблемы восприятия речи,*
- *проблемы изучения ментального лексикона,*
- *психолингвистические аспекты изучения текста и вопросы коммуникации,*
- *проблемы социолингвистики.*

В работе конференции приняли участие не только пермские ученые, но и коллеги, ученики и ученики коллег и учеников Аллы Соломоновны из Санкт-Петербургского университета и ее ученица из Германии Марион Краузе, с которыми представители Пермской социопсихолингвистической школы поддерживают тесные научные и дружеские связи.

Материалы конференции представлены в данном сборнике научных трудов в качестве одного из выпусков регулярного сборника «Проблемы социо- и психолингвистики», публикуемого Школой.

Ниже приводится приветственное письмо в адрес конференции от Президента Санкт-Петербургского университета Людмилы Алексеевны Вербицкой.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ ПИСЬМО В АДРЕС КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕЗИДЕНТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ЛЮДМИЛЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ВЕРБИЦКОЙ

Дорогие друзья и коллеги!

Приветствую вас и искренне сожалею, что не могу сегодня быть с вами. Я уверена, что сегодняшняя конференция станет для всех вас значительным событием и надолго останется в вашей памяти.

Трудно поверить в то, что Аллы Соломоновны нет с нами. Кажется, что она рядом. Ее присутствие ощущают все те, в чьей жизни она была. Все те, работы которых не могли бы состояться без ее постоянного участия, советов, консультаций.

Именно она учила всех нас математическим методам обработки полученных данных, с ее помощью мы проверяли существенность расхождений по критерию Стьюдента.

Но она учила не только этому. Алла Соломоновна понимала и чувствовала сложные языковые процессы, могла указать нужное направление самых разнообразных исследований.

Мы все помним ее удивительную улыбку, доброжелательность, оптимизм, доброту, готовность всегда прийти на помощь.

Мне очень жаль, дорогие коллеги, что в этот день я не могу быть с вами. Спасибо вам за память. Всего вам самого доброго.

Ваша Л.А. Вербицкая

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ

Н.Д. Светозарова*
Санкт-Петербургский государственный университет

ОБ ОДНОЙ РАБОТЕ А.С. ШТЕРН И СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ПРОБЛЕМЫ

В 1985 году на кафедре фонетики тогда еще Ленинградского университета была издана тоненькая книжечка под названием: «Учебные задания для работы со словарем квазиомонимов». Несмотря на скромный объем (55 страниц), она была результатом большой и исключительно интересной работы целого коллектива. В числе составителей были А.В. Венцов, Н.Г. Охарева, Н.Д. Светозарова, Е.Ю. Смирнова и А.С. Штерн. Инициатором и организатором работы была Алла Соломоновна. Однако фамилия Штерн стояла согласно русскому алфавиту последней из пяти, а по правилам того времени при упоминании или цитировании могли называться лишь первые 3 фамилии. Слова «учебные задания» в названии книжечки были обычной для тех лет уловкой, позволявшей быстро и довольно большим тиражом, хотя и при ограниченном объеме и очень плохом качестве, напечатать то, что хотелось. В данном случае типы заданий были коротко перечислены на с. 5–6, а основная часть книжки (с. 6–55) представляла собой словарь квазиомонимов русского языка, который предваряло очень компактное предисловие А.С. Штерн.

Квазиомонимами, или минимальными парами, в фонетике называются, как известно, слова или словоформы, различающиеся одной и только одной фонемой. Чаще всего при этом имеются в виду случаи, когда фонемы, различающие слова, стоят еще и в одной позиции: *дом – том*. При более широком понимании термина сюда попадают и слова (словоформы), различающиеся по количеству фонем. В нашем словаре мы ограничились только классическими минимальными парами, случаями

* © Светозарова Н.Д., 2011

наличия/отсутствия согласной фонемы (*ход – сход*) и добавили интересный для русского языка тип квазиомонимов – отличие по месту ударения (***в**ажно – важн**а***). В связи с прикладными целями, о которых речь пойдет ниже, квазиомонимы были разбиты на 8 групп, с учетом качества ударного и безударных гласных и некоторых дифференциальных признаков согласных фонем (см.: Учебные задания для работы со словарем квазиомонимов, 1985: 1). Естественно, что фонемный состав определялся по принципам Щербовской фонологической школы.

По этим восьми типам был проведен полный «перебор» ограниченного словника, а сам словник был составлен по принципу случайного выбора из частотных словарей Э. Штейнфельдт и Университета им. П. Лумумбы (по всему частотному диапазону). Заглавные слова представляют собой разные части речи в исходной форме. Квазиомонимами к этим словам могут быть слова как в исходной, так и в косвенной форме (последние снабжаются специальной пометой: число, падеж, время и пр.). В качестве квазиомонимов могут выступать также аббревиатуры и имена собственные. Еще одной интересной особенностью словаря квазиомонимов является то, что при подборе минимальных пар отдельно учитываются «икающая» и «экающая» произносительные нормы.

На с. 3–4 пособия даются основные статистические характеристики словаря, представляющие большой интерес. Оказалось, что из случайно выбранных 534 слов русского языка только 17 не имели квазиомонимов названных выше типов, а 97% слов имели от 1 до 30 минимальных пар. Всего в словаре 3 987 квазиомонимов, т.е. в среднем на одно заглавное слово приходится 7,44 квазиомонима. Распределение резко ассиметрично: мода равна 4, а медиана – 6. Приведены также данные распределений для разных типов квазиомонимов.

Что же побудило Аллу Соломоновну, ее коллег (А.В. Венцова и Н.Д. Светозарову) и учениц (Н. Охареву и Е. Смирнову) заняться этой весьма трудоемкой в те времена работой?

С точки зрения чистой фонологии минимальные пары на кафедре фонетики были, можно сказать, «не в чести». Согласно одному из принципиальных положений Щербовской фонологи-

ческой школы, с которым автор данной публикации полностью согласен, фонема, являющаяся языковой единицей плана выражения, не может определяться через план содержания и отсутствие квазиомонимов не может быть доказательством отсутствия фонемного противопоставления. Для доказательства последнего достаточно поставить звуки в одинаковую фонетическую позицию. Л.Р. Зиндер посвятил проблеме минимальных пар специальную статью (Зиндер, 1970), в которой предостерегал от характерного для многих фонологов преувеличения роли квазиомонимов, при котором «в минимальных парах стали видеть обязательное условие существования в данном языке соответствующего фонемного противопоставления» (там же: 107). Л.Р. Зиндер писал: «функция фонемы заключается не в том, чтобы различать слова или словоформы (хотя потенциально фонема такой способностью всегда обладает), а в том, чтобы **опознавать** эти языковые единицы. Например, цепочка фонем *k, l', u, č* должна обязательно присутствовать в речи для того, чтобы можно было опознать словоформу *ключ*, значение которой будет выявляться из контекста. Имеется ли при этом к данной цепочке фонем какая-либо минимальная пара, и сколько есть таких минимальных пар в соответствующем языке, совершенно не существенно» (там же: 109).

Л.Р. Зиндер отмечал также, что «минимальная пара свидетельствует лишь о том, что соответствующая пара звуков может находиться в данном языке в одинаковой фонологической позиции» (там же: 109) и считал, что в большинстве случаев квазиомонимы относятся к совершенно различным семантическим сферам и что число их, как правило, невелико (там же: 107–108). С последними словами учителя можно и поспорить. Во-первых, существуют области, в которых минимальные пары сталкиваются непосредственно; во-вторых, даже небольшая выборка слов русского языка в нашем словаре показала существование весьма значительного количества квазиомонимов у русских слов. Вопрос о других языках отставим в стороне, однако известная закономерность, подтвердившаяся и по данным нашей выборки, согласно которой у слова тем больше минимальных пар, чем оно короче, позволяет делать элементарные предполо-

жения о количестве квазиомонимов в языке в зависимости от преобладающей в нем структуры слова (и его форм).

Конечно, составители словаря квазиомонимов исходили из своих собственных интересов, а ученицы Аллы Соломоновны осуществили под ее строгим руководством грамотный ручной «перебор» минимальных пар всех восьми групп, пользуясь имеющимися прямыми и обратными словарями. Но квазиомонимы, различающиеся местом ударения, которые были даны еще в одном из дополнительных списков и которые позже были названы акцентными, или ритмическими, ни по какому словарю не выявить, поэтому тут были использованы списки А.В. Венцова и Н.Д. Светозаровой, составлявшиеся в связи с их занятиями словесным ударением.

Каковы же те прикладные области, где могут быть применены знания о количестве и характере минимальных пар? Назову только некоторые из этих областей.

1. Преподавание фонетики иностранного языка, где огромное количество упражнений, в частности, весь вводный фонетический курс, строится на основе минимальных пар, обеспечивающих принцип одного различия.

2. Логопедия, диагностика и коррекция разнообразных речевых нарушений, где широко используется тот же принцип (некоторые специалисты, например, считают, что наиболее корректный прием для исследования способности различать фонемы – это использование парных картинок, обозначающих слова-квазиомонимы).

3. Создание и совершенствование письменности для бесписьменных и младописьменных языков.

4. Создание «артикуляционных таблиц» для проверки каналов связи, списков трудных слов для анализа и синтеза речи и др.

5. Отбор материала для «слуховых семинаров», столь важных для обучения профессиональных фонетистов.

6. Психолингвистическое исследование ослышек и оговорок.

7. Построение различных «экспериментальных текстов» с полным или частичным «снятием» смыслового фактора для

проведения опытов по восприятию (на кафедре фонетики был составлен ряд таких текстов и наборов фраз).

8. Конструирование логотомов, т.е. бессмысленных, но построенных по законам языка «слов», например, при создании товарных знаков и слоганов.

9. Проблемы ономастики, топонимики, антропонимики, в частности, создание личных имен, например, в художественных произведениях (вспомним князя Болконского у Л. Толстого), особенно в научной фантастике, где неземные имена должны не соответствовать законам земного языка, противоречить им.

10. Изучение проблем звукосимволизма, фонетического значения, зауми (с этого, кстати, начинала свой путь в науке Алла Соломоновна).

Нельзя недооценивать роль минимальных пар в морфонологии (чередованиях) и грамматике (звуковом выражении отдельных грамматических категорий). На явлении минимального звукового различия основаны многие случаи «народной этимологии», а также каламбуры, шутки, анекдоты, языковые игры. Вот только три примера: есть радиопередача под названием «Барочная практика». Это классический квазиомоним. А в тексте песни из известного мультфильма «Бременские музыканты» обыгрываются омографы: *Нам любые д**о**роги дор**о**ги* (пример подсказан пятилетней девочкой). То же в песенке, открывающей новую телевизионную передачу: *Жить так зд**о**рово здор**о**во* (пример подсказан М.В. Гординой).

К сожалению, наша работа не имела прямого продолжения, т.е. полного словаря русских квазиомонимов мы тогда не сделали. Однако продолжение было. Прежде всего, конечно, квазиомонимы нашли место в созданной А.С. Штерн модели восприятия речи по лингвистическим признакам: их количество относится к ведущим признакам, наряду с длиной слова, его частотностью и качеством ударного гласного (Штерн, 1992: 129).

Ритмические квазиомонимы, их источники и типы, стали предметом специального анализа в нескольких работах Н.Д. Светозаровой (2003, 2004).

В 2004 г. в Петербургском университете был создан уникальный словарь русских омографов, т.е. слов и их форм, которые пишутся одинаково, но произносятся по-разному (Словарь

омографов, 2004). Он создан коллективом авторов под редакцией А.В. Венцова и В.Б. Касевича. Одним из авторов этого труда является А.В. Венцов, сохранивший, как мы видим, интерес к теме, которая привлекла его внимание еще в 1980-х гг. Словарь содержит более 4 000 словоформ, классифицированных по грамматическим признакам. Основную массу омографических пар, выявленных на основе огромного корпуса текстов и словарей, составили ритмические квазиомонимы, «члены которых одинаковы с точки зрения их фонемного состава (в соответствии с петербургской произносительной нормой) и различаются местом расположения ударного гласного» (Словарь омографов, 2004: 4).

Но ритмические квазиомонимы – это только малая часть минимальных пар. А существует ли полный словарь минимальных пар русского языка? Я никогда специально не занималась этим вопросом и не производила изысканий, хотя, будучи германистом и преподавателем немецкой фонетики, работала, например, с одной из первых работ по описанию звуковой структуры немецкого слова – замечательным трудом П. Менцерата «Die Architektonik des deutschen Wortschatzes» (Menzerath, 1954) и с прекрасным словарем минимальных пар немецкого языка, составленным, как и наш, в 1980-е гг. Д. Ортманном (Ortmann, 1981).

Вспоминая о старой работе Аллы Соломоновны, я, естественно, решила посмотреть, что же сделано в этой области в наше время, при современных неограниченных компьютерных возможностях. Хочется рассказать об одной работе. Честно говоря, я, будучи филологом, едва ли нашла бы кандидатскую диссертацию, защищенную по специальности 05.13.11 – математическое и программное обеспечение вычислительных машин, комплексов и компьютерных сетей, если бы не упоминание в ней нашего словаря квазиомонимов. Это диссертация Н.В. Саломатиной «Методы и программные средства выделения и численного оценивания вариативности языковых единиц», которая была выполнена в Новосибирском Институте математики в 2009 г. В Заключении диссертации сообщается об одном из основных результатов работы: «На базе 100-тысячного словаря русского языка (*V*) построен **уникальный электронный сло-**

варь паронимов “в широком смысле”, где каждое слово представлено своими 1-, 2-окрестностями, содержащими слова из *V*, отличающиеся от заданного, соответственно, одним или двумя искажениями типа “вставка”, “замена” или “устранение” символа в любой их комбинации. Словарь предназначен для **изучения процессов словообразования, поиска и моделирования ошибок** паронимического типа, **генерации комбинаторных лингвистических задач**, **моделирования заголовков**, построенных на “игре слов” (Саломатина, 2009 [электр. ресурс]). Кроме того, в указанной работе получены количественные оценки вариативности слов на фонемном уровне. Сформирован словарь квазиомонимов (фонетическая версия словаря паронимов) для случая однократного допустимого искажения слова путем замены вставки или удаления символа (элемента фонетической транскрипции). На его основе предложена методика автоматического формирования трудных тестовых словарей для систем распознавания и синтеза речи с возможностью их многократного обновления. Словари содержат пары слов, мало различающиеся по артикуляционно-акустическим характеристикам несовпадающих в них звуков (там же).

Теперь мне очень хочется написать автору этой работы и спросить ее о том, какое влияние оказал на выбор темы маленький словарь квазиомонимов, созданный в 1985 г. на кафедре фонетики под руководством А.С. Штерн, и подтверждают ли статистические данные большого словаря те, которые когда-то были получены на маленьком.

Литература

Зиндер Л.Р. О «минимальных парах» // Язык и человек: сб. статей памяти проф. П.С. Кузнецова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 105–109.

Саломатина Н.В. Методы и программные средства выделения и численного оценивания вариативности языковых единиц: автореф. дис. ... канд. физико-матем. наук. Новосибирск, 2009. [Электронный ресурс] URL: http://www.iis.nsk.su/files/news/salomatina.pdf (проверено 11.03.2011).

Светозарова Н.Д. Коммуникативная и методическая значимость акцентных квазиомонимов русского языка // Матер. XXX Всерос. научно-метод. конф. преподавателей и аспирантов: Секция фонетики. СПб., 2003. Ч. 2. С. 23–25.

Светозарова Н.Д. Ритмические квазиомонимы в русском языке: источники и типы // Теоретические проблемы языкознания: сб. статей к 140-летию кафедры общего языкознания. СПб., 2004. С. 365–370.

Словарь омографов русского языка / сост. Венцов А.В., Грудева Е.В., Касевич В.Б., Корешкова Е.И., Сведенцова Е.А., Ягунова Е.В.; под ред. А.В. Венцова, В.Б. Касевича. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 160 с.

Учебные задания для работы со словарем квазиомонимов / сост. Венцов А.В., Охарева Н.Г., Светозарова Н.Д., Смирнова Е.Ю., Штерн А.С.; Ленингр. гос. ун-т. Л., 1985. 55 с.

Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992. 236 с.

Menzerath P. Die Architektonik des deutschen Wortschatzes (Phonetische Studien 3). Bonn: Dümmler, 1954. 131 s.

Ortmann W.D. Minimalpaare im Deutschen: Typen, Häufigkeiten, Übungsbeispiele, rechnersortiert anhand von 7995 hochfrequenten Wortformen der Kaeding-Zählung: mit einem Anhang: Reimlexikon zur Kaeding-Wortliste. München: Goethe-Institut, 1981. 532 s.

Ortmann W.D. Materialien zur Didaktisierung der Phonemik des Deutschen. T. 2: Minimalpaare. München: Hueber. 1983.

О.В. Байбурова*
Пермский научный центр Уральского отделения
Российской академии наук

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПЕРЦЕПТИВНЫХ БАЗ БРИТАНСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В современных исследованиях, посвященных сопоставлению систем британского и американского английского языка, существуют различные точки зрения на статус американского английского. Одни исследователи полагают, что английский язык един для двух языковых общностей; другие утверждают, что вариант американского английского является самостоятельным языком (см., например, работы H.L. Mencken). В целом, преобладает компромиссная точка зрения, при которой различают британский и американский варианты английского языка (В.Е. Абрамов,

* © Байбурова О.В., 2011

А.И. Смирницкий, Д.А. Шахбагова, А.Д. Швейцер, B. Bloch, A.J. Bronstein, F.G. Cassidy, D. Jones, A. Smith, G.L. Trager, J. Wells и др.).

Как известно, при восприятии речи на слух производится выбор перцептивной базы (ПБ) языка (Штерн, 1992: 204). Например, при восприятии речи билингвами характерен выбор ПБ конкретного языка (там же: 206). Более сложной оказывается ситуация выбора варианта ПБ в ситуации восприятия родной речи, когда фонологические базы совпадают, но фонетические характеристики различаются (Штерн, Ерофеева, 1988). Остается неясным, актуализируются ли при этом разные ПБ, одна и та же ПБ или варианты единой ПБ. Такой вопрос возникает и при восприятии американцами речи британцев.

Совместно с Т.Н. Чугаевой и С.Ю. Мякотниковой была проведена серия исследований по восприятию английской речи британскими и американскими аудиторами. Методика проведения и материал экспериментов основывались на модели восприятия по существенным лингвистическим признакам А.С. Штерн (Штерн, 1992). Выявлены механизмы восприятия английских слов разной длины, предложений и текстов (Байбурова, Мякотникова, 2010; Байбурова, Чугаева, 2004; Мякотникова, 2010; Чугаева, 2007).

Целью настоящей статьи является описание взаимодействия ПБ британского и американского вариантов английского языка. Для этого рассматриваются и сопоставляются механизмы восприятия изолированного английского слова разной длины носителями британского и американского вариантов английского языка; решается вопрос о том, соотносятся ли механизмы восприятия слова британцами и американцами с общей (единой) ПБ английского языка, либо с различными вариантами единой ПБ английского языка, либо с разными ПБ британского и американского английского.

Экспериментальным материалом для исследования послужили программы односложных, двусложных, трехсложных, четырех- и более сложных английских слов (всего 594 единицы), сбалансированные по признакам: «объективная частотность» ($F_{об}$), «ударная гласная», «часть речи», «ритмическая структура» (для дву-, трех-, четырех- и более сложных слов) и «длина в фо-

немах» (для односложных слов). Чтение данных программ британскими дикторами с нормативным произношением (RP) было записано, и на эту запись был наложен белый шум при соотношении сигнал/шум равном 0 дБ. Программы были прослушаны двумя группами аудиторов: 7 британцами и 7 американцами.

Таблица 1

Частота правильного опознания (*p,%*) английских слов разной длины и текста

Материал	1-сл. слово	2-сл. слово	3-сл. слово	Длинное слово	Все слова	Текст
Британцы	62,2	74,5	77,8	88,6	75,1	95,4
Американцы	59,4	61,1	73,3	76,9	62,0	91,1

Основной показатель успешности восприятия речи на слух – частота правильного опознания слов (*p,%*) – заметно варьировал внутри групп, возрастая по мере увеличения длины слова в слогах (см. табл. 1). Для группы американцев наблюдается снижение *p,%* изолированного слова всех длин по сравнению с британцами. Особенно ярко это проявляется при прослушивании таблиц слов «всех длин» – 62,02% (vs 75,1% у британцев). Отметим, что американцы одинаково плохо опознают как односложные, так и двусложные слова; у британцев возникают сложности лишь при восприятии односложных слов. Однако результаты восприятия текста не обнаруживают больших различий: *p,%* слов текста составил 95,4% у группы британцев и 91,1% у группы американцев.

Сопоставим основные черты механизмов восприятия разносложных типов английских слов британцами и американцами. Коэффициент ранговой корреляции ρ Спирмена механизмов восприятия односложного слова, являющегося самым частотным типом английского слова, у британцев и американцев составил +0,771, т.е. два описанных механизма имеют общие черты, но не идентичны.

В механизме восприятия односложного слова британскими аудиторами выявлено три признака, существенных по

F-критерию Фишера: «ударная гласная», «$F_{об}$» и «начальная фонема». При восприятии односложного слова американскими аудиторами существенны пять признаков: «$F_{об}$», «ударная гласная», «начальная фонема», «длина в фонемах» и «консонантный коэффициент». Веса «$F_{об}$» и «ударной гласной» значительно возрастают в механизме восприятия данного типа слова американцами по сравнению с механизмом британцев, а веса «начальной фонемы» и «части речи» заметно ниже, чем у британцев. Очевидно, восприятие изолированных слов в произнесении диктора-британца представляет определенную сложность для американцев, они вынуждены опираться на различные признаки слова, увеличивая число опорных точек восприятия и перераспределяя веса и ранги признаков.

Таблица 2

Показатели силы влияния (η_x^2) и ранги (*R*) факторов при восприятии односложного английского слова[1]

Фактор	Британцы		Американцы	
	η_x^2	***R***	η_x^2	***R***
Ударная гласная	**6,974**	1	**7,862**	2
$F_{об}$	**4,897**	2	**8,728**	1
Начальная фонема	**1,918**	3	**0,997**	3
Часть речи	1,456	4	0,050	6
Длина в фонемах	0,442	5,5	**0,657**	4,5
Консонантный коэффициент	0,442	5,5	**0,657**	4,5
Σ	16,129		18,951	

При сопоставлении механизмов восприятия двусложного слова британцами и американцами выявлена сильная положительная корреляция (ρ = +0,833), свидетельствующая о качественном сходстве двух рассматриваемых механизмов, несмотря на значительное расхождение по количеству правильно опознанных слов (*p,%*). Ведущую роль при восприятии данного ти-

[1] Здесь и далее в таблицах η_x^2 – вес признака, *R* – ранг признака в иерархии признаков, *Σ* – сумма весов признаков. Веса существенных факторов выделены.

па слова обеими группами аудиторов играет «ударная гласная», затем следуют «$F_{об}$», «ритмическая структура», а для британцев еще и «начальная фонема». Наименее важными являются признаки длины (см. табл. 3).

Таблица 3

Показатели силы влияния (η_x^2) и ранги (*R*) факторов при восприятии двусложного английского слова

Фактор	Британцы		Американцы	
	η_x^2	***R***	η_x^2	***R***
Ударная гласная	**10,412**	1	**8,229**	1
$F_{об}$	**8,321**	2	**6,123**	2
Ритмическая структура	**3,761**	3	**3,675**	3
Начальная фонема	**2,625**	4	2,466	4
Консонантный коэффициент	1,487	5	0,817	6
Длина в фонемах	0,799	6	0,420	8
Длина в морфемах	0,672	7	0,630	7
Часть речи	0,477	8	0,847	5
Σ	28,554		23,207	

Таблица 4

Показатели силы влияния (η_x^2) и ранги (*R*) факторов при восприятии трехсложного английского слова

Фактор	Британцы		Американцы	
	η_x^2	***R***	η_x^2	***R***
Ударная гласная	**3,485**	1	**3,403**	2
$F_{об}$	**2,582**	2	**6,914**	1
Длина в фонемах	0,819	3	0,431	5
Начальная фонема	0,504	4	0,201	6
Консонантный коэффициент	0,352	5	0,760	4
Длина в морфемах	0,297	6	0,120	7
Второе ударение	0,296	7	0,036	9
Ритмическая структура	0,207	8	0,046	8
Часть речи	0,028	9	0,793	3
Σ	8,570		12,704	

В механизме восприятия трехсложного слова обеими группами аудиторов ведущую роль играют два признака: «*ударная гласная*» и «$F_{об}$» (см. табл. 4). Несмотря на то что остальные признаки не оказывают существенного влияния на восприятие данного типа слова, коэффициент ранговой корреляции механизмов восприятия трехсложного слова британцами и американцами (+0,567) является средним положительным, т.е. между двумя рассмотренными механизмами существует достаточно много отличий. Прежде всего, это степень опоры американцами на «$F_{об}$», которая оказывается важнее, чем признак «ударная гласная». Третьим по важности для британцев является признак «начальная фонема», а для американцев – «часть речи»; «начальная фонема» американцами практически не учитывается. Американцы в гораздо большей степени, чем британцы, опираются на «консонантный коэффициент», зато недооценивают «длину в морфемах», «ритмическую структуру» и «второе ударение».

Таблица 5

Показатели силы влияния (η_x^2) и ранги (*R*) факторов при восприятии длинного английского слова

Факторы восприятия	**Британцы**		**Американцы**	
	η_x^2	***R***	η_x^2	***R***
Ударная гласная	**7,621**	1	**6,962**	1
Консонантный коэффициент	**3,422**	2	**1,428**	4
$F_{об}$	**1,313**	3	**1,387**	5
Длина в морфемах	0,652	4	**1,525**	3
Часть речи	0,415	5	0,165	6
Ритмическая структура	0,216	6	**1,857**	2
Начальная фонема	0,043	7	0,151	7
Длина в фонемах	0,003	8	0,013	8
Σ	13,685		13,488	

По данным О.В. Ощепковой, при восприятии длинного (четырехсложного и более) английского слова обе группы аудиторов прежде всего опираются на «ударную гласную»; все остальные признаки имеют меньший вес (Ощепкова, 2004: 60). У бри-

танцев к опорным признакам относятся также «консонантный коэффициент» и «$F_{об}$», у американцев – «ритмическая структура», «длина в морфемах», «консонантный коэффициент» и «$F_{об}$». Наименее важными для аудиторов обеих групп оказались признаки «начальная фонема» и «длина в фонемах» (там же). Коэффициент ранговой корреляции механизмов восприятия длинного слова британцами и американцами составил +0,833, что подтверждает их высокую степень сходства.

Итак, существует ли ПБ, единая для британцев и американцев, или следует говорить о британском и американском вариантах ПБ английского языка?

В пользу гипотезы об общности ПБ и сходстве механизмов восприятия разносложных типов английского слова британцами и американцами говорит следующее:

- возрастание *p,%* слов по мере увеличения их длины;
- высокая положительная корреляция механизмов восприятия разносложных типов английского слова по ρ Спирмена;
- сопоставимая степень опоры на ведущие признаки «ударная гласная», «$F_{об}$», «начальная фонема»;
- учет признака «начальная фонема» при восприятии короткого слова и опора на «консонантный коэффициент» при восприятии двусложного слова;
- наименьшее (по сравнению со словами других длин) число опорных точек при восприятии трехсложного слова;
- значительное снижение роли «частотности слова», повышение роли «консонантного коэффициента» и бóльшая опора на «длину в морфемах», по сравнению с «длиной в фонемах» для четырехсложного и более длинного слова.

О различиях перцептивных механизмов британцев и американцев свидетельствуют следующие наблюдения:

- сильное снижение *p,%* по всем типам слова у американцев, по сравнению с британцами;
- бóльшее количество опорных точек и бóльшая опора на элементы слова у американцев;
- возрастание для американцев роли «частотности слова», свойственное изучающим английский язык.

В то же время, несмотря на снижение *p,%* слов, американцы успешнее опознают слова большей длины и предложения, практически не отличаются от британцев по *p,%* при восприятии текста; такого уровня восприятия слов текста (62%) американцам достаточно для понимания речи британцев.

Таким образом, полученные экспериментальные данные указывают на сходство перцептивных механизмов британцев и американцев и свидетельствуют в пользу гипотезы об общности их ПБ. Однако сильное снижение процента правильного опознания слов у американцев, а также некоторые различия в механизмах восприятия дают основание расценивать перцептивные механизмы британцев и американцев лишь как **варианты** единой ПБ английского языка.

Литература

Байбурова О.В., Мякотникова С.Ю. К проблеме формы существования перцептивной базы английского языка: американский vs британский варианты // Лингвистические чтения – 2010. Цикл 6: матер. Междунар. науч.-практич. конф. / отв. ред. С.В. Шустова; Прикамск. социальн. ин-т. Пермь, 2010. С. 269–272.

Байбурова О.В., Чугаева Т.Н. О вариантах перцептивной базы английского языка // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. ст. / отв. ред. Т.И. Ерофеева; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2004. Вып. 4: Динамика языковых ситуаций. С. 59–62.

Мякотникова С.Ю. Некоторые особенности восприятия звукового строя американского варианта английского языка (к постановке проблемы) // Актуальные проблемы лингвистики XXI века: матер. Междунар. научн. конф. / отв. ред. В.Н. Оношко. Киров: Изд-во Вятск. гос. гуман. ун-та, 2010. С. 138–141.

Ощепкова О.В. Влияние морфемной структуры на восприятие «длинного» английского слова в родном и неродном языках // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. ст. / отв. ред. Е.В. Ерофеева; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2004. Вып. 5: Языковая личность в условиях диглоссии и билингвизма. С. 58–62.

Чугаева Т.Н. Перцептивный аспект звукового строя английского языка: монография / Урал. отд. РАН. Екатеринбург; Пермь, 2007. 246 с.

Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности: экспериментальное исследование. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992. 236 с.

Штерн А.С., Ерофеева Е.В. Фонетика говоров и литературного языка на территории Пермской области // Русские говоры пермского региона: Формирование. Функционирование. Развитие / Е.В. Ерофеева, Е.Н. Полякова, А.С. Штерн. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1988. С. 31–133.

Н.А. Слепокурова*
Санкт-Петербургский государственный университет

ЛИНЕЙНО-ВРЕМЕННÁЯ СТРУКТУРА СПОНТАННОГО И ПРОЧИТАННОГО ВСЛУХ ТЕКСТА[1]

В работе (Комовкина, Слепокурова, 2010) описаны результаты анализа линейно-временнóй структуры устного спонтанного текста, в ходе которого были обнаружены регулярные нарушения синтаксической цельности межпаузальных интервалов. Процедура анализа заключалась в следующем. Аудиозапись текста длительностью около 25 минут была подвергнута с помощью специальной компьютерной программы процедуре сплошной сегментации, в процессе которой исследователь, прослушивая через головные телефоны участок речевого сигнала и одновременно просматривая на мониторе его осциллограмму (а в случае необходимости – и синхронизированную с осциллограммой динамическую спектрограмму), отмечал курсором моменты начала и завершения всех участков сплошного беспаузального «говорения», а также заносил в компьютер подробный орфографический транскрипт прослушанного отрезка речи; границы между этими отрезками в процессе сплошного хронометрирования фиксировались компьютером вместе с величинами их длительности, а также длительности пауз между ними. В результате весь исследуемый устный текст был расчленен на последовательные участки «говорения», перемежающиеся разного рода паузами, среди которых регулярно появлялись паузы вдоха, а также незаполненные и заполненные разного рода «паразитическими» явлениями – «эканьем», продлением артикуляции гласных и сонорных согласных, глоттализацией и т.п. – паузы хезитации.

В таблице 1 представлен небольшой фрагмент распечатки итогов этого анализа. В левом ее столбце представлены происходящие последовательно во времени речевые «события»: данные в орфографии отрезки произнесенного дикторами текста,

* © Слепокурова Н.А., 2011
[1] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 09-06-00244а.

вдохи (inh), заполненные и незаполненные паузы и т.д.; в крайнем правом столбце зафиксированы длительности каждого из таких «событий», два столбца цифр в середине обозначают соответственно моменты их начала и окончания на линейной оси хронометрирования данной аудиозаписи. Например, видно, что диктор начал произносить слово *никто* в момент, когда от начала записи прошла 1 мин. 9 с. 372 мс., и завершил его через 464 мс., после чего последовал вдох, длившийся 332 мс., затем в течение 4 с. 802 мс. произносилась длинная группа слов *не думал создавать коммуну и-и делать какую-то вот такую организацию. Так*, затем опять последовал вдох и т.д.

Таблица 1

Фрагмент линейно-временно́й сегментации спонтанного текста

Орфографические транскрипты отрезков речи и пауз	**Момент начала сегмента** (мин:с,мс)	**Момент окончания сегмента** (мин:с,мс)	**Длительность сегмента** (мин:с,мс)
никто	01:09,372	01:09,836	00:00,464
inh	01:09,836	01:10,167	00:00,332
не думал создавать коммуну и-и делать какую-то вот такую организацию. Так	01:10,167	01:14,969	00:04,802
inh	01:14,969	01:15,633	00:00,664
случилось	01:15,633	01:16,627	00:00,994
э-э-э	01:16,627	01:17,120	00:00,492
по обстоятельствам я работал	01:17,120	01:18,855	00:01,736
pause	01:18,855	01:18,995	00:00,139
в многострадальном пятьдесят пятом	01:18,995	01:20,759	00:01,764
inh	01:20,759	01:21,361	00:00,602
специнтернате	01:21,361	01:23,264	00:01,902
как его тогда называли	01:23,264	01:24,452	00:01,188
потом он стал	01:24,452	01:25,105	00:00,654
inh	01:25,105	01:25,582	00:00,477
двадцать пятой коррекционной	01:25,582	01:26,961	00:01,379
pause	01:26,961	01:27,380	00:00,418
э-э-х	01:27,380	01:27,896	00:00,516
школой	01:27,896	01:28,452	00:00,556

В результате последующего сплошного анализа синтаксической структуры 450 полученных межпаузальных интервалов было обнаружено, что 32% из них завершаются с точки зрения традиционного членения на щербовские синтагмы «нештатно», т.е. разрывом тесной синтаксической связи с последующей словоформой (образцы таких «неправильных» синтагм можно видеть и среди приведенных в табл. 1). Тот же эффект позднее был зафиксирован при аналогичном исследовании другого спонтанного текста, произнесенного несколькими дикторами.

Нельзя сказать, чтобы эти результаты были совсем неожиданными: уже в одной из первых авторитетных монографий по разговорной речи высказывалось мнение известного исследователя ее фонетики и просодики Н.Н. Розановой о том, что для спонтанной речи характерна «асимметрия ритмо-интонационного и семантико-синтаксического членения» (Русская разговорная речь, 1983: 9). Фактически об этом же писала и чешская исследовательница устных текстов К. Кожевникова: «…спонтанные устные высказывания часто отличаются **асимметричностью** взаимоотношения плана содержания и плана выражения и асимметричностью отдельных компонентов плана выражения (синтаксического, лексического, звукового)» (Кожевникова, 1985: 514–515). К сожалению, эти мнения, основанные, вероятно, не только на богатой исследовательской интуиции, но и на конкретных наблюдениях названных лингвистов над развертыванием спонтанно-речевого сигнала во времени, не были подтверждены никакими эмпирическими данными. Наконец, в недавних работах (Вольская, Степанова, 2005; Степанова, 2006), базирующихся на современных методах анализа спонтанной речи, такие данные уже были представлены в виде отдельных и отнюдь не редких примеров, демонстрирующих разрушение фонетико-смыслового единства синтагм из-за «внедрения» в них хезитационных пауз. Однако, насколько нам известно, выявление полной картины особенностей сплошной линейно-временно́й развертки одного «длинного» спонтанного текста в работе (Комовкина, Слепокурова, 2010) было осуществлено впервые.

Из сказанного выше следует, что идущая от Л.В. Щербы традиционно-фонетическая концепция безостаточного членения

устного высказывания на полноценные синтагмы не может быть принята в качестве абсолютно адекватной для устного спонтанного текста. В то же время нельзя забывать, что, будучи выдающимся лингвистом и тонким знатоком устной речи, Л.В. Щерба как будто бы по-своему предусмотрел возможность появления вышеупомянутых несоответствий, поскольку рекомендованная им процедура сегментации устного текста на синтагмы является достаточно гибкой: «членение высказывания на синтагмы не связано жестко с синтаксическим членением: одна и та же синтаксическая конструкция может быть реализована в речи по-разному: ср. русск. *Мы читали книгу* и *Мы / читали книгу*» (Бондарко и др., 2000: 122). Но до какого предела может доходить эта свобода синтаксического членения при сохранении цельности синтагмы?

Интуитивные ответы на этот вопрос кажутся достаточно очевидными, но неожиданно в работах по стиховедению (Гаспаров, Скулачева, 2004) нами были обнаружены основания для нахождения более точного ответа на этот вопроса. Сосредоточившись на открытии «тайны» поэтической речи и выявлении ее сущностного формального отличия от речи прозаической, указанные авторы пришли к выводу, что фундаментальные закономерности, лежащие в основе оппозиции стиха и прозы, касаются организации стихотворной строки – «единственного компонента стихотворной формы, который присутствует в стихе всегда, вплоть до самой границы с прозой» (там же: 268). Отвечая на вопрос, «почему такая, казалось бы, простая вещь, как написание текста не сплошь, а отдельными строками, оказывает почти магическое действие на текст, превращая его из прозы в стих», и проанализировав огромный корпус различных по метру и ритмике классических русских стихотворений, М.Л. Гаспаров с соавтором обнаружили «закономерности, объединяющие слова стихотворной строки в единую целостную единицу». Эти закономерности опираются на впервые установленную авторами «иерархию сравнительной тесноты синтаксических связей», где под теснотой связи понимается «бóльшая или меньшая легкость членения компонентов словосочетания» (там же: 269). К **сильным** (тесным) типам связи авторы отнесли следующие: 1) определительную связь (*молодой повеса*); 2) дополнительную

прямого дополнения (*подносить лекарство*); 3) дополнительную косвенного дополнения (*с больным сидеть*); 4) обстоятельственную (*не в шутку занемог*). К **промежуточным** между тесными и слабыми связями принадлежат следующие: 5) предикативная (связь между подлежащим и сказуемым (*Онегин входит*); 6) связь между однородными членами (*амуры, черти, змеи*). Наконец, в качестве **слабых** связей названы 7) связи при причастных, деепричастных и прочих оборотах (*взвившись, занавес шумит*); 8) между частями сложноподчиненного предложения (*правда то, что в наши лета*); 9) между частями сложносочиненного предложения (*Театр уж полон, ложи блещут*); 10) границы предложений (*Представь меня. – Ты шутишь? – Нету*). Смысл вышеупомянутых закономерностей состоит в том, что, как было подтверждено огромным статистическим материалом, в классическом русском стихосложении теснота синтаксических связей резко увеличивается в конце стихотворной строки, разрыв же между строками обычно приходится на промежуточные и слабые связи. Следует добавить, что позднее в начало этого списка были добавлены и так называемые **сверхсильные** связи, устанавливаемые между предлогом и последующим именем, а также союзом и придаточной частью сложного предложения (Сонькин, 2001).

Оказалось, что выведенные опытным путем в работе (Комовкина, Слепокурова, 2010) принципы анализа синтаксической структуры межпаузальных интервалов полностью отвечают иерархии тесноты синтаксических связей по М.Л. Гаспарову, что, несомненно, делает результаты этой работы еще более «легитимными». Следует, правда, отметить, что «гаспаровская» иерархия все же не является полной: так, в ней, например, не отражены неоднократно фиксируемые в спонтанных текстах случаи отрыва глагола-связки от присвязочной именной части, несогласованного определения от существительного или разрыва внутри субстантивной группы. Гораздо важнее, однако, то, что в свете этой иерархии абсолютно прозрачными становятся принципы синтагматического членения, предложенные Л.В. Щербой: с одной стороны, это категорический запрет на предпаузальный разрыв сверхсильных и сильных связей, с другой – интуитивно осознанная великим лингвистом допустимость

предпаузального разрыва не только слабых, но и промежуточных синтаксических связей (в этом, очевидно и коренится смысл упомянутой выше «свободы» и неоднозначности щербовского членения на синтагмы).

Можно предположить, что собственно щербовские принципы синтагматического членения, появившиеся в те времена, когда о существовании спонтанной речи, систематически отличающейся по своим лингвистическим признакам от речи «кодифицированной», не догадывались даже самые продвинутые лингвисты, были рассчитаны иную, «гладкую» устную речь, образцом которой могло быть, на наш взгляд, лишь «правильное» чтение письменного текста. Это соображение подтверждается всей практикой фонетических экспериментальных исследований послещербовской поры, материалом для которых обычно служили прочитанные «хорошими» дикторами тексты.

На сегодняшний день в когнитивной лингвистике существует понимание разной природы двух типов устной речи – осуществляемой спонтанно или в процессе громкого чтения, они, как правило, противопоставляются в качестве разных видов речевой деятельности. Считается, что спонтанная речь «является результатом естественного процесса речепроизводства и должна быть вообще признана первичной и основной в иерархии разных видов речевой деятельности индивида» (Бондарко, 2004: 171), тогда как чтение вслух – как продукт декодирования письменного текста – обусловлено «комплексом факторов, в ряду которых наиболее значимыми являются следующие: графические маркеры,… грамматическое и смысловое прогнозирование, а также типологическая характеристика текстов, составляющих языковой материал, переработанный в процессе онтогенетического развития конкретных носителей языка» (Пиотровская, 2004: 266). (Следует, конечно, заметить, что приведенные формулировки, характеризующие устную естественную речь vs чтение вслух, являются слишком «филологическими» или, правильней, «психолингвистическими», т.е. неполными и не затрагивающими деталей глубинных нейрофизиологических черт сходства/несходства названных процессов, что объясняется, в первую очередь, неразработанностью этой темы в современной науке в целом.) В практике речевых исследований, тем

не менее, эти различия до сих пор часто либо игнорируются, либо считаются незначимыми, но, главное, они являются чрезвычайно мало изученными. На сегодня нам известно всего несколько отечественных авторов, осознающих существование данной проблемы и изучающих ее (см., например: Сапунова, 2008, 2009; Skrelin, Volskaya, 2006).

Для проверки выдвинутого выше предположения о том, что образцом «правильной» устной речи может служить «хорошо» прочитанный вслух письменный текст, было проведено специальное исследование, в ходе которого анализировался 22-минутный текст теоретико-лингвистического содержания, громко прочитанный диктором-мужчиной. Процедура анализа была аналогична использовавшейся в вышеописанной работе (Комовкина, Слепокурова, 2010), единственное различие заключалось в том, что в процессе компьютерной сегментации прочитанного вслух текста паузы отдельной строкой не отмечались, хотя их наличие и длительность легко могли быть вычислены по разнице между моментами завершения одного отрезка говорения и начала следующего.

В таблице 2 приведен образец полученной в результате указанного анализа сегментации четырех прочитанных предложений описываемого текста.

Из таблицы 2 ясно видно, что вошедшие в приведенный образец текста межпаузальные интервалы представляют собой классические щербовские синтагмы с границами, отнюдь не «покушающимися» на разрушение сильных и, тем более, сверхсильных синтаксических связей. Эта закономерность оказалась характерной для всего прочитанного текста, сплошной анализ которого показал, что из 413 вошедших в текст межпаузальных интервалов лишь в 9 (2%) зафиксированы некоторые отступления от только что оговоренной общей тенденции.

При этом единственно заслуживающий внимания случай нарушения цельности синтагмы при чтении демонстрируется в нашем материале всего одним примером: *проверить, какое значение принимает у рассматриваемого объекта такой-то различительный* (пауза 254 мс.) *признак.*

Таблица 2

Фрагмент линейно-временнóй сегментации прочитанного вслух текста

Орфографические транскрипты отрезков речи и пауз	**Момент начала сегмента** (мин:с,мс)	**Момент окончания сегмента** (мин:с,мс)	**Длительность сегмента** (мин:с,мс)
возможна правда точка зрения	06:07,095	06:09,052	00:01,956
согласно которой классификацию	06:09,208	06:11,037	00:01,828
лежащую в основе синтеза	06:11,252	06:12,749	00:01,497
не нужно формулировать явно	06:13,365	06:14,949	00:01,584
и рассматривать как самостоятельную часть описания	06:15,112	06:17,463	00:02,351
при необходимости она может быть усмотрена из самих правил синтеза	06:19,152	06:22,368	00:03,215
однако такая точка зрения	06:24,040	06:25,567	00:01,526
обычно применяемая например при составлении алгоритмов машинной обработки текстов	06:25,700	06:29,979	00:04,278
то есть при так называемом общении человека с машиной	06:30,861	06:33,589	00:02,728
оказывается неприемлемой	06:34,536	06:35,946	00:01,410
когда речь идёт о лингвистическом описании предназначенном для людей	06:36,138	06:39,458	00:03,320
дело прежде всего в том	06:41,722	06:42,970	00:01,248
что извлечение классификации из правил синтеза представляет собой весьма нелёгкую операцию	06:43,237	06:48,003	00:04,765
которая может к тому же давать неоднозначный результат	06:48,727	06:51,392	00:02,664

Остальные случаи (разрыв между именем существительным и группой несогласованного определения, разрыв между компонентами одной предложно-именной группы) относятся к нарушениям тех зависимостей, которые отсутствуют в иерархии

М.Л. Гаспарова и, скорее всего, должны быть квалифицированы как промежуточные синтаксические связи.

Таким образом, нам удалось экспериментально зафиксировать явные различия между характером линейно-временного квантования двух типов устных текстов – спонтанного и прочитанного вслух: в первом типе текстов говорящему позволено регулярно разрывать паузами не только сильные, но и сверхсильные синтаксические связи, во втором – указанный тип членения, по-видимому, запрещен и говорящему «разрешено» разрушать лишь слабые и промежуточные связи.

Полученные данные, разумеется, являются предварительными и нуждаются в подкреплении на более широком экспериментальном материале. Кроме того, пока еще остаются неизученными многие, вероятно, не безразличные для рассматриваемой проблемы детали, например, влияние типа чтения – «с листа» или после предшествующей тренировки (в данной работе использовался второй тип), распределение длительностей пауз в зависимости от вида «разрушаемой» ими связи, сравнение средних длительностей межпаузальных интервалов и т.д. Однако нет сомнений, что описанные явления и закономерности являются новыми, неслучайными и нетривиальными. Представляется, что в целом данное исследование дает довольно четкий ответ на вопрос, поставленный Л.В. Бондарко: «одна из основных проблем – выяснение того, встречаются ли в спонтанной речи такие фонетические явления, которые принципиально невозможны при чтении текста» (Бондарко, 2004: 171).

Литература

Бондарко Л.В. Фонетическая вариативность при чтении текста // Человек пишущий и читающий: проблемы и наблюдения: матер. Междунар. конф. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 164–172.

Бондарко Л.В. и др. Основы общей фонетики: учеб. пособ.; 3 изд., испр. и перераб. / Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, М.В. Гордина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 157 с.

Вольская Н.Б., Степанова С.Б. О некоторых проблемах синтагматического членения спонтанного текста // XXXIV Междунар. филологич. конф. СПб.: 2005. Вып. 10: Секция фонетики. Ч. 1. С. 16–24.

Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. Статьи о лингвистике стиха. М.: Языки славянских культур, 2004. 283 с.

Кожевникова К. О смысловом строении спонтанной устной речи // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 15: Современная зарубежная русистика. С. 512–523.

Комовкина Е.П., Слепокурова Н.А. Анализ межпаузальных интервалов в спонтанном тексте: предварительные результаты // Череповецкие научные чтения – 2009: матер. Всерос. науч.-практич. конф. / Череповецкий гос. ун-т. Череповец: 2010. С. 47–51.

Пиотровская Л.А. Психолингвистические механизмы интонационного декодирования письменного текста // Человек пишущий и читающий: проблемы и наблюдения: матер. Междунар. конф. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 259–267.

Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1983. 238 с.

Сапунова Е.М. Неподготовленное и подготовленное чтение: опыт сравнительного эксперимента // Матер. XXXVII Междунар. филолог. конф. СПб, 2008. Вып. 21: Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. С. 81–90.

Сапунова Е.М. Разновидности пауз хезитации в спонтанном монологе (на материале чтения) // Матер. XXXVIII Междунар. филолог. конф. СПб, 2009. Вып. 22: Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. С. 138–146.

Сонькин В.В. Белый пятистопный ямб – полигон синтаксической свободы: к вопросу о межстрочных анжамбманах в русской поэзии XX века // Славянский стих: Лингвистическая и прикладная поэтика. М.: Языки славянских культур, 2001. С. 187–194.

Степанова С.Б. Соотношение синтагматического и хезитационного членения в спонтанной русской речи // Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры: матер. Междунар. симпоз. МАПРЯЛ. Пловдив, 2006. Т. 1. С. 95–103.

Skrelin P., Volskaya N. Russian read and spontaneous speech: prosodic data analysis // Nordic Prosody: Proceedings of the IX Conference / eds. G. Bruce, M. Horn. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006. P. 235–244.

Ю.О. Нигматулина*
Е.И. Риехакайнен*
Санкт-Петербургский государственный университет

СЕГМЕНТАЦИЯ СПОНТАННОЙ РЕЧИ: ВОСПРИЯТИЕ СТЯЖЕНИЙ ГЛАСНЫХ НА СТЫКЕ СЛОВОФОРМ[1]

«Механизмы восприятия контекстного слова меняются по сравнению с механизмами восприятия изолированного слова» (Штерн, 1992: 217). С одной стороны, при распознавании слова в тексте слушающий может опираться не только на параметры самого слова, но и на информацию, извлекаемую из его окружения, т.е. контекста, что облегчает восприятие. С другой же стороны, при работе с текстом слушающему приходится осуществлять дополнительные операции, в частности, сегментировать текст на слова.

Одним из возможных механизмов сегментации речи является сегментация через идентификацию, т.е. соотнесение входного речевого потока с единицами словаря слушающего (перцептивного словаря). По данным В.Б. Касевича и его соавторов, если при автоматической сегментации через идентификацию письменного текста, лишенного пробелов, или его транскрибированного варианта используется словарь словоформ, количество ошибок не превышает 2% (Kassevitch et al., 2000).

Применение описанной процедуры к естественной звучащей речи сопряжено с рядом трудностей. «Важнейшее свойство звучащего текста – это отсутствие границ между словами, выраженных сколько-нибудь систематически» (Венцов и др., 2003: 3). В некоторых случаях на стыке словоформ в спонтанной речи могут возникать стяжения звуков.

Стяжение – это слияние двух смежных звуков, приводящее к возникновению одного (Розенталь, 2008: 418). Принято считать, что литературной русской речи это явление не свойственно. Тем не менее в разговорной речи достаточно часто встречаются

* © Нигматулина Ю.О., Риехакайнен Е.И., 2011
[1] Исследование осуществляется при поддержке гранта РФФИ №09-06-00244-а.

стяжения гласных, причем не только внутри словоформ (например, *театр* [т'**а**тр], *с*[**а**]*бще́ние*),[2] но и на их стыке (*что_они* [ш**а**n'i+],[3] *это_инструмент* [e+t**ы**nstrum'E+nt], *эти_элементы* [et'**і**+l'im'E+nты]). В монографии «Фонетика спонтанной речи» указывается, что на стыке словоформ стяжению могут подвергаться не только гласные, но и согласные (например, *ле**щ**_ч**е**й*) (Фонетика спонтанной речи, 1988: 135).

Наличие стяжений на стыке словоформ приводит к размытости границ между ними или даже к их стиранию. Однако в процессе коммуникации это, как правило, не становится причиной коммуникативных неудач. В связи с этим представляется интересным определение того, каким образом слушающий производит сегментацию единиц со стяжениями.

Наибольшую сложность при моделировании процесса восприятия речи представляют стяжения разных по качеству гласных. В результате стяжения такого типа нередко образуется третий, качественно новый гласный.

Применительно к описанию процесса восприятия речи необходимо определить, какой стратегией пользуется слушающий при сегментации сочетаний со стяжениями, какие факторы позволяют ему разделить возникший в результате стяжения гласный на два элемента.

Можно сформулировать следующие рабочие гипотезы:

1) внутри гласного стяжения существует некий маркер границы, указывающий на то, что данный звук должен рассматриваться как два элемента;

2) акустические параметры «стяженного» гласного не позволяют слушающему определить, что этот звук должен быть разделен на два элемента, и, следовательно, однозначное распознавание словоформ, входящих в сочетание со стяжением, возможно только при наличии достаточного контекста.

---

[2] См. эти и другие примеры в (Земская, 2006: 206).

[3] Здесь и далее, помимо общепринятых символов, используются следующие обозначения: [E] для /*e*/ после мягкого согласного, [y] для /*u*/ в той же позиции, [&] для /*a*/ в той же позиции, [*] для сомнительного гласного; знак «+» маркирует ударность гласного. Стяжение выделено жирным шрифтом.

В качестве исходного материала исследования, направленного на проверку сформулированных гипотез, была использована запись фрагмента телепередачи «Культурная революция» от 23.06.2005 продолжительностью звучания 14 мин. 51 сек. Орфографическая и фонетическая расшифровки данного текста были осуществлены сотрудниками филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета в рамках проекта «Разработка принципов и методов описания акустических реализаций редуцированных словоформ при моделировании восприятия спонтанной речи» (грант РФФИ №09-06-00244а).

В проанализированном фрагменте был отмечен 71 случай стяжения звуков на стыке словоформ:

- 19 из них представляют собой стяжения согласных, например: *в_одно**м_м**агазине* [adno+**m**ыgaz'n'i+];
- 9 – стяжения одинаковых по качеству гласных, например: *маскам**и_и** костюмчиками* [ma+sk*m'**i**kast'y+mčikm*];
- 43 – стяжения разных по качеству гласных, например: *ес**л**и_**о**ни* [jEsl'**&**n'i+]).

Для проведения перцептивного эксперимента были отобраны 9 словосочетаний (5 – в мужском произнесении, 4 – в женском), в которых встретились три типа стяжений разных по качеству гласных:

- **[i] + [a] → [&]:**
  - *вещ**и_о**тождествлять* [v'E+š'::**&**tažd'istl'&+t'];
  - *дет**и_о**ттуда* [d'E+t'**&**tu+da];
  - *есл**и_о**ни* [jEsl'**&**n'i+];
  - *англичанам ил**и_а**мериканцам* [angl'ič&+n*m*l'**&**mer'ika+nc*m];
  - *книг**и_о** Гарри* [kn'i+g'**&**ga+r'i];
  - *степен**и_о**забочена* [s'i+pn'**&**zabo+čin*];
  - *начал**и_о**бсуждать* [na+čil'**&**psužda+t'];
- **[E] + [a] → [E]:** *гд**е_о**ни* [gd'**E**+n'i];
- **[i] + [e] → [E]:** *дет**и_э**то* [d'E+t'**E**+te].

На основе слухового и инструментального анализа в четырех словосочетаниях (*книг**и_о** Гарри, дет**и_э**то, степен**и_о**забочена, начал**и_о**бсуждать*) можно предположить наличие границы внутри стяжения, в остальных стимулах проведение границы не представлялось возможным.

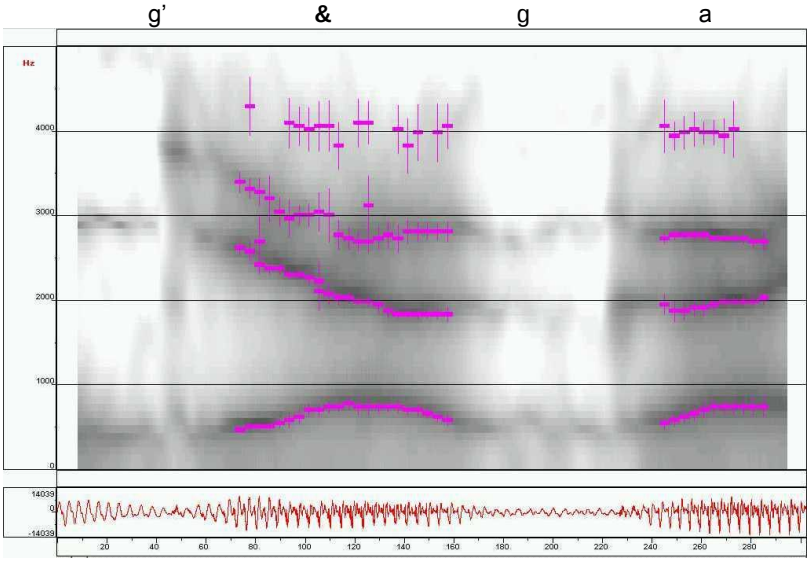


Рис. 1. Спектрограмма стяжения, внутри которого можно провести границу: ***ги_о*** *Га* [g’**&**ga].

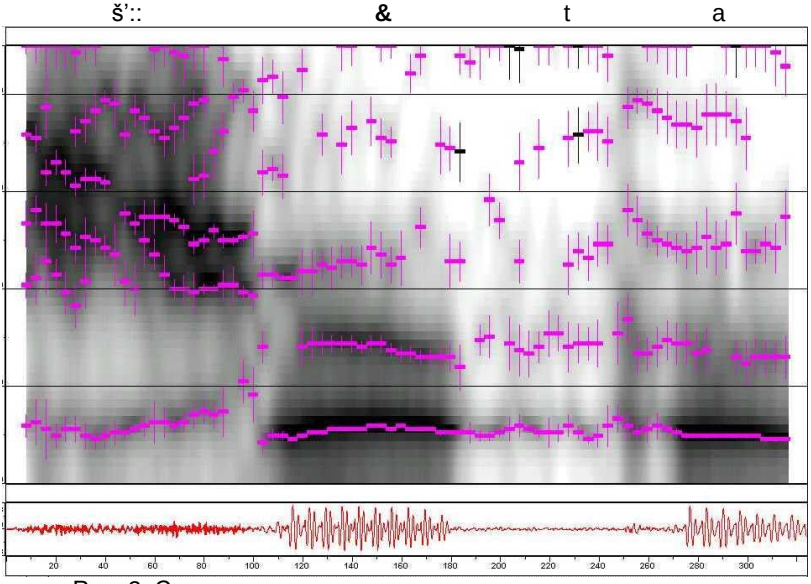


Рис. 2. Спектрограмма стяжения, внутри которого границу провести не удается: *щ**и_о**то* [š’::**&**ta].

В ходе эксперимента планировалось сопоставить распознавание стимулов со стяжениями, спектральная картина которых допускала возможность обнаружения границы, и стимулов, в которых граница не была обнаружена, а также проверить гипотезу о том, что надежность распознавания стяжений увеличивается по мере увеличения контекста.

Эксперимент имел устно-письменную форму. Испытуемым предлагались для прослушивания 67 стимулов (40 основных стимулов и 27 филлеров). Тестовая последовательность состояла из четырех частей. В первой части испытуемым предъявлялись расположенные в произвольном порядке бессмысленные фрагменты сочетаний со стяжениями (например, *чал**и**_**о**бс* из *нача**л**и**_**о**бсуждать*) и, когда это было возможно, фрагменты, полученные в результате разделения стяжения на две части в месте предполагаемой границы (*чал**и**, **о**бсуж*). Во второй части были представлены отдельные словоформы из словосочетаний со стяжениями (*начал**и**; **о**бсуждать*), в третьей – сами эти словосочетания (*начал**и**_**о**бсуждать*), в четвертой – они же в контексте (*дети начал**и**_**о**бсуждать эту книгу*). Каждый стимул повторялся три раза в первой и второй частях с интервалом в 0,5 сек., и два раза в третьей и четвертой частях с интервалом в 1 сек. Задача испытуемых состояла в записи услышанного буквами русского алфавита. В эксперименте приняли участие 30 человек.

Результаты распознавания бессмысленных фрагментов сочетаний со стяжениями свидетельствуют о том, что в семи из девяти предъявленных стимулов гласный стяжения был распознан большинством испытуемых как **один** звук. Из четырех стимулов, в которых предполагалось наличие границы, только для стимула *г**и**_**о** Га* 93% испытуемых записали **два** звука на месте стяжения. При этом наиболее популярным ответом (23 из 28 реакций) является сочетание *йа***,** в котором первый элемент соответствует согласному звуку.

С другой стороны, в стимуле *д**е**_**о**ни*, в котором на спектрограмме не удается провести границу внутри стяжения, 37% испытуемых «услышали» два звука (причем наиболее популярным в данном случае является ответ *эо*), а еще 17% – три (*ийа, эйа, ийэ*). Большое (хоть и статистически незначимое) количество

ответов, содержащих два звука, было получено также на стимул *т**и**_**о**тту* (33%).

Таким образом, значительных различий в восприятии стимулов, в которых по данным спектрографического анализа можно было предположить наличие границы между элементами стяжения, и стимулов, на спектрограммах которых граница не могла быть зафиксирована, выявить не удалось.

Вместе с тем в тех случаях, когда испытуемым предъявлялись для прослушивания бессмысленные фрагменты, которые начинались со звука, являющегося предполагаемым вторым элементом стяжения (***о*** *Гар'* из *книг**и**_**о** Гарри*; ***о***_*заб* из *степен**и**_**о**забочена*; ***о***_*бсуж* из *начал**и**_**о**бсуждать*), данный звук распознавался испытуемыми как ***а*** или ***о***, что свидетельствует о возможности адекватной идентификации фонемного качества второй составляющей стяжения при наличии метки сегментации.

Однако в целом результаты распознавания стимулов, представленных в первой части тестовой последовательности, не позволяют говорить о том, что для разделения стяжения на два элемента слушающему достаточно только акустической информации, содержащейся во фрагменте речевого сигнала, который соответствует стяжению.

При работе же с осмысленными фрагментами, т.е. в тех случаях, когда для распознавания предъявлялись изолированные словосочетания со стяжениями или они же в контексте, испытуемые практически безошибочно делили гласный стяжения на два элемента и верно интерпретировали обе словоформы, на границе которых было зафиксировано стяжение. Трудности возникали только при необходимости интерпретации изолированных словосочетаний, в которых словоформы были в минимальной степени (или практически не были) связаны между собой: *степен**и**_**о**забочена* (53%), *дет**и**_**о**ттуда* (57%), *дет**и**_**э**то* (60%), *вещ**и**_**о**тождествлять* (37%). Во всех остальных случаях не менее 90% испытуемых верно опознали обе словоформы, образующие словосочетание со стяжением.

В расширенном контексте, который в большинстве случаев представлял собой синтагму, все словосочетания со стяжениями были верно распознаны не менее чем 90% испытуемых.

Таким образом, эксперимент показал, что большинство «стяженных» гласных в составе бессмысленных фрагментов естественного речевого сигнала распознаются испытуемыми как один звук, даже если внутри такого гласного можно провести границу. Верная же интерпретация словосочетания со стяжением возможна только при наличии достаточной семантической и грамматической информации. Данные наблюдения в очередной раз показывают, что при распознавании слитной звучащей речи слушающий в большей мере пользуется стратегией целостного восприятия, т.е. проводит сличение с «эталоном целостного (как в плане выражения, так и в плане содержания) образования» (Штерн, 1991: 154) – словоформами, хранящимися в словаре слушающего.

Следовательно, при построении алгоритма сегментации словосочетаний со стяжениями более продуктивным представляется не столько анализ акустических характеристик речевого сигнала, сколько разработка процедуры его соотнесения с единицами перцептивного словаря.

Результаты проведенного исследования позволяют тезисно сформулировать предполагаемую стратегию распознавания словосочетаний со стяжениями.

1. В процессе восприятия речи слушающий осуществляет постоянное сличение входного сигнала с единицами своего внутреннего лексикона.

2. Если последовательность воспринятых слушающим звуков не соответствует ни одной из единиц его перцептивного словаря, он ставит границу. В случае с рассмотренными стяжениями такой недопустимой последовательностью является звучание всей первой словоформы и гласного стяжения ([v’E+š’::**&**], [d’E+t’**E**] и т.д.).

3. Возможно, одним из правил, которыми пользуется слушающий в процессе распознавания слитной речи, является обязательная интерпретация гласного ([&] или [E]) в подобной позиции как двух звуков.

Проверка последнего предположения требует анализа того, существуют ли ограничения на позиции, в которых могут возникать стяжения на стыке словоформ. С этой целью в настоящее время проводится сплошной слуховой и инструментальный ана-

лиз всех сочетаний различных гласных на стыках словоформ в спонтанной речи и в прочитанных текстах.

Литература

Венцов А.В. и др. Орфографический текст и транскрипция с точки зрения восприятия речи / А.В. Венцов, В.Б. Касевич, Е.В. Ягунова // Матер. XXXI Межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. СПб., 2003. Вып. 22: Секция общего языкознания. Ч. 2. С. 3–6.

Земская Е.А. Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Наука: Флинта, 2006. 240 с.

Штерн А.С. Восприятие текста // Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991. С. 69–162.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник по русскому языку: Словарь лингвистических терминов. М.: Оникс 21 век, 2008. 623 с.

Фонетика спонтанной речи / под ред. Н.Д. Светозаровой. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 248 с.

Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992. 236 с.

Kassevich V.B. et al. The simulation of continuous text perceptual segmentation: A model for automatic segmentation of written text / V.B. Kassevich, A.V. Ventsov, E.V. Yagounova // Language and Language Behavior. 2000. Vol. 3. Pt. II. Pp. 48–59.

И.Е. Апушкина*

Санкт-Петербургский государственный университет

БЕЗУДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ В СПОНТАННОМ ТЕКСТЕ

В современных исследованиях в области русской фонетики прочно утвердился взгляд, согласно которому в русском языке качество гласных является важным параметром словесного ударения наряду с их длительностью. Однако имеющиеся экспериментальные данные ставят под сомнение справедливость этого утверждения для спонтанной речи.

Возможность делать вывод о позиции гласного относительно ударного слога основывается на том, что разные позиции допускают неодинаковый набор гласных. Учитывая, что некоторые гласные возможны лишь строго под ударением, а другие,

* © Апушкина И.Е., 2011

напротив, только в безударном слоге, информацию о месте ударения в принципе можно было бы получить, оценив спектральную картину гласного в пределах одного слога. Но если безударные гласные могут иметь сходные с ударными характеристики, то опора на качественную редукцию как на признак ударности становится едва ли возможной.

Приведенные ниже экспериментальные данные были получены в результате проведенных автором в 2008–2009 гг. перцептивных экспериментов на материале спонтанной речи. Из записей спонтанной речи были выделены асемантичные двуслоги, содержащие второй и первый предударные гласные, длительность которых была увеличена до комфортной величины путем компьютерного «размножения» периодов основного тона. При этом второй предударный мог принадлежать как знаменательному слову, так и предлогу перед ним. Информанты в ходе эксперимента на восприятие должны были идентифицировать гласные.

Для каждого гласного была получена спектрограмма, отражающая его формантные характеристики, и распределение ответов испытуемых. Ответы, совпадающие со словоформами русского языка, были исключены из рассмотрения. Для интерпретации спектральных характеристик частоты формант сопоставлялись с данными В.Б. Кузнецова (2004) о разбросе частот для различных гласных (см. рис. 1).

Рассмотрим сначала результаты эксперимента для первого предударного гласного.

Данные эксперимента подтверждают, что безударные гласные [*o*] и [*a*] в первом предударном слоге могут не отличаться от ударных по спектральным характеристикам (ср.: Захаров, 2004; Князев, 2006). Поскольку наши информанты не владеют специальным фонетическим алфавитом, они предположительно могли бы обозначать звук [ʌ] с помощью буквы «а». Но на рисунках 2 и 3 видно, что первый предударный гласный стимула *ПОДГОтовила* (здесь и далее заглавными буквами выделены слоги, которые составляют стимул) и по спектральным характеристикам соответствует ударному гласному [*a*] по В.Б. Кузнецову (здесь и далее все интерпретации спектральных характеристик даются в соответствии с указанными данными).

Соответственно, именно этот гласный и идентифицируется большинством испытуемых: 87% информантов дали ответ «а». Аналогичные результаты получены и для других стимулов.

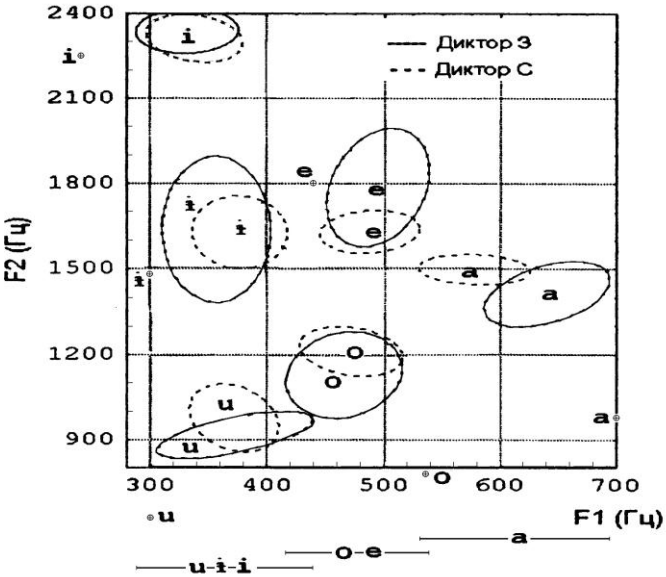


Рис.1. Эллипсы разброса частот формант гласных во фразе «Повтори [sVs] опять» по данным работы В.Б. Кузнецова.
⊕ – форманты гласных по Фанту (1964).

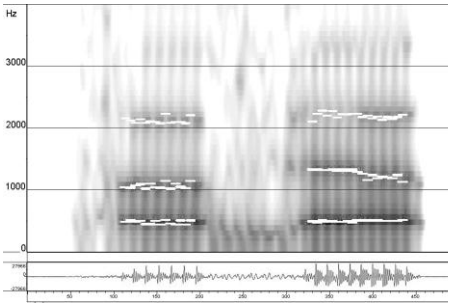


Рис. 2. Спектрограмма стимула *ПОДГОтовила*

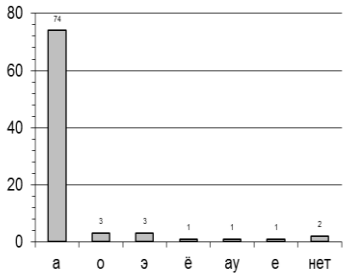


Рис. 3. Ответы испытуемых по опознанию второго гласного из стимула *ПОДГОтовила*

Необходимо прокомментировать результаты для первого предударного гласного в стимулах *НА ЦАревне* и *ПОСКОрей*: по спектральным характеристикам они довольно четко соответствуют ударному гласному [*е*], что согласуется с интерпретацией этого гласного информантами. Если ответы «э» и «е» рассматривать совместно как орфографические варианты этого гласного, тогда для стимула *НА ЦАревне* доля таких ответов составляет 59%, а для *ПОСКОрей* – 83%. Трудно сказать, что является причиной этого явления, заставляющего вспомнить о несвойственном русскому языку сингармонизме. Но очевидно, что физические характеристики первого предударного гласного и в этом случае не позволяют отличить его от ударного.

В позиции второго предударного гласного на месте орфографических «а» и «о» должен был обнаружиться гласный [*ə*] – «шва». Поскольку информанты не владеют специальным алфавитом для записи подобных звуков, ожидалось, что для «шва» они будут использовать буквы «ы», «э/е», или же в ответах обнаружится значительный разброс вариантов интерпретации.

В трех случаях (вторые предударные гласные выделены из знаменательных слов: *НАЛИвает*, *БЕЗ Оскорблений*, *К АДВОкату*) эти ожидания оправдались: в ответах информантов преобладал в двух случаях вариант «э/е» и в одном случае виден разброс интерпретаций гласных, по формантной структуре соответствующих шва (см. рис. 4, 5).

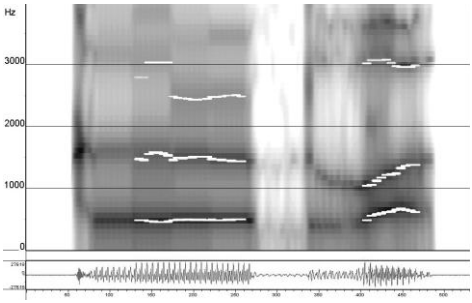


Рис. 4. Спектрограмма стимула *К АДВОкату*

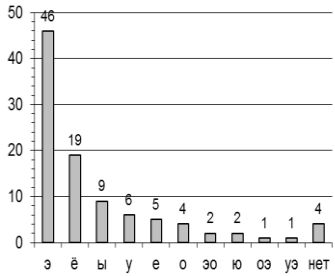


Рис. 5. Ответы испытуемых при опознании первого гласного из стимула *К АДВОкату*

Еще в одном случае (гласный принадлежит предлогу) формантная структура гласного не позволяет с уверенностью отождествлять его со шва: это мог бы быть пограничный случай гласного [*а*]; на гистограмме именно ответ «а» преобладает, но не существенно (см. рис. 6, 7). Таким образом, в случае разброса интерпретаций ответы распределяются в зависимости от близости конкретной формантной структуры воспринимаемого гласного к формантным областям основных гласных: чем ближе она к какой-либо из них, тем меньше вариантов интерпретации.

Обнаружились также вторые предударные гласные, по своим характеристикам совпадающие с ударными, чему не противоречила их интерпретация. Они были получены как из знаменательных слов, так и из предлогов:

- **[*а*]**: *ПО СЛОвам* (доля ответов «а» – 44%, см. рис. 8, 9);
- **[*е*]**: *НАКОнец* (доля ответов «э/е» – 53%), *СО СТИхами* (доля ответов «э/е» – 75%);
- **[*о*]**: *ПО СРАвнению* (доля ответов «о» – 26%, «у» – 58%), *ПОДМЕнять* (доля ответов «о» – 4%, «у» – 89%).

Гласные в стимулах *ПО СРАвнению* и *ПОДМЕнять* интерпретировались как «у» в большинстве случаев, вероятно, из-за соседства с губным согласным.

Один случай надо отметить отдельно: гласный предлога в сочетании *НА ЛУкавстве* был произнесен как [о] с довольно четкой формантной структурой и так же проинтерпретирован: 58% информантов дали ответ «о», а еще 30% идентифицировали этот гласный как «у».

Не ясны причины, по которым таким же образом воспринимался и гласный предлога в сочетании *НА ЦАревне*, по спектральным характеристикам соответствующий «шва»: из 92 информантов 43 идентифицировали этот гласный как «о», еще 20 – как «ё», если считать их орфографическими вариантами одного и того же гласного, то доля этих ответов составила 69%. Можнопредположить, что, прослушивая двуслоги без контекста, носители языка ожидают, что один из слогов будет ударным, и при этом соотносят двуслоги с началом какого-нибудь слова, оценивая вероятность появления там того или иного гласного.

Зачастую информанты по-разному оценивали гласные, имеющие сходную формантную картину (это происходило не только в случае с гласным «шва», как было описано выше). Например, гласный, по спектральным характеристикам соответствующий ударному [*е*], был интерпретирован как «у», хотя контекст к этому не располагал (стимул получен из фразы *мы пришли К ОДНОму*). Доля ответов «у» составила 80% (см. рис. 10, 11). Возможно, здесь вмешивается фактор частотности слога: частота сочетания заднеязычного с гласным [*е*] в русском языке не очень высока.

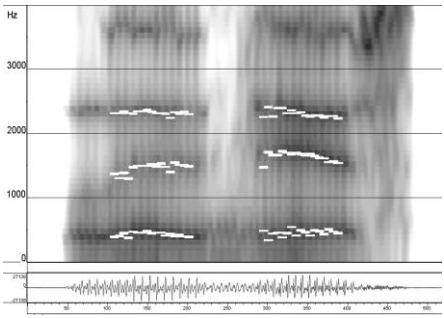


Рис. 6. Спектрограмма стимула *НА ДИСтанции*

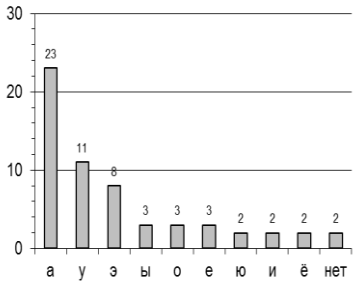


Рис. 7. Ответы испытуемых при опознании первого гласного из стимула *НА ДИСтанции*

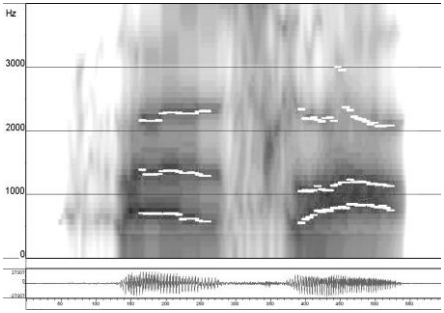


Рис. 8. Спектрограмма стимула *ПО СЛОвам*

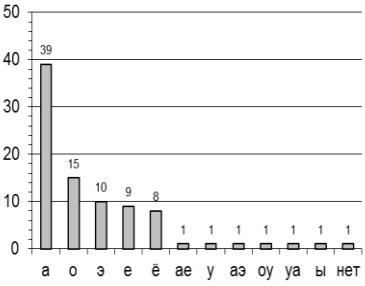


Рис. 9. Ответы испытуемых при опознании первого гласного стимула *ПО СЛОвам*

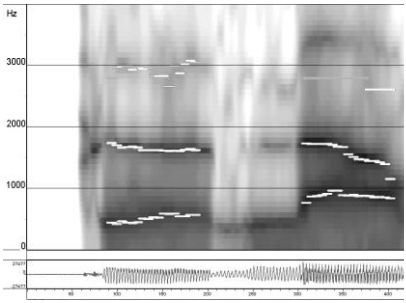


Рис. 10. Спектрограмма стимула *К ОДНОму*

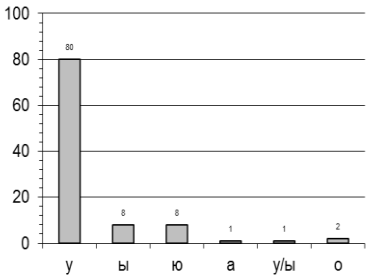


Рис. 11. Ответы испытуемых при опознании первого гласного из стимула *К ОДНОму*

Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов.

С точки зрения порождения речи можно утверждать, что и первый, и второй предударный гласные в спонтанной речи могут совпадать по своим спектральным характеристикам с гласным под ударением.

С точки зрения восприятия речи очевидно, что спектральная картина гласного не является единственным фактором, определяющим субъективную интерпретацию этого гласного. Носители языка могут также опираться на частотность слога, на свои субъективные ожидания и т.п. Полученные данные позволяют усомниться в сколько-нибудь важной роли качественной редукции гласных при определении места русского словесного ударения в спонтанной речи.

Таким образом, можно утверждать, что оценить ударность/предударность гласного в спонтанной речи, опираясь на его качество, невозможно: к этому не располагают ни спектральные характеристики гласных, ни интерпретация гласных испытуемыми. Следовательно, словесное ударение в спонтанной речи характеризуется собственным и, вероятно, достаточно специфическим набором признаков, в числе которых качественная редукция гласных не представлена.

Литература

Захаров Л.М. Акустическая вариативность звуковых единиц в русской речи // Язык и речь: проблемы и решения: сб. науч. трудов к юбилею проф. Л.В. Златоустовой / под ред. Г.Е. Кедровой, В.В. Потапова. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 240–269.

Князев С.В. Структура фонетического слова в русском языке: синхрония и диахрония. М.: МАКС Пресс, 2006. 226 с.

Кузнецов В.Б. О принципах акустической классификации русских гласных // Язык и речь: проблемы и решения: сб. науч. трудов к юбилею проф. Л.В. Златоустовой / под ред. Г.Е. Кедровой, В.В. Потапова. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 100–116.

Фант Г. Акустическая теория речеобразования / пер. с англ. Л.А. Варшавского, В.И. Медведева; под. ред. В.С. Григорьева. М.: Наука, 1964. 284 с.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА

В.Я. Шабес*
Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена

КОНТИНУАЛЬНО-ДИСКРЕТНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ КОНЦЕПТОВ[1]

В статье обсуждается модель ментальной репрезентации, основанная на количественно-качественных принципах. Автор исходит из предположения, что существует континуально-дискретная альтернатива как дискретно-модульному, так и холистскому подходам, которая может стать продуктивной основой для моделирования ментальных когнитивных репрезентаций. В качестве примера приводятся данные экспериментального исследования ценностных концептов.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Устойчивый интерес лингвистов к когнитивному направлению, сформировавшийся в последние годы, является неизбежным следствием осознания того факта, что речевая деятельность является лишь частью человеческой деятельности, у́же – осмысленной человеческой деятельности. В то же время речевая деятельность представляет собой один из важнейших компонентов такой деятельности, поскольку именно она является основным средством формирования собственно человеческого мышления, а также способом передачи и накопления продуктов интеллектуального развития человеческого социума во времени.

Психолингвистика, способная получать и содержательно интерпретировать экспериментальные данные когнитивного уровня (понимание речи, смыслоформулирование), оказывается продуктивным источником фактических сведений для развития когнитивной науки в целом.

---

* © Шабес В.Я., 2011

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта Шведского Института (Swedish Institute, Stokholm) № 00724/2009.

Дальнейшее развитие теории речевой деятельности в контексте современного когнитивного направления предполагает решение ряда теоретических вопросов. Одной из центральных проблем, вставших перед специалистами, работающими в этой области, является отсутствие адекватной общей теории ментальной репрезентации (Paivio, 1986: 3–4). Имеющиеся исследования, как правило, носят частный или модульный характер (ср.: Величковский, 2006: 10–82).

Термин «репрезентация» широко используется сейчас в когнитивной науке, теории искусственного интеллекта, психологии, математике, политологии, социологии, искусствоведении, семиотике, лингвистике и др. Что касается когнитивной науки, то способ и форма существования знания в сознании стали центральной проблемой для специалистов в области искусственного интеллекта, когнитивных психологов, лингвистов, антропологов, социологов и философов сознания.

Под «репрезентацией» в когнитивной науке обычно понимается либо гипотетический когнитивный внутренний символ, которым представлена в сознании внешняя реальность, либо формы представления (существования) в человеческой памяти различных ментальных единиц. Кроме того, данный термин часто используется также при обозначении способов адекватной нотации (внешней записи) модельных аналогов таких ментальных единиц.

Для уточнения понятия «репрезентация» определим его соотношение с понятиями «ментальный» и «когнитивный». С нашей точки зрения «ментальным» должно быть признано все то, что составляет содержание человеческой психики, как сознательное, так и бессознательное, как образное, так и обобщенное – в противовес физическим сущностям, находящимся вне нас. Отсюда следует, что объем понятия «когнитивный», несомненно, входит в объем понятия «ментальный», но не исчерпывает его, поскольку включает лишь те сущности, которые связаны с человеческим знанием как продуктом познания.

Часть ментальных репрезентаций представлена зафиксированными в работающей динамической памяти цельными динамическими отражениями фрагментов движущегося внешнего мира и соответствующими им концептуализациями.

В то же время ментальной репрезентации в определенной степени соответствует и искусственная внешняя материальная репрезентация, если речь идет о любом осмысленном артефакте, включая дискурс.

Действительно, теоретически в качестве репрезентации может рассматриваться не только проекция внешней реальности во внутреннюю ментальную область, но и проекция некоторой данной ментальной единицы (единиц) вовне (Шабес, 1984). Например, все внешние по отношению к ментальной когнитивной репрезентации соответствующие ей артефакты (материальные вербальные тексты, физические действия, жесты, позы, схемы, чертежи, рисунки, живописные художественные произведения, музыкальные произведения, сооружения, приборы, устройства и т.п.), воплощающие некие продукты человеческого сознания, имеет смысл считать материальными репрезентациями соответствующих ментальных сущностей.

При таком широком подходе «репрезентация» в самом общем виде это – представление (фиксация) определенного компонента/продукта психической деятельности человека как в ментальной, так и в материальной формах.

Анализ множества известных видов репрезентаций дает основания полагать, что они могут быть подразделены на классы и типы по различным основаниям.

ТИПЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

Очевидно основание для выделения двух основных и взаимосвязанных классов: репрезентации внутренние (**ментальные**) и репрезентации внешние (**материальные**). Соответствующие единицы данных классов связаны между собой различными прямыми и опосредованными, условными и безусловными связями. Следует подчеркнуть, что в качестве ментальных репрезентаций в памяти фиксируются, конечно, не только специально созданные человеком репрезентации материальные, но и внешние природные явления. При этом в связи с тем, что человек активно воздействует на окружающий мир, существует также большое количество комбинированных материальных форм, сочетающих качества естественного природного явления и артефакта в разной пропорции (от грубо обработанного древнего

кремниевого рубила до кремниевых же пластин современных процессоров).

Одна и та же ментальная репрезентация может быть представлена несколькими материальными (например, хранящийся в памяти уникальный ментальный образ человеческого лица может быть эксплицирован текстом словесного портрета, наброском, рисунком, картиной, трехмерным компьютерным изображением, скульптурным изображением в камне, металле или в воске и т.п.). Ср. понятие «экстеллекта» (extelligence) как совокупности знаний, хранящихся вне индивидуального человеческого мозга и на иных носителях и противопоставленных «интеллекту» (intelligence), или знаниям, хранящимся в мозге (Cohen, Stewart, 1997) .

Все материальные репрезентации-артефакты по прагматическому основанию могут быть разделены на два больших класса: **информационные** репрезентации (тексты, рисунки, схемы, чертежи, графики и др.) и репрезентации **утилитарные** (детали, устройства, приборы, машины, сооружения и т.п.). При определенных условиях утилитарная репрезентация может превращаться в информационную. Это происходит в случае разборки некоторого механизма с целью понимания его устройства и функционирования, например, для последующего копирования. Кроме того, утилитарная репрезентация, помимо функциональных характеристик (например, потребительских физических свойств предмета одежды), обычно включает информационный компонент (например, покрой, цвет, указание фирмы-изготовителя и т.п.).

Особое место с точки зрения теории репрезентации занимают компьютеры, программные продукты и их различные применения. Однако данная тема требует отдельного развернутого обсуждения.

При таком подходе интересные возможности открывает экспериментальное исследование специфики различных «синонимичных», либо дополняющих друг друга форм материальной репрезентации, прагматика выбора той или иной формы или комбинации форм в актах коммуникации (например, текст + иллюстрация или чертеж + экспликация и спецификация и др.), реконструкция ментальной репрезентации на основе нескольких

соответствующих материальных. Такого рода исследования могут стать частью будущей общей теории репрезентации (ср., например: Аркадьев и др., 2008).

МЕНТАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

В рамках данной публикации для нас бóльший интерес представляют ментальные когнитивные репрезентации, которые могут быть подразделены на репрезентации знания и репрезентации значения.

К числу популярных и многократно переосмысленных понятий в лингвистике относятся термины «семантический» и «когнитивный». На содержательном уровне различие между данными понятиями может быть сведено к соотношению между концептами «значение» и «знание».

Достаточно продуктивным оказывается следующий подход. Если «знание» рассматривается как форма существования, обобщения и систематизации результатов познавательной деятельности человека, то «значение» (языковая семантика) представляет собой определенную часть такого знания, а именно – обобщенное и социализированное знание, получившее стандартное языковое оформление (Шабес, 1989). Другими словами, мы полагаем, что любое **значение является знанием** и органически входит в цельную когнитивную систему, существенно более объемную, нежели семантическая система некоторого естественного языка. Отсюда следует, что с точки зрения излагаемого подхода семантическая репрезентация представляет собой только фрагмент репрезентации когнитивной, ориентированный прежде всего на выполнение коммуникативных функций. Однако если значение по определению является знанием, то любой вербальный коммуникативный акт осуществляется не только в языке, но в ментальной когнитивной системе в целом.

В то же время, система значений естественного языка представляет собой весьма специфическую часть глобального знания. Особенность семантической системы задается как особенностями естественного языка по сравнению с иными системами репрезентации, так и спецификой каждого данного языка относительно других естественных языков.

В отличие от единичного концепта, значение лексемы, как правило, представлено комбинацией концептов. Наряду с основ-

ным (лексическим) концептом-десигнатом, в состав значения могут входить концепт грамматический, концепт стилистический, концепты закрепленности данной лексемы за той или иной социальной или территориальной группой (жаргонизм, диалектизм и т.п.), а также коннотат. Можно полагать, что понимание значения слова предполагает параллельную активацию в памяти целого ряда концептов, системно располагающихся в пространстве ментальной когнитивной репрезентации.

Поскольку знание и значение принадлежат к одному и тому же классу явлений, а именно – к классу ненаблюдаемых ментальных когнитивных репрезентаций, их различия являются не абсолютными, но относительными.

Знание имеет двойственную социально-индивидуальную природу. Основанное на накопленном конкретном личном уникальном перцептивном опыте каждого человека (ср. с эпизодической памятью Э. Тульвинга: Tulving, 1972), знание каждого человека в значительной степени индивидуально. В то же время, каждое последующее поколение людей, несомненно, получает от предыдущего поколения – через язык, обучение, социальный опыт, практическую деятельность, средства массовой коммуникации и др. – также и существенный объем накопленного социального знания. При этом в когнитивном онтогенезе конкретного человека чувственный опыт и индивидуальное знание выступают в качестве эмпирического фундамента для параллельного/последующего «напластования» знания социального. Значения же по своей сути социальны либо стремятся быть таковыми: лишь такая относительно стандартизированная часть знания (т.е. значение) способна обеспечить людям приемлемую степень адекватности вербальной коммуникации. Значения формируются только в результате вербально-когнитивной социализации индивида и представляют собой концептуализации разного уровня (см. ниже).

Знание универсально и одновременно включает как максимально конкретные образные единицы, так и единицы всех более абстрактных (суперординатных) уровней концептуализации. Значение лингвистической единицы представляет собой социальную концептуализацию и необходимо характеризуется определенной степенью абстрактности.

Именно этим обстоятельством объясняются многочисленные факты перехода от вербального текста к иным формам материальной информационной репрезентации: в тех случаях, когда линейный текст оказывается малоэффективным, мы интуитивно переходим на коммуникацию не с помощью текстов на естественном языке, а, например, с помощью формул, схем, чертежей, графиков, дву- и многомерных изображений, жестов, каталогов колеров, референтных образцов запахов духов в рекламных изданиях и т.п.

В частности, схемы, чертежи и графики, по-видимому, эксплицируют информацию, более абстрактную, чем вербальный текст, а видеоматериалы, фотографии, рисунки, каталоги колеров и т.п. – более конкретную.

Таким образом, мы полагаем, что любое значение является знанием, но не наоборот.

Важнейшей характеристикой репрезентации знания (и, соответственно, значения), по нашему мнению, является его дуализм: знание одновременно и континуально и дискретно.

Действительно, с одной стороны, адекватное целостное отражение континуально изменяющегося (движущегося) непрерывного мира динамическим сознанием, естественно, должно быть непрерывным. В этом смысле очевидна искусственность «иллюзионов» в виде последовательности мгновенных дискретных статичных фотокадров (ср. со сценарной репрезентацией Шенка–Абельсона: Schank, Abelson, 1977).

С другой стороны, многочисленные факты структурированности знания предполагают также его дискретный характер. В качестве примера такой двойственности ментальной репрезентации можно рассмотреть концепт «сумерки». Сумерки, во-первых, представляют собой непрерывный постепенный (количественный) процесс изменения степени освещенности, протекающий в континууме времени (от полной освещенности до полной темноты, либо наоборот), а во-вторых, сумерки являются дискретной границей между днем (полная освещенность) и ночью (полная темнота). Возможны и иные дискретизации этого континуума, в частности, «присоединение» светлой части сумерек ко дню, а темной – к ночи. Тогда сумерками будет считаться более короткий период «равноденствия» между днем и ночью,

т.е. дискретной границей будет считаться лишь собственно средний «серый» период освещенности.

Континуально-дискретный дуализм знания метафорически может быть сопоставлен современному корпускулярно-волновому дуализму в квантовой механике, пришедшему на смену конкурировавшим корпускулярной и волновой теориям.

ТИПЫ МЕНТАЛЬНЫХ КОГНИТИВНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

Типы ментальных когнитивных репрезентаций удобно рассматривать с онтогенетических позиций. Индивидуальный уникальный конкретный опыт взаимодействия ребенка с физической и социальной средой, сопровождаемый опытом коммуникативным, приводит к формированию как коммуникативной, так и когнитивной систем. Исследование коммуникативного и когнитивного поведения взрослых (например матери) и ребенка на начальном этапе его жизни, в течение которого удается сформировать у ребенка не только знаковую систему некоторого естественного языка, но и базовую когнитивную репрезентацию, может дать ответ на многие теоретические вопросы, касающиеся ментальной репрезентации.

Многочисленные и многолетние наблюдения за речевым поведением «тандемов» мать–ребенок на начальном этапе когнитивно-коммуникативного онтогенеза детей приводит нас к выводу, что основным способом первичного семиозиса оказывается **вербальный комментарий** матери (взрослого), описывающий изменения, непосредственно наблюдаемые ребенком. При этом, по-видимому, механизм комментирования («методика обучения») у матери (взрослого) является врожденным. Опросы информантов-филологов женского пола (18–20 лет, 265 чел.) по поводу того, что необходимо делать матери на начальном этапе для того, чтобы научить ребенка говорить и думать, показали, что они не могут ответить на этот вопрос. Основной реакцией было «буду просто разговаривать» (96%) или «пока не знаю» (4%).

Вместе с тем опыт показывает, что в реальной ситуации матери «знают», что делать: они отслеживают направление взгляда ребенка, который на этом этапе естественным образом обращает внимание прежде всего на изменения, происходящие во внешнем мире. Именно изменения позволяют ребенку в рамках вос-

принимаемой сцены отличить фигуру от фона. Параллельно данному восприятию ребенок воспринимает и порождаемый матерью речевой комментарий, описывающий происходящее. Постоянное и параллельное во времени наложение динамических дискретных вербальных акустических образов на континуальные визуальные и иные динамические образы, получаемые ребенком из внешней среды, позволяет ребенку вычленить и ассоциировать два образа в первичный знак.

Здесь следует обратить внимание на то, что уже на этом этапе ребенок осуществляет несколько параллельных когнитивных процессов.

Во-первых, ребенку необходимо вычленить воспринимаемый физический динамический объект из континуума сцены (операция «часть целого»).

Во-вторых, ему необходимо идентифицировать воспринимаемый физический объект как единство. Ведь динамический объект не равен самому себе во времени, поскольку любое изменение проявляется в различии. В качестве примера для анализа возьмем один из первых воспринимаемых ребенком образов – «папа». В динамике «папа» отображается в сознании ребенка как в единичной, так и в различных сценах.

В рамках отдельной сцены ребенок фиксирует единый, но различный (изменяющийся) объект. Здесь восприятие изменяющегося объекта как единого обеспечивается сходством объекта с самим собой во времени сцены и, как правило, многократным подкреплением этого единства сигналом *папа* в материнском комментарии.

Что касается различных сцен с участием «папы», то здесь он гештальтно воспринимается ребенком на фоне различных предметных контекстов (в комнате, на кухне, на улице и т.п.), статических проекциях (фас, профиль, тыл и т.п.), внешнем виде (различная одежда и т.п.), динамических событиях (одевается, смеется, ест, спит, приходит, уходит и т.п.).

Наряду с обобщением таких восприятий/представлений, ребенок прагматически интерпретирует «папу», фиксируя в памяти affordances в смысле Дж. Гибсона (Gibson, 1979), т.е. тех «возможностей», которые предоставляет «папа» для данного ребенка (необходимых, полезных, нейтральных, неполезных,

вредных). Объединение образов «папы», полученных ребенком в разное время, в различных предметных контекстах, облике, функциях и т.п. производится ребенком на основе **сходства** физического облика и функций «папы» в различных его проявлениях с самим собой, а также наличия повторяющегося параллельного во времени вербального сигнала «папа» в комментариях.

Следует подчеркнуть, что операции вычленения и идентификации представляют собой когнитивное единство: идентификация предполагает параллельное вычленение, но и наоборот, вычленение предполагает идентичность или, по крайней мере, существенное сходство вычленяемого.

Мы полагаем, что уже на этом этапе у ребенка формируется единый **первичный ментальный предметный концепт**. Подтверждением наличия такого первичного концепта уже на начальном этапе индивидуального семиозиса является возникающая способность ребенка к опознаванию «папы» в новых проявлениях (воспринимаемых сценах), адекватной реакции ребенка на вербальное побуждение указать на «папу» (взглядом, рукой), а далее – и произнесению ребенком слова *папа* при опознании. Следует предположить, что уже на этом этапе осуществляется первичная схематизация – преобразование множества конкретных динамических образов «папы» в некое частично обобщенное представление. В качестве такого ментального образа, по-видимому, выступает наиболее информативная часть целого человеческого тела – схематизация лица «папы», т.е. частично обобщенный гештальт лица в наиболее типичных (частотных) выражениях (состояниях) вместе со всем комплексом возможных ракурсов и состояний «папы» в целом.

Термин «схема» (греч. *shema* – форма, набросок) используется в когнитивном направлении для обозначения класса теорий, имеющих в качестве общего основания предположение о том, что в нашей памяти имеются обобщенные структуры знания, являющиеся производными от прошлого опыта. Такие структуры используются при осмыслении человеком нового опыта, управляют его вниманием, позволяют прогнозировать дальнейшее развитие событий и т.п. «Схема – это та часть полного перцептивного цикла, которая является внутренней по отношению к

воспринимающему, она модифицируется опытом и тем или иным образом специфична в отношении того, что воспринимается. Схема принимает информацию, как только последняя оказывается на сенсорных поверхностях, и изменяется под влиянием этой информации; схема направляет движение в исследовательскую активность, благодаря которой открывается доступ к новой информации, вызывающей, в свою очередь, дальнейшее изменение схемы. Другими словами, схема – это категория ментального уровня, которая принимает и организует прошлый опыт и управляет последующим опытом и перцептивными процессами» (Найссер, 1981: 79).

Дальнейшее развитие когнитивной ментальной репрезентации в онтогенезе предполагает как параллельное, так и последовательное формирование целого ряда ментальных единиц и структур при сохранении в эпизодической памяти определенного числа детализированных цельных динамических сцен из прошлого опыта.

В качестве общего когнитивного механизма формирования схемной ментальной репрезентации на всех этапах выступает, как мы полагаем, подсознательная реализация комплекса врожденных базовых операций **сравнения** и **оценки**, приводящие к установлению соотношения сравниваемых ментальных объектов.

Именно сравнение и оценка различных, но сходных образов и первичных концептов, сопровождаемые вербальными разъяснениями взрослых, позволяет ребенку образовывать предметные концепты как первого, так и второго и последующих порядков, т.е. переходить от концепта «папа» к суперординатному концепту «дядя» (мужчина), а далее – «человек», «живое существо» и т.п. (в рамках данной публикации мы используем термин «концепт» для всех субординатных уровней репрезентации и «категория» для максимально абстрактных суперординатных уровней) (ср.: Шафиков, 2007).

Как же меняется содержание концепта в сознании ребенка при переходе на очередной суперординатный уровень? Очевидно, что степень конкретного иконического сходства между ментальными объектами, образующими концепт, при этом уменьшается (versus нарастает степень различия). Одновременно ре-

бенок получает стимул для сравнения ментальных объектов (примеров), входящих в более абстрактный концепт и выявления маркированного схематизированного обобщенного сходства, которое и станет для него основным содержанием данного концепта (ср. с «базовым уровнем категоризации» у Э. Рош и Дж. Лакоффа: Lakoff, 1987: 46–47).

Приведем пример. Образовав первичный концепт «киса» (кошка) на базе сцен с участием единичной домашней кошки и соответствующих вербальных комментариев взрослых, ребенок далее получает новый опыт из сцен с участием других реальных кошек или их изображений, сопровождаемых в комментариях прежней номинацией *киса*. Сравнение образов, номинируемых единым означающим в процессе накопления перцептивного опыта, позволяет ребенку установить сходство-различие внутри класса и образовать вторичный предметный концепт.

Формирование ментальной репрезентации такого вторичного концепта предполагает два взаимообусловленных процесса **схематизации**, а именно: **ментальную интеграцию** – синтез единой обобщенной образной схемы (Johnson, 1987) нормализованной среднестатистической кошки, т.е. выявление **сходства** (сглаживание различий), и **ментальную дифференциацию**, т.е. определение пределов физического, функционального и т.п. варьирования животных данного вида, т.е. установление континуальных интервалов и, соответственно, пределов **различий** внутри формируемого концепта. Схематизированная ментальная интеграция оказывается маркированным компонентом такого единого концепта, а ментальная дифференциация – немаркированным (ср. с «заданиями отсутствия» у слотов во фреймовой теории М. Минского: Минский, 1979).

При этом «нормализованная кошка» будет иметь «обычный» средний размер, нормальные пропорции, наиболее распространенный окрас, привычное поведение и т.п. Именно такая эталонная схематизированная часть концепта и может рассматриваться как схематизированный прототип кошки или ее «лучший пример» (ср.: Rosch, 1977).

В дальнейшем именно такой концепт в целом (включая интегрирующую и дифференцирующую части) позволит человеку не только опознать, но и квалифицировать определенный еди-

ничный экземпляр данного животного как «**типичный**» (обычный), т.е. в максимальной степени соответствующий схематизированному прототипу, либо как «крупный», «маленький», «пушистый» или «короткошерстный», «пестрый» или «одноцветный» и тому подобное.

Таким образом, мы, в отличие от Э. Рош, полагаем, что прототип представлен в памяти не единичным иконическим образом предмета внешнего мира, а цельной образной схемой (image schema), производной от накопленного перцептивного опыта. Что же касается наблюдаемого прототипического эффекта, то, по нашему мнению, он объясняется максимальной степенью сходства лучшего примера категории и соответствующего схематизированного прототипа.

Ментальная дифференциация концепта задает границы, в пределах которых этот концепт соответствует накопленному вариативному опыту, но, тем не менее, остается равным самому себе. Например, варьирование размеров кошки не допускает выхода за определенные границы и кот чудовищных размеров, скажем, размером со льва, оказывается сказочным персонажем. Примеров подобного фантастического ментального выхода за пределы концептуальной дифференциации размера несть числа. Это и Дюймовочка, и Мальчик с пальчик, и Гулливер, и Лилипуты, и Кинг Конг и многие другие.

До сих пор мы рассматривали теоретически возможные когнитивно-коммуникативные механизмы формирования **предметных** физических концептов. Мы полагаем, что воспринимаемая динамическая сцена и вербальный комментарий являются базой для формирования также и всех иных типов первичных и суперординатных концептов.

Динамические физические концепты формируются на основе соответствующих сцен, сопровождаемых комментариями типа *папа пришел*, *дедушка пришел*, *киса пришла* и т.п. Установление связи между повторяющимся вербальным стимулом *пришел(-а)* и сходными характеристиками изменения предметных образов (появление + приближение) позволяют ребенку сформировать соответствующий динамический концепт. При этом, так же как и в случае формирования предметного концепта, с накоплением опыта по сходству фиксируется не только направление,

но и способ перемещения, максимальная, нормальная и минимальная скорость такого перемещения и др. Все последующие уровни концептуализации, так же как и в случае с предметным концептом, предполагают идентификацию и дифференциацию. Накопление опыта, сравнение и оценка содержания таких концептов, как «приползти», «приплестись», «прибежать», «принестись», «примчаться», «приехать», «прилететь», «приплыть» формируют содержание концепта «прибыть», схематизирующего и маркирующего единичный вектор направления и одновременно сохраняющего «спрятанные» дифференцирующие способы, скорости, транспортные средства и др.

Событийные концепты формируются путем вербального обозначения в комментариях, воспринимаемых ребенком, серий сходных перцептивно воспринятых сцен, взятых целиком, и их концептуализации. Мы имеем в виду такие событийные концепты, как «купание», «обед», «прогулка», «игра», «беседа», «ссора», «гости», «покупка одежды» и т.п., фиксирующие единство предметного и динамического компонентов (детальное описание структуры события см.: Шабес, 1989).

Здесь же мы отметим, что механизм формирования событийных концептов также предполагает схематизацию в виде ментальной интеграции и ментальной дифференциации. Формирующаяся в результате накопления опыта событийная структура, например «обед», в интегративной части будет включать повторяющиеся (типичные) материальные компоненты и их функции, набор действий (микрособытий), их типичный порядок следования во времени и т.п., а дифференцирующая – интервалы возможных вариаций. Например, варьирование количества участников, набора и объема пищи, приспособлений (посуды), инструментов (приборов), последовательности употребления блюд, минимальную и максимальную протяженность «обеда» во времени и др.

Ролевые концепты формируются параллельно с событийными и входят в структуры событий различного типа. В частности, **предметные** концепты могут в событиях выполнять такие роли, как Агенс, Объект, Инструмент, Приспособление, Материал, Средство, Результат и т.п.

Эмоциональные концепты, по-видимому, формируются на физиологической основе индивидуальных ощущений ребенка: боли, голода, приятных манипуляций взрослых и т.п. – и их номинации в комментариях сцен с физическим участием ребенка. Можно предположить, что на этой основе (и с участием механизмов метафоризации, которые также основаны на сходстве) в дальнейшем будут сформированы такие концепты, как «радость», «грусть», «обида», «злость», «любовь» и др.

Социальные концепты на начальном этапе когнитивно-коммуникативного развития ребенка также формируются на базе сцен и событийных предметных концептов. Мы имеем в виду взаимосвязанные культурно обусловленные концепты **социального статуса** и **социальной роли**. В числе первых таких концептов, формируемых у ребенка с участием вербальных комментариев, оказываются внутрисемейные родственные отношения, стереотипы и роли. Помимо этого, воспринимаемые ребенком сцены, как правило, комментируются взрослыми с позиций эмоциональной, этической и эстетической оценок событий-поступков целиком и, соответственно, образующих их действий (динамических концептов), участников (актантов) и других предметных компонентов. В результате у ребенка формируется динамическая система социальных **ценностных** концептов (см. ниже). Анализ показывает, что разработка типологии концептов только начинается и данный список может оказаться далеко не полным.

ПАРАМЕТРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ

Как упоминалось выше, концепт представляет собой единство маркированного схематизированного гештальта и немаркированной дифференциации, задающей пределы варьирования внутри концепта. Будем называть каждый аспект ментальной дифференциации **параметром**. Параметр, рассматриваемый отдельно, также является особым типом концепта, принципиально отличным от типов, рассмотренных выше.

Параметрические предметные и непредметные концепты также формируются на базе воспринимаемых сцен, в том числе с активным участием самого ребенка (например, в сцене «кормление»), и рутинных вербальных комментариев путем установления связи, сопровождаемой сравнением и оценкой с использо-

ванием таких вербальных стимулов, как *вкусный* (например, кашка, ягодка, колбаска), *большой* (например, папа, дом, автобус), *маленький* (например, мышка, сынок, ягодка, бусинка), *красивый* (девочка, платьице, цветок), *хороший* (добрый мальчик, отдал игрушку), *плохой* (злой мальчик, ударил маленькую девочку). Так формируются важнейшие параметрические концепты размера, формы, пропорций, цвета, температуры, скорости, протяженности во времени, мощности (силы), расстояния, частоты события, опасности/безопасности, этической и эстетической оценки и т.п., в сущности являющиеся **основаниями** для последующего сравнения и оценки воспринимаемой и накапливаемой информации.

Действительно, например, обозначение взрослыми цвета предмета в разнообразных сценах (цвет листа растения, огурца, предмета одежды и др., а, как известно, реальных различимых вариантов, например, «зеленого» – огромный объем) позволяют ребенку на базе накопленного перцептивного опыта сформировать собственный фокальный «лучший зеленый», а также пределы варьирования «зеленого» внутри данного интервала цветового континуума. Единство отображаемого мира, а также **социальный опыт, закрепленный за означающим** *зеленый* в данном языковом социуме и передаваемый ребенку взрослыми, позволяет двум разным детям сформировать весьма сходные параметрические ментальные репрезентации концепта «зеленый». В качестве идентифицирующей схематизации в случае данного параметрического концепта будет выступать «нормальный» среднестатистический фокальный зеленый.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПАРАМЕТРОВ

Дальнейшее обсуждение принципов построения ментальной когнитивной репрезентации требует обращения к вопросу о возможном способе фиксации параметрических концептов в памяти. Напомним при этом, что сложный концепт представляет собой единство ментальной интеграции и ментальной дифференциации. Параметрические концепты представляют собой аспекты такой дифференциации и могут рассматриваться как реальная и продуктивная альтернатива атомарным статичным семантическим признакам.

Как известно, ведущей и общепризнанной репрезентацией является представление тех или иных сложных содержательных единиц в виде набора качественно определенных и неделимых (предельных, атомарных) дискретных признаков, не имеющих собственных свойств.

В качестве альтернативы атомарному признаку было предложено понятие «градуального эталона», определяемого как непрерывная линейная когнитивная координата, характеризующаяся двумя полярными максимальными значениями в зонах ее пределов и нейтральным (либо «нормальным») значением в ее межполюсной зоне (Шабес, 1989: 23). Градуальный эталон представляет собой когнитивную билатеральную континуальную количественно-качественную оценочную сущность, фиксирующую сходство-различие, свободную от каких-либо шкал, на которую, однако, могут быть нанесены шкалы различного вида (подробнее о градуальном эталоне и его типах см.: Шабес, 2008: 30–43, а также Шабес, 2004).

Принципиально важным представляется то обстоятельство, что в данном случае значения лингвистических единиц в совокупности представляют собой накопленную в опыте эксплицитную лингвистическую шкалирующую дискретизацию скрытой универсальной континуальной когнитивной репрезентации (наряду с иными неязыковыми шкалами – числами, килограммами, метрами, часами, градусами, скоростью и т.п.) и обладают существенной спецификой. Во многих случаях язык является единственным способом шкалирования данной когнитивной репрезентации, поскольку, например, для общей оценки (*великолепный – хороший – средний – плохой – отвратительный*) не существует иных формализованных единиц измерения. При этом разные естественные языки дают и различные дискретизации континуума при предполагаемом тождестве собственно когнитивной репрезентации. Принципиально важным представляется и то обстоятельство, что в эксперименте и накопленный экстралингвистический предметный опыт и вербальная шкала могут быть измерены. В эксперименте они могут получить числовую репрезентацию, или, как сейчас говорят, «переведены в цифру».

Удобным материалом для экспериментального исследования шкалирования градуальных эталонов оказывается неупорядоченный набор лексем, фиксирующих тот или иной параметр (размер, время, возраст, скорость, частоту, эмоциональную оценку и т.д. и т.п.). Индивидуальное прямое ранжирование такого лексического набора, выполненное каждым из членов достаточно репрезентативной группы информантов позволяет получить данные, дающие возможность (после соответствующей статистической обработки) описать внутреннюю структуру данного параметра в социуме (или преобразовать совокупность индивидуальных ранжирований в социальную шкалу).

Однако, как показал опыт, корректное выявление указанного неупорядоченного набора лексем представляет собой отдельную, достаточно сложную задачу.

Во-первых, такой набор должен включать употребительную и актуальную лексику, используемую нынешним поколением говорящих; словари часто предлагают лексемы, уходящие в пассив, а иногда и просто архаизмы, известные лишь части информантов.

Во-вторых, такой набор должен включать лексику одного уровня обобщения: включение в стимульный набор как гипонимов, так и гиперонимов разной степени обобщенности возможно лишь в том случае, если исследуемым параметром является собственно конкретность–абстрактность; во всех иных случаях неоднородный лексический материал приводит к неадекватному результату.

Практическое исследование, основанное на изложенных выше теоретических представлениях и содержащее попытку решения указанной задачи на материале ценностных концептов, было осуществлено в рамках российско-шведского проекта, финансируемого Шведским институтом (Стокгольм). Отдельные результаты реализации этого проекта представлены в (Shabes et al., 2011 [электр. ресурс]).

ЦЕННОСТНЫЕ КОНЦЕПТЫ

В последнее время у нас в масс-медиа все чаще возникают дискуссии по поводу отдельных ценностей. Такое обсуждение, как правило, носит спонтанный и фрагментарный характер. Между тем, само понятие «ценность» включает оценочный ком-

понент, который носит не абсолютный, а относительный характер, т.е. предполагает включенность некоторой ценности в парадигму соотносимых положительных, нейтральных либо отрицательных ценностных концептов.

Психологи и социологи обычно определяют ценности либо как отношение к предмету или явлению, либо как собственно предмет или явление и делят их на позитивные и негативные, реальные и декларируемые, материальные и духовные, социальные и индивидуальные, ценности для себя и ценности для других, ценности терминальные и ценности инструментальные и др.

Система ценностей рассматривается нами как распределенная в социальном сознании ментальная когнитивная репрезентация системы специальных концептов, лежащая в основе социально-положительного разумного человеческого поведения. Мы предположили, что ценности представляют собой парадигматическую систему концептов, организованную, в частности, по принципу важности ценностей относительно друг друга.

Большинство социально детерминированных ценностей имеет стандартное вербальное выражение в естественных языках. Более того, можно утверждать, что ценностные концепты не могут быть эксплицитно репрезентированы в иной форме, нежели языковой. Отсюда следует, что система ценностей может служить объектом семасиологического анализа, который дает возможность объективизировать форму содержания, дифференцированную в вербальной форме выражения.

Однако комплексное семантическое исследование системы ценностных номинаций традиционными лингвистическими методами на базе текстов оказывается затруднительным: система ценностей обычно входит в содержание фонового знания и в текстах не эксплицируется в явной лингвистической форме. Поиск подобной информации в смежных гуманитарных областях знания показал, что выявление набора ценностей, их объема, содержания и организации часто либо опирается лишь на индивидуальную интроспекцию исследователя, либо предполагает формальный статистический эксперимент на уровне означающих без детального анализа их объема и содержания.

КОГНИТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

В связи с тем, что ценности представляют собой концепты, существующие в полном виде лишь в распределенной ментальной репрезентации социума, при выборе методов когнитивного исследования разумно использовать экспериментальный опыт, накопленный в психолингвистике.

Принято считать, что объектом психолингвистики выступает не язык (готовый текст), а человек в его речевой деятельности. Однако при реализации такой деятельности человек – это не только коммуницирующий субъект Homo Dicens, но еще и думающий и **знающий** Homo Sapiens Sapiens. Отсюда: в массовых направленных психолингвистических экспериментах в соответствии с инструкцией информанты могут эксплицировать не только механизмы своей речевой деятельности, но и имеющиеся собственные знания, опыт и оценки, необходимые для моделирования когнитивных ментальных репрезентаций. Для этих целей необходимо разработать такие стимулы и инструкции, которые позволили бы получать в форме различных вербальных репрезентаций сведения, дающие возможность реконструировать репрезентацию ментальную. Что же касается социального аспекта ценностной когнитивной репрезентации, то и он может фиксироваться в массовом эксперименте с участием членов определенного социума. Таким образом, речь идет о когнитивном направлении в психолингвистике.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ КОНЦЕПТОВ

Чрезвычайно интересно попытаться найти способ получения объективных данных о содержании и структуре системы концептов в по крайней мере двух разных (контрастирующих) языковых и социокультурных сообществах с использованием единой методики отбора и анализа фактического материала. Исходя из этих соображений мы предложили шведским коллегам из Средне-Шведского университета (Mid-Sweden University) совместный проект исследования ценностных систем, который получил финансовую поддержку Шведского института (Стокгольм). Пилотный этап был осуществлен в 2006 году. На втором этапе (2010–2011 год) с нами (автор данной статьи, доцент СПБГУ Е.В. Трощенкова, ст. преп. СПБГУ Т.М. Потапова) со

шведской стороны сотрудничали PHD Lena Ivarsson, Ulla Damber и Goran Bostedt.

Для выявления набора ценностей, актуальных для обоих социумов, был проведен **первый эксперимент** на продуцирование ценностных номинаций (например, инструкция: «Перечислите пожалуйста наиболее важные ценности: а) лично для вас, б) для социума, в) и для вас и для социума»). В анкетах информанты указывали свой пол, возраст, а также некоторые другие данные. В эксперименте приняли участие студенты 19–30 лет по 100 человек из каждой страны; примерно равное количество мужчин и женщин. В результате статистической обработки полученных результатов были выявлены предварительные списки актуальных ценностных номинаций, снабженные вероятностными показателями.

Анализ указанных списков показал, что наряду с ценностями, весьма сходными в обоих социумах (например, ЛЮБОВЬ, СЕМЬЯ, ДЕТИ), имеется определенное число абстрактных (комплексных) ценностных номинаций, существенно различающихся в двух социумах как по объему, так и по содержанию, которые невозможно напрямую сопоставить в последующей компаративной работе. В качестве примера можно привести шведскую ценность TRYGGHET, которая описывается шведами как чувство доверия, безопасности, надежности, включая уверенность в завтрашнем дне, благополучие, достойное жилище, район, супруга(-у), работу, автомобиль, соседей и т.п. Очевидно, что по степени обобщенности TRYGGHET значительно абстрактнее русского БЕЗОПАСНОСТЬ и эти два концепта различаются как объемом, так и содержанием, хотя в словарях подаются как эквиваленты. Подобные ценностные номинации и были отобраны в качестве стимулов для второго эксперимента.

Второй эксперимент был направлен на продуцирование частных характеристик (гипонимов) обобщающих ценностных концептов типа непереводимого TRYGGHET, а также переводимого, но, предположительно, по-разному понимаемого ДЕМОКРАТИЯ и т.п.

Приведем пример отдельного подобного эксперимента с 50 русскими информантами. Была дана такая инструкция: «Перечислите, пожалуйста, основные качества/характеристики, кото-

рыми обладает, по вашему мнению, интеллигентный человек, и запишите их в анкете». Напомним, что в большинстве европейских языков эквивалентов данной русской ценностной номинации не существует. Статистическая обработка результатов показала, что ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ (см. рис. 1) имеет трехъярусное гиперо-гипонимическое строение.

Рис. 1. Структура ценностного концепта ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ у русских

Верхний ярус – это собственно ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ. На среднем ярусе располагаются три сложных концепта: ОБРАЗОВАННОСТЬ (0,15), ВОСПИТАННОСТЬ (0,14) и УМ (0,9), которые имеют собственные гипонимы на нижнем ярусе: ОБРАЗОВАННОСТЬ: широта кругозора (0,4), начитанность (0,3), хоро-

шая речь (0,2), грамотность (0,08), эрудированность (0,08) и т.п. ВОСПИТАННОСТЬ имеет значительно больше концептов-гипонимов. Это: вежливость (0,9), тактичность (0,4), высокие моральные качества (0,2), хорошие манеры (0,2) опрятность (0,4), культурность (0,4), утонченность (0,2), учтивость (0,2) скромность (0,2), порядочность (0,08), толерантность (0,08), обходительность (0,08) и другие. УМ имеет наименьшее количество релевантных гипонимов. Это: сообразительность (0,08), рефлексия (0,08) и рациональность (0,08). В целом можно сказать, что наибольший удельный вес внутри ценностного концепта ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ суммарно по числу реакций занимает концепт ВОСПИТАННОСТЬ и его гипонимы (в целом 63%), т.е. именно он статистически представляет собой ядро данного прототипического концепта. На долю УМА падает всего 9% и, соответственно, на ОБРАЗОВАННОСТЬ – 28%.

Отметим здесь, что некоторые из номинаций нижнего яруса оказываются обобщающими и также включают в себя целый комплекс частных ценностных компонентов. К их числу относится прежде всего ПОРЯДОЧНОСТЬ, которая также была использована нами в качестве стимула для проведения аналогичного эксперимента. Кратко отметим, что в отличие от ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ, ПОРЯДОЧНОСТЬ не включает ни компонента ОБРАЗОВАННОСТЬ, ни его частных характеристик. А вот компонент ВОСПИТАННОСТЬ, а также в небольшом объеме компонент УМ входят в объем концепта ПОРЯДОЧНОСТЬ. Помимо этих компонентов, ПОРЯДОЧНОСТЬ характеризуется также ЧЕСТНОСТЬЮ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ, ВЕРНОСТЬЮ, ПУНКТАЛЬНОСТЬЮ, отсутствующими в ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ.

Полученные данные позволяют полагать, что такие близкие, но не синонимичные концепты, как ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ и ПОРЯДОЧНОСТЬ, представляют собой положительные степени в соответствующих полипараметрических градуальных репрезентациях (см.: Шабес, 2008: 40). Указанные полипараметрические репрезентации разлагаются на монопараметрические градуальные эталоны типа «широта кругозора – узость кругозора», «вежливость – хамство», «сообразительность – тупость» и т.п. Материал показывает, что такие полипараметрические положи-

тельные концепты, как ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ и ПОРЯДОЧНОСТЬ, образуются путем концептуализации положительных степеней соответствующих монопараметрических градуальных репрезентаций, причем субординатный набор таких монопараметрических репрезентаций является частично общим для обоих концептов.

Целью работы в **третьем эксперименте** было установление относительной важности отобранных простых положительных ценностей в русском и шведском социумах внутри соответствующих парадигм. Для формирования стимула, т.е. набора простых положительных ценностей российско-шведской группой экспертов путем консенсуса и на основе данных, полученных в обоих предыдущих экспериментах, были отобраны номинации конкретных простых положительных ценностей в количестве 31 единицы параллельно в русском и шведском вариантах.

Мы провели эксперимент на параллельное построение русскими и шведскими информантами ценностных градуальных эталонов на базе идентичных (или предельно близких) наборов ценностных номинаций. Напомним, что градуальный эталон получается путем статистической обработки прямых рейтингов, выполненных каждым участником массового эксперимента индивидуально.

Информанты (103 русских: 57 женщин и 46 мужчин – и 88 шведов: 50 женщин и 38 мужчин) получили инструкцию расположить предложенные им на карточках номинации ценностей по степени важности для каждого информанта **лично** от максимально важной для него/нее до наименее важной ценности. На этой основе для каждой номинации ценности было вычислено среднее место в русском и шведском параллельных градуальных эталонах – «парадигма ценностей». (См. конкретные данные в Shabes et al., 2011 [электр. ресурс].)

В целом оказалось, что ценности, наиболее важные для обоих социумов, имеют весьма сходные характеристики по степени важности (ЛЮБОВЬ, ЗДОРОВЬЕ, СЕМЬЯ И ДЕТИ, ДРУЖБА).

Контраст в оценках важности нарастает с уменьшением общей степени важности. Например, у русских РАВЕНСТВО ПОЛОВ находится на 29 позиции из 31 возможной, а у шведов

на 15. На последней 31 позиции у русских находится ДЕМОКРАТИЯ, тогда как у шведов она занимает важную 6-ю позицию и т.п. Интересно, что ЛЮБОВЬ как ценность оказалась более важной для женщин, чем для мужчин, в обоих социумах, и в особенности для шведских женщин. Однако и в общей выборке, т.е. и для мужчин и для женщин совместно, ценность ЛЮБОВЬ является максимально важной для обоих социумов.

После получения градуальной позиционной репрезентации ценностных номинаций было интересно оценить степень сходства и различия одной и той же ценности у русских и шведов «изнутри» путем определения степени сходства/различия собственно самих статистических распределений содержательно эквивалентных ценностных номинаций. Для этого необходимо было найти математический аппарат, позволяющий определить степень сходства/различия двух нечетких множеств, опробованный на практике. Оказалось, что такой аппарат разработан и с успехом применяется биологами для установления, например, коэффициента сходства двух биоценозов. В экологии известны формулы коэффициента сходства Жаккара и Серенсена-Чекановского и др. Нами была использована следующая формула:

$$Ks = \frac{2C}{A+B},$$

где A – это общее количество размещений данной ценности, например, русскими информантами во всех позициях (соответствует количеству русских информантов), B – то же шведскими информантами, а C – количество размещений, находящихся в области пересечения указанных позиций, т.е. позиций, на которые данную ценность поместили как русские, так и шведские информанты. Коэффициент Ks, равный 1, обозначает полное сходство (идентичность), 0 – абсолютное различие.

Примерами максимального сходства статистических распределений у русских и шведов являются СОГЛАСИЕ (Ks = 0,72), ЛЮБОВЬ (Ks = 0,71) и ВЗАИМОПОМОЩЬ (Ks = 0,71), а максимального различия: ДЕМОКРАТИЯ (Ks = 0,47), ПРАВА ЖЕНЩИН И РАВЕНСТВО ПОЛОВ (Ks = 0,44), МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ (Ks = 0,42).

Полученные данные могут интерпретироваться с аксиологических, психологических, социологических и т.п. позиций. Эти же данные представляют интерес с точки зрения теории ментальной репрезентации. Статистическое распределение некоторой ценности в **универсальном** интервале градуального эталона представляет собой частный интервал, образованный суммой **индивидуальных** позиций (мнений), в совокупности описывающий **социальное** (например, русское, шведское) знание относительно положительной/отрицательной важности данной ценности. Следует предположить, что индивидуальная ментальная когнитивная репрезентация члена определенного социума объединяет как индивидуальное знание (единичное «Я-знание»), входящее в данный социальный интервал, так и распределенное в социуме интервальное «МЫ-знание», известное индивиду.

В качестве примера можно привести решение этической задачи в шведском и русском социумах. На одном из шведских телевизионных ток-шоу обсуждалась следующая дилемма: должна ли девушка сообщать своему бывшему возлюбленному о том, что у нее теперь новый любимый, если ей известно, что ее прежний возлюбленный тяжело заболел и это известие может быть опасным для его здоровья? Большинство телевизионной аудитории путем телефонного голосования пришло к выводу о том, что она должна быть честной и рассказать правду. Опрос 50 российских молодых людей с описанием данной жизненной ситуации и просьбой дать свое решение оказался прямо противоположным: большинство (95%) опрошенных посчитали, что этот факт надо скрывать или лгать настолько долго, насколько это возможно.

Выбор поступка девушки в этой ситуации обусловливается положением в национальной распределенной системе ценностей следующих парных концептов: ЧЕСТНОСТЬ – ЛЖИВОСТЬ и ГУМАННОСТЬ – ЖЕСТОКОСТЬ: честность в этой ситуации необходимо ведет к жестокости, а гуманность к лживости. Отсюда следует, что, по сравнению с русскими, у шведов ЧЕСТНОСТЬ важнее ГУМАННОСТИ и, соответственно, ЖЕСТОКОСТЬ менее социально порицаема, чем ЛЖИВОСТЬ (см. рис. 2).

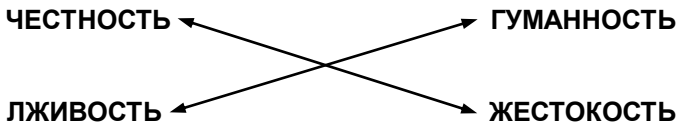


Рис. 2. Взаимоотношения ценностных концептов ЧЕСТНОСТЬ – ЛЖИВОСТЬ и ГУМАННОСТЬ – ЖЕСТОКОСТЬ

Эти различные решения отражают разное социальное «МЫ-знание», но не исключают иного индивидуального поведения отдельных представителей социума на базе «Я-знания».

Следует предположить, что именно социальное количественно-качественное знание подобного типа позволяет совершать адекватные поступки в инокультурном социуме и формировать верные проспективные осмысления (смысловой прогноз) при чтении иноязычных и инокультурных сюжетных текстов.

О СТРУКТУРЕ ЦЕЛОСТНОЙ КОГНИТИВНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Предлагаемая теоретическая модель, частично получившая опытное подтверждение в серии психолингвистических экспериментов, строится на принципах когнитивного дуализма, предполагающего двойственную синтетико-аналитическую, континуально-дискретную форму ментальной репрезентации.

Такой подход предполагает отказ от блочных (модульных) моделей памяти и, соответственно, от модульной системы когнитивной репрезентации. Система когнитивной репрезентации, построенная на континуально-дискретных принципах, является целостной и многоструктурной. Интегрирующей линейной структурой такой системы выступает континуальный параметр степени обобщенности с полюсами КОНКРЕТНОСТЬ – АБСТРАКТНОСТЬ, на который может быть нанесена шкалирующая дискретизация, фиксирующая степени концептуального обобщения.

С нашей точки зрения, совокупность конкретных параметрических категорий образует многомерное пространство ментальной репрезентации. Системность ментальной репрезентации основана, в частности, на способности скрытых континуальных параметров принимать форму количественно-качественной шкалирующей дискретизации.

Модель репрезентации, построенная на количественно-качественной континуально-дискретной основе занимает промежуточное положение между альтернативными дискретно-призаковой и холистской теориями и может оказаться полезной при интерпретации когнитивных и коммуникативных явлений в их единстве и нетождественности.

Литература

Аркадьев П.М. и др. Семиотическая концептуализация тела и его частей. I: Признак «форма» / П.М. Аркадьев, Е.Г. Крейдлин, А.Б. Летучий // Вопросы языкознания. 2008. № 6. С. 78–97.

Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2-х т. М.: Смысл: Изд. центр «Академия», 2006. Т. 2. 432 с.

Кондаков Н.И. Логический словарь. М.: Наука, 1971. 637 с.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.

Найссер У. Познание и реальность: смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1981. 232 с.

Шабес В.Я. О проекции содержательных единиц на план выражения // Вопросы языкознания. 1984. № 5. С. 49–59.

Шабес В.Я. Событие и текст. М.: Высшая школа, 1989. 175 с.

Шабес В.Я. Интерактивный сетевой словарь: мечта или реальность? // Теоретические проблемы языкознания: сб. ст. к 140-летию каф. общего языкознания СПбГУ. СПб., 2004. С. 459–465.

Шабес В.Я. Типология градуальных репрезентаций // Проблемы социо- и психолингвистики. Пермь, 2008. Вып. 11: Языковая вариативность / отв. ред. Т.И. Ерофеева; Перм. гос ун-т. С. 30–43.

Шафиков С.Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 3–17.

Cohen J., Stewart I. Figments of reality: The evolution of the curious mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 325 p.

Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 272 p.

Gibson J. The Ecological approach to visual perception. Boston: Houghton-Mifflin, 1979. 332 p.

Lakoff G. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 614 p.

Paivio A. Mental Representations: A dual coding approach. New York: Oxford University Press, 1986. 322 p.

Rosch E. Human Categorization // Studies in Cross-Cultural Psychology / Ed. by N. Warren. New York; London: Academic Press, 1977. Vol. 1. Pp. 1–49.

Schank R.C., Abelson R.P. Scripts, plans, goals, and understanding: An inquiry into human knowledge structures. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Ass., 1977. 248 p.

Tulving, E. Episodic and semantic memory // Organization of Memory / eds. E. Tulving and W. Donaldson. New York: Academic Press, 1972. Pp. 381–402.

Shabes V. et al. An Experimental Study of Russian and Swedish Value systems / V. Shabes, G. Bostedt, E. Troshchenkova, L. Ivarsson, U. Damber, T. Potapova. 2011. [Электронный ресурс] URL: http://www.inter-disciplinary.net/wp-content/uploads/2011/02/shabesipaper.pdf (проверено 9.06.2011).

Т.И. Доценко*
Пермский государственный педагогический университет

КАТЕГОРИАЛЬНОСТЬ И МЕНТАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОН[1]

Круг научных интересов Аллы Соломоновны Штерн – ведущего специалиста в области психолингвистики – был чрезвычайно широк: это теоретическая и прикладная лингвистики, речевая деятельность, билингвизм, усвоение языка детьми и лингводидактика. Любая лингвистическая проблема, привлекавшая внимание и входившая в круг интересов Аллы Соломоновны, всегда в той или иной степени была связана с главным делом ее жизни – моделированием процессов восприятия речи.

К понятию категориальности как свойству человеческой психики Алла Соломоновна обращается трижды в своем курсе лекций «Введение в психологию» для студентов-лингвистов, который был издан в 2003 году под редакцией Л.В. Сахарного, Т.И. Ерофеевой и Е.В. Глазановой. В этом издании категориальность рассматривается, во-первых, как свойство образа восприятия предмета (Штерн, 2003: 78–79), во-вторых, как необходимая составляющая механизмов восприятия речи (там же: 108–110) и, в-третьих, как единица хранения языковой информации (там же: 179–169). Такая последовательность включения понятия «категориальность» в курс лекций по психологии указывает на то, что А.С. Штерн понимает категориальность как фундаментальное свойство человеческой психики, связанное с восприятием, мышлением, языком и речевой деятельностью.

«**Категориальность,** или обобщенность, или осмысленность», определяется Аллой Соломоновной как «отнесение каж-

* © Доценко Т.И., 2011

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 11-14-59008 а/У.

дого образа к некоторому классу объектов, имеющему название (sic!)» (там же: 78). Другое определение, которое встречается на страницах Курса, формулируется следующим образом: *«***Категориальность** – это отнесение конкретного объекта к классу объектов, имеющему название» (там же: 108).

Из данных определений следует, что категориальность – это такое свойство человеческой психики, онтологическими признаками которого являются **обобщенность** и **осмысленность**. Язык как средство познания окружающего мира неизбежно включается в процесс категоризации и фиксирует результаты этого процесса в определенном имени, или номинации (обратим внимание на знак «sic!»). «Благодаря названию обобщение становится понятным», – пишет А.С. Штерн (там же: 226). Наличие в лексической системе языка особых участков, представляющих собой абстрактные сущности разных ступеней обобщения, уже само по себе свидетельствует о том, что обобщение сопутствует любой номинации. Отсюда следует, что любое имя, с помощью которого полученные знания фиксируются, хранятся и передаются другим в процессе речевой коммуникации, представляет собой название класса относительно однородных объектов, обладающих общими свойствами.

Языковое сознание человека может обобщать и объединять в категориальные классы не только материальные, но и идеальные объекты, сенсорные и перцептивные образцы, оценки и эмоции, частотность, социальные стереотипы и эталоны поведения, которые отражают совокупный индивидуальный и общественный опыт. Иными словами, «вне способности к категоризации мы не смогли бы функционировать вообще – ни в материальном мире, ни в социальной и интеллектуальной жизни» (Лакофф, 2004: 143).

В исследованиях Аллы Соломоновны Штерн и ее учеников категория, будучи классом однородных психолингвистических объектов, трактуется прежде всего как вероятностная структура, которая организуется частотными признаками. С помощью различных экспериментальных методик на материале разных языков А.С. Штерн была построена обобщенная модель восприятия речевых единиц по лингвистическим признакам (Штерн, 1992). В разработке этой модели активное участие принимали М.

Краузе (Краузе, 2002) и Т.Н.Чугаева (Чугаева, 2007). В рамках этого направления были построены модели перцептивных эталонов гласных русского языка (Ерофеева, Штерн, 1994) и модели семантических эталонов (Глазанова, Штерн, 1996). Под влиянием психолингвистической концепции Аллы Соломоновны была создана модель эпистемической модальности М. Краузе (Краузе, 2006). Не без влияния концепции идей А.С. Штерн и М. Краузе в рамках Пермской социопсихолингвистической школы под руководством И.Г. Овчинниковой была защищена кандидатская диссертация И.А. Углановой «Субъективная оценка слова и категоризация: онтолингвистический аспект» (Угланова, 2004). Результаты данных экспериментальных исследований позволяют утверждать, что всякая языковая (лингвокогнитивная) деятельность человека является осмысленной и совершается через обобщения.

Категориальность, будучи свойством языкового сознания, не может не проявлять себя в ментальном лексиконе. В коннекционистских моделях ментальный лексикон («ментальный словарь») рассматривается как лингво-когнитивное образование, организованное по сетевому принципу, или как «ассоциативно-вербальная сеть» (Караулов, 1993). В отличие от традиционного словаря, ментальный лексикон не просто фиксирует информацию о слове, а увязывает ее в единую сеть, где слова выступают в виде узлов сети.

При анализе структуры ментального лексикона разными исследователями было обнаружено, что ассоциативно-вербальные связи слова могут устанавливаться на основе **любого лингвистического признака**: фонетического, (орфо)графического, морфологического, синтаксического, лексико-семантического и вероятностного, т.е. на основе всей той лингвистической информации, которая связана у говорящего со словом (см., например: Emmorey, Fromkin, 1989). Вместе с этим фонетическая и (орфо)графическая информация о слове может интегрироваться в едином фонетико/(орфо)графическом комплексе (Garman, 1990). При доступе к значению слова взаимодействие фонетико/(орфо)графических связей и семантической информации осуществляется за счет одновременного функционирования целого ряда фонетических признаков: «длина слова»,

«ударный гласный», «ритмическая структура слова» и «сегмент» (Бочкарева, Доценко, 2005) Другая, морфологическая, информация находится под постоянным контролем синтаксических связей и в известной степени сопоставима с лексико-семантическими связями (Караулов, 1993, 1999; Сахарный, 1985; Овчинникова, 2006). Эти данные говорят о том, что качественно разные типы лингвистических связей могут пересекаться, взаимодействовать и интегрироваться, образуя при этом лингвистические комплексы разного наполнения.

Ментальный лексикон, являясь психологической реальностью, определяется А.А. Залевской как «**средство доступа к единому информационному тезаурусу**, т.е. полному объему хранимых памятью человека энциклопедических и языковых знаний, сопровождаемых эмоциональными впечатлениями и накладываемой на имеющиеся знания выработанной в социуме системой норм и оценок» (Залевская, 1999а:165). Взаимодействие языковых и энциклопедических знаний человека реализуется прежде всего в содержательной стороне ментального лексикона и обусловлено постоянным «выходом» индивида из «мира языка» в «картину мира» (Апресян, 1995) и речевую коммуникацию – как необходимую основу для коммуникативной и познавательной деятельности человека. Функциональная двунаправленность ментального лексикона обеспечивается тем, что в содержательной стороне слова-узла сосуществуют два типа значения: психологическое и системно-логическое (в другой терминологии – смысл и значение). Если психологическое значение повернуто к внутреннему контексту индивида, к его индивидуальной картине мира, то системно-логическое (или общеязыковое, коллективное) значение обеспечивает взаимопонимание между людьми в процессе коммуникации (Залевская, 1999б).

Оба значения, будучи включены в процессы коммуникативной и познавательной деятельности человека, сложным образом взаимодействуют друг с другом. При этом процесс взаимодействия двух типов значений не сводится к простому замещению, а представляет собой процедуру выбора из ряда спонтанно возникающих и конкурирующих между собой смысловых альтернатив, которые возникают в одних и тех же (или подобных) ситуациях и закрепляются в обобщениях. Лишаясь нюан-

сов смысла за счет обобщения, регулярные признаки, в конечном счете, сводят смысловое разнообразие к системным связям языка. Постоянное проецирование в процессах коммуникативной и познавательной деятельности одного значения на другое позволяет видеть за частным общее, а за общим – частное. Именно поэтому содержательная информация в ментальном лексиконе представлена разнообразными индивидуальными и системными семантическими связями: парадигматическими, синтагматическими, тезаурусными (тематическими) и прагматическими.

Существующие методики исследования ментального лексикона (и более всего методика ассоциативного эксперимента) нацелены на выявление его семантических связей. Однако специалистам в области ассоциаций хорошо известен тот факт, что семантические связи, возникающие между узлами, зачастую не поддаются однозначной интерпретации. Объективность существования такой ситуации позволяет предполагать, что **в основе содержательной части ментального лексикона лежит не только система подвижных, постоянно перекликающихся многообразных индивидуальных и системных семантических связей, но и система разнообразных способов обобщения.** По-видимому, этими двумя факторами: многообразием семантических связей и способов обобщения – и объясняется возможность отнесения одних и тех же ассоциативных связей к разным группам внутри одной классификации.

Для исследования категориальной составляющей ментального лексикона обратимся к результатам классификационного эксперимента «дополни ряд» (Лурия, 1998), который проводился Т.В. Батыркаевой в дошкольных образовательных учреждениях г. Осы.

В эксперименте приняли участие 100 детей 6–7 лет. В качестве экспериментального материала нами были взяты три ряда слов, представляющие разные категории:

- *КАСТРЮЛЯ, ТАРЕЛКА, …;*
- *ШКАФ, ДИВАН, …;*
- *ОКУНЬ, КАРАСЬ, …*

Выбор категорий «посуда», «мебель», «рыбы» был обусловлен тем, что ко времени поступления в школу эти категории должны быть освоены детьми.

Участники эксперимента, отвечая на вопросы *Какие еще слова сюда подойдут, что еще можно добавить? Что это такое? Как все это можно назвать одним словом?*, должны были продолжить ряд слов и назвать имя категории.

Результаты данного эксперимента показывают, что у детей 6–7 лет процесс установления семантических связей осуществляется на основе разных способов обобщения: по семантическим признакам и семантическому комплексу. Рассмотрим подробнее каждый из этих способов .

1. Обобщение по семантическому признаку

При обобщении по семантическому признаку дети могут опираться на всю стимульную пару в целом (*ШКАФ, ДИВАН, тумбочка, стул*) или на один ее компонент (*ДИВАН, кресло, стул, табурет*). При этом интегральный семантический признак может быть представлен в ответах детей как имплицитно, во фрагментах цепочек слов (*КАСТРЮЛЯ, ТАРЕЛКА, поварешка, нож, кружка…*), так и эксплицитно, в категориальном имени (*КАСТРЮЛЯ, ТАРЕЛКА, сковородка, стакан, нож* – ***кухонные предметы***). Подобные примеры убедительно показывают, что одни и те же семантические признаки не только включаются в процесс осмысления, но и выходят на уровень принятия решения и вербализуются в имени категории.

Обобщение может осуществляться по перцептивному, функциональному и пространственному признакам.

А. Перцептивный признак

Мы признаем, что источником формирования семантических признаков является перцепция. Перцептивные признаки – это такие признаки, которые сохраняют тесную связь с субстанцией и в то же время включаются в процессы обобщения сенсомоторным опытом ребенка (Lakoff, Johnson, 1980). По мнению Дж. Брунера, перцептивный признак, или перцептивное сходство, включает одинаковость цвета и формы (Брунер, 1977). И. Хоффман и М. Цислер назвают такие признаки сенсорно репрезентативными и считают, что им свойственна, главным образом, наглядность (Hoffman, Ziessler, 1982). Однако материалы

нашего эксперимента показывают, что перцептивным признакам может быть свойственна не только наглядность, но и тактильность.

Например, *КАСТРЮЛЯ, (ТАРЕЛКА), чайник, кружка, ложка* – ***железное.*** Со словом ***железное*** у ребенка изначально увязывается информация о свойстве материала, из которого сделан объект, – «твердый на ощупь». Можно предполагать, что к дошкольному возрасту, с накоплением ребенком речевого и когнитивного опыта, чувственный перцептивный опыт обрастает другими видами знаний и со словом ***железное*** начинают связываться разные смыслы: и «твердый на ощупь», и «крепкий, небьющийся», и «сделанный из железа». В результате этого процесса слово ***железное*** в ментальном лексиконе дошкольника приобретает статус широкозначного (Барсук, 1990; Бубнова, Клименко, 2005).

Дополняя ряд *(ШКАФ), ДИВАН* словами *кресло, кресло-кровать, диван,* дети актуализируют перцептивный признак, основанный на сенсорном опыте, и закрепляют его в слове ***мягкое,*** которое со временем становится широкозначным (ср.: мягкая мебель).

Широкозначные слова, в которых закрепляются результаты осмысления, обобщения, вступая друг с другом в семантические связи типа «железное (твердое) – мягкое», формируют новую систему обобщения.

Б. Функциональный признак

Данный признак – это функциональное сходство, т.е. сходство по функции (Брунер, 1977), или объединение объектов на основе общей функции, общего назначения, которое называется Р.М. Фрумкиной функциональной классификацией (Фрумкина и др., 1991: 86). Например, *ОКУНЬ, КАРАСЬ, щука, рыба* – ***они плавают, живут в воде.***

В процесс осмысления могут включаться разные функциональные признаки предметов: *КАСТРЮЛЯ, (ТАРЕЛКА), сковорода* – ***в них готовят пищу;*** *(КАСТРЮЛЯ), ТАРЕЛКА,… чашка, кружка* – ***из них едят, пьют;*** *(ШКАФ), ДИВАН, кресло, стул, табурет* – ***на них сидят;*** *(ШКАФ), ДИВАН, кровать, стул, кресло, подушки* – ***на них сидят, лежат.***

Функциональные признаки регулярно соотносятся детьми с именами категорий: ***посуда, мебель, рыбы.***

Функциональные признаки предметов посуды: – «служат для приготовления, подачи и хранения еды и питья» (Лопатин, Лопатина, 1998: 490; Ожегов, Шведова, 1995: 56; Словарь современного русского литературного языка, 1960: 1566) – и мебели – «предметы для сидения, лежания, размещения вещей» (Ожегов, Шведова, 1995: 339) – становятся системными и фиксируются в толковых словарях современного русского языка.

В. Пространственный признак

По мнению Р.М. Фрумкиной, пространственный признак является основой для проведения ситуативной классификации (Фрумкина и др., 1991: 86). Например, *КАСТРЮЛЯ, ТАРЕЛКА, чайник, кружка* – (**ø) *стоит на столе;*** *КАСТРЮЛЯ, ТАРЕЛКА, кружка, ложка* – (**ø) *бывает на кухне.*** Дж. Брунер одинаковое положение в пространстве рассматривает как «перцептивное сходство» (Брунер, 1977).

По нашему мнению, обобщение на основе пространственного признака (впрочем, как и функционального) также обусловлено процедурой установления границы категории: пространственный признак регулирует объем категории, сужая или расширяя количество ее членов. Например, представление о ***рыбах*** у старших дошкольников базируется на общем признаке «обитающие в водном пространстве». На этом основании к категории ***рыбы***, наряду с их бесспорными представителями (*щука, сом, ёрш* и др.), дети относят морских млекопитающих (*дельфин, кит, касатка, морж*), пресмыкающихся (*крокодил*), головоногих моллюсков (*осьминог*), ракообразных (*рак*) и даже животного (*дикобраз*).

Посуда в сознании детей увязывается либо пространством кухни: *КАСТРЮЛЯ, ТАРЕЛКА, крышка, ложка, вилка, кружка; КАСТРЮЛЯ, ТАРЕЛКА, поварешка, нож, кружка*; либо пространством обеденного стола *(КАСТРЮЛЯ), ТАРЕЛКА, ложка, кружка; (КАСТРЮЛЯ), ТАРЕЛКА, ложка, вилка, блюдце; (КАСТРЮЛЯ), ТАРЕЛКА, чашка, вилка, стакан* и т.п.

Предметы ***мебели*** организуются в классы жилым пространством квартиры: *ШКАФ, ДИВАН, кровать, стенка, трюмо; ШКАФ, ДИВАН, шифоньер, стул, стол* и др. – или комнаты:

(ШКАФ), ДИВАН, кресло, стол; (ШКАФ), ДИВАН, телевизор, кресло, картина и др.

Актуализируемый пространственный признак вербализуется детьми в номинациях: ***кухонная посуда, водные*** (или ***подводные***) ***животные.***

Пространственный признак может становиться системным. В этом случае он фиксируется в структуре словарных дефиниций. Для слова *мебель* пространственный признак представлен как «предметы комнатной обстановки» (Лопатин, Лопатина, 1998: 286), «предметы обстановки» (Словарь современного русского литературного языка, 1957: 744); а для слова *рыба* – как «водные животные» или «животные, живущие в воде» (Лопатин, Лопатина, 1998: 603; Ожегов, Шведова, 1995: 678; Словарь современного русского литературного языка, 1961: 1602–1603).

Полученные данные показывают, что интегральные перцептивные, функциональные и пространственные семантические признаки репрезентируют существенные характеристики предметного мира и организуют семантическое пространство ментального лексикона, упорядочивая и систематизируя его связи.

2. Обобщение по семантическому комплексу

В едином пространстве ментального лексикона перцептивные, функциональные и пространственные признаки, постоянно пересекаясь и взаимодействуя друг с другом, могут формировать семантические комплексы.

По своему качеству семантические комплексы могут быть **однородными** и **неоднородными**. К однородным можно отнести перцептивные и функциональные семантические комплексы, которые возникают в результате сопоставления и обобщения разных перцептивных или функциональных признаков. Например, *(ШКАФ), ДИВАН, стул, кровать, кресло «для сидения и лежания»; ШКАФ, ДИВАН, кресло, стул, тумбочка «для сидения и размещения вещей».* Неоднородными могут быть перцептивно-функциональные или функционально-пространственные семантические комплексы, в которых обобщаются и закрепляются разные по качеству признаки. Так, опираясь на функционально-пространственный комплекс («плавают» и «водное пространство»), более половины детей (54%) продолжают цепочку

слов именно названиями рыб: *ОКУНЬ, КАРАСЬ, лещ, щука; ОКУНЬ, КАРАСЬ, щука, килька, селедка.*

Снимая индивидуальные различия между интегральными признаками, семантические комплексы формируют категории нового типа обобщения и оформляются конкурирующими между собой именами категорий: ***мебель*** и ***вещи***; ***посуда*** и ***кухонные предметы***; ***рыбы*** и ***водные*** или ***подводные животные.*** Конкуренция в выборе категориального имени опосредованно указывает на разную степень интенсивности типизированных признаков в семантических комплексах.

Показательным в этом отношении является следующий ответ информанта: *ОКУНЬ, КАРАСЬ, корабль, пароход* – ***корабли***. Выбор такой стратегии обобщения объясняется тем, что в сознании ребенка представители природного мира «окунь», «карась» и артефакты «корабль», «пароход» оказались прочно связанными единым типизированным функциональным признаком «плыть, плавать», который поддерживается языковой системой и речевым опытом (*плавают корабли* и *плавают рыбы).* Яркость функционального признака на фоне пространственного признака «вода» дали ребенку возможность сконструировать категорию другого уровня обобщения – «плавающие предметы», обозначив ее существительным множественного числа ***корабли.***

Полученные данные показывают, что семантические комплексы являются чрезвычайно подвижными структурами. За счет своей динамической природы они могут менять свой объем и конфигурацию: количество и качество признаков, их интенсивность, степень синтеза и уровень обобщения (интегральные и типизированные признаки). В зависимости от этого и сам узел может перемещаться с нижележашего к вышележащему уровню обобщения, и наоборот. Являясь нерасчлененными и подвижными, семантические комплексы таким образом прокладывают путь к абстрактному мышлению.

Все сказанное указывает на то, что наше сознание (наша мысль) постоянно сравнивает и противопоставляет словесные единицы. При этом слова-узлы не просто сопоставляются, а взаимодействуют друг с другом, притягиваются и отталкиваются по разным лингвистическим основаниям. Обнаружив сходство между узлами, наше сознание непременно включает их в про-

цессы обобщения и тем самым связывает между собой в едином пространстве языка. Именно поэтому единицы ментального лексикона никогда не остаются изолированными. Очевидно, что степень сходства между содержанием словесных узлов варьирует. Объем содержания и конфигурации семантических комплексов зависят от перцептивного опыта индивида, энциклопедических знаний и идентификации (осмысления, обобщения), чем определяется путь вхождения слова в ментальный лексикон (т.е. глубина процесса ассоциирования) и в целом вся система ассоциативных связей.

Литература

Апресян Ю.Д. Избр. труды: 2-е изд., испр. и доп. М: Восточная литература, 1995. Т. 1: Лексическая семантика. 472 с.

Барсук Л.В. Проблема идентификации значения слов широкой семантики // Психолингвистические проблемы семантики: сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т. Тверь, 1990. С. 31–39.

Бочкарева Е.В., Доценко Т.И. Пути доступа к значению слова и ментальный лексикон // Научные чтения – 2004: прилож. к журн. «Язык и речевая деятельность». СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. Т. 6. С. 107–112.

Брунер Дж. Психология познания: за пределами непосредственной информации / пер. с англ. К.И. Бабицкого; предисл. и общ. ред. А.Р. Лурия. М.: Прогресс, 1977. 418 с.

Бубнова И.А., Клименко А.П. Структура когнитивной модели индивидуального значения слова в психолингвистической парадигме // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация / Калужск. гос. пед. ун-т. Калуга, 2005. С. 190–199.

Глазанова Е.В., Штерн А.С. Градуальное измерение вербальной семантики // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания: Семантика и коммуникация / под ред. Л.В. Сахарного. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. Вып 4: С. 177–189.

Ерофеева Е.В., Штерн А.С. Различие в перцептивных эталонах как отражение вариативности языка // XI Всеросс. симпоз. по психолингвистике и теории коммуникации / Ин-т языкознания РАН. М, 1994. С. 69–71.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику / Рос. гос. гуманит. ун-т. М., 1999а. 382 с.

Залевская А.А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений // Вопросы языкознания 1999б. № 6. С. 31–42.

Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1993. 330 с.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ин-т рус. языка РАН. М., 1999. 180 с.

Краузе М. Динамика механизма восприятия слова при различных условиях овладения иностранным языком. Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 2002. 173 с.

Краузе М. Когнитивная модель эпистемической модальности: данные контрастивного анализа //…Слово отзовется: памяти А.С. Штерн и Л.В. Сахарного / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2006. С. 293–305.

Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь: 5-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1998. 832 с.

Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 336 с.

Овчинникова И.Г. Коннекционистская интерпретация предсказуемости лексических связей в ментальных репрезентациях языка // …Слово отзовется: памяти А.С. Штерн и Л.В. Сахарного / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2006. С. 158–170.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.

Сахарный Л.В. Психолингвистические аспекты теории словообразования / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1985. 97 с.

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1957. Т.6. 1960. Т. 10. 1961. Т. 12.

Угланова И.А. Субъективная оценка частоты слова и ее категоризация: онтолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2004. 194 с.

Фрумкина Р.М. и др. Семантика и категоризация / Р.М. Фрумкина, А.В. Михеев, А.Д. Мостовая, Н.А. Рюмина; отв. ред. Ю.А. Шрейдер. М.: Наука, 1991. 168 с.

Чугаева Т.Н. Перцептивный аспект звукового строя английского языка (экспериментальное исследование) / Перм. науч. центр Уральск. отделения РАН. Екатеринбург; Пермь, 2007. 246 с.

Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992. 236 с.

Штерн А.С. Введение в психологию: курс лекций / под. ред. Л.В. Сахарного, Т.И. Ерофеевой, Е.В. Глазановой. М.: Флинта, 2003. 312 с.

Emmorey K.D., Fromkin V.A. The mental lexicon // Linguistics: The Cambridge Survey. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. Vol. 3: Language: Psychological and Biological aspects. Pp. 125–149.

Garman M. Psycholinguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 512 p.

Hoffman J., Ziessler M. Begriffe und ihre Merkmale // Z. fur Psychologie. 1982. Bd. 190. H. 1. P. 46–77.

Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 614 p.

Lakoff G, Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. xiii, 242 p.

А.В. Венцов*
Санкт-Петербургский государственный университет

ГЛАГОЛ И СТРУКТУРА МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА

В последнее время интересы исследователей все больше смещаются от абстрактных рассуждений о ментальном лексиконе к практическим поискам принципов его организации: глубины и степени иерархичности, структуры предполагаемых полей, единиц хранения, связей между единицами разных полей и уровней иерархии.

В настоящее время наибольшее внимание уделяется глаголам, точнее, способам представления в ментальном лексиконе глагольных форм. Насколько можно судить по литературе, чаще всего обсуждаются две схемы хранения и извлечения глаголов, изначально предложенные для английского языка, морфологическая система которого характеризуется только двумя четко разграниченными типами глаголов: регулярным и нерегулярным (см. обзор в: Черниговская и др., 2008).

Одна схема предполагает, что формы нерегулярных глаголов хранятся в ментальном лексиконе и извлекаются из него в процессе говорения, а необходимые формы регулярных глаголов порождаются по правилам. Другая исходит из того, что все уже известные носителю языка формы (независимо от регулярности/нерегулярности) хранятся в ментальном лексиконе и извлекаются из него по мере надобности, правила же используются при необходимости образования ранее не встречавшихся форм глаголов.

В чем прелесть первой схемы, трудно представить даже применительно к английскому языку с его четкими правилами образования форм регулярных глаголов: использовать два различающихся механизма – извлечение из лексикона или порождение по правилам – всегда сложнее, чем пользоваться единым механизмом на все случаи жизни. Если же исходить из того, что единицами хранения в лексиконе являются словоформы (а применительно к процессам восприятия спонтанной речи это представляется совершенно необходимым), то надобность в текущем

* © Венцов А.В., 2011

порождении форм полностью отпадает, поскольку предполагаемые к использованию формы уже должны присутствовать в словаре.

Еще менее целесообразно применение подобной схемы для описания структуры лексикона у носителей русского языка: наличие в языке 16 типов глаголов (Зализняк, 2003), различающихся способами образования форм, и нескольких подтипов в каждом из них делает весьма проблематичной саму возможность применения правил ввиду их огромного разнообразия и сложности формального описания.

Из этих соображений более работоспособной представляется вторая схема, предполагающая наличие в ментальном лексиконе всех уже известных конкретному носителю языка форм глаголов и извлечение их оттуда по мере надобности.

Психолингвистические эксперименты, ставящие целью оценить возможность применения каждой из этих схем для описания когнитивных способностей носителя языка, чаще всего проводятся либо в виде морфологического прайминга с регистрацией времени реакции испытуемого на предъявляемые стимулы, либо в виде задания заменить исходную (стимульную) форму глагола формой (формами), указанными экспериментатором.

Идея опытов с праймингом, по всей вероятности, вытекает из совершенно бездоказательных постулатов, что время, необходимое для выбора формы из лексикона, меньше, чем для порождения ее по правилам, а время выбора более частотных форм меньше, чем время выбора менее частотных. Едва ли кто-либо из исследователей будет когда-либо в состоянии измерять длительность подсознательных процессов, но совершенно определенно, что ни один носитель языка не обнаруживает задержек или нарушений в речи говорящего, связанных с различиями в скоростях выбора регулярного или нерегулярного глагола, высоко- или низкочастотного.

Очевидно, что обычно наблюдаемые в опытах с праймингом времена реакции (сотни миллисекунд) не имеют никакого отношения к процессу порождения высказывания в условиях естественного речевого общения: при таких задержках ни о какой слитности речи не приходится говорить. Вычленить же из

наблюдаемых времен реакции действительное время выбора словоформы из ментального лексикона невозможно ни практически, ни теоретически.

К тому же, при статистической обработке полученных в результате таких экспериментов распределений времен реакции никогда не производится оценка допустимости применения для анализа имеющегося программного обеспечения (ANOVA). Дело в том, что времена реакции представляют собой распределение существенно положительных величин, которое к категории нормальных распределений отнесено быть не может. Более вероятно, что оно может быть аппроксимировано распределением Пуассона или Рэлея. Характеристикой любого из этих распределений является не среднее значение, а мода. Аппарат же ANOVA предназначен для обнаружения статистических различий между средними значениями сравниваемых нормальных распределений и потому не пригоден для анализа распределений времен реакций.

Неудивительно поэтому, что результаты экспериментов по морфологическому прайммингу согласуются с предсказаниями сразу обеих упомянутых выше и описывающих структуру ментального лексикона систем (Свистунова и др., 2008).

Другой класс экспериментов предлагает испытуемым порождать предложения (высказывания), изменяя форму глагола-стимула в соответствии с указаниями экспериментатора. Как правило, в подобного рода экспериментах реакции испытуемых в значительной степени определяются не только заданной исследователем инструкцией. Испытуемые способны подсознательно вырабатывать собственные «поправки» к инструкции в зависимости от структуры экспериментального набора стимулов (Венцов, Касевич, 1994), а в ситуации сложного психолингвистического эксперимента, возможно, еще и от частотности сочетаний конкретных словоформ. К сожалению, при анализе результатов обычно принимается вариант, подтверждающий исходные гипотезы экспериментаторов (Русакова, Сай, 2008), другие возможные и даже вероятные объяснения причин появления тех или иных реакций испытуемых не рассматриваются.

Таким образом, эксперименты, подобные описанным выше, дают мало информации о конкретной структуре ментального

лексикона. В частности, из них нельзя понять принципы группирования словоформ в разделах ментального лексикона. Мне представляется, что сведения об этом можно было бы извлечь из уже имеющихся результатов ассоциативных экспериментов (Караулов и др., 2002).

Ранее мне уже приходилось говорить о возможности группирования словоформ по грамматическим признакам, а также по признаку «одушевленный/неодушевленный» (Венцов, 2008), основываясь на анализе ответов испытуемых в ассоциативных экспериментах. Используя тот же подход, можно попытаться оценить принципы группирования в ментальном лексиконе глагольных словоформ.

В качестве примера были выбраны глаголы *делать, думать, говорить, платить, просить* и *видеть*, все формы которых представлены в качестве стимулов в Русском ассоциативном словаре (Караулов и др., 2002). Во внимание принимались только те ответы испытуемых, которые не обнаруживали прямой семантической связи со стимулом (по крайней мере, на первый взгляд). Сводные результаты по всем шести глаголам приведены в таблицах 1–3.

Таблица 1

Количество ответов на глаголы-стимулы несовершенного вида в прошедшем времени

Род и число в стимулах	Всего		Вид глагола		Род и число в ответах		
	ответов	глаг.	несов.	сов.	жен.	муж.	множ.
Жен.	515	147	90	57	123		
Муж.	546	160	86	74		143	
Множ.	522	138	82	56			117

Таблица 2

Количество ответов на глаголы-стимулы несовершенного вида единственного числа в настоящем времени

Лицо в стимулах	Всего		Вид глагола		Лицо в ответах		
	ответов	глаг.	несов.	сов.	1-е	2-е	3-е
1-е	491	149	137	12	127		
2-е	570	159	138	21		111	
3-е	525	135	128	7			121

Таблица 3

Количество ответов на глаголы-стимулы несовершенного вида множественного числа в настоящем времени

Лицо в стимулах	Всего		Вид глагола		Лицо в ответах		
	ответов	глаг.	несов.	сов.	1-е	2-е (или повелит. накл.)	3-е
1-е	555	153	136	17	130		
2-е	531	141	126	15		48/40	
3-е	522	122	109	13			95

Напрашивается вывод, что в ментальном лексиконе носителя языка глагольные словоформы могли бы группироваться по сходству таких грамматических признаков, как время, число, род и лицо. Не слишком отчетливо, но все же просматривается возможность их объединения и по признаку вида.

При этом следует особо отметить то обстоятельство, что тип (по А.А. Зализняку) глагола-ответа никак не связан с типом глагола-стимула: наблюдается большое разнообразие в типах ответов.

Литература

Венцов А.В. Ментальный лексикон и ассоциативный эксперимент // VII выездная школа-семинар «Проблемы порождения и восприятия речи»: матер. / Череповецкий гос. ун-т. Череповец, 2008. С. 26–31.

Венцов А.В., Касевич В.Б. Проблемы восприятия речи. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. 232 с.

Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М.: Русские словари, 2003. 800 с.

Караулов Ю.Н. и др. Русский ассоциативный словарь: в 2-х т. / Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасова Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. М.: ООО «Издательство Астрель», 2002. Т 1. 784 с.

Русакова М.В., Сай С.С. Глагольная парадигма в индивидуальных системах носителей русского языка и проблема грамматического вида // Вестник С.-Петерб. ун-та. 2008. Сер. 9. Вып. 2. Ч. II. С. 205–214.

Свистунова Т.И. и др. Экспериментальное исследование эффекта морфологического прайминга на материале русского глагольного словоизменения / Т.И. Свистунова, Е.Н. Газеева, Т.В. Черниговская // Матер. конф. «Cognitive Modeling in Linguistics – 2008». Казань: Изд-во Казан. ун-та. 2008. Т. 2. С. 269–281.

Черниговская Т.В. и др. Формирование глагольной парадигмы в русском языке: правила, вероятности, аналогии как основа организации ментального

лексикона (экспериментальное исследование) / Т.В. Черниговская, К. Гор, Т.И. Свистунова // Когнитивные исследования: сб. научн. трудов / отв. ред. Т.В. Черниговская, В.Д. Соловьев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. Вып. 2. С. 165–181.

Ю.Е. Лещенко*
Пермский государственный педагогический университет

ИНОЯЗЫЧНЫЙ СУБЛЕКСИКОН ВЗРОСЛОГО: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ

Современные теории усвоения иностранного языка представляют процесс овладения иноязычной коммуникативной компетенцией в виде континуума, по которому обучающийся продвигается от стадии рецептивного, предпродуктивного (Receptive/Preproduction Stage) знания до стадии продвинутого владения изучаемым языком (Advanced Proficiency Stage) (Hakuta et al., 2000). Такие теории обычно ориентированы на уровневую модель языковой компетенции носителей изучаемого языка и аутентичную речь. Однако усвоение иностранного языка подразумевает переживание единиц иноязычного словаря, прежде всего, в терминах единиц родного языка (Залевская, Медведева, 2002). Родной язык в совокупности со своей концептуальной системой открывает путь к пониманию другого языка. В результате этого процесса любой индивид, приступающий к освоению иностранного языка, сознательно и/или бессознательно устанавливает сходство между единицами своего и чужого языка и конструирует в своем ментальном пространстве новую структуру – иноязычный сублексикон.

Становление иноязычного сублексикона вне условий языковой среды может происходить одновременно двумя путями: естественным/спонтанным и искусственным/целенаправленным. Так, в повседневной жизни индивида происходит постоянное восприятие иноязычного материала – словосочетаний, речевых штампов и клише, названий различных аутентичных реалий страны изучаемого языка – часто встречающегося в виде вкраплений в устные и письменные тексты на родном языке. В ре-

* © Лещенко Ю.Е., 2011

зультате такого спонтанного восприятия иноязычный сублексикон формируется интуитивно, преимущественно со стороны внешних, формальных связей и отношений слова чужого языка с контекстом. В то же время, в ходе целенаправленного процесса обучения иностранному языку в ситуации искусственного (учебного) билингвизма происходит усвоение иноязычного слова в системе его семантических связей.

Являясь частью ментального лексикона, иноязычный сублексикон имеет аналогичную структуру и принципы организации: представляет собой ассоциативно-вербальную сеть (Караулов, 1999), организованную по вероятностному принципу (Агибалов, 2006; Фрумкина, 1967), и является средством доступа к «единому информационному тезаурусу» человека (Залевская, 1990).

Размещение иноязычного слова в ассоциативно-вербальной сети происходит под влиянием двух взаимодействующих между собой процессов. С одной стороны, восприятие иноязычного материала постоянно предшествует формированию сублексикона; при этом та «малая сетка» связей, которая формируется у иноязычного слова в процессе его функционирования в разных контекстах, не может не оказывать влияния на свое ближайшее окружение в «большой сети» ментального лексикона. С другой стороны, иноязычные единицы при вхождении в ментальный лексикон не могут не испытывать на себе давление «большой сети», построенной на материале родного языка и на его концептуальной базе. В результате этого процесса иноязычные единицы «подстраиваются» под функционирующую структуру ментального лексикона. Взаимодействие двух процессов, направленных от «большой сети» ментального лексикона к иноязычному слову и, наоборот, от «малой сети» иноязычного слова к лексикону, приводят к взаимной адаптации и интеграции конкурирующих между собой единиц разных языков и, в конечном счете, формируют иноязычный сублексикон как качественно новое ментальное образование (Доценко, Лещенко, 2009).

Для построения динамической модели становления иноязычного (англоязычного) сублексикона взрослого была проведена серия свободных ассоциативных экспериментов среди так называемых «начинающих» (ранее не изучавших английский

язык) студентов неязыковых факультетов Пермского государственного педагогического университета. Эксперименты проводились в течение двух лет на следующих стадиях обучения: 1) стадия первичного становления сублексикона – начало обучения английскому языку в вузе (эксперимент-1); 2) стадия первичного наращивания сублексикона – конец первого года обучения (эксперимент-2) и 3) стадия дальнейшего наращивания сублексикона – конец второго года обучения (эксперимент-3).

В качестве экспериментального стимульного списка был использован список английских слов, сбалансированный по факторам объективной ($F_{об.}$) и субъективной ($F_{суб.}$) частот. Показатель $F_{об.}$ определялся по корпусу английского языка (British National Corpus, 2003), показатель $F_{суб.}$ был получен в результате опроса преподавателей, работающих в группах наших информантов.

В ходе эксперимента испытуемым предлагалось отреагировать на каждый стимул первым словом, пришедшим в голову. Выбор языкового кода слова-реакции никак не ограничивался. Ассоциативно-вербальные реакции информантов позволяют судить о том, какой именно признак исходного слова оказался наиболее актуальным при его идентификации и, тем самым, послужил основанием для включения этого слова в ту или иную систему связей. В зависимости от установок и решаемых задач эти связи могут активироваться в разных направлениях; иерархия установок испытуемого определяет иерархию стратегий и, соответственно, «маршрут» от стимула к реакции.

Полученные в ходе эксперимента ассоциативно-вербальные пары стали основой для моделирования сети иноязычного сублексикона. В качестве структурной единицы в нашей модели выступает узел ассоциативно-вербальной сети. Узел сети представляет собой многокомпонентную структуру, которая организуется некоторым набором качественно разнообразных ассоциативных связей, объединенных одним словом. Узлы иноязычного сублексикона различаются между собой языковым кодом, объемом и характеристиками ассоциативных связей. Совокупность узлов сублексикона, объединенных между собой за счет общих элементов и пересекающихся связей, рассматривается нами в качестве целостного фрагмента иноязычного сублексикона. Со-

поставление ряда таких фрагментов, полученных от одних и тех же информантов на разных стадиях обучения, позволяет сконструировать динамическую модель становления иноязычного сублексикона на начальном этапе.

1. Стадия первичного становления иноязычного сублексикона

На рисунке 1 представлен фрагмент модели сублексикона для начальной стадии обучения, демонстрирующий основные характеристики ассоциативно-вербальных связей иноязычных слов в сети.

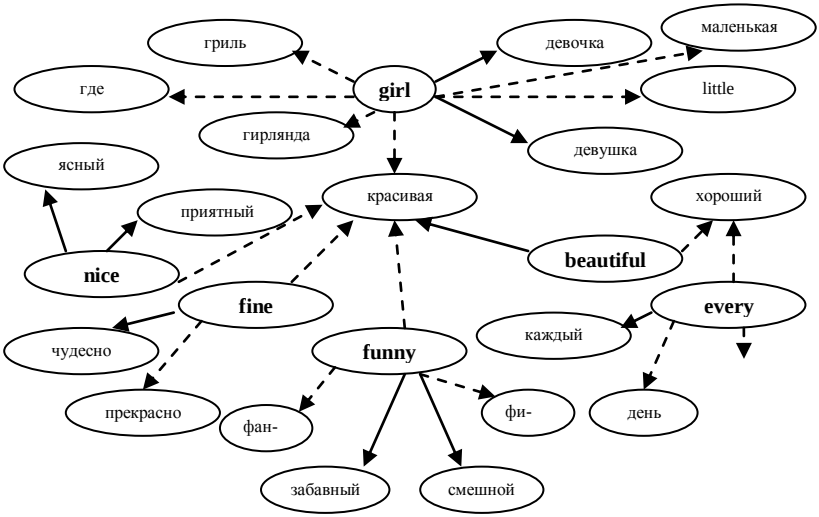


Рис. 1. Фрагмент иноязычного сублексикона на стадии первичного становления

Как показывает рисунок 1, в начале обучения ассоциативные связи английского слова характеризуются как межъязыковые и воспроизводят систему связей эквивалентного русскоязычного слова. Центральное место вокруг английского стимула занимают русскоязычные реакции, представляющие собой тождественный перевод (***girl*** → *девочка*, ***funny*** → *забавный*, ***every*** → *каждый*). В ряде случаев такие реакции-переводы становятся узлами ассоциативного окружения английского стимула и активируют целые фрагменты русскоязычной ассоциативно-

вербальной сети (***girl*** → [*девочка*] → *красивая*, ***every*** → [*каждый*] → *день*). Очевидно, что в данном случае иноязычное слово по своим семантическим характеристикам и лексической сочетаемости отождествляется с соответствующим ему русским словом и, следовательно, автоматически встраивается в систему его связей на правах полного дублета, выраженного другим языковым кодом. Наиболее часто воспроизводимыми русскоязычными связями английского стимула являются синонимичные и атрибутивные связи (***nice*** → *приятный*, ***girl*** → *красивая, маленькая*).

В некоторых случаях английское слово, встраиваясь в ассоциативно-вербальную сеть родного языка, оказывается схожим с его единицами по своему фонетическому/гра-фическому облику. Актуализация семантических связей в таких случаях уступает место связям формального характера, не имеющим со стимулом общих семантических черт (***girl*** → *гирлянда, гриль;* ***funny*** → *фанты, финик*). Поиск формальных соответствий ограничивается рамками фонетической/графической системы родного языка и выражается его орфографическими средствами; подобная закономерность указывает на ярко выраженное стремление информантов «русифицировать» английское слово, на попытку тем или иным способом разместить это слово в системе русскоязычных ассоциативных связей.

Помимо русскоязычных реакций в результатах эксперимента-1 было выявлено и незначительное количество реакций на английском языке (***girl*** → *little*, ***every*** → *day*), дословно повторяющих соответствующие межъязыковые связи (***girl*** → *маленькая,* ***every*** → *день*). Эти англоязычные (внутриязыковые) ассоциативные пары могут рассматриваться либо как непосредственные, полностью дублирующие межъязыковые пары, либо как сложные, опосредованные. В последнем случае «маршрут» от англоязычного стимула к англоязычной реакции может пролегать через два опосредующих элемента: перевод стимула на родной язык с последующим переводом реакции на английский язык (***girl*** → [*девочка*] → [*маленькая*] → *little;* ***every*** → [*каждый*] → [*день*] → *day*). В любом случае, появление внутриязыковых англоязычных реакций указывает на зарождение процесса конкуренции лексических единиц двух языков. Этот процесс

первоначально происходит только на уровне языкового кода при стабильной сохранности качества ассоциативных связей, свойственных родному языку.

2. Стадия первичного наращивания иноязычного сублексикона.

Фрагмент модели, представленный на рисунке 2, демонстрирует основные изменения в структуре подсети иноязычного сублексикона, происходящие в ходе его первичного наращивания.

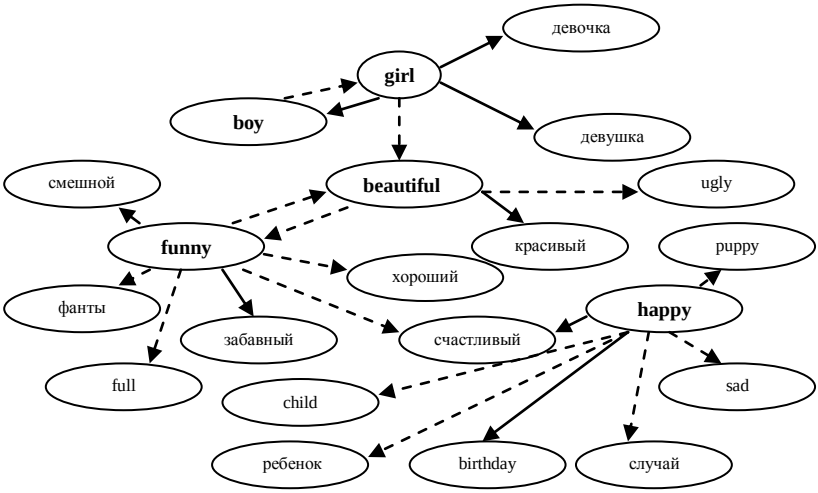


Рис. 2. Фрагмент иноязычного сублексикона на стадии первичного наращивания

На данной стадии, с одной стороны, сохраняется стратегия непосредственного или опосредованного увязывания английского слова с тем или иным словом русского языка (***happy*** → *счастливый,* ***happy*** → *случай;* ***happy*** → *ребенок*). С другой стороны, часть универсальных для обоих языков связей актуализируется только в рамках системы английского языка. Большинство внутриязыковых связей являются антонимичными (***girl*** → *boy*, ***beautiful*** → *ugly*, ***happy*** → *sad*) либо воспроизводящими частотные клишированные словосочетания английского языка (***happy*** → *birthday*). Поскольку русскоязычные дублеты внутриязыковых ассоциативно-вербальных пар в материалах данного

эксперимента полностью отсутствуют, мы рассматриваем такие ассоциаты как прямые, не опосредованные переводом.

Появляющиеся внутриязыковые ассоциаты – речевые клише и антонимы – становятся более частотными: ***happy*** → *birthday* (4; 12 – частота появления реакции в экспериментах 1 и 2 соответственно) и двунаправленными: ***girl*** ↔ *boy* (0; 4), ***funny*** ↔ *beautiful* (0; 3). Возникновение двунаправленных связей позволяет говорить о начале процесса формирования ядра новой иноязычной системы, группирующей вокруг себя все разнообразие ассоциативно-вербального окружения стимула. Несмотря на то что большинство внутриязыковых ассоциативных связей уступают межъязыковым по признаку силы, сам факт их появления приводит к ослаблению русскоязычного окружения английского слова.

3. Стадия дальнейшего наращивания иноязычного сублексикона.

Рисунок 3 демонстрирует состояние подсети иноязычного сублексикона, сложившейся к концу второго года обучения английскому языку на неязыковом факультете вуза.

Как показывает рисунок 3, на заключительной стадии обучения продолжается активное формирование ядра англоязычной ассоциативно-вербальной сети: двунаправленные связи расширяют сферу своего функционирования в сублексиконе (***girl*** ↔ *boy*, ***girl*** ↔ *friend*, ***boy*** ↔ *friend*, ***girl*** ↔ *beautiful*). В то же время в системе ассоциативного окружения английского слова наблюдаются значительные количественные и качественные изменения. При сохранении стратегии соотнесения стимула с эквивалентным словом родного языка межъязыковые связи продолжают ослабевать, а система непосредственных внутриязыковых связей английского слова начинает активно формироваться: расширяется набор внутриязыковых антонимических связей (***boy*** → *girl*, ***girl*** → *boy*, ***beautiful*** → *ugly*, ***friend*** → *enemy*), более разветвленными становятся связи атрибутивного типа (***friend*** → *best, good;* ***boy*** → *tall, little, clever;* ***girl*** → *nice, beautiful, kind*), появляются словообразовательные связи, актуализирующие высокопродуктивные деривационные модели английского языка – словосложение и аффиксацию (***girl*** → *schoolgirl*, ***boy*** → *boyfriend*, ***friend*** → *friendship*).

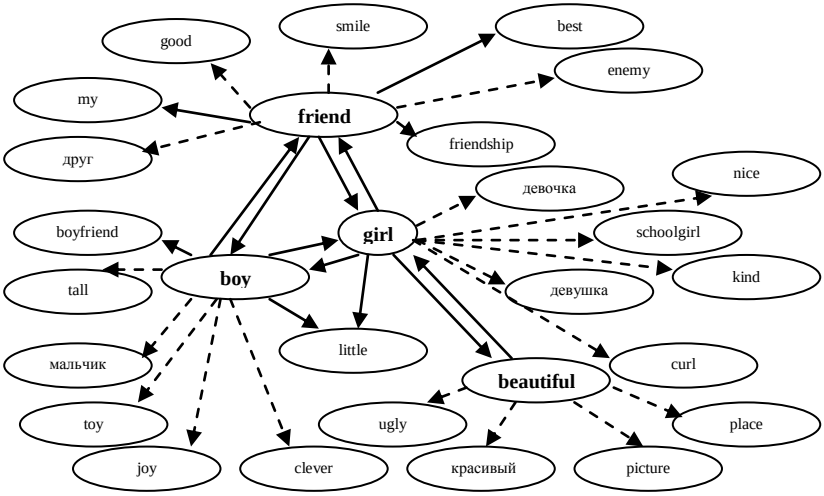


Рис. 3. Фрагмент иноязычного сублексикона на стадии дальнейшего наращивания

Подведем основные итоги.

На стадии первичного становления иноязычного сублексикона слово изучаемого языка изначально вводится в разветвленную структуру ассоциативно-вербальной сети родного языка в виде некоторой дополнительной ассоциативной связи, которая соотносится с иным языковым кодом и дублирует уже существующие связи родного языка. Иноязычное слово становится своеобразным «вкраплением» в ментальный лексикон родного языка и не вносит никаких принципиальных изменений, не нарушает целостности ассоциативной сети родного языка, но приводит к ее активному сопротивлению иноязычному слову. Вследствие этого чужеродная единица ищет пути уподобления единицам другого языка по формальным и семантическим признакам.

На стадии первичного наращивания сублексикона наблюдаются два параллельно происходящих процесса. С одной стороны, продолжается сближение лексических единиц двух языков за счет «маскировки» иноязычного слова, его уподобления слову родного языка по различным основаниям. С другой стороны, зарождается принципиально новая, иноязычная система

ассоциативно-вербальных связей, основанная преимущественно на парадигматических антонимичных связях и синтагматических связях – речевых клише.

На стадии дальнейшего наращивания сублексикона иноязычное слово усиливает свою конкурентоспособность по отношению к слову родного языка. В результате «окрепшая» англоязычная единица начинает активно выталкивать из своей зарождающейся системы русскоязычные элементы и одновременно притягивать к себе новые англоязычные единицы. Данный процесс ведет к увеличению количества внутриязыковых иноязычных связей и их типологическому разнообразию. Эти связи взаимодействуют друг с другом по разным лингвистическим признакам и формируют ядро иноязычного сублексикона как качественно новой подсистемы (подсети или «малой сети») в единой («большой») сети ментального лексикона индивида.

Литература

Агибалов А.К. Вероятностная организация внутреннего лексикона человека: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. 18 с.

Доценко Т.И., Лещенко Ю.Е. Формирующийся иноязычный сублексикон взрослого: начальный этап // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 138–150.

Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та. 1990. 205 с.

Залевская А.А., Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия / Твер. гос. ун-т. Тверь. 2002. 194 с.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Институт русского языка РАН. М., 1999. 180 с.

Фрумкина Р.М. Проблемы восприятия слов в зависимости от их вероятностей // Проблемы языкознания: докл. и сообщ. X Междунар. конгр. лингвистов. М., 1967. С. 89–92.

Hakuta K. et al. How long does it take learners to attain English proficiency? / Hakuta K., Butler Y., Witt D. // University of California Linguistic Minority Research Institute (UC LMRI): Policy Report. 2000. Vol. 1. P. 28.

British National Corpus. [Электронный ресурс] URL: http://www.natcorp.ox.ac.uk (проверено 12.03.2011).

Л. А. Грузберг*
Пермский государственный университет

«СИСТЕМНОСТЬ» и «АНТИНОМИЧНОСТЬ» – ПОНЯТИЯ ВЗАИМОИСКЛЮЧАЮЩИЕ?

На первый взгляд, несомненно **да**. Ведь системность – это Ф. де Соссюр, структурализм, «язык в самом себе и для себя», статика, уравновешенность, устойчивость… Антиномии же – это В. фон Гумбольдт, язык как деятельность, связь с мышлением, динамика, диалектика…

Но все кардинально изменилось в 70-е гг. XX в., когда в лингвистическую науку пришло понятие **системы сложного динамизма** (ССД).

В отечественной лингвистике (пока мы говорим именно о лингвистике) этот термин впервые был использован в коллективной монографии «Общее языкознание» (в разделе, написанном Е.С. Кубряковой). Там отмечалось, что «системы сложного динамизма представляют собой новый тип объектов научного исследования, специфичных именно для современной науки» (Общее языкознание, 1970: 211).

Среди исследований, разрабатывавших основы теории ССД, были прежде всего названы «Динамические системы в физике и кибернетике» Н. Винера, «О моделировании сложных систем» И.Б. Новика и «Конструкция мозга» У. Эшби (там же: 308–311).

Несколько позже наряду с понятием **система сложного динамизма** стало использоваться синонимичное понятие **сложная динамическая система.**

Ряд исследователей считает, что разработку теории ССД активизировало бурное развитие кибернетики. Так, в работе И.Б. Новика «Сложные динамические системы», появившейся в сети Интернет в 2010 г., подчеркивается: «По мере распространения кибернетического подхода на все новые сферы явлений неуклонно расширяется область применения понятия сложной динамической системы. В этом находит одно из своих выраже-

* © Грузберг Л.А., 2011

ний современная тенденция к синтезу знаний» (Новик, 2010 [электр. ресурс]).

Объекты, к которым приложимо понятие систем сложного динамизма, наличествуют во многих науках. Примерами таких объектов могут служить человеческий мозг, биологический организм, социум, звездная галактика, Вселенная и т.п. Системы сложного динамизма характеризуются следующими основными особенностями.

1. Эти системы могут изменяться во времени, причем самопроизвольно, спонтанно, по скрытым параметрам.

2. ССД состоят из огромного множества разнородных элементов, связь между которыми не прямая, а иерархическая.

3. Третья особенность ССД – целостность. Парадоксально: она существует вопреки тому, что ССД составлена из подвижных и меняющихся элементов. При этом вся система в целом проявляет качества, не свойственные ее элементам по отдельности.

Эти особенности отражаются на принципах устройства и конкретной организации ССД: между элементами системы устанавливаются такие связи, которые отвечают способности систем к устойчивости, активной адаптации, известному саморегулированию, согласованию функций и структуры системы с той субстанцией, в которой она реализуется, и т.п.

Таким образом, любую ССД можно определить как «соподчиненную сложную взаимосвязь частей, дающую в своих противоречивых тенденциях, в своем непрерывном движении высшее единство – развивающуюся организацию» (Общее языкознание, 1970: 212).

Из всех свойств ССД, находящих в языке своеобразное отражение, наиболее важными для понимания его динамической сущности являются следующие пять:

1) особый характер взаимодействия со средой;
2) особый характер взаимодействия между составными частями системы;
3) относительная автономность отдельных звеньев системы в процессе их общего преобразования;
4) существование «скрытых параметров», недоступных прямому наблюдению;

5) относительная независимость внутренней структуры системы от ее вещественного субстрата.

Как любая другая ССД, язык не просто формируется средой, но и вступает с ней в многосторонние и разнообразные отношения. Язык отражает воздействие среды избирательно, в противном случае некоторые внешние воздействия могли бы вести не к развитию системы, а к ее разрушению (так, например, языком усваиваются далеко не все инновации). В результате взаимокоррелируемых отношений языка со средой вырабатывается **динамическая устойчивость** системы. Языки способны выразить новые понятия с помощью старых средств или компенсировать исчезновение одной единицы за счет появления другой и т.д.

Общим свойством ССД является то, что они всегда стремятся к состоянию относительного равновесия. Вследствие этого им присуща особая активность – адаптивная, т.е. удерживающая перемены в допустимых пределах и направленная на приспособление системы к среде, но не допускающая разрушения системы.

С этим связана **вторая** особенность ССД – динамическое взаимодействие отдельных частей системы. Сущность этой особенности заключается в том, что, хотя язык в целом сохраняет свою составленность из вполне определенных обязательных частей – фонетики, лексики, грамматики и т.д., конкретное соотношение этих частей и характер зависимости между ними на протяжении истории языка не остается неизменным. Функционирование и развитие языка всегда осуществляется за счет согласованного взаимодействия между отдельными частями системы (уровнями или подсистемами) и языковыми единицами. Языковая система – это совокупность элементов, организованных таким образом, что изменение, исчезновение или появление нового элемента закономерно отражается на остальных компонентах.

Третья особенность – это независимость общей перестройки языка от частных сдвигов. Язык по-разному реагирует на разные типы изменений и на перестройку, идущую внутри разных участков его структуры. В избирательном отношении к разным изменениям язык проявляет такую исключительно важную

зависимость: чем больше количество элементов, влияющих на устойчивость системы, тем меньшим является возмущающее воздействие каждого отдельного элемента на всю систему.

Эта закономерность ССД может помочь при объяснении многих явлений. Например, она объясняет, почему преобразование одной единственной оппозиции в фонологии имеет неизмеримо более серьезные последствия для языка, чем, скажем, десятки постоянно совершающихся семантических сдвигов. Все дело в том, что система фонологии формируется сравнительно небольшим числом отношений и единиц, а семантическая система, напротив, включает большое количество единиц и характеризуется огромным количеством разнородных связей.

Далее заметим, что протекание изменений проходит в разных условиях, специфические особенности которых наука иногда не в силах восстановить. Отсюда **четвертая** особенность языка как динамической системы – наличие скрытых и невыясненных причин языкового изменения.

Пятая особенность – известная независимость структуры языка от того вещественного субстрата, в котором она воплощается. Структура языка оказывается инвариантной по отношению к тем элементам, которые ее выражают и которые сами могут испытывать в это время довольно значительные изменения. Показательно, что новая интерпретация языковых изменений оказалась связанной скорее с выяснением системного статуса изменений, чем с прослеживанием материального преобразования единиц.

Элементы сложных динамических систем могут изменяться не одновременно и однонаправленно, а самопроизвольно, спонтанно, по скрытым параметрам, но при этом взаимосвязь, взаимодействие между элементами системы не разрушаются, т.е. система продолжает функционировать как единое целое.

Важно иметь в виду, что изменение единицы языка осуществляется не просто как изменение языковой единицы вообще, а как изменение **определенного компонента системы**, и поэтому оно не может быть самодовлеющим и изолированным, оно соотнесено с подсистемой, в которую входит, и влияет на содержание взаимозависимостей и связей, существующих в этой подсистеме. Рефлекс изменения какой-либо языковой единицы

сначала ограничен той подсистемой, в которую эта единица входит. Дальнейшее зависит от характера этой подсистемы, ее положения в соответствующем языковом ярусе и целостной структуре языка.

Как видим, языковой системе – как любой системе сложного динамизма – присущи

- подвижность и устойчивость;
- составленность из отдельных элементов и целостность;
- обладание свойствами, не сводимыми к сумме свойств элементов, ее составляющих;
- обусловленность и спонтанность изменений.

Следовательно, языковая система антиномична. А это означает, что соссюровская системность совершенно не исключает гумбольдтовской антиномичности языка.

Подход к языку как ССД позволяет преодолеть еще одно (теперь уже кажущееся) противоречие: при таком подходе фактор системности и фактор развития языка оказываются не взаимоисключающими, а диалектично сосуществующими, ведь один из важнейших принципов исследования сложных динамических систем – «органически соединить, слить идею развития с идеей структурности» (Новик 2010 [электр. ресурс]).

И пожалуй, самое важное: изучение языка как системы сложного динамизма с неопровержимостью доказало, что антиномичность свойственна не только языку как деятельности, но и языку как системе.

Литература

Новик И.Б. Сложные динамические системы. 2010. [Электронный ресурс] URL: http://naitex.ru/content/view/110/30/ (проверено 2.03.2011).

Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка / отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1970. 604 с.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТА И ВОПРОСЫ КОММУНИКАЦИИ

Л.Б. Волкова*
С.А. Сиротко-Сибирский*
Санкт-Петербургский государственный университет

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ И КУЛЬТУРНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ ТЕКСТА (к постановке проблемы)

В современной лингвистике существует множество определений текста, обусловленных прежде всего позицией ученого, его пониманием текста как продукта или процесса речевой деятельности, его интересом к динамическому, коммуникативному, или статическому, структурному, аспекту текста (см., например: Гальперин, 1981; Мурзин, Штерн, 1991; Синтаксис текста, 1979). Под текстом понимается, с одной стороны, «любое высказывание, состоящее из одного или нескольких предложений, несущее в себе, по замыслу говорящего, законченный смысл» (Москальская, 1981: 12). С другой стороны, текст рассматривается как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц..., объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленную прагматическую установку» (Гальперин, 1981: 18). Одним из наиболее емких определений текста можно считать психолингвистическое определение, сформулированное А.А. Леонтьевым и стимулировавшее множество экспериментальных исследований динамической природы текста. А.А. Леонтьев трактует текст «как опредмечен-

* © Волкова Л.Б., Сиротко-Сибирский С.А., 2011

ную форму акта коммуникации (ситуации общения), минимально необходимыми компонентами которого являются предмет коммуникации, автор и реципиент» (Леонтьев, 1979). В письменном тексте в снятом виде находят отражение все составляющие коммуникативного акта: автор и реципиент, ситуация общения, цели и установки говорящего и потенциального или реального слушающего.

Трактовка текста во многом предопределяет и метод исследования текста, его членение на составляющие, выделение его категориальных признаков. Однако категории текста как его наиболее общие и существенные признаки представляют собой ступеньки в познании онтологических, гносеологических и структурных признаков текста и носят характер универсалий (см., например: Тураева, 1986). Универсальные свойства текста обусловлены онтологически и функционально: текст в любой культуре отражает объективную реальность, факты материальной и идеальной деятельности людей и служит целям общения, информирования, воздействия, управления и т.д. Под культурной обусловленностью текста мы понимаем прежде всего национальную детерминированность процессов порождения, построения текста, связанную с действием множества факторов лингвистического и экстралингвистического характера. Вполне очевидно, что культурную обусловленность текстов можно рассматривать и в рамках единого национального языка постольку, поскольку можно говорить, например, о культуре устной и письменной речи, о культуре делового письма или научной прозы. Национально-культурная детерминация текста имеет в своей основе, с одной стороны, вполне определенные конвенциональные нормы создания текстов (например, нормы написания деловых писем или объявлений и т.д.), с другой стороны, сформированные в культуре и усвоенные ее носителями правила построения текста, которые не являются эксплицитно выраженными, т.е. используются более или менее бессознательно.

Исследование универсальных и культурно обусловленных параметров текста имеет теоретическое значение: оно необходимо для более полного понимания природы текста и законов текстопорождения. Кроме того, подобное исследование имеет и непосредственную практическую значимость в обучении ино-

странным языкам (и русскому как иностранному, в частности) и практике межкультурной коммуникации.

В отечественной лингвистике вопросам взаимоотношения универсального и культурно специфического в процессах текстопостроения, к сожалению, почти не уделялось внимания; необходимость сопоставительного анализа текстов возникала лишь в переводоведении при сравнении оригинального и переводного текста. Что касается зарубежной лингвистики, то проблемами соотношения текстовых структур, функционирующих в разных культурах, занимались лингвисты и методисты – преподаватели английского как иностранного, специалисты по бизнес-коммуникациям, риторике, стилистике (Connor, 1996; Donahue, 2008; Kaplan, 1966 и др.).

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы 1) дать обзор наиболее значимых работ, посвященных кросс-культурным исследованиям текста; 2) выявить параметры текста, релевантные с точки зрения оппозиции «универсальное – культурно обусловленное»; 3) обозначить круг вопросов, актуальных для сопоставительного изучения текстов на материале русского языка.

Одной из первых работ, посвященных кросс-культурным различиям текстовых структур, стало исследование Р. Каплана (Kaplan, 1966). На основе анализа английских эссе, написанных иностранными студентами, Р. Каплан сформулировал принцип линейного и нелинейного построения текста, свойственный той или иной культуре. Линейный, непрерывный тип структуры текста присущ британской вербальной культуре. Нелинейный, или прерывистый, тип построения текста реализуется в четырех моделях, которые условно были названы следующим образом: 1) параллельная организация; 2) круговая, или циклическая, организация; 3) нелинейная организация с тенденцией к избыточности и отступлениям от темы; 4) нелинейная организация с тенденцией к усложнению вводными конструкциями и пояснениями.

Параллельный принцип развертывания мысли свойственен арабской, семитской культуре. В основе построения эссе лежит идея параллелизма: высказанная идея находит завершение во второй части.

Круговая организация характеризует азиатские культуры (индонезийскую, корейскую, китайскую, японскую и т.д.). Предмет высказывания, или идея, рассматривается с разных сторон, в разнообразных ракурсах, под разными углами, но предмет никогда не освещается прямо и непосредственно. Автор текста, как правило, пишет о том, чем предмет не является, а не о том, что представляет собой описываемый предмет. Р. Каплан также называет данный тип построения текста непрямым.

Романская вербальная культура (к ней также причисляется немецкая) не имеет жестких схем развертывания текста и имеет тенденцию к отступлениям от темы, введению добавочных сведений, избыточных с точки зрения строго логического принципа изложения.

Наконец, четвертый тип рассматривается ученым как вариант третьего, но с небольшими отличиями, касающимися главным образом длины (размеров единиц текста), употреблением вводных конструкций, пояснений, осложняющих оборотов. Регион распространения – Восточная Европа, Россия.

Теоретическую базу исследования Р. Каплана составили слабый вариант гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа, американская теория композиции и генеративная риторика. Различия, проявляющиеся в эссе студентов, носят, по мнению Р. Каплана, национально обусловленный характер и связаны с родным языком учащихся, т.е. правила и нормы, сформированные на родном языке, проявляются в моделях текстов, создаваемых на иностранном языке.

Работа Р. Каплана вызвала большой интерес и стимулировала целый ряд контрастивных исследований разного характера. Некоторые исследования были направлены на верификацию выделенных типов структур, уточнение и дальнейшую разработку модели, другие ставили вопрос о возможности экстраполяции результатов на иные жанры и типы текстов.

Кросс-культурный анализ английских эссе на английском языке, написанных французскими и американскими студентами, продемонстрировал статистически значимые различия, проявляющиеся в 1) риторической структуре текста, в частности в использовании трех логических схем организации текста французами в отличие от одной схемы, употребленной американски-

ми студентами; 2) в абзацном членении текста; 3) в развертывании тематической прогрессии; 4) оформлении модальной рамки текста (Donahue, 2008).

Исследование, ориентированное на проверку достоверности линейной модели Р. Каплана, было проведено испанским лингвистом Р. Монрой-Казасом, который сопоставил тексты на испанском и английском языках, написанные носителями соответствующих языков. Результаты его анализа не выявили статистически значимых различий в показателях линейности/нелинейности, связанных с английским или испанским языками. В то же время были обнаружены количественные различия в значениях таких параметров, как выраженность сверхфразовой связи (когезии), уровень абстрактности/конкретности текста, степень ориентированности текста на читателя (Monroy-Casas, 2008). Дискуссионный материал содержится в работе Ю. Жу, которая провела анализ 29 рекламных писем на английском и китайском языках, показав, что китайскому деловому письму также присущ линейный характер организации информации. Различия между китайскими и английскими деловыми письмами лежат не в области линейности, а в средствах оформления, степени развернутости тех или иных смысловых блоков, тематической прогрессии и других параметрах, которые обусловлены прежде всего социальными и институциональными факторами (Zhu, 1997).

В настоящее время спектр контрастивных исследований значительно расширился: от сопоставления студенческих эссе до сравнения реальной практики бизнес-коммуникаций и академического (научного) дискурса (см., например: Writing across languages, 1987). Несмотря на, казалось бы, очевидную близость западноевропейских языков и национальных традиций, между текстами, созданными на этих языках, наблюдаются различия. Европейские лингвисты пытаются ответить на вопрос, чем текст носителя английского языка отличается от текста на английском языке, который порожден не носителем языка. Например, интересные данные были получены при сопоставлении научных статей финских и американских ученых. Было установлено, что финны реже употребляют средства связи, в меньшей степени представлена в английских статьях финнов метатекстовая ин-

формация. По-разному реализуется тематическая прогрессия текста: главный тезис вводится финскими учеными значительно позднее. Эти же особенности были обнаружены и при анализе заявок (предложений) на получение научных грантов (Mauranen, 1993).

При сопоставлении английских и французских научных работ отмечаются различия на макроуровне. Английские научные работы предполагают включение следующих пунктов: 1) обзор литературы; 2) обоснование темы; 3) определение проблемы; 4) доказательство важности ее разработки. Во французских научных текстах обзору литературы не придают большого значения, более значимой является оригинальность авторской точки зрения и ее подкрепленность авторитетом ученого, его статусом (Kramsch, 1998).

Контрастивный анализ польского и английского научного дискурса по психологии выявил различия в формах выражения модальности и объективности: английский текст характеризуется как более утвердительный, объективный и прямой (Golebiowski, 1998).

Тщательный анализ сходств и различий в деловом дискурсе британцев и голландцев проведен в работе Е. де Грот (Groot de, 2008). Ученый обращается к исследованию годовых отчетов британских и голландских компаний, составленных на английском языке. Работа представляет интерес прежде всего потому, что 1) сравнению подвергаются деловые документы международного уровня, к которым в силу развития процессов глобализации предъявляются определенные общие требования; 2) сопоставление проводится на всех уровнях организации текста – лексическом, синтаксическом, коммуникативно-прагматическом; 3) анализируется роль вербальной и невербальной информации в тексте (в частности фотографий, графиков, схем); 4) предпринимается попытка объяснения фактов различий на основе учета широкого круга факторов, включая особенности менталитета, традиции деловой культуры, ориентацию на определенные группы потребителей и т.д. Важно отметить, что при естественно ожидаемом большом сходстве британских и голландских годовых отчетов были обнаружены различия практически на всех уровнях организации текста.

Проведенный обзор отдельных значимых, с нашей точки зрения, работ не является, безусловно, полным и исчерпывающим. Тем не менее он позволяет сделать некоторые выводы относительно универсальности категорий текста, способов их представления в языковом сознании носителя языка и форм (или параметров) выражения в тексте. Сама возможность проведения контрастивных исследований свидетельствует о существовании общей базы, основы для сопоставления, а категории, составляющие базу, имеют, соответственно, универсальный характер. Проблему в данном случае представляет лишь отсутствие единой теории текста или приверженность ученых к той или иной модели текстовой организации, что затрудняет сопоставление и обобщение данных, полученных в результате различных исследований.

Рассматривая изложенный материал с точки зрения используемых учеными параметров (факторов или оснований сравнения), можно выделить такие категории, как связность, структурность, модальность, тематическая прогрессия, т.е. базовые категории текста, выделяемые в российской лингвистике 70–80-х гг. Однако реализация этих категорий в текстах, принадлежащих разным культурно-языковым традициям, оказывается различной. Влияние культурно обусловленных факторов может выражаться количественно (большая или меньшая частотность тех или иных параметров) и качественно (использование принципиально других средств или предпочтение альтернативных способов выражения). Безусловно, следует отметить, что контрастивный анализ осуществлялся или на материале английского языка, или с использованием английского языка как основания для сравнения, т.е. исследования имеют отчетливо выраженный англоцентристский характер. В то же время уже можно говорить о включении российских лингвистов в контрастивные исследования и поиск закономерностей и специфики текста на русском языке (см., например: Горшкова, 2010; Сирик [электр. ресурс]; Чернявская, 2010).

Таким образом, предварительные итоги анализа проблемы могут быть сформулированы в виде следующих положений:

1) можно считать доказанной объективность существования культурно обусловленных параметров текста;

2) сложность сопоставительных исследований текста усугубляется использованием различных методов анализа и терминосистем;
3) в настоящее время наблюдается англоцентризм проводимых исследований;
4) на материале русского текста проблема практически не разработатывается.

Литература

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.

Горшкова И.В. Социокультурные особенности англоязычного дискурса эссе // В мире научных открытий. 2010. № 4. Ч. 3. С. 33–35.

Леонтьев А.А. Понятие текста в современной лингвистике и психолингвистике // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия / под ред. Ю.А. Жлуктенко, А.А. Леонтьева. Киев: Изд-во при Киевском гос. ун-те издательского объединения «Вища школа». Киев, 1979. С. 7–18.

Москальская О.И. Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981. 183 с.

Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991. 172 с.

Синтаксис текста / отв. ред. Г.А. Золотова. М.: Наука, 1979. 368 с.

Сирик Л.В. Судебная речь в России и США // Закон: интернет-журнал Ассоциации юристов Приморья. [Электронный ресурс] URL: [http://www.proknadzor.ru/analit/show_a.php?id=261&pub_name] (проверено 9.03.2011).

Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика). М.: Просвещение, 1986. 127 с.

Чернявская В.Е. Есть ли у научного текста интеркультурные различия? (основные направления исследований) // Стереотипность и творчество в тексте: сб. науч. ст. / под ред. Е.А. Баженовой; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. Вып 13. С. 21–35.

Connor U. Contrastive rhetoric: Cross-cultural aspects of second language writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 216 p.

Donahue T. Cross-Cultural Analysis of Student Writing Beyond Discourses of Difference // Written Communication. 2008. Vol. 25. № 3. Pp. 319–352.

Golebiowski Z. Rhetorical approaches to scientific writing: An English-Polish contrastive study // Text. 1998. Vol. 18. № 1. Pp. 67–102.

Groot de E. English annual reports in Europe: A study of the identification and reception of genre characteristics in multimodal annual reports originating in the Netherlands and in the United Kingdom. Ultrecht: LOT, 2008. 348 p.

Kaplan R.B. Cultural thought patterns in intercultural education // Language Learning. 1966. № 16. Pp. 1–20.

Kramsch C. Language and Culture. Oxford: Oxford University Press, 1998. 134 p.

Mauranen A. Cultural differences in academic rhetoric. Frankfurt am Main: Peter Lang. 1993. 280 p.

Monroy-Casas R. Linearity in Language: Rhetorical-discursive Preferences in English and Spanish in the Light of Kaplan's Model // IJES (International Journal of English Studies). 2008. Vol. 8.2. Pp. 173–189.
Writing across languages: Analysis of L2 text / eds. Connor U., Kaplan R.B. Reading, MA: Addison-Wesley. 1987. 202 p.
Zhu Y. An analysis of structural moves in Chinese sales letters // Text. 1997. Vol. 17. № 4. Pp. 543–566.

И.А. Баринова*
Пермский филиал Нижегородской академии МВД РФ

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИЗУЧЕНИЯ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА

В настоящее время, когда наука обратилась к речи, тексту, дискурсу, смысл начинает фигурировать как одна из наиболее фундаментальных категорий (Новиков, 2007). Совершенно очевидно, что главная трудность в изучении смысла заключается в отсутствии возможности наблюдать его непосредственно. Поэтому косвенным проявлением смысла обычно считают различного рода вторичные тексты: пересказ, реферат, конспект, набор ключевых слов. (Ср. замечание Р. Якобсона о том, что единственная возможность дать толкование – это создать другой текст (Якобсон, 1995: 362).) Порождение таких вторичных текстов называют вторичной текстовой деятельностью. Данного рода деятельность представляет собой ценный материал для исследования текста и смыслообразования в процессе его восприятия.

Основными параметрами текста считают цельность и связность (Леонтьев, 1974; Сахарный, 1991). Из анализа различных определений цельности (целостности, семантической связности, имплицитной связи, тематичности) следует, что общим является наличие единого объекта описания (темы). Цельность корреспондирует с содержанием, со смыслом текста. При различных перифразах текста цельность сохраняется, т.е. она имеет парадигматическую природу. В результате экспериментального ис-

* © Баринова И.А., 2011

следования показано, что основная, ядерная цельность отражается в наборе ключевых слов текста (НКС) (Штерн, 1992). Исследование выделения и функционирования НКС позволяет утверждать следующее: «НКС является видом предельного сжатия текста. Наиболее адекватным способом его нахождения является экспериментально-статистический, когда НКС определяется по ответам группы испытуемых. Оптимальной является группа из 20–30 испытуемых» (Сиротко-Сибирский, Штерн, 1988). Рассмотрение кривой распределения частот различных ключевых слов (КС) говорит о том, что можно выделить не один, а несколько НКС. Наличие высокочастотного ядра отражает то общее в восприятии текста («инвариантный смысл», в терминах Л.А. Черняховской), что дает возможность адекватно участвовать в акте коммуникации. Низкочастотный же хвост свидетельствует о разнообразии толкований текста, об актуализации тех или иных подтем или ситуаций, героев и т.п. (Штерн, 1992).

Постоянно текущее «формирование» НКС при восприятии текста каждым реципиентом опирается на некоторый комплекс сигналов КС, к которым можно отнести определенные тематические и рематические места в предложении, повышенную частотность КС, выделенность с помощью просодических средств.

Набор ключевых слов можно считать одним из предельных видов перифразы-свертывания, отражающим основные принципы действия механизма компрессии текста. Отсутствие, как правило, в НКС специальных средств связности (предлогов, союзов, глаголов-связок) уменьшает степень конкретности «значения» высказываний, но не лишает говорящего возможности передачи основного содержания, основного замысла текста. НКС как текст-«примитив» обладает основной характеристикой, присущей тексту как таковому – цельностью (Сахарный, 1991).

Экспериментальное исследование двух параметров текста – цельности и связности – подтвердило предположение об относительной автономности цельности и связности при функционировании текста. С одной стороны, испытуемые при восприятии текста запоминают структуру текста и пользуются ею при воспроизведении, меняя внутри семантическую информацию; а с другой стороны, они зачастую не производят анализа структу-

ры, т.е. связности (например, при тексте-НКС), и ассоциативным путем конструируют содержание по отдельным принятым лексемам (там же).

Таким образом, основополагающим фактором, позволяющим говорить о тексте как таковом, оказывается не связность (как эксплицитный, формально-структурный феномен синтаксической организации), а цельность (как имплицитный, функционально-коммуникативный феномен соотнесения текста с одним объектом, простым или сложным). Передать эту цельность – главное в коммуникации. При этом одна и та же цельность может быть реализована в синонимичных друг другу текстах, различающихся степенью развернутости и структурой. Таким образом, цельность как явление парадигматическое характеризует всю динамическую парадигму синонимичных друг другу текстов – от отдельного слова до традиционного «крупного» текста. Структуры конкретных текстов, в которых оформляется эта цельность, могут широко варьироваться в зависимости от типа коммуникативной ситуации.

В динамической парадигме синонимичных друг другу текстов, построенных на базе одного и того же инварианта цельности, в качестве базового текста рассматривается и текст разговорной речи (РР), не имеющий той степени развернутости и структурированности, которая обычно характерна для «нормированных» текстов, являющихся объектом описания собственно лингвистики текста. Исследование структуры текста РР и его основных параметров – цельности и связности – предоставляет возможность выявления некоторых общих закономерностей процессов текстопостроения и текстовосприятия в целом. Анализ текстов РР представляет собой один из возможных путей, позволяющих установить ряд актуальных факторов, определяющих развертывание текста говорящим. При построении текста РР образуются достаточно простые структуры, которые являются своего рода основой для создания развернутых текстов, помогают выявить и сохранить инвариант цельности развернутого текста. В текстах РР, как и в детской речи или речи афатиков, внешняя формальная связность может быть нарушена. Это означает, что при восприятии РР реципиент в поисках смысла и целостности содержания вынужден опираться не столько на

внешнюю форму текста, сколько на внутреннюю, другими словами, ему необходимо обращение непосредственно к структуре содержания.

Основываясь на представлении о возможности презентации смысла посредством вторичных текстов, а также о цельности и связности текста, мы провели экспериментальное исследование с использованием текстов-перифраз.

Выдвигается гипотеза о принципиальном единстве стратегий построения «нормального» развернутого текста на кодифицированном литературном языке (КЛЯ) и текста РР. В основе этих стратегий оказывается цельность как инвариант содержания текста, которая может быть выявлена, в частности, для текста РР в различного рода перифразах. Полученные в эксперименте НКС к тексту РР, отредактированный экспертами текст на КЛЯ и текст письменного пересказа, рассматриваются нами как «тексты-синонимы» к исходному тексту РР, так как передают один и тот же инвариант цельности. Сопоставление употребления слов НКС к тексту РР как в данном тексте, так и в текстах-«перифразах» помогают выявить специфику реализации цельности и связности в текстах каждого из этих видов речи. При «переводе» исходного текста РР в текст на КЛЯ происходит прежде всего изменение формы представления содержания, т.е. средств связности, при максимальном стремлении сохранить то же содержание. При письменном пересказе исходного текста РР происходит прежде всего изменение самого содержания – в пределах общей цельности – за счет актуализации «центральной» части цельности.

В проведенных нами экспериментах испытуемые выделяли слова, являющиеся, по их мнению, «стержневыми» для понимания текста. Задание выполнялось как по предъявленному испытуемым исходному тексту-диалогу РР, так и по синонимичному ему тексту «перевода» на КЛЯ. По методике, предложенной С.А. Сиротко-Сибирским и А.С. Штерн, определялись НКС трех видов – большой, средний и малый – для текста РР и текста на КЛЯ.

По формуле Спирмена определялся коэффициент ранговой корреляции данных распределений ключевых слов. Достаточно высокий коэффициент ранговой корреляции (для больших НКС

он составил 0,78) показывает, что «деграмматикализованный» (с точки зрения КЛЯ) текст РР и отвечающий традиционной грамматической норме текст на КЛЯ, передают принципиально один и тот же инвариант цельности. Несмотря на различие в оформлении, форме текста, испытуемые понимают эту цельность и передают ее в новом тексте – НКС, отличном по форме от данных, но являющемся перифразой исходного текста.

Представляется, что основные типы устранения случаев употреблений КС текста РР при «переводе» его в текст на КЛЯ связаны с особенностями тема-рематической организации текста на КЛЯ. При «переводе», как правило, устраняются

1) избыточные фрагменты текста с явным дублированием в развертывании ремы, вызванным устным спонтанным характером речи (например, повторы как вариации в процессе саморедактирования и т.п.);

2) фрагменты текста, передающие излишнюю, по мнению редактирующего, детализацию ремы, ее маргиналии;

3) фрагменты текста, в которых слово, только что употребленное как рематический элемент, повторяется уже как тематический элемент.

Процесс «перевода» текста РР в текст на КЛЯ показывает уменьшение числа реальных словоупотреблений ключевых слов, выявляя тем самым (в отличие от формального анализа текста) ключевой или неключевой характер каждого словоупотребления слова, являющегося реализацией лексемы-КС.

Результаты эксперимента также показали, что собственно ключевые слова, употребленные в тексте РР, при «переводе» текста на КЛЯ устраняются в несколько раз реже, чем замещающие их в том же тексте местоимения. Структурирование цельности текста РР отражается в организации его тема-рематической структуры. Развертывание тема-рематической структуры есть актуализация компонентов цельности текста. Представляется, что организация тема-рематических структур в тексте РР, предопределяет синтагматическую организацию этого текста в целом. В связи с этим выделяются некоторые характерные черты тема-рематической организации текста РР: частое отсутствие темы (данного) в тема-рематическом блоке текста; своеобразные связи между ремами в тексте (контактные, ди-

стантные, связи с парадигматической заменой более крупных блоков текста).

В связи с актуальным членением текста РР выявляются зоны расположения ключевых слов в линейном развертывании текста, которые, в определенной степени, отражают «тематичность» или «рематичность» каждого КС в его употреблении в тексте или «субтексте». Отдельное КС, с помощью которого можно передать основное содержание текста, нами рассматривается как слово-текст (своего рода «предельный» НКС), являющееся минимальным средством для выражения цельности. Отдельное КС является «центром» при передаче основного нерасчлененного инварианта цельности. Сложная иерархия смысловых структур в тексте РР отражается в расположении как отдельных КС, так и всего НКС в структуре развернутого текста. Отдельное КС в развернутом тексте или «субтексте» обычно является самым частотным знаменательным словом. Это, как правило, тематическое слово, определяющее тему описания. Выделение отдельного КС в тексте или «субтексте» при индексировании с помощью КС также сопровождается подбором слов-характеристик к выделенному тематическому слову. Такие слова-характеристики могут быть двух типов: а) «тематического», тяготеющие к началу последовательности слов, идущих от отдельного КС и удаленных от него влево и вправо не более чем на три знаменательных слова; б) «рематического», тяготеющие к концу такой последовательности в текстах нейтральных стилей. В текстах же разговорной речи, в связи с инверсией порядка слов и своеобразным расположением рематических элементов, такие слова-характеристики могут как находиться в конце этой последовательности, так и тяготеть к началу последовательности слов, идущих от отдельного КС. Проведенный анализ показал, что от 60 до 100% слов, составляющих большой НКС к тексту РР, расположено в указанных зонах (причем чем более монолитным тематически является текст, тем этот выше процент).

А.С. Штерн и С.А. Сиротко-Сибирский отмечают, что наряду с признаками цельности и связности набору ключевых слов присущи также другие признаки:

- количество ключевых слов в наборе может варьироваться в довольно широких пределах;
- вариантность выделенного НКС зависит от выбора опорных элементов ситуации, а значит, от понимания инварианта текста;
- КС чаще всего обозначают субъектов действия (т.е. отражают тему текста), но в отдельных случаях могут быть и предикатами;
- КС, как правило, не являются наиболее частотными для языка словами, но встречаемость их в тексте обычно выше их лингвистической вероятности

(Сиротко-Сибирский, Штерн, 1982).

Таким образом, анализ результатов проведенного эксперимента позволяет считать, что в процессе формирования смысла при восприятии текста ведущую роль играет именно цельность, а не формальная связность его языковых единиц. Цельность является тем инвариантом, который позволяет считать различные формы представления исходного текста (перифразы) текстами-синонимами, в которых отражаются как содержание, так и смысл исходного текста.

Литература

Леонтьев А.А. Принципы связности и цельности текста. // Лингвистика текста: матер. науч. конф. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1974. Ч. 1. С. 168–172.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. М.: Институт языкознания РАН, 2007. 224 с.

Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / отв. ред. Е.С. Кубрякова. М.: Наука, 1991. С. 221–237.

Сиротко-Сибирский С.А., Штерн А.С. К измерению качества работы предметизатора // Предметный поиск в традиционных и нетрадиционных информационно-поисковых системах. Л., 1988. № 8. С. 201–219.

Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992. 236 с.

Якобсон Р.О. лингвистических аспектах перевода // Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 61–369.

Е.В. Ягунова*
Санкт-Петербургский государственный университет

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА В ИССЛЕДОВАНИИ ТЕКСТОВ Н.В. ГОГОЛЯ

Введение

В этой статье приводятся результаты исследования процедур понимания текста, где понимание текста приравнивается к извлечению из него информационной структуры. Извлечение наиболее важной информации, передаваемой текстом, **может** быть смоделировано через процедуры выделения ключевых слов текста. В результате этих процедур исследователь получает наборы ключевых слов (см.: Сахарный и др., 1984; Сахарный, Штерн, 1988; Сиротко-Сибирский, 2006 и др.). Ключевые слова в наборе заведомо неравноправны не только по степени уверенности отнесения слова к ключевым, но и по определению специфической роли для каждого ключевого слова.

Важно, что информационная структура текста принципиально неоднозначна, как неоднозначно наше понимание любого текста. Особенно ярко неоднозначность информационной структуры проявляется в случае моделирования художественного текста. В предлагаемом вашему вниманию модельном исследовании процедур понимания текста большое внимание уделяется формальным признакам и сопоставительному анализу поведения, условно говоря, разных типов адресатов: носителя языка и автомата.

В статье с помощью предложенной методики производится краткий анализ особенностей произведений Н.В. Гоголя. Причина выбора материала лежит в наличии более или менее тематически однородных серий произведений, позволяющих формировать мини-коллекции для вычислительного эксперимента, и «тематической уникальности» каждой из этих мини-коллекций.

Цели и задачи

Цель нашего проекта в целом – изучить в ходе единого исследования разнообразные процедуры извлечения ключевых

* © Ягунова Е.В., 2011

слов из текста, объединив существующие подходы и методики – от эксперимента с информантами до вычислительного эксперимента (см. об этом: Ягунова, 2010а, 2010б). Один из важных аспектов этого проекта – анализ зависимости реализуемых процедур выделения ключевых слов от

- функционального стиля текста (художественного, научного, новостного, официально-делового);
- темы, стиля, жанра и т.д.;
- стиля конкретного писателя;
- тематики произведения или цикла произведений рассматриваемого писателя.

В статье мы ставим следующие цели:

- исследовать информационные структуры, представленные распределением ключевых слов на фоне неключевых (всех прочих), для произведений Н.В. Гоголя;
- проанализировать формальные признаки, важные для формирования наборов ключевых слов;
- сопоставить информационные структуры и/или наборы ключевых слов при восприятии текста информантом и автоматом.

Ограничимся в данном исследовании изучением следующих формальных признаков:

1) частотой встречаемости слова (класса слов) в конкретном тексте;
2) характером распределения слова (класса слов) по тексту.

Сопоставление частоты встречаемости в тексте с частотой встречаемости по корпусу можно считать третьим формальным признаком. Этот формальный признак, как правило, является главным для систем автоматического понимания текста, т.е. для моделирования понимания таким адресатом, как автомат.

Для того чтобы были реализованы цели исследования, необходимо решить следующие задачи:

1) определить ключевые слова в ходе вычислительного эксперимента с использованием коэффициента важности *TF-IDF*;
2) выделить ключевые слова в ходе эксперимента с информантами;
3) провести сопоставительный анализ ключевых слов;
4) провести анализ распределения слов по тексту.

Материал и методика

Материалом исследования послужили 3 наиболее однородные по тематике коллекции:

1) «Петербургский цикл»;
2) «Мертвые души»;
3) произведения украинской тематики[1].

Основой для проведения вычислительного эксперимента служила методика с использованием меры *TF-IDF*. Это традиционная статистическая мера, применяемая для оценки важности слова в контексте документа, являющегося частью коллекции документов[2]. Мера *TF-IDF* является произведением двух сомножителей: *TF и IDF*.

TF (term frequency – частота слова) оценивает важность слова t_i в пределах отдельного документа:

$$TF = \frac{n_i}{\sum_k n_k},$$

где n_i есть число вхождений слова в документ, а в знаменателе – общее число слов в данном документе.

IDF (inverse document frequency – обратная частота документа) – инверсия частоты, с которой некоторое слово встречается в документах коллекции:

$$IDF = \log \frac{|D|}{|(d_i \supset t_i)|},$$

где $|D|$ – количество документов в корпусе; $|(d_i \supset t_i)|$ – количество документов, в которых встречается t_i (когда $n_i \neq 0$). Учет *IDF* уменьшает вес широкоупотребительных слов.

Большой вес по *TF-IDF* получат слова с высокой частотой в пределах конкретного документа и с низкой частотой употреблений в других документах.

---

[1] 1) «Петербургские повести»: «Портрет», «Шинель», «Нос», «Невский проспект», «Коляска», «Записки сумасшедшего»; 2) «Мертвые души»; 3) Украинская тематика: «Вечера на хуторе близ Диканьки» и цикл «Миргород» («Вий», «Тарас Бульба», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»).

[2] Программная реализация вычислительного эксперимента осуществлена Л.М. Пивоваровой. Пользуясь случаем, хочу выразить ей благодарность.

На основании весов слов – значений меры – мы можем определить (потенциально) ключевые слова – слова, наиболее важные для содержания конкретного текста и/или подколлекции по отношению к заданному контексту (коллекции).

Правильность этого определения зависит, главным образом, от того, насколько корректно определен **контекст**, а именно коллекция, с которой сравниваются слова интересующего нас текста или подколлекции (цикла).

Анализируемые подколлекции (циклы) текстов Н.В. Гоголя сопоставлялись с оставшимися подколлекциями текстов Н.В. Гоголя и коллекциями текстов А.П. Чехова, сборниками «Человек в футляре», «Рассказы. 1887», «Рассказы. Повести. 1888–1891», «Рассказы. Повести. 1892–1894», «Рассказы. Повести. 1894–1897». Наш выбор контекста определяется требованием максимальной однородности.

Для проведения эксперимента использовалась традиционная методика проведения эксперимента с информантами по стандартной инструкции А.С. Штерн (Мурзин, Штерн, 1991): «Вспомните “Петербургские повести” Н.В. Гоголя. Подумайте над их содержанием. Выпишите 10–15 слов, наиболее важных для их содержания»; «Вспомните “Мертвые души” Н.В. Гоголя...»; «Вспомните украинский цикл Н.В. Гоголя (“Миргород” и “Вечера на хуторе близ Диканьки”)...». Единственное отличие от традиционного варианта заключалось в том, что информантам предлагалось вспомнить тексты, т.е. оценивалось остаточное знание текста.

В экспериментах по определению КС для каждого из трех циклов участвовало по 21 информанту. В качестве информантов выступали профессиональные филологи (не студенты), хорошо знающие русскую классику. К участию в эксперименте не привлекались преподаватели русской литературы в школе или вузе, чтобы образовательные методики, программы, стандарты не повлияли на результат эксперимента.

Результаты

Ниже приведены списки потенциально ключевых слов, выделенных с использованием коэффициента важности *TF-IDF*; слова упорядочены по убыванию значения этой меры. Пороговое значение определялось эмпирически.

Можно сказать, что определяемые таким образом слова представляют собой наименования действующих лиц, мест и событий. (Полужирным шрифтом выделены слова, относящиеся к пересечению множеств ключевых слов, выделяемых в ходе вычислительного эксперимента и в ходе эксперимента с информантами.)

«Петербургские повести»: ***Акакиевич,*** *Ковалев,* ***Акакий,*** *Яковлевич,* ***майор****, Шиллер, Чартков,* ***Пискарев****,* ***проспект****, Чертокуцкий, чорт,* ***портрет****, человек,* ***Невский****, глаза, Гофман, рука, лицо, медж, пуф,* ***нос****, квартальный, бакенбарды, время, департамент, голова, комната,* ***художник****, слово, Испания, штаб-офицерша, беспрестанный,* ***шинель,*** *ростовщик, асессор, коллежский, титулярный, коломна, лорнет, прыщик, Рафаэль, Фидель, Психея, происшествие,* ***чиновник****, дама, казаться.*

«Мертвые души»: ***Чичиков****,* ***Ноздрев****,* ***Манилов****, Селифан,* ***Собакевич****, Костанжогло, человек,* ***Плюшкин****, Платон, Хлобуев, тентетник, слово, рука, тентетников, время, Копейкин, Мураз, Антонович, Петрушка,* ***бричка****, Платонов, лицо,* ***купчая****, Павел, город, сторона, глаз, Кошкарев, место, ассигнация, герой,* ***души****, дама, голова, Леницын, поэма, чубарый, думать, Иванович, жизнь, Бог, дом, барин, полицеймейстер, председатель.*

Украинская тематика: ***козак****,* ***Никифорович****, пан, хата, запорожец,* ***козацкий****, Андрий, Тарас, Остап, Данило, курень, Катерина,* ***Иван****, Бульба, парубок,* ***Днепр****, дьяк,* ***черевички****, рука,* ***Чуб****,* ***кузнец****, свитка,* ***Голова****, галушка, Левко, Оксана, Янкель, хлопец, Петро, сотник, человек, лях,* ***Вакула****, Миргород,* ***Солоха****, Хома, есаул,* ***панночка****, Григориевич, куренной, Прокофиевич, гетьман, Дорош, комиссар,* ***Иванович****, шинок.*

Для вычислительного эксперимента имеют существенное значение такие факторы, как частотность слова в тексте, наличие/отсутствие очевидной внутренней формы (ср. например, Коробочка) и даже «правильность» формоизменительной парадигмы.

В таблицах 1–3 приведены результаты эксперимента по выделению ключевых слов информантами; количественные данные приведены в абсолютных числах (указывается число информантов, записавших в анкете данное слово).

По предварительным результатам информационная структура «Петербургских повестей» отличается максимальной компактностью и прозрачностью; для этого цикла наблюдается достаточно большое количество ключевых слов, выделяемых на основании и эксперимента с информантами, и вычислительного эксперимента (см. список и табл. 1). Списки потенциально ключевых слов, выделяемых на основании вычислительного эксперимента и эксперимента с информантами, хорошо демонстрируют различия между двумя типами информационных структур: извлекаемой человеком в процессе понимания текстов vs автоматом при реализации процедур информационного поиска.

Таблица 1

Ключевые слова, полученные в результате эксперимента с информантами («Петербургские повести») [3]

№	Ключевые слова	i1	i2
1	***шинель***	15	15
2	***нос***	9	12
3	***художник***	11	11
4	***чиновник***	11	11
5	***Невский***	9	9
6	***Акакий***	9	9
7	***проспект***	8	8
8	***портрет***	6	8
9	*сумасшествие*	7	7
10	*Петербург*	7	7
11	*мечта*	4	5
12	***майор***	5	5
13	*страх*	4	4
14	*холод*	4	4
15	***Акакиевич***	3	3
16	*обман*	2	3
17	*Пирогов*	3	3
18	***Пискарев***	3	3

[3] Здесь и далее: «i1» – число информантов, записавших слово в данной форме, «i2» – число информантов, записавших данную лексему, «i3» – число информантов, записавших слово с точностью до «класса эквивалентности» (например: *губернатор* и *губернаторский*; *Россия* и *Русь*).

Таблица 2

Ключевые слова, полученные в результате эксперимента с информантами («Мертвые души»)

П/п	Ключевые слова	i1	i2	i3
№	*помещик*	5	10	
1	***бричка***	8	8	
2	*тройка*	8	8	
3	***Чичиков***	8	8	
4	*дорога*	7	7	
5	*Коробочка*	7	7	
6	***Плюшкин***	7	7	
7	***купчая***	6	6	7
8	***Манилов***	6	6	
9	***Собакевич***	6	6	
10	***души***	3	6	
11	*мертвые*	6	6	
12	*губернатор*	2	5	
13	***Ноздрев***	5	5	
14	*крепостные*	3	3	4
15	*Россия*	3	3	6

Информационная структура подколлекции «украинская тематика» характеризуется максимальной неоднородностью. Обращает на себя внимание то, что списки ключевых слов, выделяемые для этой подколлекции в ходе вычислительного эксперимента, интуитивно кажутся адекватными для понимания текстов носителем языка (представления информационной структуры носителями языка).

Данные, полученные на материале поэмы «Мертвые души», оказываются промежуточными (между подколлекциями «Петербургские повести» и «украинская тематика»).

Слово *дорога* также оказывается ключевым по мнению информантов (38% информантов отметили его в анкетах). Однако это слово довольно частотно в русском языке (в том числе и в текстах Н.В. Гоголя и А.П. Чехова, составляющих контрастивную коллекцию). В «Мертвых душах» эта лексема встречается 119 раз, но в вычислительном эксперименте это слово не было выделено в качестве ключевого, так как оно частотно не только для этого произведения.

Таблица 3

Ключевые слова, полученные в результате эксперимента с информантами (украинская тематика)

№	Ключевые слова	i1	i2	i3
1	*черт*	9	11	
2	*ночь*	9	9	12
3	***панночка***	7	7	
4	***кузнец***	7	7	
5	***черевички***	6	6	
6	*Рождество*	6	6	
7	*любовь*	5	5	
8	*гусак*	5	5	
9	***Иван Иванович***	5	5	
10	*ярмарка*	5	5	
11	*ведьма*	3	4	
12	***Голова***	4	4	
13	***Иван Никифорович***	4	4	
15	*праздник*	4	4	
16	***Солоха***	4	4	
17	***Чуб***	4	4	
18	***казак***	2	4	
19	*парубок*	2	4	
20	*Украина*	3	4	
21	*Ивана Купала*	2	3	
22	***Вакула***	3	3	
23	*Вий*	3	3	
24	***Днепр***	3	3	
25	*еда*	3	3	
26	*звезды*	3	3	
27	*нечисть*	3	3	
28	*русалка*	2	3	
29	*смех*	3	3	
30	*хутор*	3	3	

Аналогично словами, которые являются ключевыми только на основании эксперимента с информантами, но не по результатам вычислительного эксперимента, стали следующие:

- «Петербургские повести»: *мечта* (10), *обман* (2), *страх* (20), *холод* (2);

- украинская тематика: *ночь* (125), *любовь* (10)[4].

Проиллюстрируем анализ роли таких формальных признаков как частота встречаемости в конкретном тексте и распределение по тексту.

Для того чтобы подобный анализ был наиболее наглядным, Д. Ландэ были «реализованы инструментальные средства, позволяющие визуализировать плотность встречаемости слова в тексте в зависимости от ширины окна наблюдения. В... спектрограмме по горизонтали откладываются номера вхождения слова в тексте, а по вертикали – ширина окон наблюдения (начиная со значения 1 в самом низу; вхождения слова в данном случае выделяется светло-серым цветом). Если в соответствующее окно наблюдения попадает несколько целевых слов, то оно закрашивается более интенсивным оттенком темного» (Ландэ, 2009)[5].

Возьмем для примера некоторые ключевые слова и их формальные описания на материале первого тома «Мертвых душ». Наиболее иллюстративным оказывается описание разных действующих лиц (ср. Ягунова, 2010б).

На рисунке 1 представлена спектрограмма, отражающая распределение наименования главного действующего лица: лексема *Чичиков* в тексте встречается 467 раз.

Интерпретация очень высокой частоты встречаемости и почти равномерного распределения по тексту с большой вероятностью – уже на основании анализа формальных признаков – приводит к решению о том, что Чичиков является главным действующим лицом (ср. список и табл. 2).

Покажем возможность классификации других действующих лиц. На рисунке 2 представлена спектрограмма для лексемы *Манилов* (105 словоупотреблений в тексте), на рисунке 3 – для лексемы *Ноздрёв* (143 словоупотребления), на рисунке 4 – для лексемы *Собакевич* (106 словоупотреблений), на рисунке 5 – для лексемы *Плюшкин* (46 словоупотреблений), на рисунке 6 – для лексемы *Копейкин* (32 словоупотребления), на рисунке 7 – для лексемы *помещик* (44 словоупотребления).

[4] В скобках приведена частотность лексемы в рассматриваемом тексте и/или цикле (коллекции).

[5] Сервис Д.В. Ландэ доступен по адресу http://ling.infostream.ua/jag/.

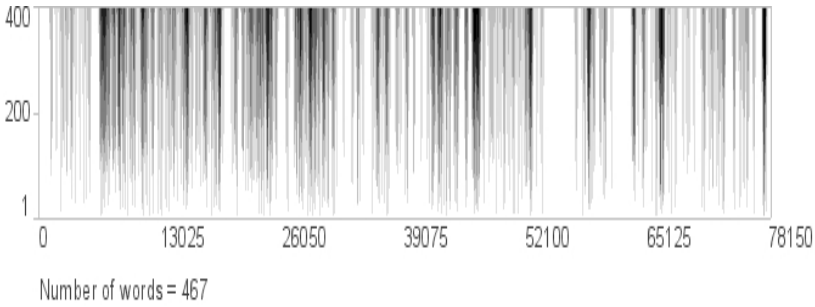


Рис. 1. Распределение встречаемости лексемы *Чичиков* в тексте первого тома «Мертвых душ»

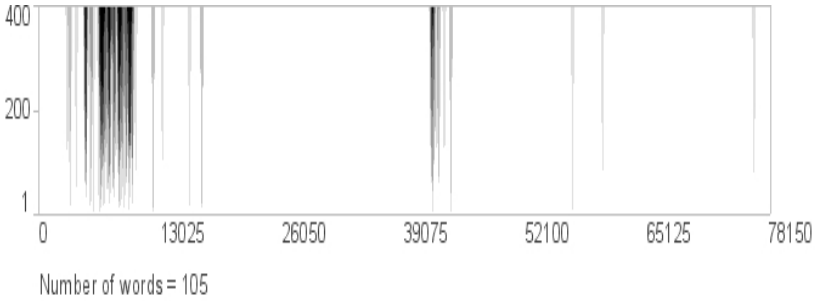


Рис. 2. Распределение встречаемости лексемы *Манилов* в тексте первого тома «Мертвых душ»

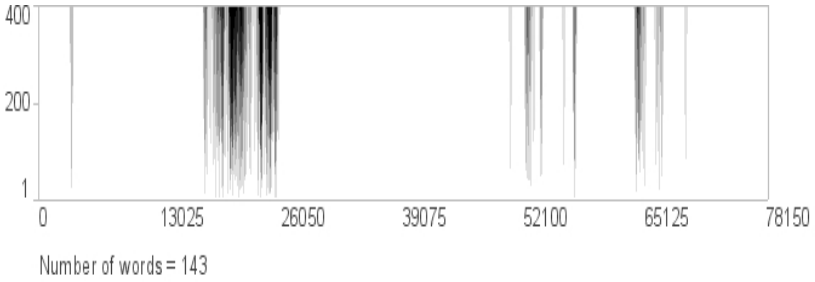


Рис. 3. Распределение встречаемости лексемы *Ноздрёв* в тексте первого тома «Мертвых душ»

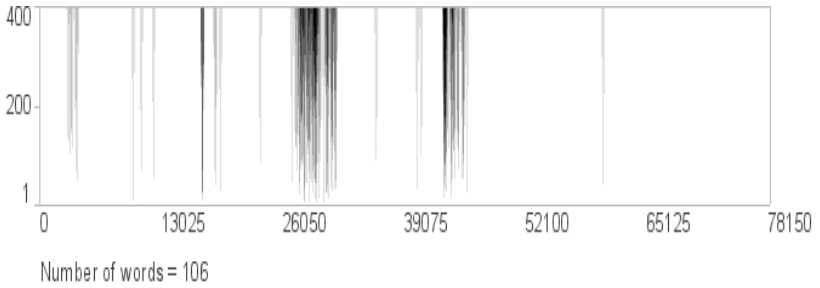


Рис. 4. Распределение встречаемости лексемы *Собакевич* в тексте первого тома «Мертвых душ»

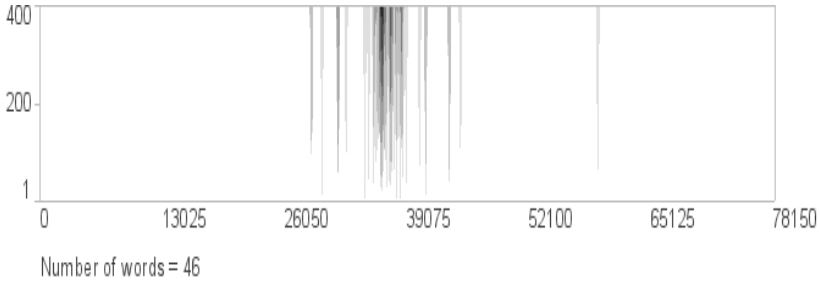


Рис. 5. Распределение встречаемости лексемы *Плюшкин* в тексте первого тома «Мертвых душ»

Лексемы *Манилов* и *Ноздрёв* характеризуют следующие признаки:

- высокая частота встречаемости;
- неравномерность распределения, т.е. сосредоточеннось главным образом в «своем» фрагменте текста; для этих двух лексем наблюдается почти полное отсутствие пересечения.

Лексема *Манилов* тяготеет к началу текста, что, вероятно, сообщает ей несколько более высокую степень «важности», которая может компенсировать чуть меньшую частоту встречаемости (по сравнению с лексемой *Ноздрёв*).

Лексему *Собакевич* (как и лексемы *Манилов*, *Ноздрёв*) характеризует высокая частота встречаемости, но ее отличает рассредоточение по двум основным фрагментам. Лексему *Плюшкин* отличает средняя частота встречаемости и сосредоточение, глав-

ным образом, на одном фрагменте. Между распределениями лексем *Собакевич* и *Плюшкин* наблюдается пересечение.

Все рассмотренные выше ключевые слова выделяются как в вычислительном эксперименте, так и в эксперименте с информантами.

Дополнить классификацию действующих лиц нам поможет рассмотрение таких специфичных и потенциально ключевых слов, как *Копейкин* и *помещик*. Потенциально ключевое слово *Копейкин* выделяется только в вычислительном эксперименте (см. список), а *помещик* определяется только в эксперименте с информантами (причем именно *помещик* записывает в анкетах большинство информантов; см. табл. 2).

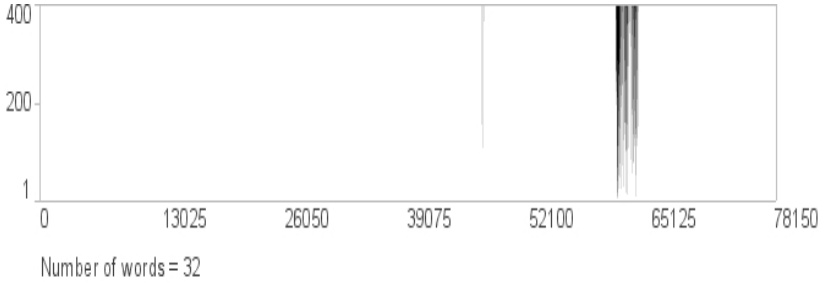


Рис. 6. Распределение встречаемости лексемы *Копейкин* в тексте первого тома «Мертвых душ»

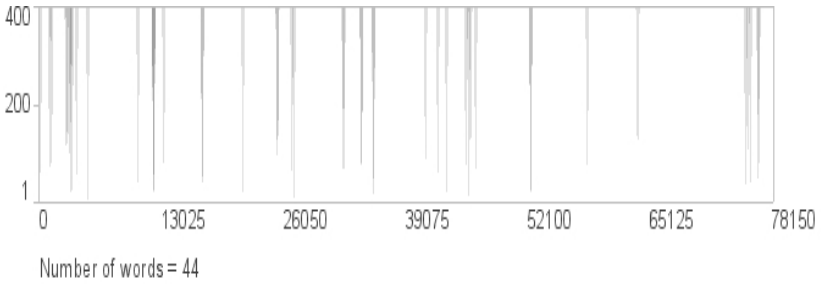


Рис. 7. Распределение встречаемости лексемы *помещик* в тексте первого тома «Мертвых душ»

Для лексемы *Копейкин* характерна средняя частота встречаемости, она сосредоточена только на одном фрагменте («Повесть о капитане Копейкине»); на основании формальных кри-

териев этому слову можно было бы приписать сравнительно высокую степень «важности».

Лексеме *помещик* свойственна средняя частота встречаемости и почти равномерное распределение; на основании формальных критериев вероятна низкая степень «важности». Обобщенность этой номинации делает ее малоинформативной как с точки зрения рассматриваемых формальных признаков, так и с точки зрения возможностей вычислительного эксперимента.

Второй тип рассматриваемых нами ключевых слов можно назвать «ключевыми словами, аккумулирующими содержательные вехи описания и/или рассуждения» (Ягунова, 2010б).

Лексемы *дорога* и *бричка* характеризуют средневысокая частота встречаемости, сравнительно равномерное распределение по тексту (включая конец или начало текста). Эти признаки дают возможность, рассматривать лексемы *дорога* и *бричка* как потенциально ключевые. Лексема *бричка* оказывается ключевой на основании всех данных (ср. список и табл. 2). Лексема *дорога* не выявляется на основании вычислительного эксперимента в силу высокой общеязыковой частоты встречаемости. С некоторой долей условности можно сказать, что эти два ключевых слова ведут себя как аналоги наименований действующих лиц.

Лексема *тройка* выделялась только в ходе эксперимента с информантами; и лексема *тройка*, и лексема *купчая* характеризуются низкой частотой встречаемости.

В распределении потенциального ключевого слова *тройка* есть сосредоточение в конце текста, поэтому все же есть возможность формально отнести его к разряду важных.

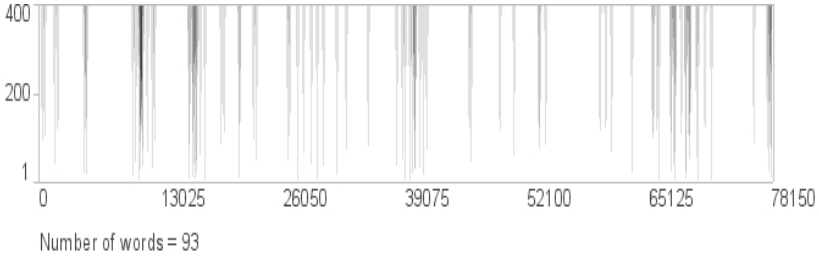


Рис. 8. Распределение встречаемости лексемы *дорога* в тексте первого тома «Мертвых душ»

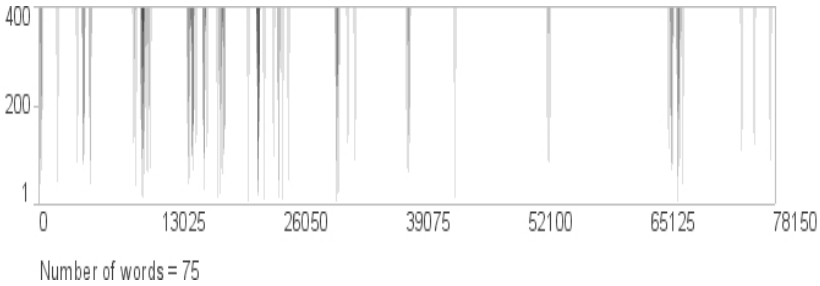


Рис. 9. Распределение встречаемости лексемы *бричка* в тексте первого тома «Мертвых душ»

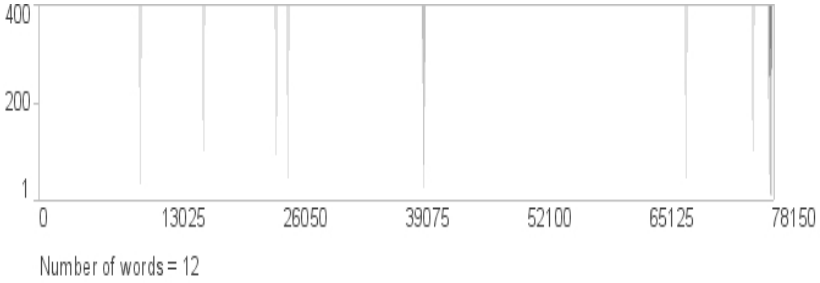


Рис. 10. Распределение встречаемости лексемы *тройка* в тексте первого тома «Мертвых душ»

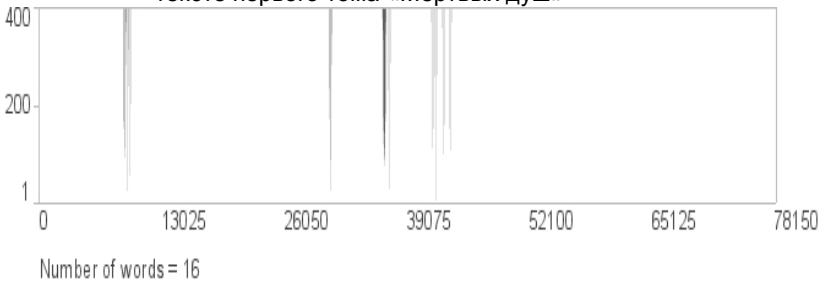


Рис. 11. Распределение встречаемости лексемы *купчая* в тексте первого тома «Мертвых душ»

В распределении потенциального ключевого слова *купчая* нет тяготения к началу или концу текста; на основании данных о распределении невозможно отнести эту лексему к «важным». Однако она определяется как ключевая в ходе обоих экспериментов: статистическая мера *TF-IDF* оказывается эффективной

благодаря низкой частоте встречаемости (даже для анализируемого контекста).

Вместо заключения

Как уже говорилось во введении, информационная структура текста – особенно художественного– принципиально неоднородна и неоднозначна, как неоднозначно наше понимание любого текста. Обсуждаемые в статье наборы ключевых слов, полученных в ходе вычислительного эксперимента и эксперимента с информантами, дают возможность сопоставительного анализа разных видов понимания. В качестве результатов понимания мы рассмотрели информационные структуры, извлекаемые принципиально разными типами адресатов: носителем языка и автоматом.

В данной статье были кратко показаны основные различия информационных структур в зависимости от выбора одной из трех коллекций («Петербургские повести», «Мертвые души» и «украинская тематика»). Они различаются как степенью однородности, так и преобладающими типами ключевых слов.

На материале «Мертвых душ» представлена иллюстрация возможностей использования формальных признаков (видов распределения в тексте) и варианта классификации типов ключевых слов (прежде всего, действующих лиц).

Для полноты картины сопоставим полученные результаты с теми данными, что были получены нами на материале научных текстов (предметной области «корпусная лингвистика»). Для научных текстов предлагаемая методика дает еще более четкие результаты выделения и классификации ключевых слов (Ягунова, 2010а). Различительная сила слова, оцениваемая с использованием формального признака (*TF-IDF*), гораздо выше для научного текста, чем для художественного. Различие между художественными и научными текстами состоит прежде всего в весах этих признаков.

Рассматривая результаты предложенного подхода как следствие различий информационных структур текстов (коллекций), можно получить ответы на многие вопросы:

- о различии между текстами внутри одного функционального стиля,

- о различии между текстами (информационными структурами) в зависимости от функционального стиля текста,
- о ядерном или периферийном положении текста в рассматриваемом корпусе или корпусах и т.д.

Литература

Ландэ Д.В. Визуализация статистики вхождения слов // Горизонты прикладной лингвистики и лингвистических технологий: матер. Междунар. конф. MegaLing'2009. Киев, 2009. С. 63–64.

Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 172 с.

Сахарный Л.В. и др. Набор ключевых слов как текст / Л.В. Сахарный, С.А. Сибирский, А.С. Штерн // Психолого-педагогические и лингвистические проблемы исследования текста. Пермь, 1984. С. 81–83.

Сахарный Л.В., Штерн А.С. Набор ключевых слов как тип текста // Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности. Пермь, 1988. С. 34–51.

Сиротко-Сибирский С.А. О проблеме понимания текста в лингвистике и психолингвистике // ...Слово отзовется: памяти А.С. Штерн и Л.В. Сахарного. Перм. гос. ун-т. Пермь, 2006. С. 63–68.

Ягунова Е.В. Формальные и неформальные критерии вычленения ключевых слов из научных и новостных текстов // Русский язык: исторические судьбы и современность: матер. IV Междунар. конгр. исследователей русского языка. М., 2010а. С. 533–534.

Ягунова Е.В. Эксперимент и вычисления в анализе ключевых слов художественного текста // Философия языка. Лингвистика. Лингводидактика: сб. науч. тр. каф. ин. яз. и философ. ПНЦ УрО РАН. / отв. ред. В.Т. Юнгблюд. Пермь, 2010б. Вып. 1. С. 85–91.

Е.С. Худякова*
Пермский государственный университет

ТЕМА, СМЫСЛ, СИТУАЦИЯ ТЕКСТА И ЕГО ТИП[1]

Предметом рассмотрения в статье стали соотношения между смыслом, темой, ситуацией текста, отраженными в наборе ключевых слов (НКС) текста, с одной стороны, и типом текста, в данном случае жанрово-стилистическим – с другой.

* © Худякова Е.С., 2011

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 11-14-59012 а/У.

Подобный вопрос возник не случайно. Согласно мнению А.С. Штерн, ключевые слова (КС) позволяют провести компрессию текста по смыслу и несут в тексте существенную смысловую нагрузку (Штерн, 1991: 74). Несмотря на то что компрессия текстов является популярнейшей методикой для исследования различных категорий текстуальности, вокруг нее образовалось терминологическое облако, поскольку в зависимости от предмета исследования НКС связывают то с темой, то со смыслом, то с ситуацией текста.

Мы не видим нашей задачей выяснение различий между перечисленными выше терминами, так или иначе соотносимыми с НКС, и даже более – не пытаемся сказать что-то новое о НКС «в себе» (что было в полной мере проделано в трудах А.С. Штерн, ее учеников и коллег), но пытаемся показать, что анализ НКС является полезным для построения типологии текстов.

В немецкой лингвистической традиции при обсуждении типологии текстов всегда утверждается, что текст должен представлять собой вариант некоторого инварианта – текстотипа (texttyp, textsorten) – определенной схемы, которая может быть обнаружена путем абстракции во всех текстах определенной группы (Schaffner, 2000: 210). Текстотип – это основание для классификации некоторой группы текстов.

Ю.А. Левицкий показал, что типологизация текстов может производиться по двум основным параметрам: собственно лингвистическим, например, по типу связности элементов текста, или экстралингвистическим, таким как стилистическая или жанровая форма (Левицкий, 2002: 56).

Цель данного исследования – показать, что интралингвистические характеристики: качественные характеристики НКС и набора типичных слов (НТС) – связаны с жанрово-стилевой типологией текстов. Для достижения этой цели необходимо, во-первых, выяснить, совпадают ли наиболее нагруженные по смыслу и наиболее «типичные» единицы текста, и если да, то в какой мере; во-вторых, установить, для каких текстов базовые смысловые компоненты выступают основой для «типа текста» (проще говоря, какие «типы текста» отражаются в НКС); в-третьих, рассмотреть, что представляют собой ключевые слова

текста в соотношении с понятиями «смысл», «тема» и «ситуация».

Мы воспользовались методикой эксперимента по выявлению ключевых слов, предложенной А.С. Штерн (Штерн, 1991: 74–76), согласно которой информантами в тексте определяются слова, наиболее нагруженные по смыслу; далее путем статистических процедур устанавливается ядро НКС, которое и фиксирует смысл текста. В качестве материала исследования были использованы следующие тексты: разговорный диалог из архива кафедры общего и славянского языкознания, устав детского спортивного общества (Устав туристско-спортивного клуба «Адреналин» [электр. ресурс]), рассказ Линор Горалик (Горалик [электр. ресурс]), научная статья Е. Соколинской (Соколинская, 2003) и публицистическая статья, опубликованная в газете «Московский комсомолец» (Озерова, 2010). Данные тексты были выбраны, во-первых, потому, что демонстрируют черты типичности для своего жанра и стиля (являясь «эталонами» своего типа); во-вторых, потому, что достаточно невелики по объему (от 450 до 600 словоупотреблений).

Информанты (40 студентов 3 и 4 курсов филологического и исторического факультетов Пермского государственного университета) выявляли в текстах наиболее нагруженные по смыслу единицы (КС). Кроме того, мы просили информантов определить единицы, наиболее «типичные» для данной разновидности текста. Сравнение совпадений между НКС и НТС позволит выяснить, связана ли смысловая база текста с типичностью, иными словами, является ли «смысл» текста основанием для его отнесения наивными носителями языка к тому или иному типу.

Кроме того, в анкету был добавлен пункт, содержащий просьбу определить собственно тему текста, для того чтобы установить наличие совпадений между смысловыми вехами и формулировкой темы. Л.В. Сахарный указывал, что «выбор КС связан с реализацией структур ассоциативного поля к данному ОКС (основное ключевое слово – прим. *Е.Х.*), причем чем стандартнее, банальнее РТ (развернутый текст – прим. *Е.Х.*), тем чаще КС совпадают со стереотипными ассоциациями, тяготеющими к ядру этого поля» (Сахарный, 1988: 28).

Для выяснения связи НКС и ситуативности анализировались лексико-грамматические характеристики ключевых слов в каждом типе текстов. Кроме того, как считали Л.В. Сахарный и А.С. Штерн, «НКС варьирует в зависимости от выбора опорных элементов ситуации, а значит, от понимания инварианта РТ (его цельности)» (Сахарный, Штерн, 1988: 40), поэтому интересно было рассмотреть и ситуативный статус КС.

Результаты эксперимента представлены в таблице.

Таблица

Объемы НКС и НТС в различных типах текстов

Текст	НКС		НТС	
	Объем	**Доля в тексте, %**	**Объем**	**Доля в тексте, %**
Диалог	17	4,0	19	4,5
Устав	37	7,0	61	11,6
Рассказ	32	12,3	18	6,9
Научная статья	61	13,0	56	12,0
Публицистическая статья	64	9,7	59	8,9

Для **разговорного диалога** объем НКС составил 17 единиц (4% от общего объема текста); ядро НКС достаточно компактно и представляет собой типичное ситуативное развертывание исходного текста: три тематических единицы – *зачет* (97,5%), *ансамбль* (72,5%) и *по расписанию* (44%) – и две предикативные – *сдаем* (17,5%) и *перебаламутили* (40%).

НТС, напротив, не связан с ситуацией текста и фиксирует только специфические маркированные разговорные единицы – просторечные слова, жаргонизмы и локализмы: *главно* (92,5%), *ээ* (97,5%), *белиберда* (87,5%), (*я*) *такая* (52,5%), *перебаламутили* (45%), *в полноги* (37,5%), *бээ* (15%), *щас* (100%), *зайки* (17,5%), *летит* (57,5%), *чо* (42,5%), *как его* (37,5%) и *седня* (40%). Как видно, ни с ситуацией текста, ни с темой НТС не связан и содержит большое количество служебных слов. НТС диалога включает 19 единиц (4,5% от общего объема текста), но его ядро достаточно объемно и почти совпадает с общим объемом НТС. Совпадения между НКС и НТС разговорного текста не-

значительны и составили лишь 4 единицы: *белиберда*, *перебаламутили*, *отзанимались* и *сёдня*, что объясняется, с одной стороны, тем, что они отражают ситуацию текста, с другой стороны, их разговорной маркированностью.

Тема текста всеми информантами была зафиксирована с помощью ситуативных словосочетаний, не содержащихся в списке КС, причем 50% информантов обозначили тему диалога как «Неразбериха с расписанием». В целом НКС может быть рассмотрен как уточнение и развитие этой ситуации.

Общий объем НКС **рассказа** составил 31 единицу (12,3% общего объема текста). Ядро НКС рассказа включает 9 слов: *врасплох* (42,5%), *вспомнил* (50%), *сосредоточился* (45%), *представил* (57,5%), *готов* (55%), *случится* (40%), *он* (5%), *досидит* (42,5%), *до конца* (75%) – и практически полностью предикативно, поскольку основное содержание данного текста – описание мыслительных операций героя, который зафиксирован в НКС как *он*.

Ядро НТС достаточно невелико и включает следующие единицы: *сверкало* (40%), *мобильник* (62,5%), *всё* (7,5%), *распустив губы* (75%), *завороженно* (85%), *честное слово* (40%). По-видимому, с типичностью художественного произведения наши информанты связывали наличие эпитетов, что, возможно, обусловлено ожиданием развернутых описаний. Однако оставим это лишь на уровне гипотезы, которая требует проверки с использованием художественных произведений различной функциональной семантико-стилистической направленности (не только повествования, но и описания и рассуждения). Но единицы, встречающиеся в полных НКС и НТС рассказа, как и ядро НКС, ситуативны и фиксируют мыслительные операции: *вспомнил*, *мысленно*, *перебрал*, *представил*, *фотографий*, *затем*, *честное слово*. Отметим, что объем пересечения НТС и НКС не слишком велик, а слова, входящие и в НКС, и в НТС, связаны с ситуацией текста.

Тема рассказа всеми информантами сформулирована однословно, всегда не совпадает со словами из текста и в большинстве случаев фиксирует именно смысл текста (кстати сказать, весьма неожиданно понимаемый большинством информантов: «любовь», «смерть», «воспоминание», «семья», «время», «маль-

чик», «авиакатастрофа», «прощание»), а не ситуацию, что, вероятно, характерно в первую очередь для художественных текстов.

В тексте **устава** объем НКС составил 37 единиц (7% от объема исходного текста). В его ядро вошли 11 слов: *устав* (77,5%), *положения* (92,5%), *цели* (62,5%), *задачи* (60%), *содержание* (92,5%), *деятельности* (80%), *членство* (60%), *руководящие* (67,5%), *органы* (82,5%), *имущество* (85%), *ликвидация* (62,5%). 9 слов из ядра НКС представляют собой микротемы устава, которые определяют жанровую специфику этого типа документов.

НТС текста устава составил 61 единицу (11,6% от общего объема текста). В его ядро вошли 22 единицы: *устав* (42,5%), *именуемый* (75%), *осуществляет* (37,5%), *в соответствии с* (62,5%), *законом* (40%), *на принципах* (45%), *содействует* (20%), *обеспечивает* (42,5%), *материально-технической* (72,5%), *пропаганду* (7,5%), *комитетами* (45%), *юридическим* (65%), *хозяйственно-финансовую* (42,5%), *производственную* (27,5%), *на основе* (40%), *имеют право* (45%), *обладает правом* (40%), *всемерно* (42,5%), *органы* (67,5%), *контроль* (80%), *субвенции* (62,5%), *по решению* (40%). Знаменательные ядерные единицы НТС можно разделить на три группы: это глаголы, фиксирующие ситуацию правоустановления (*осуществляет*, *содействует*, *обеспечивает*, *имеют право* и *обладают правом*), свойственные уставу как жанру юридического подстиля; существительные, обозначающие субъекты и объекты правоустановления (*комитетами*, *органы*, *контроль*, *субвенции*, *материально-технической базы*); а также прилагательные, уточняющие характер правоустановления (*юридическим*, *хозяйственно-финансовую*, *производственную*, *материально-технической*). Четвертую крупную группу НТС составляют производные предлоги и наречия, обозначающие порядок реализации процедур правоустановления (*в соответствии с*, *на принципах*, *на основе*, *всемерно*, *по решению*). Все единицы являются стилистически маркированными (так называемыми «канцеляризмами»), в содержательном плане обозначают ситуацию правоустановления. Таким образом, ситуативная характеристика, поддержанная формальной маркированностью единиц,

для устава может считаться основанием для типологизации, прежде всего, отнесения к жанру устава.

Этот вывод поддерживается и данными о совпадениях в НКС и НТС – их 14: *устав*, *положения*, *деятельности*, *органы*, *законом*, *образовательного учреждения*, *уставом*, *содействует*, *обеспечивает*, *осуществляет*, *взаимодействует*, *руководствуется*, *обладает*, *руководящие*. Эти слова также являются стилистически маркированными и обозначают ситуацию правоустановления. Подчеркнем, что ситуативность в тексте диалога или рассказа денотативна, относится к области «реального мира», тогда как ситуация устава – виртуальна, ее участники, процессы, атрибуты относятся к миру «правовых объектов».

Тема текста для устава в 80% случаев определена как «устав», в остальных случаях как «документ» (8%), «общие положения» (5%) и «правила» (7%).

НКС текста **научной статьи** составил 61 единицу (13% общего объема текста). Его ядро включило следующие 20 слов: *способы* (62,5%), *конструирования* (52,5%), *гендерной* (40%), *идентичности* (42,5%), *практик* (12,5%), *особенности* (65%), *влияние* (27,5%), *подразумеваем* (42,5%), *если* (25%), *типы* (25%), *мы* (10%), *формирование* (52,5%), *способами* (30%), *исследования* (55%), *показывают* (7,5%), *говорить* (5%), *структуре* (40%), *высказывания* (62,5%), *средств* (15%), *влиянии* (10%). Как и в случае с НКС устава, НКС научной статьи фиксирует ситуацию, в данном случае – объект и ход научного поиска.

НТС научной статьи включил 13 единиц: *в дискурсе* (25%), *осветить* (50%), *на определении* (5%), *описании* (42,5%), *с точки зрения* (40%), *следующие* (37,5%), *стратегии* (50%), *структура* (60%), *безусловно* (47,5%), *основополагающими* (45%), *аспекта* (27,5%), *исследования* (20%), *к примеру* (62,5%). Как видим, это снова стилистически маркированные единицы: общенаучные термины и так называемые способы создания связности в научном тексте.

Достаточно большое количество совпадений между НКС и НТС статьи (18 слов) можно объяснить совмещением «формальных» и «содержательных» признаков маркированности (под содержательными признаками имеются в виду способы

передачи ситуации текста: *гендерной*, *идентичности*, *дискурс*, *лексические*, *грамматические*, *структура*, *стратегии*, *высказывания*, *среды*, *дискурсивных*, *практик*, *экспрессивную*, *подразумеваем*, *являются*, *основополагающими*, *исследования*, *мы*, *на определении*).

Тема научной статьи сформулирована всеми испытуемыми неоднословно (в большинстве случаев с помощью отглагольного существительного с зависимым словом). В 30% случаев этим существительным стало существительное *описание*, с расширением *описание исследования* или *описание идентичности*; в 15% случаев – слово *исследование* (*исследование гендерной идентичности, исследование Интернет-дискурса, исследование Интернет-общения, исследование онлайн среды*). Как видим, темы носят «виртуально»-ситуативный характер.

В НКС текста **публицистической статьи** вошли следующие единицы: *больничные* (52,5%), *законопроект* (75%), *Госдума* (50%), *больничных листов* (72,5%), *МК* (5%), *ухудшают* (35%), *нарушают* (10%), *ужас-ужас* (92,5%), *разгромными* (47,5%), *заключениями* (40%). Ядро НКС носит ярко выраженный ситуативный характер, причем в классическом понимании «ситуации» текста: зафиксированы и участники, и их действия и, что особенно важно, оценки этих действий.

НТС также ситуативен, но также содержит специальные оценочные единицы и журналистские клише (*сдали*, *проглотят*, *«медведи»*) и включает следующие единицы: *сдали* (50%), *без боя* (52,5%), *об ужасе* (67,5%), *тихая* (5%), *история* (10%), *интересно* (40%), *ужас* (42,5%), *«медведи»* (30%), *издевательством* (47,5%), *ужас-ужас* (57,5%), *шепотом* (67,5%), *будоражить* (52,5%), *проглотят* (50%).

По-видимому, в случае с публицистическим текстом типичность связана с ситуативностью и оценочностью: эти характеристики могут считаться стилеобразующими и жанрообразующими факторами. Поэтому понятно самое большое количество совпадений НКС и НТС в газетной статье: их 21 – *больничные*, *Госдума*, *стажевый порог*, *ужас-ужас*, *разгромными*, *правительство*, *скандального*, *страшно*, *издевательством*, *МК*, *об ужасе*, *обременительным*, *проглотить*, *профсоюзы*, *дыра*, *порочный*, *сдали*, *эти…*, *в общем*, *ужас*, *отбили*; все они ситуа-

тивны («кто?», «что сделал?») и имеют резкую негативную окраску, что свойственно жанру проблемно-аналитической статьи.

Тема текста в случае с аналитической статьей 72% информантов сформулирована однословно и всеми – с использованием оценочной лексики (например: *несправедливость, критика, ухудшения, правительство плевать хотело, возмущение, обман, издевательство* и др.).

Итак, по нашему мнению, замечание Л.В. Сахарного о том, что НКС может послужить базой для типологии текстов, кажется действительно важным и интересным. И хотя мы представили лишь начальную стадию исследования, вероятно, подобные работы могут иметь и стилистическую перспективу: ясно, что НКС именно научных, официально-деловых и публицистических текстов фиксируют ситуацию текста и при этом обычно включают маркированные единицы, выражающие основные функциональные семантико-стилистические категории соответствующего стиля или жанра (как в случае устава). НКС этих типов текстов имеют значительное пересечение с НТС, а темы также фиксируют ситуацию текста: наши информанты отождествили тему и ситуацию.

Интересны случаи разговорного и художественного текстов. В обоих вариантах наблюдается резкое расхождение НКС и НТС: последний неситуативен и включает слова, которые, вероятно, были отобраны как маркированные. Такое резкое несовпадение НКС и НТС у текстов, чья стилевая отнесенность до сих пор остается предметом дискуссий, по-видимому, еще раз доказывает необходимость осторожного отношения к терминам «разговорный стиль» и «художественный стиль».

Литература

Левицкий Ю.А. Проблемы лингвистики текста / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2002. 108 с.

Сахарный Л.В. Расположение ключевых слов в структуре развернутого текста (к изучению деривационных механизмов компрессии текста) // Деривация в речевой деятельности: Общие вопросы. Текст. Семантика / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1988. С. 27–29.

Сахарный Л.В., Штерн А.С. Набор ключевых слов как тип текста // Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения

иноязычной речевой деятельности / Перм. политехн. ун-т. Пермь, 1988. С. 34–51.
Штерн А.С. Восприятие текста // Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 69–162.
Schaffner C. The role of genre for translation // Analysing professional genres / ed. by A. Trosborg. Philadelphia, PA, USA: John Benjamins Publishing Company, 2000. Pp. 209–224.

Источники

Горалик Л. Врасплох. [Электронный ресурс] URL: http://linorg.ru/koroche.html (проверено 12.09.2011).
Озерова М. Больничные «сдали» без боя // Московский комсомолец. 20 октября 2010. № 25480. С. 1.
Соколинская Е. Способы конструирования гендерной идентичности в дискурсе чата // Гендер: язык, культура, коммуникация: матер. Третьей международной конференции / Московский гос. лингв. ун-т. М., 2003. С. 103–104.
Устав туристско-спортивного клуба «Адреналин». [Электронный ресурс] URL: http://nkoya.narod.ru/p53aa1.html (проверено 12.09.2011).

Л.В. Игнаткина*
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И ЕГО ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

На заре своей научной деятельности А.С. Штерн с энтузиазмом занималась исследованием звукового символизма, в результате появились такие статьи, как «Объективное изучение субъективных оценок звуков речи» (Штерн, 1967) и «Объективные критерии выявления эффекта звуковой символики» (Штерн, 1969). Впоследствии она всегда поддерживала стремление своих коллег и студентов к использованию фоносемантического подхода при лингвистическом рассмотрении литературных произведений. В частности, она помогала А.П. Журавлеву в осуществлении психолингвистических экспериментов по определению фонетических значений. Результаты обработки этих экспериментов представлены в его книге «Фонетическое значение»

* © Игнаткина Л.В., 2011

(Журавлев, 1974). Настоящая статья также написана в русле идей А.С. Штерн.

Исследование звуковой стороны поэтических текстов проводилось на основе анализа стихотворений: «Летний сад» А.А. Ахматовой (полностью 16 строк), «Камыши» К.Д. Бальмонта (полностью 18 строк) и «Отговорила роща золотая» С.А. Есенина (первые 16 строк). Все три стихотворения созданы в одну историческую эпоху и посвящены описанию природы летне-осеннего периода. Тематическая близость произведений предопределила их общую тональность, поэтому априори предполагалось, что фонетические различия будут заключаться в нюансах, а сходство позволит выявить звуковые закономерности восприятия и отображения природных явлений в поэтической речи.

Основываясь на идеях и методиках проведения фонетического анализа звуковой структуры текстов, мы рассчитали принятые в таких случаях коэффициенты: консонантную насыщенность (консонантный коэффициент), частоты встречаемости гласных фонем, ударных гласных фонем и согласных фонем в каждом стихотворении – и сделали выводы о значимости лингвистических единиц для ассоциативного восприятия поэтических произведений. Все данные получены по транскрипции письменных текстов, отражающей нормативное литературное произношение, и представлены в графиках и диаграммах.

Консонантный коэффициент во всех трех стихотворениях имеет близкие значения. В стихотворении «Летний сад» он равен 1,51; в «Камыши» – 1,48; в «Отговорила роща» – 1,45. Этот показатель несколько выше, чем в кодифицированном литературном языке (КЛЯ), в котором «на каждый гласный звук приходится около 1,38 согласных» (Бондарко, 1998: 153). Справедливости ради надо отметить, что полученные на исследуемом материале данные из-за малых выборок имеют частный характер и в целом могут не отражать специфики поэтических текстов.

Данные о составе гласных фонем в трех стихотворениях (см. рис. 1) говорят о большом вокалическом сходстве. Чаще других гласных во всех случаях реализуются /*a*/, /*u*/, /*o*/, реже /*e*/, /*ы*/, /*y*/. В стихотворениях «Камыши» и «Отговорила роща» частотный ряд гласных полностью совпадает. Среди различий

можно отметить максимально частое из всех гласных во всех стихотворениях употребление /*а*/ в стихотворении «Камыши» (41%) и /*и*/ в стихотворении «Летний сад» (28%). Реже, чем в других случаях, встречается /*е*/ в «Камышах» и /*ы*/ в «Летнем саду». Если объединить фонемы переднего ряда /*и*/ и /*е*/, то окажется, что в стихотворении «Летний сад» преобладает яркая, светлая голубовато-желто-зеленая цветовая гамма (цветовые соответствия здесь и далее берутся из работы: Журавлев, 1974).

Интересно, что /*ы*/, который ассоциируется с черным и темно-коричневым цветом, во-первых, является самым низкочастотным гласным в стихотворении «Летний сад», во-вторых, встречается реже, чем в других произведениях.

Ударная гласная фонема. В экспериментальных исследованиях по восприятию речи весьма убедительно доказано, что фактор «ударная гласная» является одним из самых значимых, поэтому его нельзя оставить без внимания. А.С. Штерн утверждала: «Важность опознания ударного гласного для опознания всего слога и слова, а также неодинаковость опознания различных гласных замечена давно. Об этом еще в начале 50-х гг. писал Л.Р. Зиндер..., а позднее – ряд зарубежных исследователей... Фактор «ударная гласная» и по нашим данным является самым существенным для восприятия слогов и одним из важнейших факторов для восприятия слов» (Штерн, 1992: 92–93).

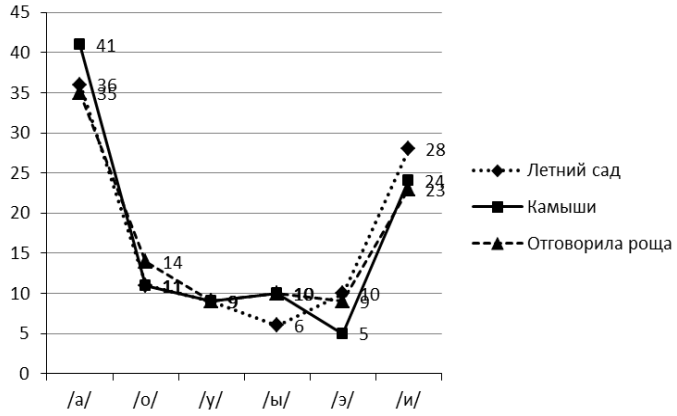


Рис. 1. Распределение гласных фонем в стихотворениях «Летний сад», «Камыши» и «Отговорила роща»

В результате проведенных в настоящем исследовании расчетов выяснилось (см. рис. 2), что в стихотворении «Летний сад» с почти одинаковой частотой реализуются ударные гласные /*а*/, /*о*/, /*е*/ (соответственно 25, 25 и 24%). В стихотворении «Камыши» преобладают гласные /*а*/ и /*о*/ (по 27% каждая), в «Отговорила роща» чаще других появляется ударная /*о*/ (33%), затем следуют /*а*/ и /*е*/ (по 22% каждая).

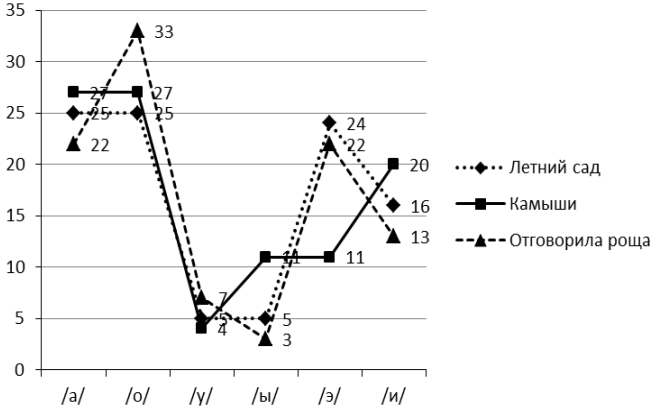


Рис. 2. Распределение ударных фонем в стихотворениях «Летний сад», «Камыши» и «Отговорила роща»

Если анализировать цветовую палитру, то следует признать самым красочным, самым радужным стихотворение «Отговорила роща». Оно окрашено благодаря ударным гласным /*о*/, /*а*/ и /*е*/ в светло-желто-красно-желто-зеленый цвет – в типичные цвета осени, вероятно ранней, потому что темных красок очень мало, минимум из всех: всего 7% /*у*/ (темный сине-зеленый) и 3% /*ы*/ (черный и темно-коричневый).

Общий характер сочетания цветов в стихотворении «Летний сад» можно обозначить как красно-светло-желтый светлый желто-зеленый тон. Слово *светлый* бесспорно является важным. Для полноты картины следует добавить голубой цвет, с которым ассоциируется /*и*/ (16%). На долю «темных гласных» /*у*/ и /*ы*/ приходится в сумме 10% (в равных долях на каждый звук).

Стихотворение «Камыши» интересно своими цветовыми контрастами: в нем больше, чем в других стихотворениях, гласных /*а*/ – 27% (яркий красный), /*о*/ – 27% (яркий желтый, белый), /*и*/ – 20% (светло-синий) и /*ы*/ – 11% (несветлый, неяркий, черный, темно-коричневый).

Согласные. Анализ употребительности согласных фонем показал, что самыми частотными во всех трех стихотворениях («Летний сад», «Камыши», «Отговорила роща») являются /*т*/, /*j*/ и /*н*/, частота встречаемости которых соответственно равна 12, 8 и 7% («Летний сад»); 8, 6 и 6% («Камыши»); 5, 6 и 7% («Отговорила роща») от всей совокупности консонантов.

Если сравнивать каждое стихотворение с двумя другими, то окажется, что в «Летнем саду» чаще реализуются /*в', ф, т, д, с, ц, j, к*/, в «Камышах» – /*б, п, м', з, ш, ч, ш':, л, к', х*/, в «Отговорила роща» – /*м, т', ж, л', р, р', н, н'*/. Такое распределение согласных фонем побудило обратиться к статистическим данным, описанным А.С. Штерн в разделе «Статистика лингвистических единиц» коллективной монографии «Фонетика спонтанной речи» (Штерн, 1988: 204–209) и позднее подтвержденным в книге Л.В. Бондарко «Фонетика современного русского языка» (Бондарко, 1998: 154–155). Оказалось, что к частотным фонемам (от 1 до 21 ранга) были отнесены /*а, и, т, о, н, й, с, у, р, к, в, л, е, н', ы, п, м, л', д, т', р'*/. В группу менее частотных сегментных единиц (от 22 до 42 ранга) вошли фонемы /*з, с', ч, б, ш, г, ф, ж, д', в', х, м', ц, ш':, к', п', б', з', г', ф', х'*/. Очевидно, что качество согласных и их частотность в поэтических произведениях различна: в «Отговорила роща» – задают тон сонорные (6 из 9 возможных), в стихотворении «Камыши» большинство консонантов относится к низкочастотным: /*б*/ – 25 ранг, /*м*/ – 33, /*з*/ – 22, /*ш*/ – 26, /*ч*/ – 24, /*ш':*/ – 35, /*к'*/ – 36, /*х*/ – 32. Шипящие и свистящие глухие согласные, составляющие в стихотворении «Камыши» 28% от всех согласных, ассоциируются с чем-то темным, шуршащим (результаты исследования, проведенного Журавлевым (1974), это убедительно доказывают). По мнению Е.А. Шаминой, при анализе фоносемантики необходимо обращать внимание не только на универсальные, свойственные всем языкам признаки, но и на индивидуальные для каждого языка явления, в том числе частотность. Именно благодаря ей стано-

вится ясно, «почему шипящие согласные в русском языке обычно вызывают представление о чем-то неприятном, в то время как в польском – нет. Польские шипящие высокочастотны, они вполне ожидаемы и привычны, а потому не могут иметь никаких специфических (тем более негативных) ассоциаций» (Шамина, 2006: 208).

Максимальное употребление сонорных в «Отговорила роща» сообщает стихотворению не только «нежность» (по Журавлеву /*л'*/ и /*н'*/), но и особую музыкальную аранжировку, напевность, так как по своим свойствам сонорные очень близки к гласным: они обладают формантной структурой и могут быть в речи слогообразующими.

Анализ распределения согласных по дифференциальным признакам, представленный в диаграмме (рис. 3), показал, что в стихотворении «Камыши» максимум употребления согласных приходится на щелевые (43%), в стихотворении «Летний сад» – на смычные (54%), в «Отговорила роща» – на дрожащие (11%).

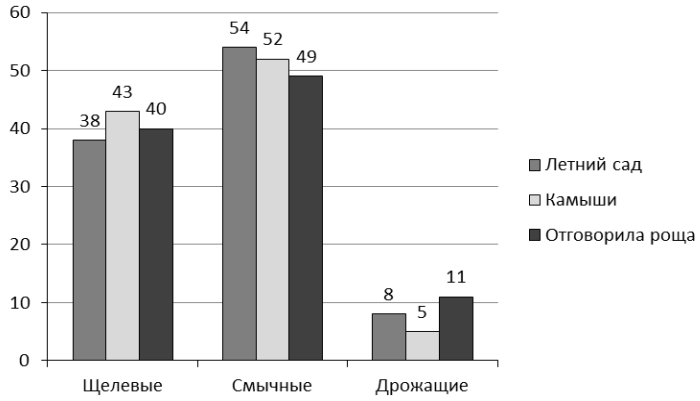


Рис. 3. Распределение согласных в стихотворениях по способу образования (%)

По месту образования согласные в рассматриваемых стихотворениях (рис. 4) распределились следующим образом: губных и заднеязычных больше всего в стихотворении «Камыши». Из всех согласных русского языка по своим физическим характеристикам это самые низкочастотные звуки, они придают всему

стихотворению таинственную сумрачность. Совсем в иные тона окрашено стихотворение «Отговорила роща». В нем минимум губных и заднеязычных и больше всего переднеязычных согласных. Стихотворение «Летний сад» по консонантной насыщенности ближе к стихотворению «Отговорила роща».

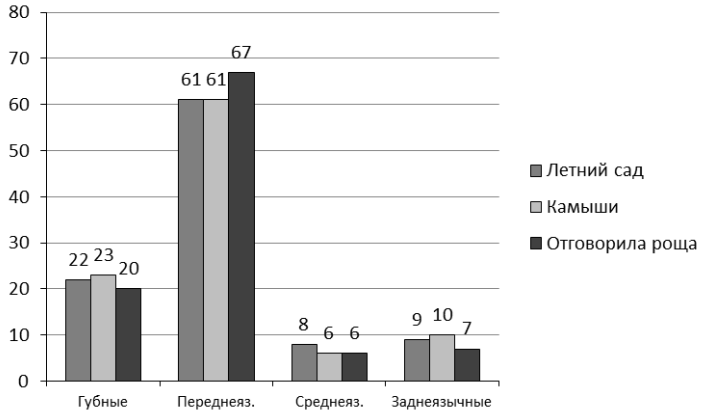


Рис. 4. Распределение согласных в стихотворениях по месту образования (%)

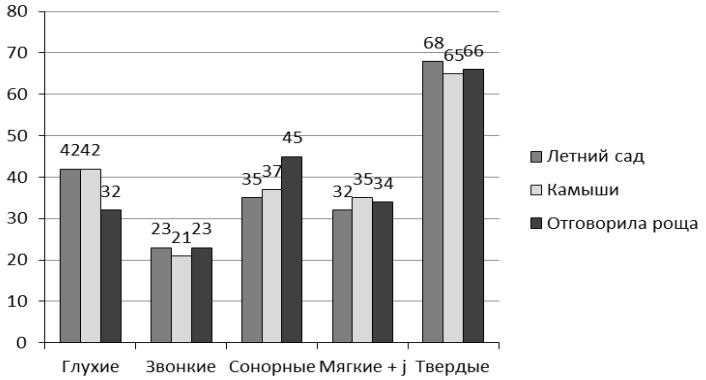


Рис. 5. Распределение согласных в стихотворениях по глухости, звонкости, сонорности, мягкости и твердости (%)

Данные диаграммы (рис. 5) показывают, что в стихотворении Есенина больше, чем в других стихотворениях, сонорных согласных и меньше, по сравнению с другими стихотворениями, глухих согласных. Очевидно, именно это сообщает произведению особую музыкальность, напевность и мелодичность. Неудивительно, что стихотворение «Отговорила роща» было положено на музыку, и песня стала поистине народной и любимой.

Таким образом, суммируя все вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

1. Распределение гласных фонем свидетельствует о большом вокалическом сходстве всех стихотворений. Однако стихотворение «Летний сад» благодаря частому употреблению /*е*/ и /*и*/ и редкому /*ы*/ ассоциируется с яркими и светлыми красками.

2. Распределение ударных гласных обнаруживает большое сходство стихотворений «Летний сад» и «Отговорила роща». Сравнение этих двух стихотворений приводит к признанию последнего самым радужным и красочным за счет частотности /*о*/, /*а*/ и /*е*/, которые ассоциируются со светлым желтым, красным и зеленым цветом – цветами листвы ранней осени. Гласные /*у*/ и /*ы*/, отождествляющиеся с темными тонами, являются в этом стихотворении самыми редкими.

3. Рассмотрение частотности согласных и их дифференциальных признаков показало, что в стихотворении Бальмонта «Камыши» преобладают щелевые, шипящие и глухие низкочастотные консонанты, которые ассоциируются с чем-то темным, шуршащим, неприятным. Это впечатление еще больше усиливается за счет губных и заднеязычных согласных. В стихотворении «Отговорила роща» больше, чем в других произведениях, переднеязычных и сонорных и меньше глухих, заднеязычных и смычных. Стихотворение «Летний сад» лидирует по количеству смычных и твердых согласных. Оно самое немузыкальное, но самое светлое и, пожалуй, самое глубокое и философское.

Литература

Бондарко Л.В. Фонетика современного русского языка: учеб. пособ. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. 276 с.

Фонетика спонтанной речи / под ред. Н.Д. Светозаровой. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 248 с.

Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 150 с.
Шамина Е.А. К вопросу о носителе фонетического значения //...Слово отзовется: памяти А.С. Штерн и Л.В. Сахарного / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2006. С. 204–208
Штерн А.С. Объективное изучение субъективных оценок звуков речи // Вопросы порождения речи и обучения языку / под ред. А.А. Леонтьева, Т.В. Рябовой; Моск. гос. ун-т. М., 1967. С. 114–117.
Штерн А.С. Объективные критерии выявления эффекта звуковой символики // Матер. семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969. С. 69–73.
Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности. Спб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992. 236 с.

Т.Е. Петрова*
Санкт-Петербургский государственный университет

ДИСКУРСИВНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ХОДЕ КОММУНИКАЦИИ ВЗРОСЛОГО И РЕБЕНКА (в ситуации вне визуального взаимодействия)[1]

Исследование коммуникации в условиях затрудненной совместной деятельности последние годы все чаще привлекает интерес ученых разных стран (H. Clark, S. Brennan, Т.В. Черниговская, И.В. Утехин и др.). Изучение дискурсивных средств и стратегий коммуникативного поведения партнеров в ситуации, когда доступ к необходимой информации распределен между двумя участниками, поможет ответить на ряд вопросов когнитивной науки: в чем проявляется способность к взаимодействию, каковы механизмы управления вниманием, на какие компенсирующие стратегии опираются разные категории информантов (в том числе взрослые при общении с детьми) при выполнении совместных действий для достижения общей цели?

Одним из дискурсивных средств управления вниманием партнера является пространственный дейксис. Именно его ис-

* © Петрова Т.Е., 2011
[1] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 09-06-00268а и гранта РГНФ № 09-06-00001а/F.

следованию посвящен описываемый в настоящей работе эксперимент.

В качестве экспериментальной методики использовался тест для изучения особенностей передачи информации в ходе коммуникативных взаимодействий (Clark, Krych, 2004). Стимульным материалом послужили трехмерные геометрические объекты (детский конструктор «Lego»). В ходе эксперимента двое испытуемых (Инструктор и Сборщик) находились друг напротив друга за столами, разделенными ширмой, имели возможность общаться, однако друг друга и действий друг друга не видели. Сборщик, следуя словесным инструкциям Инструктора, должен был собрать из имеющихся у него разрозненных деталей конструкцию, аналогичную той, что была перед глазами его партнера по коммуникации, при этом Инструктор не имел возможности зрительно контролировать выполнение задания Сборщиком. Во времени испытуемые ограничены не были. По окончании выполнения задания они менялись ролями. В качестве испытуемых выступили 4 взрослых и 9 детей в возрасте 5–5,5 лет. В каждой из экспериментальных серий одним из участников коммуникации был взрослый, а другим – ребенок.[2]

Исследование предполагало выявление специфических свойств коммуникации взрослого и ребенка в аспекте описания локативной ситуации. Рабочая гипотеза состояла в следующем: ребенок еще только находится в процессе овладения категориями пространства и выражающими их языковыми средствами, что оказывает влияние и на поведение взрослого; взрослый вынужден приспосабливать свою систему обозначений категорий пространства к системе обозначений ребенка.

В результате анализа экспериментальных диалогов было выявлено, что многие пространственные термины еще не окончательно освоены детьми к пятилетнему возрасту, поэтому дети избегают употреблять их и пытаются заменить другими средствами выражения пространственных отношений, не дающими полной информации о расположении объекта, что приводит к ошибкам при выполнении совместного задания. Пространствен-

[2] Расшифровка материала и предварительный анализ данных проведены Е.В. Михайловской (см.: Михайловская, 2010).

ные термины, представленные в реплике взрослого, дети часто неправильно интерпретируют, и это отражается на тех действиях, которые они совершают над объектами.

Чаще всего в инструкциях детей присутствуют элементы, выражающие темпоральный дейксис (*потом, дальше* и пр.). Эти элементы выполняют функцию пространственных дейктических выражений.

Частота употребления детьми локативных показателей и правильность их интерпретации зависит от того, насколько освоенными они являются. Испытуемые собирают модель конструктора, детали которой располагаются вдоль трех осей координат. Соответственно, взаимное расположение деталей может определяться как вертикальное (сверху/снизу), горизонтальное (слева / справа) и сагиттальное (спереди / сзади). Полученные экспериментальные данные подтверждают установленный специалистами по детской речи факт, что наиболее освоенными являются показатели вертикального направления, а наименее – горизонтального (Еливанова, 2007; Landau, Hoffman, 2005; Landau, Jackendoff, 1993). Однако даже те дейктические элементы, которые обычно правильно используются и воспринимаются ребенком: *вверху* (*сверху*, *наверху*), *внизу* (*снизу*), *на*, *над*, *под* – могут подвергаться неверной интерпретации в случаях, когда высказывание, которое содержит данные локативные показатели, можно трактовать неоднозначно. Например:

Р: <*она* [тонкая зеленая] *она* ***наверху*** *зеленого квад/ратика*>
В: = *Так*
Р: = *И* ***наверху*** *желтой*
В: *Ну ты же говоришь, что зеленый квадратик, он на желтом ()сверху. Она ж не может быть наверху и желтой, и зеленого квадрата.*

Понятия *лево* и *право* являются наименее освоенными, так как ребенок не только избегает их использования, но и зачастую неправильно выполняет инструкции взрослого, содержащие эти локативные показатели:

В: *Варя, возьми, чтоб желтая была в* ***левой*** *руке.*
Р: **вот** (берет фигурку неправильно: желтая деталь находится в правой руке)

Некоторые средства выражения пространственного дейксиса, которые используют взрослые в диалоге с ребенком, отличны от тех, которые они употребили бы в коммуникации «взрослый – взрослый». Взрослый участник коммуникации в большинстве случаев демонстрирует способность подбирать такие языковые средства для передачи категории локативности, которые были бы понятны ребенку дошкольного возраста. Например, обнаружив неуверенность ребенка в использовании языковых выражений горизонтального направления или спрогнозировав ее, заменяет их для обеспечения эффективности коммуникации на другие дейктические средства, более понятные и доступные ребенку:

В: *Хорошо. Теперь смотри, вот вытяни перед собой руки и в правую руку,* ***где ты ложку держишь****, возьми желтую.*

У детей пяти лет еще не сформировано понимание того, что при вращении объекта изменяется оценка расположения составляющих его частей вдоль горизонтальной и сагиттальной оси координат, что ведет к непоследовательности и противоречивости инструкций ребенка.

Использование взрослыми испытуемыми метафоры как средства описания модели конструктора значительно повышает эффективность коммуникации и позволяет свести количество ошибок в построении к минимуму.

В: *Желтую рядом с зеленой. Вот, получился такой вот четырехугольник. Если будем строить* ***домик*** *сейчас, то это будет* ***в домике первый этаж****. Представляешь?* ***Первый этаж,*** *желтенькая и зелененькая. <...> Получилось?*

Р: *Да.*

В: *Хорошо. Здорово.* ***На первом этаже*** *у нас желтая и зеленая,* ***на втором этаже*** *у нас синяя большая. а давай мы теперь* ***крышу*** *сделаем,* ***крыша*** *у нас будет красного цвета.* ***Крышу*** *красного цвета на синюю, которую ты токо что прикрепил сверху. У нас получился такой* ***трактор*** *()* ***кабина****, да у него, такой. Вот () и у тебя осталась одна деталька. Какая?*

Р: *Синяя маленькая.*

В: *Синяя маленькая. Давай-ка мы этому* ***трактору нос*** *приделаем.*

Такое свойство метафоры, как возможность дать целостную и лаконичную характеристику неизвестному объекту путем от-

сылки к известному, обусловливает эффективное выполнение коммуникативной функции, а свойство неоднозначности накладывает определенные ограничения на тип метафоры, которая способна такую функцию выполнять (Чернова, 2010).

Успешность коммуникации во многом обеспечивается тем, что оба ее участника выстраивают модель представления ситуации, которая, по их мнению, имеется у партнера, и организуют свои высказывания так, чтобы они были максимально согласованы с этой моделью представления. Это называется согласованием позиций. Однако данные настоящего исследования показывают, что в коммуникации «взрослый – ребенок» согласование позиций осуществляет только взрослый. Возможно, причиной того, что ребенок обычно не учитывает позицию партнера по коммуникации, являются особенности когнитивного развития ребенка, а именно эгоцентризм детского мышления. По мнению Ж. Пиаже, ребенок, находящийся на неоперациональной стадии развития (от двух до семи лет), постоянно обнаруживает свою интеллектуальную неспособность встать на позицию другого человека, т.е. отнестись к своей собственной точке зрения как к одной из возможных и координировать ее с другими (Пиаже, 1997).

Языковые выражения, относящиеся к основным элементам локативной ситуации (в число которых входят локализуемый объект, ориентир и система координат, в которой рассматривается пространственная ситуация), должны быть включены в общий фон коммуникации по законам модели совместного действия. В диалогах «взрослый – ребенок» это правило часто не соблюдается: коммуниканты либо вообще не учитывают точки зрения друг друга, либо неверно их оценивают. Вследствие этого возникает несоответствие перспектив рассмотрения объекта или выбор различных ориентиров при его локализации. Причиной того, что точка зрения партнера по коммуникации игнорируется ребенком, является несформированность способности к метарепрезентации сознания Другого, или «Theory of Mind», позволяющей понимать интенции собеседника, а также делать выводы о его эпистемическом статусе.

Таким образом, особенности описания локативной ситуации, выявленные в данном исследовании, позволяют сделать

вывод о том, что осуществление эффективной коммуникации вне визуального взаимодействия иногда является сложным даже для взрослого человека; следовательно, для ребенка, как для индивида с еще не сформировавшейся коммуникативной и когнитивной компетенцией, эта задача оказывается вдвойне трудной. Однако необходимо отметить, что тактика взаимодействия, которую применяет взрослый, часто позволяет значительно повысить эффективность коммуникации.

Литература

Еливанова М.А. Категория локативности и ее выражение в детской речи // Семантические категории в детской речи / отв. ред. С.Н. Цейтлин. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 317–338.

Михайловская Е.В. Пространственные аспекты коммуникации взрослого и ребенка при решении задач с трехмерными объектами: выпускная квалификационная работа студентки бакалавриата отделения теории языкознания. СПб., 2010. 71 с.

Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. СПб.: СОЮЗ, 1997. 256 с.

Утехин И.В. Механизмы согласования общего фона в совместной деятельности и особенности проявления способности к Theory of Mind в норме и патологии // Третья международная конференция по когнитивной науке: тез. докл.: в 2 т. М.: Художественно-издательский центр, 2008. Т. 2. С. 470–471.

Чернова Д.А. Коммуникативная функция образных средств языка в диалоге в условиях распределенного доступа к информации // Гуманитарное образование: креативность и инновационные процессы: матер. междунар. науч.-практ. конф. / ред. и сост. И.П. Вишнякова-Вишневецкая. СПб.: ООО «Книжный дом», 2010. С. 215–217.

Clark H.H., Krych M.A. Speaking while monitoring addressees for understanding // Memory and Language. 2004. № 50. Pp. 62–81.

Landau B., Hoffman J.E. Parallels between spatial cognition and spatial language: Evidence from Williams syndrome // Journal of Memory and Language. 2005. № 53. Pp. 163–185.

Landau B., Jackendoff R. “What” and “where” in spatial language and spatial cognition // Behavioral and Brain Sciences. 1993. № 16. Pp. 217–265.

Ю.А. Левицкий*
Пермский государственный университет

К ВОПРОСУ О ВТОРОЙ КОММУНИКАЦИИ

Язык представляет собой систему знаков и правил их употребления. Это достаточно тривиально. Точно также тривиально, что язык усваивается человеком в процессе коммуникации с окружающими. Происходит это в нормальном случае в раннем возрасте **произвольно и ненамеренно.**

Что значит «усвоение»? Это значит, что человек делает язык «своим», «присваивает» себе его, извлекая его из процесса коммуникации с себе подобными. Эта коммуникация – взаимообмен знаниями. То, чего я еще не знаю, я легко могу узнать от других. Все это происходит в нормальной естественной коммуникации, **первой коммуникации.**

А что происходит, когда человек сталкивается с чем-то, чего он раньше еще не встречал и для чего у него не существует никакого наименования, а главное – **никто не может ему ничего подсказать** по той простой причине, что этого **еще никто не знает**? Он сам до этого должен «дойти». Он должен **создать новый знак**, новый корень, еще никому не известный. И указанная ранее первая коммуникация ему не поможет, так как он может «общаться» только с самим собой. Иными словами, роль говорящего «раздваивается»: он попеременно выступает то как говорящий, то как слушающий. Он сам задает себе вопросы? и сам же на них отвечает. Этот процесс можно было бы обозначить как **вторую коммуникацию**, или **второе функционирование языка**, которое пока еще не было предметом описания. Если в процессе первой коммуникации новые слова появляются за счет образования производных – под влиянием разнообразных ассоциативных связей – от уже существующих корней, то в процессе второй коммуникации – под влиянием каких-то непонятных стимулов – могут образовываться новые корни, от которых в дальнейшем вполне возможны последующие словообразования.

* © Левицкий Ю.А., 2011

Таким образом, представляется возможным говорить о двух типах коммуникации, двух видах функционирования языка. Первый имеет место при обычной коммуникации – общении с партнером (партнерами). Она направлена от говорящего к слушающему, к адресату, т.е. **вовне говорящего.** Второй вид функционирования языка имеет место при «общении» говорящего с самим собой. Он направлен от говорящего к говорящему, **вовнутрь говорящего**, поскольку никакой адресат не сможет ему помочь. Это «разговор» с самим собой.

О чем же может разговаривать человек с самим собой? Если это рассуждения о том, чего он ранее не знал, то это, скорее всего, рассуждения об окружающем мире. Надо полагать, что именно такого рода коммуникацию имел в виду Гюстав Гийом, когда писал, что в таком случае в основе «лежит не маленькое представление **Человек/Человек,** а великое представление **Универсум/Человек**» (Гийом, 1992: 161). Иными словами, вторая коммуникация – это коммуникация человека с Универсумом.

Как известно, собственно лингвистика изучает устройство языковой системы. Аспекты первого функционирования языка: усвоение языка, порождение и восприятие речи – изучаются психолингвистикой.

Процесс усвоения родного языка ребенком достаточно подробно описан в многочисленных психолингвистических исследованиях.

Процесс порождения, точнее – продуцирования речи, обусловлен прежде всего наличием **системы обозначений** в сознании говорящего. Классическая психолингвистическая схема продуцирования речи – в самых общих чертах – включает следующие этапы: **мотивационный** (на котором возникает общий замысел, тема будущего высказывания), **смысловой** (структурирование этого общего замысла, выделение в нем темы и ремы), **семантический** (распределение семантических ролей – актантов – в составе будущего высказывания) и **языковой** (выбор синтаксической конструкции и заполнение ее соответствующими словоформами).

При этом считается, что первые три этапа – неязыковые. «Вступление» языка происходит на последнем этапе, где

осуществляется перевод с языка мысли на собственно язык. Однако не следует забывать слова В. фон Гумбольдта о том, что «язык есть орган, образующий мысль». Следовательно, мы не можем исключить «образующую» роль языка на всех этапах продуцирования, включая даже мотивационный. А на этапе выделения темы и ремы будущего высказывания в процесс «включается» уже влияние контекста и ситуации.

На мотивационном этапе говорящий, вероятно, намеревается не просто что-то сказать, а сказать это самое «что-то» по какому-то определенному поводу, опять-таки под влиянием коммуникативной ситуации. Возможно, замысел будущего высказывания представляется в виде некоторой пропозиции. Одной пропозиции (в мысли) может соответствовать целый ряд предложений (в языке), каждое из которых «предлагает» свое распределение смысловых компонентов (эмпатию). Следовательно, определение темы и ремы будущего высказывания предполагает выбор наиболее подходящей структуры предложения.

Таким образом, уже на этапе смыслового структурирования вступает в силу фактор ситуации (контекста) и все дальнейшие этапы представляют собой результаты постоянного взаимодействия мышления, языка и действительности.

В связи с изложенным следует сделать небольшое замечание. Дело в том, что процесс овладения языком как у ребенка, так и у человека, находящегося на ранней стадии своего развития и постепенно создающего свой язык, проходит несколько этапов, каждый из которых характеризуется основной синтаксической единицей. На первом этапе человек (и ребенок) создает первую языковую единицу – однословное высказывание. Затем следуют двухсловное предложение коммуникативной структуры, трехсловное предложение актантно-ролевой структуры и, наконец, развернутое предложение формально-синтаксической структуры. Все эти единицы сохраняются как в памяти ребенка, так и в памяти развивающегося человечества и свободно используются в речи современного человека, носителя языка номинативного строя. (Подробно этот процесс описан в работе автора «Альтернативные грамматики» (Левицкий, 2010).)

При этом возможно установить некоторую аналогию (речь идет именно об аналогии, а не об одно-однозначном соответствии) между указанными единицами и этапами продуцирования высказывания. Так, однословное высказывание соответствует этапу мотивации, двухсловное – этапу смыслового структурирования, трехсловное – этапу распределения ролей и полное развернутое предложение – завершающему этапу. Правда, условия коммуникации позволяют говорящему сократить это развернутое предложение вплоть до отдельного слова.

Рассмотренные этапы процесса продуцирования речи (текста), выделяемые в психолингвистике, в действительности оказываются релевантными лишь в идеальном варианте, представленном **устной монологической речью.** Это лишь **один из двух** типов устной речи. В диалогической речи внутренний замысел замещается вопросом или репликой собеседника. Кроме того, существует и аффективная речь, замысел которой не всегда удается адекватно установить.

Иначе говоря, в реальных условиях коммуникации, в процессе естественного спонтанного диалога продуцирование текста (высказывания) происходит, по существу, в «экстремальных условиях» – при дефиците времени и отсутствии возможности тщательно продумать стратегию. Это единственный из двух возможных вид неподготовленной речи. Даже диспут предполагает предварительное знакомство с темой и возможными (или действительными) аргументами, а здесь – полная неожиданность и непредсказуемость. При этом независимо от типа речи, процесс продуцирования речевого сообщения, как уже отмечалось, менее всего похож на процесс выражения готовой мысли или механического поэлементного перевода синтаксической структуры с какого-то внутреннего кода на изоморфный ей поверхностный код. «Процесс порождения речи тесно переплетается с процессом порождения мысли, образуя единый речемыслительный процесс, осуществляемый механизмами речевого мышления» (Кацнельсон, 1972: 110).

Естественно, что при всех других типах речи, помимо устного диалога, когда над говорящим (пишущим) не висит дамоклов меч **дефицита времени**, он имеет возможность

продумать не только содержание создаваемого текста, но и его форму, подобрать наиболее удачный вариант для воплощения своего замысла. Но и в этом случае он скорее всего будет **выбирать, а не преобразовывать** (трансформировать), как считают многие адепты Н. Хомского, поскольку в его языковом сознании существует достаточно полная система форм и средств. «Замысел будущего в речи, т.е. тот смысл, который конструируется в аппарате мозга говорящего, вовсе не обязательно – даже в момент собственно вербализации – "изначально привязан" к определенной форме языкового выражения» (Горелов, Седов, 1977: 76). Что же касается формальной структуры создаваемого текста, то она «определяется не только содержанием и лежащими в сознании порождающего процесса исходными структурами, но также ситуативными условиями речи и некоторыми другими, не поддающимися точному учету факторами, влияющими на стратегию говорящего» (Кацнельсон, 1972: 121).

Таким образом, следует, вероятно, различать два принципиально разных способа порождения текста, которые можно было бы назвать «бессознательным» и «сознательным». Первый соответствует условиям устного спонтанного диалога или аффективной речи, когда говорящий независимо от того, его ли это собственный мотив или же «навязанный» собеседником, не имеет времени на обдумывание. Второй характерен для всех остальных видов речи, в условиях которых говорящий (пишущий) располагает определенным запасом времени, чтобы выбрать наиболее адекватную форму выражения, соответствующую как его замыслу, так и условиям коммуникации. Если и не все, то подавляющее большинство психолингвистических экспериментов «работают» с учетом возможности обдумывания, запоминания. При этом обязательно следует учитывать тот факт, что «из эксперимента вовсе не следует, что человек поступает так в естественных условиях» (Сахарный, 1989: 107). В реальной коммуникации мы сталкиваемся с особенностью оперативной памяти – ее малой емкостью, а для подключения долговременной памяти просто нет времени. Создать экспериментальные условия для порождения спонтанного диалога представляется весьма затруднительным.

Итак, «понятие “синтеза предложений” относится именно **к языку**, к системе языка, а отнюдь **не к речевой деятельности человека**. Что же касается порождающей грамматики, то она никакого отношения к процессу **порождения речи** не имеет. Она описывает язык в виде формальных моделей определенного типа, т.е. прежде всего компетенцию говорящего» (Кибрик, 1990: 98). «Речь идет о языковой компетенции, которая существует независимо от языковой деятельности, т.е. отдельных употреблений языковых форм в конкретных случаях» (Бейлин, 1977: 14). «В действительности генеративная теория есть теория не языка, а теория предложения» (Звегинцев, 1973: 50), т.е. никоим образом не комплекс правил и операций **продуцирования текста**.

Конечно, попытка смоделировать процесс порождения (деривации) высказывания (и текста в целом) весьма привлекательна, но при этом не следует забывать, что «нередко идея **деятельности** просто провозглашается, а не выступает средством конструктивного решения проблемы. В этом случае анализ и обобщение... подменяются простой констатацией очевидного, в общем-то тривиального факта человеческой активности... Простая фиксация этого обстоятельства еще не означает прогресса в теоретическом исследовании» (Швырев, 1984: 63–64). «“Деривационная история” предложения, эксплицирующая порождающий процесс, в сущности, не может быть отождествлена с процессом речеобразования и тем более с процессом слушания-понимания, как они реально протекают в актах речевого общения» (Кацнельсон, 1972: 105). «Хотя словотворчество «в генеративной лингвистике описывается в терминах динамической теории, но фактически оно остается на уровне **эргона**» (Рамишвили, 1984: 19). «Реального образования одной конструкции из другой в сознании не происходит, что отмечают и сами трансформационалисты» (Атаян, 1964: 41). Для описания процесса продуцирования высказывания (текста) трансформационная грамматика непригодна. «Порождающий процесс – это процесс формирования целостных сообщений, а не обособленных предложений. Структура предложения в определенной степени зависит от целостной коммуникации и места данного предложения в ней» (Кацнельсон, 1972: 135).

«Порождение речи носит эвристический характер, т.е. при поставленной сознательной цели говорящий может произвольно (сознательно или бессознательно) **выбирать** оптимальный способ достижения этой цели» (Леонтьев, 1990: 386–387). «В случае, когда говорящий начинает порождать данное сообщение, он начинает пользоваться синтаксической реализацией семантической структуры сообщения, и при этом он может для одного семантического содержания данного сообщения **отбирать** разные синтаксические реализации» (Пала, 1996: 87). «Система грамматики трактуется как набор единиц, из которых одна должна быть **выбрана** при определенных условиях, при которых этот выбор может быть осуществлен» (Halliday, 1976: 3). При этом, «если система плохо построена или недостаточно развита или не составляет в целом единого акта интеграции ее форм, поиск формы, соответствующей речевым заданиям на данный момент, займет больше времени и не достигнет такой степени соответствия и точности» (Гийом, 1992: 83). «Использование только одной глагольной формы предполагает быстрое восстановление в памяти всей системы спряжения глагола... Выбор одной формы из всех, что система представляет во всей совокупности, позволяет тем самым окинуть ее всю одним взглядом» (там же: 85).

Как уже отмечалось, система предполагает набор не только грамматических (морфологических) форм, но и синтаксических конструкций: «Для того чтобы язык мог порождать речь, в арсенале его средств должны наличествовать не только слова и морфологические элементы, но также синтаксические структуры как схемы-прообразы порождаемых предложений» (Кацнельсон, 1972: 130).

Итак, продуцирование высказывания осуществляется не по правилам порождающей грамматики. В процессе коммуникации говорящий **не производит преобразований** одних синтаксических конструкций в другие, а **выбирает** из имеющихся в его сознании синонимических конструкций ту, которую он считает наиболее удачной для данных условий. Следовательно, все психолингвистические этапы продуцирования высказывания, включая и мотивационный, неизбежно представлены в определенной

языковой форме и непосредственно ориентированы на ситуацию коммуникации.

Изучение процессов второго функционирования языка в какой-то степени – задача когнитивной лингвистики. Главное здесь, на мой взгляд, – способы создания новых знаков, которые затем могут быть «пущены в обращение».

Таким образом, следует различать два вида функционирования языка: первый – в процессе «обычной», или первой коммуникации, направленной от говорящего к слушающему, второй – в процессе познания, при котором речь направлена от говорящего к говорящему, т.е. на себя самого.

По поводу «изобретения» новых слов Л.В. Успенский отмечает, что известны лишь несколько случаев действительного их изобретения. Так, слово *газ* было образовано в XVII в. физиком Ван-Гельмонтом. Слово *лилипут* было придумано английским писателем Д. Свифтом. Фирма, производившая фотоаппараты, была названа *Кодак*. По поводу того, на основании каких признаков были выбраны именно данные слова никаких объяснений не существует. Как правило, такие случаи очень редки, и особенность их заключается, как уже отмечалось, в том, что создаются не просто новые слова, а новые корни, которые входят в основной словарный фонд языка и на базе которых образуются новые (производные) слова.

Иногда отмечают также, что брат писателя К. Чапека «подсказал» ему слово для обозначения механического человека – *робот*. Однако для носителей славянских языков этимология этого слова оказывается вполне прозрачной.

Что же является поводом к созданию совершенно нового, неизвестного ранее и не произведенного от какого-либо другого слова? Это может быть какой-то непонятный самому говорящему «толчок», попытка каким-то образом выразить возникшее в его сознании впечатление, не вызывающее у говорящего никаких ассоциаций с уже существующими предметами и/или их наименованиями. Пример такого создания нового слова приводится в известной работе американского лингвиста У.Д. Уитни.

Когда на побережье Массачусетса первая из когда-либо построенных шхун соскользнула со стапелей и грациозно поплыла, один из случайных зрителей восторженно воскликнул:

«О, как она *шхунит*!» (Oh, how she *schoons*!). Строитель и владелец немедленно среагировал: «Ну, пусть она и называется *шхуной*!» (A *schooner* let her be then!). И это стало новым словом в английском языке (Whitney, 1868: 45).

Литература

Атаян Э.Р. Понятие элементарной синтаксической структуры. Ереван: Мити. 1964. 353 с.

Бейлин Дж. Краткая история генеративной грамматики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: сб. обзоров / под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Скрелиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 13–57.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992. 218 с.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 1977. 224 с.

Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 247 с.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с.

Кибрик А.Е. Генеративная лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 98–99.

Левицкий Ю.А. Альтернативные грамматики. М.: URSS, 2010. 176 с.

Леонтьев А.А. Порождение речи // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 386–387.

Пала К. О некоторых проблемах актуального членения // Prague studies in mathematical linguistics. Praha: Academia. 1996. Pp. 75–89.

Рамишвили Г.В. Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 5–33.

Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 181 с.

Швырев В.С. Научное познание как деятельность. М.: Прогресс, 1984. 165 с.

Halliday M.A.K. System and function in language: Selected papers / ed. G.R. Krees. London: Oxford university press, 1976. 250 p.

Whitney W.D. Language and the study of language: Twelve lectures on the principles of linguistic science. N.Y.: Scribner, 1868.

И.Г. Овчинникова*
Пермский государственный университет
Университет г. Хайфы (Израиль)

К ПРОБЛЕМЕ СПЕЦИФИКИ ОШИБОК В СЛУЧАЕ ЕСТЕСТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА: СОПОСТАВЛЕНИЕ РЕЧИ РУССКО-ИВРИТ БИЛИНГВОВ С МАТЕРИАЛАМИ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА[1]

К постановке проблемы

Современные исследования билингвизма и двуязычия направлены прежде всего на решение прикладных задач, что обусловлено широким распространением билингвизма и востребованностью многоязычия в любом из его вариантов в различных сферах деятельности. Сам термин билингвизм используется в отечественной научной традиции в нескольких значениях, отнюдь не все из них соответствуют эквиваленту этого термина в других языках. Во-первых, билингвизмом называют результат овладения несколькими языками в условиях естественной коммуникации и одновременное активное использование их в разных сферах общения. Во-вторых, к билингвизму относят результат освоения языка в учебной аудитории при условии его активного использования наряду с родным языком (в частности, при целенаправленном обучении в языковой среде). В-третьих, в последние десятилетия билингвизмом считают также результат освоения языка при любом целенаправленном обучении. Обычно в двух последних случаях к термину билингвизм добавляют определение «искусственный», подчеркивая противопоставление условий формирования языковой компетенции в естественной или специально моделируемой ситуации. Заметим, что искусственный билингвизм в классических лингвистических работах обозначен как учебное или искусственное двуязычие (см.: Залевская, 2009; Щерба, 1974), причем Л.В. Щерба подчеркивал полярность терминов естественное (бессознательное) и искусственное (сознательное) двуязычие.

* © Овчиннокова И.Г., 2011
[1]Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №0600477.

В зарубежной науке «искусственный билингвизм» обозначают термином SLA (Second Language Acquisition), настаивая на принципиальном отличии целенаправленного обучения языку от овладения им в условиях реальной естественной коммуникации. Помимо SLA говорят и пишут о Foreign Language Acquisition, тем самым подчеркивая несущественность различий в овладении любым из языков в учебной аудитории (Verheijen [электр. ресурс]).

Теоретической основой использования одного термина для различных феноменов в современной отечественной лингвистике является признание единства нейропсихологических механизмов, обеспечивающих овладение родным и неродными языками в естественной коммуникации и в учебной аудитории (Залевская, 2009; Имедадзе, 1975). Между тем единство нейропсихологических механизмов овладения языком не приводит к однозначному соответствию способов репрезентации разных известных индивиду языков в сознании и его материальном субстрате – коре головного мозга (Elman, 2001). Признание единства механизмов отнюдь не предполагает отказ от осознания принципиальных различий между искусственным и естественным билингвизмом.

Л.В. Щерба указывал на множественность промежуточных вариантов между искусственным и естественным двуязычием. В последние годы появились работы, описывающие различные промежуточные типы: литературный (писательский) билингвизм (Serna [электр. ресурс]), переводческий билингвизм (Билингвизм [электр. ресурс]), семейный (унаследованный) билингвизм (Kagan, 2009 [электр. ресурс]).

На наш взгляд, характеристики речи при разных типах билингвизма различаются не столько уникальными дифференциальными признаками, сколько вариативностью распеделения и частотой встречаемости общих признаков. Например, отличие унаследованного билингвизма (Heritage Language) от искусственного (SLA) заключается в разной степени владения кодифицированной формой языка и письменной речью, в беглости речи устной. Ошибки встречаются у всех билингвов, но частотность ошибок разных типов не совпадает (Залевская, 2009). Ошибки и оговорки в речи

билингвов отличаются по типу и частотности от тех, что допускают монолингвы.

Для изучения вариативности билингвизма и выяснения продуктивности выделения разных типов и различий между ними необходим большой единообразно структурированный языковой материал, полученный от различных билингвов и носителей языка. Такой материал представлен в языковых корпусах. В нашем исследовании естественного русско-иврит билингвизма мы использовали Национальный корпус русского языка в качестве репрезентативного ресурса, содержащего все характеристики современного состояния русского языка в различных сферах общения. Поскольку в русскоязычном социуме Израиля бытует устное общение на русском языке, просмотр телепередач и чтение газет из России наряду с местными изданиями, в настоящем исследовании мы обращаемся к основному корпусу, а также к газетному и устному подкорпусам. С материалами Корпуса мы сопоставляли замеченные нами ошибки и оговорки в устной публичной и письменной речи билингвов. Наши информанты – образованные люди, владеющие русским литературным языком, использующие его в ситуации публичного общения (экскурсии, лекции, интервью) и в письменной коммуникации. Мы не принимали во внимание случаи унаследованного билингвизма.

Сформулируем исходные гипотезы:

1) в случае естественного билингвизма с типологически разными языками ошибки в речи на слабом языке вызваны не только языковой интерференцией, но и трансформацией представлений о системе языка, обусловленной специфической языковой практикой: сужением сфер функционирования, размыванием нормы;

2) внутриязыковые ошибки билингвов отличаются по частотности и типу от тех, что зафиксированы в речи носителей языка в метрополии.

Основной целью нашего исследования является описание разнообразия внутриязыковых ошибок и выявление их специфичности для билингвов на основе сопоставления с материалами Национального корпуса русского языка. Мы полагаем, что исследование ошибок и оговорок на основе корпусов текстов и

речи билингвов позволит разграничить различные типы билингвизма и сформировать основу для диагностики, речевой коррекции и реабилитации.

О корпусном подходе к изучению ошибок при билингвизме

Ошибки дают ключ к пониманию механизма овладения языком, поскольку позволяют определить, на каком этапе порождения высказывания происходит сбой, вызван ли сбой интерференцией языков, возможны ли подобные ошибки в речи носителей языка. Исследования естественного билингвизма в прикладном аспекте зачастую опираются на анализ ошибок, которые допускают дети и взрослые билингвы в различных коммуникативных ситуациях (Goldrick, 2006; Hartsuiker, 2006 и др.). В последние десятилетия активно разрабатываются и пополняются корпусы ошибок. Общий список корпусов доступен на сайте Linguistic Data Consortium (LDC [электр. ресурс]). Наиболее известной является база данных, составленная Викторией Фромкин (Fromkins Speech Error Database [электр. ресурс]). База позволяет работать с английским, французским, немецким и итальянским языками. Наиболее продуктивным корпусный подход оказывается для изучения коллокаций (Philip, 2007 [электр. ресурс]).

При работе с корпусом можно варьировать параметры поиска. Любую ошибку в речи билингва можно сравнить с уже описанными и представленными в корпусе и тем самым выявить ее типичность или, напротив, уникальность. Информация об ошибках и отклонениях в русской речи представлена в разметке русского речевого корпуса (Русакова, 2007), к сожалению, не выставленного в открытый доступ. В целом для билингвов характерны межъязыковые ошибки, обусловленные интерференцией языков, причем при учебном билингвизме таких ошибок больше.

Для диагностики отступлений в речи естественных русско-иврит билингвов от узуса мы использовали Национальный корпус русского языка (Национальный корпус русского языка [электр. ресурс]). Сопоставление речевых образцов с материалами корпуса дает представление о типичности использования языковой единицы. При описании ошибок билингвов на слабом

языке всегда возникает вопрос: насколько вероятна такого рода ошибка в речи носителя языка? На наш взгляд, обращение к корпусу и подкорпусу текстов соответствующего стиля и жанра дает возможность оценить меру отличия ошибок в речи билингвов от тех, что делают носители языка. В данном случае речь не идет об ошибках, вызванных языковой интерференцией, в данной статье они не обсуждаются[2]. Мы рассматриваем грамматические ошибки и ошибки в выборе лексемы в письменной речи русско-иврит билингвов. Анализируемые примеры обнаружены в устной публичной речи и текстах, опубликованных на русскоязычном портале Тарбут.ru, где размещаются статьи, комментарии и дискуссии, посвященные культурной жизни Израиля, а также художественные произведения русскоязычных авторов.

Характеристика грамматических ошибок и ошибок лексического выбора в речи билингвов

1. Ошибки лексического выбора

Ошибки лексического выбора, насколько мы можем судить, проявляются как в нарушении коллокаций, так и в искажении семантики лексической единицы. Сочетание искажения семантики с нарушением коллокации наиболее заметно в использовании идиом. Замены компонента идиомы или устойчивого словосочетания встречаются довольно часто. В таком случае не принято говорить об ошибке и квалифицировать высказывание как неверное, скорее – как нетипичное.

В тексте театральной рецензии встречаем предложение: *Проблемы, затронутые в ней, будоражат нервы многим*: слово *нервы* используется вместо *воображение*. Обращение к Национальному корпусу позволяет установить отсутствие контекста *будоражат нервы* как в качестве идиомы, так и в качестве свободного словосочетания. Идиома *будоражить воображение многих* встречается не более десятка раз. Лексическая замена проявилась в употреблении более частотной по данным Корпуса лексемы с менее абстрактным значением.

[2] Подробный анализ межъязыковых ошибок при русско-иврит билингвизме см. в работе Л. Найдич (2004).

Как показывает таблица 1, в основном корпусе частотность словоформ *нервы* и *воображение* различается несущественно: 3332 и 3656 соответственно. Между тем при обращении к газетному корпусу обнаруживаем более чем двукратное различие в частотности словоформ: *нервы* встречаются 1760 раз, *воображение* – 694 раза. Примерно то же соотношение частот находим в устном корпусе (193 и 79 соответственно). В ходе планирования речевого высказывания в сознании билингва актуализируется более привычная в его речевом опыте лексема, закрепленная за практикой обыденного общения. Полагаем, что подобного рода примеры можно рассматривать в качестве симптома размывания стилистических норм.

Таблица 1

Частотность заменяемых словоформ по данным Национального корпуса русского языка

Словоформа	**Частотность в основном корпусе**	**Частотность в газетном подкорпусе**	**Частотность в устном подкорпусе**
Нервы	3332	1760	193
Воображение	3656	694	79

Еще один пример нетипичного контекста из письменной речи взрослого русско-иврит билингва: *Ох уж и неприятностей он наделал!* Выражение *наделать неприятностей* встречается в Национальном корпусе только однажды в контексте одного из произведений Алексея Толстого. Расширение сферы использования абстрактных по семантике и вспомогательных глаголов характерно для русскоязычной речи билингвов в разных странах (Гловинская, 2004; Полинская, 2004).

Наряду с замещением компонента идиомы более употребительным словом, встречаются и откровенные ошибки: *разговор в высоких тонах* вместо *разговор на повышенных тонах.* В корпусе нет ни одного примера подобной замены прилагательного. Частотность использования словоформ в разных корпусах отличается более чем на порядок (см. табл. 2).

Насколько мы можем судить, в данном случае лексическая замена обусловлена и морфологическим фактором: качественное прилагательное заменяется на отглагольное, восходящее к

страдательному причастию. Исходное прилагательное восходит к общеславянскому лексическому фонду, осваивается в первые годы жизни и относится к ядру лексикона носителя русского языка (Овчинникова и др., 2000; Уфимцева, 2005). Излишне напоминать, что причастие в целом менее употребительны в обыденной речи по сравнению с прилагательными, что отражено в контекстах из Национального корпуса.

Таблица 2

Частотность заменяемых словоформ по данным Национального корпуса русского языка

Словоформа	Частотность в основном корпусе	Частотность в газетном подкорпусе	Частотность в устном подкорпусе
Высоких	6114	4939	98
Повышенных	222	270	4

Замена компонента идиомы приводит к разрушению целостности устойчивого сочетания. По-видимому, в памяти билингва идиома не хранится в качестве целостной единицы. Семантика идиомы представлена в ментальном лексиконе, однако эта семантика не ассоциирована с устойчивым планом выражения, сочетание конструируется на ходу: сохраняется опорный компонент и заменяются зависимые. Замена представляет собой более употребительную в обыденной речи лексему, по сравнению с исходной. Семантика замены всегда более абстрактна.

Аналогичным образом происходит лексическая замена в свободных сочетаниях: лексический выбор реализуется в пользу более частотного слова с более абстрактной семантикой. Вместо *полетели* первоначально используется *побежали* (*пчелы побежали… полетели за мальчиком*).

Правда, частотность не всегда объясняет лексическую замену. Например, при описании работы бригады скорой медицинской помощи автор употребляет выражение *застегнули ремнями*: *уложили на носилки и застегнули ремнями*. Более точно выражает семантику референтной ситуации глагол *пристегнуть*, поскольку пострадавшего именно пристегивают к носилкам специальными ремнями. В корпусе не отмечено ни одного словоупотребления *застегнули ремнями* или *пристегнули рем-*

нями. Словоформа *пристегнули* встречается в Корпусе заметно чаще, чем *застегнули*. Словосочетание *пристегнуть ремень* более частотно как в основном, так и в устном и газетном подкорпусах (см. табл. 3).

Таблица 3

Частотность заменяемых словоформ по данным Национального корпуса русского языка

Словосочетание	Частотность в основном корпусе	Частотность в газетном подкорпусе	Частотность в устном подкорпусе
Застегнуть ремень	26	3	1
Пристегнуть ремень	78	118	6

Обычно *пристегнуть ремень* используется как устойчивое сочетание для обозначения необходимого условия безопасности пассажиров в полетах. Возможно, выбор в пользу *застегнули ремнями* обусловлен отталкиванием от наиболее актуальной семантики выражения *пристегнуть ремень*: при планировании речевого высказывания лексический выбор происходит до грамматического оформления выбранной лексемы или идиомы. На этапе выбора семантики автор отвергает семантику устойчивого сочетания как не соответствующего референтной ситуации и продуцирует свободное сочетание словоформ в ущерб точности выражаемого значения.

2. Ошибки в грамматике

Ошибки в грамматике, не обусловленные языковой интерференцией, связаны с

- предпочтительным использованием аналитических форм вместо приставочных глаголов совершенного вида;
- отступлениями от нормы при образовании пассивных форм и употреблении возвратных глаголов;
- упрощением падежной системы за счет использования родительного падежа вместо других;
- расширением сферы использования именительного и винительного падежа существительных и местоимений (замороженные формы);
- заменой менее частотных предлогов более частотными;
- отступлениями от нормативного порядка слов.

Приведем примеры.

Предпочтение аналитических форм простым можно трактовать как влияние контактирующих языков, в частности английского, и интерференцию с ивритом, в котором фазисная семантика зачастую передается использованием глаголов *начинать, продолжать* и *заканчивать, идти* наряду со смысловыми глаголами. Такого рода сочетания трактуют как сериальные конструкции (Скородумова, 2010). Однако наличие сравнительно малоупотребительных сочетаний фазовых глаголов *начать/начинать, продолжить/продолжать, закончить/заканчивать* в современном русском языке позволяет предположить, что речь идет не только и не столько о влиянии иврита, сколько о предпочтении неоднословных конструкций приставочным глаголам. В текстах билингвов зафиксированы выражения *мальчик начал думать, пес начал бежать, он начал делать вторую степень, начало наступать лето*. В сущности, подобные конструкции не являются ошибочными. Только случай *начал делать вторую степень* представляет кальку соответствующего выражения на иврите. В материалах Национального корпуса отмеченные конструкции встречаются не чаще 500 раз, причем в устной речи примеры такого рода единичны. Очевидно, типичность подобных конструкций в речи билингвов обусловлена совпадением периферии грамматики русского языка с центральной тенденцией глагольной грамматики иврита.

Ошибки в использовании пассива и возвратных глаголов вполне вписываются в давно выявленную закономерность: сложные формы дольше осваиваются и быстрее утрачиваются. Билингвы используют малоупотребительные формы: *просветленно подумалось тогда, но, как всегда, запоздало.* В Корпусе словоформа *подумалось* встречается 790 раз из 176 226 551 словоупотреблений, в сочетании *просветленно подумалось* – не встречается ни разу. Также замечены окказиональные образования (например, *он расстрелялся*), ни разу не встретившиеся в Национальном корпусе. Ошибочные образования несуществующих возвратных форм встречаются и в речи носителей языка, заполняя семантические лакуны. Обычно такого рода окказиональные образования восходят к невозвратным глаголам изменения состояния (Сай, 2010), что не характерно для приведен-

ных примеров из речи билингвов. Искажения в использовании форм страдательных причастий зачастую объяснимы интерференцией с другими языками: *мы регулируемые Европейским Союзом* (*we are regulated by EU*).

Упрощение падежной системы в русской речи эмигрантов описано для разных поколений (Гловинская, 2004; Земская, 2004; Полинская, 2004). М. Гловинская обращает внимание на регулярность взаимозамены предложного и родительного падежей, особенно в сочетаниях с прилагательным. В наших материалах мы находим родительный падеж вместо винительного, предложного, творительного. В данном случае мы определяем падеж не по его синтаксической функции, а по грамматическому показателю. Иначе говоря, в предложении *Пойду на пенсию, хрен я хоть одного дня работать буду* словоформу *дня* мы трактуем как родительный, а не винительный падеж. Вероятной причиной замены может быть смена семантической программы по ходу высказывания: вместо *ни одного дня работать не буду* автор предпочел экспрессивную конструкцию. Между тем, если иметь в виду направление развертывания речевой программы, перестройка должна была произойти уже после выбора просторечного экспрессива, однако сочетание *одного дня* все-таки не было отфильтровано в ходе реализации моторной программы высказывания. Таким образом, в высказывании представлена замена винительного падежа родительным.

При анализе замен падежных форм существенны такие факторы, как семантическая близость выражаемых значений и сходство грамматических показателей. При освоении падежной системы сходство грамматических показателей играет важную роль (Цейтлин, 2000). На оформление существительного в речи детей и взрослых влияет и флексия предшествующего прилагательного (там же; см. также: Гловинская, 2004). В таком случае на выбор падежной формы оказывает влияние речевая синтагматика (Сизова, 2009). В свою очередь, речевая синтагматика отражена в частотности использования падежных форм. Поскольку замены нередко происходят под влиянием предыдущего элемента речевой цепи (Русакова, 2007), в целом чем выше частотность словоформы, тем вероятнее ее использование в качестве замены: проявляется эффект прайминга.

По частотности использования во всех значениях родительный имени существительного уступает только винительному, заметно превосходя все остальные (табл. 4).

Таблица 4

Частотность существительных в словоформах косвенных падежей по данным Национального корпуса русского языка

Падеж	Частотность в основном корпусе		Частотность в газетном подкорпусе		Частотность в устном подкорпусе	
	Всего словоформ	Словоформ в ед. ч.	Всего словоформ	Словоформ в ед. ч.	Всего словоформ	Словоформ в ед. ч.
Род.	23 792 796	15 596 698	20 253 368	13 216 713	832 960	509 507
Дат.	8 412 606	7 451 654	6 933 421	6 043 085	298 176	270 082
Вин.	30 136 250	16 075 225	24 485 997	12 365 617	1 264 907	741 918
Твор.	6 071 530	4 806 843	3 581 879	2 849 420	166 411	140 232
Предл.	9 998 027	8 435 423	8 255 005	7 059 403	366 769	323 944

Приведенные в таблице 2 данные позволяют судить о том, что соотношение частотности падежных словоформ в целом сохраняется в разных подкорпусах: винительный, родительный, предложный, дательный. Исключение составляет газетный подкорпус, в котором наиболее частотны существительные в форме родительного единственного числа. Обсуждение причин преобладания форм родительного единственного числа в газетном корпусе не входит в задачи нашего исследования, равно как и более детальный анализ частотности использования падежных форм в разных значениях. Для нас существенной представляется общая картина соотношения частот падежных словоформ существительного: частотность винительного и родительного на порядок выше частотности других падежных словоформ. Напомним, что в наших материалах родительный чаще всего заменяет другие падежные формы. Зачастую эта замена спровоцирована прайммингом: *глубокий социально-экономический анализ окружающей действительности такой красивой девушки, как Ольга*. В этом случае предшествующая словоформа в родительном падеже явно повлияла на предпочтение родительного творительному. Мы полагаем, что расширение сферы использования

родительного обусловлено прежде всего частотностью его употребления, что провоцирует эффект прайминга.

Обратимся к ошибкам в использовании предлогов. Регулярно встречается замена предлога *на* на *в* случаях непрозрачных пространственных отношений: *торгуйте в одной платформе*. Между прочим, в Национальном корпусе русского языка *в* встречается 5 346 753 раз, а предлог *на* в два раза реже – 2 673 817 раза. Нередко предлог *с* замещает *при* (*в наши дни со стремительным развитием событий на рынке*). Частотность предлога *с (со)* почти в десять раз выше, чем частотность предлога *при* – 2 032 797 употреблений *с*, 202 852 употребления *со* и всего 280 719 употреблений *при*. На наш взгляд, эта тенденция отражает пренебрежение семантическими нюансами, упрощение предложной системы.

Ошибки в порядке слов отражают разрушение представлений о нормативной синтагматике. Порядок слов в русском языке наивные носители часто полагают свободным, между тем существуют ограничения на цепочку зависимостей и запрет на пересечение синтаксических зависимостей. В частности, в предложении *Будучи по делам в Штатах у друзей на юге в Мемфисе, был приглашен ими в казино* встречаем и нагромождение обстоятельств, и нарушение норм использования пассивных конструкций. В Корпусе нет ни одного примера использования оборота с причастной формой глагола *быть* в одном предложении с глаголом в пассивной форме. Ошибки, связанные с нагромождением цепочек зависимостей и пересечением зависимостей, встречаются чрезвычайно часто.

Заключение

Подведем итоги сопоставления ошибок в речи билингвов с примерами из Национального корпуса русского языка.

В целом мы полагаем предложенный подход продуктивным. Сопоставление ошибок в речи билингвов с материалами Национального корпуса дает объективное основание квалифицировать ошибки как типичные или, напротив, специфические для естественного билингвизма.

В нашем материале обнаружены нетипичные для носителей языка контексты, которые, на наш взгляд, характерны для речи билингвов и отражают трансформацию языковой системы в

условиях сужения речевой практики. Наиболее показательными мы считаем ошибки в использовании устойчивых сочетаний и коллокаций, а также упрощение семантики, выраженное использованием семантически более диффузных слов. Грамматические ошибки реализуют в речи языковую периферию и также отражают упрощение грамматической системы, по крайней мере в случае предпочтения предлогов и замены падежных форм. Замены возникают под давлением частотности словоформ. Фактор частотности играет существенную роль в перцептивной деятельности, как доказала А.С. Штерн (1992). В свою очередь, перцептивный опыт в речевой коммуникации определяет формирование языковой компетенции.

Мы не склонны усматривать специфику трансформации системы языка в наличии ошибок, невероятных в речи носителей русского языка в метрополии. Речь идет о перераспределении ядра и периферии, исключении некоторых сфер функционирования русского языка из речевой практики современного Израиля. Насколько мы можем судить, отмеченные нами ошибки отражают стирание границ между кодифицированной письменной речью и языком улицы. Аналогичные процессы происходят и в России (Овчинникова, 2003). Однако на улицах, язык которых размывает речевые нормы и определяет направление развития письменного языка, в Москве и Иерусалиме говорят по-разному.

Литература

Билингвизм // translation-blog.ru. [Электронный ресурс] URL: http://www.vip-translations.ru/bilingvizm.

Гловинская М.Я. Общие типы изменений в языке первого поколения эмиграции // Русскоязычный человек в иноязычном окружении (Slavica Helsingiensia 24) / под ред. А. Мустайоки, Е. Протасовой. Хельсинки, 2004. С. 13–20.

Залевская А.А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте / Твер. гос. ун-т. Тверь, 1996. 195 с.

Земская Е.А. Специфика речи русской диаспоры на рубеже XX–XXI века // Русскоязычный человек в иноязычном окружении (Slavica Helsingiensia 24) / под ред. А. Мустайоки, Е. Протасовой. Хельсинки, 2004. С. 21–27.

Имедадзе Н.И. Экспериментально-психологические исследования овладения и владения вторым языком. Тбилиси: Мециниереба, 1979. 229 с.

Найдич Л. Выбор языка, переключения кода, лексические заимствования: русский язык эмигрантов последней волны в Израиле // Русскоязычный че-

ловек в иноязычном окружении (Slavica Helsingiensia 24) / под ред. А. Мустайоки, Е. Протасовой. Хельсинки, 2004. С. 108–122.

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: www.ruscorpora.ru (проверено 27.02.2011).

Овчинникова И.Г. и др. Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции) / И.Г. Овчинникова, Н.И. Береснева, Л.А. Дубровская, Е.Б. Пенягина. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 312 с.

Овчинникова И.Г. Дискурс в региональных СМИ как отражение диглоссии // Человек в пространстве языка: матер. Междунар. науч. конф. Каунас, 2003. С. 345–358.

Полинская М.С. Русский язык в США // Русскоязычный человек в иноязычном окружении (Slavica Helsingiensia 24) / под ред. А. Мустайоки, Е. Протасовой. Хельсинки, 2004. С. 28–47.

Русакова М.В. Сбои при порождении словоформы в устной речи как результат спонтанного взаимодействия стратегий и механизмов // Матер. XXXVI Междунар. филологич. конф. СПб., 2007. Вып. 20: Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. С. 59–71.

Сай С.С. К вопросу о семантической классификации русских возвратных глаголов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена: Аспирантские тетради. СПб., 2008. № 29(65). С. 285–289.

Сизова О.Б. Роль синтагматических механизмов в обеспечении процессов падежного маркирования // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 199–205.

Скородумова П.Ю. Сериальные конструкции в иврите: автореф. ... канд. филол. наук. Москва, 2010. 28 с.

Уфимцева Н.В. Археология языкового сознания: первые результаты // Язык. Сознание. Культура: сб. ст. / под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М.; Калуга: Эйдос, 2005. С. 205–216.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: уч. пособ. М.: ВЛАДОС, 2000. 240 с.

Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности (экспериментальное исследование). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992. 236 с.

Щерба Л.В. К вопросу о двуязычии // Языковая система и речевая деятельность / ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич. Л.: Наука, 1974. С. 313–318.

Elman J. An alternative view of the mental lexicon: Trends in Cognitive Science // Trends in Cognitive Sciences. 2005. Vol. 8. № 7. Pp. 301–306.

Fromkins Speech Error Database [Электронный ресурс] URL: http://www.mpi.nl/cgi-bin/sedb/sperco_form4.pl (проверено 27.02.2011).

Goldrick M. Limited interaction in speech production: Chronometric, speech error, and neuropsycholinguistical evidence // Language and Cognitive Processes. 2006. Vol. 21. № 7–8. Pp. 817–855.

Hartsuiker R.J. Are speech error patterns affected by a monitoring bias? // Language and Cognitive Processes. 2006. Vol. 21. № 7–8. Pp. 856–891.

Kagan O. What is a Heritage Language? [Электронный ресурс] URL: http://www.international.ucla.edu/article.asp?parentid=93215 (проверено 27.02.2011).
LDC [Электронный ресурс] URL: http://www.ldc.upenn.edu/Catalog/index.jsp (проверено 27.02.2011).
Philip G. Decomposition and Delexicalisation in Learners' Collocational (mis)behaviour. 2007. [Электронный ресурс] URL: www.ucrel.lancs.ac.uk/publications/CL2007/paper/170_Paper.pdf (проверено 10.02.2011).
Serna C. Autores bilingues/bilingual authors: writing within dual cultural and linguistic repertoires. [Электронный ресурс] URL: http://findarticles.com/p/articles/mi_qa3673/is_1_130/ai_n35666697 (проверено 27.02.2011).
Verheijen E. Master Thesis on Computer Mediated Communication // NIFLAR. [Электронный ресурс] URL: http://niflar.ning.com/profiles/blogs/master-thesis-on-computer (проверено 27.02.2011).

Л.Э. Найдич*
Иерусалимский университет (Израиль)
А.В. Павлова*
Университет г. Майнц (Германия)

РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕЙ МОДАЛЬНОСТИ НА ФОНЕ НОВЕЙШИХ ТЕНДЕНЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сейчас очень много пишут и говорят о том, что происходит с русским языком. Одно из наиболее подробных и всесторонних исследований современных языковых тенденций представлено в книге М.А. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва» (2009). Профессиональные и остроумные наблюдения над новыми веяниями в русском языке содержит и книга И.Б. Левонтиной «Русский со словарем» (2010). Но, пожалуй, наиболее полный охват и глубокий лингвистический анализ происходящих с языком изменений и их причин содержит коллективная монография «Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX – XXI веков» (2008) под редакцией Л.П. Крысина. В ней подробно рассмотрены лексические заимствования, калькирования, семантические расширения и сужения лексических значений, изменения в грамматическом управ-

* © Найдич Л.Э., Павлова А.В., 2011

лении глаголов, изменения в орфографии, смена парадигмы речевого общения, язык Интернета, изменения в просодических характеристиках слов и фраз и некоторые другие явления в современном русском языке, а также русский язык эмигрантов за рубежом. Однако широта охвата языковых явлений в этой книге приводит к тому, что в ней отчасти смешиваются процессы, наблюдавшиеся еще в доперестроечный период[1], и процессы новейшие, действительно появившиеся (или широко проявившиеся) на рубеже двух веков. Кроме того, авторы монографии добросовестно и полно фиксируют любые изменения в языке, как нормативные, так и ненормативные. Несмотря на то что понятие языковой нормы, несомненно, расширилось и многие прежние запреты во всех сферах языка уступили место широко используемым нововведениям – нововведениям, которые еще двадцать лет назад показались бы лингвистам немыслимыми вольностями и прямыми ошибками, – множество описываемых в указанной монографии явлений и сейчас подпадает под определение ненормативных: многие сдвиги в словесных ударениях, бесчисленные новшества в глагольных управлениях (например, увеличение удельного веса предложного падежа в глагольных словосочетаниях), образования множественного числа с ударными флексиями, несклоняемость или неправильное склонение сложных числительных и многое другое. Для лингвистики корпус ненормативных, но широко распространенных примеров является чрезвычайно ценным для оценки тенденций, которые потенциально ведут к изменению нормы, поэтому такой материал для общего описания языковых процессов чрезвычайно важен.

Тем не менее далее мы будем ориентироваться на речь (главным образом, письменную) тех носителей языка, которые соблюдают существующие (во многом изменившиеся) нормы. В настоящей работе (из-за объема статьи) мы ограничимся лишь беглым описанием явлений, которые стали фиксироваться только в постперестроечный период и которые сегодня можно рас-

[1] Например, существительное *афганец* (Современный русский язык..., 2008: 56) возникло еще до перестройки, как и глаголы *озадачить* кого-л. чем-л. (там же: 16), что-л. кому-л. *светит, грозит* (там же: 48).

ценивать как нормативные (с учетом изменений самой нормы) или, по крайней мере, претендующие на то, чтобы считаться нормативными, поскольку из-за частотности и степени распространенности в печатных изданиях они не производят впечатления ненормативных, безграмотных – даже если поначалу многие из них казались странными и требующими исправления.

Однако, наряду с нормативными, приходится – хотя бы бегло – упоминать и те явления, которые не вошли, а скорее всего и не войдут в литературную норму, иначе картина даже письменной публицистической речи была бы неполной. Это, прежде всего, использование обсценной и жаргонной лексики в официальных текстах. Кроме того, рост числа агнонимов среди тех слов, которые еще недавно были известны большинству носителей языка – причем не только в области книжной лексики, но и в сугубо разговорном языковом пласте, – сокращение синонимии, понижение грамотности. Эти черты фиксируются не только в устной разговорной форме речи, но и в языке СМИ.

В настоящей статье содержится краткий обзор нового в языке публичного общения. Отчасти этот обзор повторяет то, что уже описано, и отсылает к уже упомянутым монографиям и к некоторым исследованиям других авторов, отчасти содержит примеры, отличные от описанных в других работах. Некоторые явления в приводимом здесь обзоре еще нигде не описаны[2]. Кроме того, в статье освещается одна из новейших тенденций в русском языке – развитие внешней модальности. Этот аспект пока не комментировался ни в одной из известных нам работ, хотя он получил широкое распространение в языке СМИ и представляется одной из характерных черт «новейшего» русского языка.

Материалом данного исследования послужили главным образом публицистические тексты из интернет-порталов, газет, журналов: «Новая газета», «Независимая», «The New Times», «Ведомости», «Коммерсант», Радио «Свобода», grani.ru, lenta.ru,

[2] К сожалению, объем статьи не позволяет детально прокомментировать весь перечень новых тенденций – он носит конспективный характер. Лишь некоторые аспекты будут рассмотрены сравнительно подробно.

polit.ru, ej.ru, gazeta.ru, fontanka.ru. Большинство примеров для краткости упрощено.

Новые тенденции в языке и, шире, в коммуникации можно рассматривать в нескольких аспектах: 1) констатация (что именно произошло с языком и экстралингвистическими средствами коммуникации за последние 15–20 лет); 2) изучение причин, по которым произошли изменения; 3) исследование соотношения между востребованностью (социальным запросом, практической необходимостью, созвучностью актуальной экономической и политической формации) и языковыми изменениями.

Попробуем в тезисном виде рассмотреть все три аспекта.

Какие именно изменения в языке и в коммуникации наблюдаются?

1. Грамматика

1.1. Меняется управление (обязательная валентность) некоторых глаголов. Например, глагол *согласовать*, видимо, не требует уже обязательного актанта в творительном падеже с предлогом: *согласовать* (что) – с кем. В СМИ пишут теперь просто: *Московские власти согласовали общегражданский митинг*. Видимо, это связано с изменениями значения этого глагола: вместо прежнего значения ‘договориться с кем-либо о чем-либо’ появилось (или появляется на глазах) новое: ‘разрешить что-либо’.

К этому аспекту языковых изменений можно было бы отнести и явно возросшую долю предложных глагольных управлений, что ведет к утрате переходных глаголов (например, вместо *упомянуть что-л. – упомянуть о чем-л.*), однако нормативность подобных конструкций остается сомнительной.

1.2. Меняется (расширяется) сфера внешней модальности, выражаемой глаголом *мочь*. Например: *Обвиняемых по делу об избиении уроженцев Абхазии* ***может*** *стать больше* (Новая газета) – подробнее об этом см. вторую часть настоящей статьи.

1.3. Значительно усилилась тенденция к словосложению путем соединения двух существительных (обычно в середине ставится дефис). Сложные слова, написанные через дефис, – вполне традиционные для русского языка конструкции: *министр-администратор, енот-полоскун, медведь-шатун.* Но между их элементами чаще всего были иные отношения: второе

слово уточняло (конкретизировало) первое или оба слова были семантически и грамматически равноправны. При этом оба существительных склонялись: *медведя-шатуна*. В школьной грамматике такие случаи рассматривались как существительное плюс приложение. Но уже давно продуктивной стала другая модель: несклоняемый элемент плюс существительное. Такие существительные также имелись в русском языке и прежде: *марш-бросок, грим-уборная*. М.В. Панов, обративший внимание на подобные новообразования, писал: «В русском языке XX века формируется особый грамматический класс слов – это аналитические определители, несклоняющиеся прилагательные» (Панов, 1999: 152). Панов описывает 15 типов аналитических прилагательных. В последнее время их количество заметно увеличивается, в русскую речь включается множество аналитических конструкций с неизменяемым первым элементом. Ср. более старые и совершенно новые лексемы: *крем-пудра, роман-газета – фейс-контроль, ток-шоу, бизнес-класс, бизнес-ланч, боди-арт, кастинг-менеджер* и т.п. (Маринова, 2006: 108). Появилось большое количество сложносоставных слов с первым элементом *топ-* (*топ-сотрудники, топ-передачи* и т.п.); модель с этим элементом можно назвать открытой: по ней создается множество окказионализмов. Как видно из приведенных примеров, во многих неологизмах обе части или, по крайней мере, первая – заимствования.

1.4. Разрешены и широко распространились некоторые словосочетания, прежде считавшиеся неграмотными: *в разы* вместо прежнего *во много раз*. (Это изменения на грани грамматики и лексики.)

1.5. Увеличилось количество допустимых нормой (во всяком случае, широко употребительных) форм множественного числа существительных, которые прежде считались singularia tantum: *риски, техники* (от *техника*), *экономики*.

2. Лексика

2.1. Проникновение в стилистический слой публицистики и художественной литературы блатного жаргона типа *сливать, распил, бабло, по понятиям*, а также ненормативной (непечатной) лексики. Но как раз об этом пишут сейчас столько, что останавливаться на этом аспекте не требуется.

2.2. Появление в официальной речи политкорректных слов: *афроамериканец, афроевропеец, люди с ограниченными возможностями, инвалиды по зрению, гендерный, геи, нетрадиционная сексуальная ориентация.* В этом же контексте можно рассматривать появление разговорного существительного *натурал* (Современный русский язык..., 2008: 98).

Больше всего политкорректных слов отмечается в областях, связанных с внешностью и здоровьем: *зрелая кожа, проблемные зоны, избыточный вес.* Политкорректностью можно объяснить и исчезновение из нормативной повседневной и публицистической речи некоторых выражений: например, перестали использовать презрительное обозначение *педераст*, реже стали употреблять пренебрежительное слово *голубой.* Не встречается в современной речи и выражение *засиделась в девках*, реже стали употребляться словосочетания *синий чулок, старая дева*. Из карт беременных исчез гинекологический термин *старая первородящая*, оскорбительный для будущих мам.

2.3. Появление политических эвфемизмов для сокрытия истинного положения дел: *непопулярые меры, корректировка налоговой ставки, нецелевое использование средств, административный ресурс, зачистки.* Сама по себе тенденция насаждения в политическом языке эвфемизмов не нова и распространена, по-видимому, во всех странах и во всех языках. Поэтому здесь интересны только примеры новых эвфемизмов, а также то обстоятельство, что наряду с новыми эвфемизмами попрежнему активно используются и некоторые эвфемизмы советской эпохи, например, *отдельные недостатки, перегибы на местах, недочет, недосмотр*.

2.4. Появление эвфемизмов, связанных с изменениями морали и социальных норм поведения. Так, распространился институт богатых любовников: их именуют *папик* или *спонсор*, а их юные избранницы именуются *малолетками* – слово, прежде употреблявшееся редко. Например: *Муж ушел к малолетке* (из телевизионного интервью).

2.5. Исчезновение (вытеснение из языка) многих выражений советской эпохи, которые вызывают неприятные ассоциации с идеологией и пропагандой прошлых лет: *работать с*

огоньком, энтузиазм, чувство локтя, коллективизм, девчата, трудящиеся.

2.6. Активное использование заимствований: *ангажированный, ланч, лузер, тренд, толерантность, пубертатный, бизнесвумен, уикенд/уикэнд*. Об этом тоже написано множество лингвистических работ и популярных статей (см., например: Современный русский язык..., 2008: 169–171).

2.7. Употребление ка́лек: *мозговой штурм* (*brainstorming*), *устойчивость* (*sustainability*), *это зависит* (*it depends*). В целом ка́лек заметно меньше, чем заимствований (Современный русский язык..., 2008: 182–183), однако следует учитывать и неявные, скрытые кальки: например, сократилась синонимия тематического поля «трудность»: все трудности и их разновидности (*сложность, затруднение, обстоятельство, несообразность, загвоздка, задача, накладка, незадача, неприятность, нестыковка* и др.) теперь именуются *проблема*.

2.8. Развитие новых значений: *вызов(ы)* (*challenge*), *озвучить*[3], *откаты*. В связи с развитием новых значений или оттенков значений меняется и сочетаемость (стилистическая норма): например, прежде слово *успешный* употреблялось только по отношению к неодушевленному предмету (*успешное выступление*), нынче – и к одушевленному лицу (*успешная бизнесвумен*) (Левонтина, 2010: 19–20). Глагол *засудить* был прежде окрашен разговорно и означал ‘вовлечь кого-либо в многочисленные и утомительные судебные процессы’, ‘затаскать по судам’. Этот глагол употреблялся в прессе XX в. редко, как и вообще разговорная лексика. Нынче он переживает ренессанс и при этом – явно – означает нечто иное:

[3] Глагол *озвучить* еще недавно рассматривался как явное нарушение стилистической нормы. Сегодня вряд ли можно говорить о нем как о ненормативном: его распространение свидетельствует о его победе над пуризмом. В работе «Современный русский язык...» (2008: 54) этот глагол описывается нейтрально-безоценочно, как факт публицистической и разговорной речи. Не исключено, что приобретение им дополнительного значения связано со смысловой близостью к глаголу *огласить*. Возможно, сыграло роль и влияние немецких параллелей *verlauten, laut werden lassen* ‘оповещать’, ‘доводить до сведения общественности’, ‘оглашать’.

- *Греческая церковь **засудит** Нью-Йорк за отобранную после терактов землю* (lenta.ru).
- *Пожаловавшегося Путину кардиолога хотят **засудить** две клиники* (Polit.ru).
- *Абрамовича пытаются **засудить** за невыплату зарплат* (Polit.ru).
- *Актриса Татьяна Васильева **засудила** НТВ за незаконную рекламу: Арбитражный суд Москвы 28 февраля постановил, что телеканал НТВ должен выплатить актрисе Татьяне Васильевой компенсацию в размере 50 тысяч рублей* (lenta.ru).
- *Персонаж **засудил** автора: норвежская писательница Осне Сейерстад приговорена судом к уплате денежного штрафа героине своей книги за слишком подробное описание ее жизни* (Gazeta.ru).

Контекст, да и сами заголовки демонстрируют, что глагол *засудить* употребляется нынче в значении ‘подать в суд и доказать виновность’, а вовсе не в значении ‘затаскать по судам’. По-видимому, это новое значение глагола *засудить* современными толковыми словарями пока не зафиксировано. Но следует ли из-за этого считать нынешнее употребление глагола ненормативным? Вероятно, раз его употребление в этом – новом для него – значении столь распространилось, то с этим следует считаться как с фактом развития полисемии. Это значение возникло как заполнение некоторой лексической лакуны: вместо словосочетаний *подаст в суд, привлечет к суду, собирается привлечь к суду* формы *засудит, засудят* употребляются, очевидно, как более удобная, однословная лексема. Но возникает новая проблема: старое значение «просвечивает» сквозь новое и мешает однозначному толкованию.

Некоторые слова образовались от уже известных путем простейших словообразовательных операций: от старых прилагательных *негативный, позитивный* – новые существительные *негатив, позитив*. Они удобны для обозначения целого комплекса явлений, которые в противном случае нужно было бы описывать словосочетаниями (*негативные явления, отрицательные черты, плохое настроение, подавленное состояние, плохие новости, ворчливый характер* или, соответственно, *положительные черты* и проч.) и выступают по отношению к этим словосочетаниям как гиперонимы.

2.9. Образование новых слов от сокращений: *пиарить, пиариться, виповский*.

2.10. В официальной и полуофициальной речи (книгах, газетах, телевидении, Интернете) исчезают отчества, в том числе из инициалов авторов. Например: *Людмила Вербицкая, Людмила Алексеева, Ирина Антонова* – по отношению к людям, которых по правилам этикета следовало бы называть по имени и отчеству. В результате иногда довольно сложно узнать отчество автора, а это бывает необходимо для ссылок или библиографии[4]. Встречаются даже формы *Александр Пушкин* и *Михаил Лермонтов*, что раньше показалось бы странным (в противоположность общепринятому и раньше *Лев Толстой*). При этом некоторых писателей и деятелей культуры нередко называют только по имени-отчеству, что кажется не официозным, а, напротив, уважительным с элементами интимности (как в обращении к старым знакомым): *Федор Михайлович, Анна Андреевна.*

2.11. Появление новых слов с оценочной семантикой, особенно прилагательных. Положительная оценка при этом часто связана с внешним блеском и богатством, а кроме того, с исключительностью: *элитный, престижный* (Кронгауз, 2009: 31–32; Современный русский язык..., 2008: 171) – об этом слое лексики ниже сказано подробнее, см. раздел «Причины».

2.12. Стремление «повысить в ранге» те или иные учреждения или названия профессий: *бутик* вместо *магазин*, *лицей* вместо *ПТУ* (Современный русский язык..., 2008: 171–172), *менеджер по продажам* вместо *продавец, торговый работник; дизайнер по прическам* вместо *парикмахер*[5].

2.13. Появление новых (сугубо разговорных) слов с семантикой интенсивного, часто насильственного действия (Кирили-

[4] Это положение иллюстрируется уже упомянутой книгой М.А. Кронгауза, в которой инициалов автора обнаружить не удается: он фигурирует в книге только как Максим Кронгауз.

[5] Эта тенденция не нова, но в последние годы она заметно усилилась и приняла массовый характер. Ср. сатирические строки В. Маяковского: «Он был монтером Ванею, но, в духе парижан, себе присвоил звание *электротехник Жан*», любопытные еще и тем, что оба наименования специальности исконно имеют иностранное происхождение, как, впрочем, и оба варианта имени.

на, 2009: 75–78): *наезжать, грузить, прессовать, мочить, давить, додавить, плющить, строить*. Последнее в значении ‘подчинить себе, навести порядок’ по аналогии со ‘ставить в строй’. Характерно, что в большинстве случаев речь идет о глаголах, которые часто употребляются с одушевленными существительными в качестве прямого дополнения. Прилагательные *жесткий, резкий, крутой* приобрели в последнее время новые значения (о *крутой* см., например: Тарасов, 2009: 21–33). Прилагательное *агрессивный* можно встретить в сочетаниях, свидетельствующих как о сохранении его старого значения, так и развития нового, состоящего в нейтральной и даже скорее положительной оценке предмета: *агрессивная реклама*, *открытый и агрессивный футбол*.

2.14. Использование слов и выражений вслед за известными личностями или популярными фильмами: *перезагрузка, картина маслом*[6]. Это не новая тенденция, здесь новы только конкретные примеры.

2.15. Возвращение некоторых старых слов, которые, казалось бы, навсегда ушли из языка: *сплин*, *гражданский брак*. Некоторые появившиеся было на рубеже веков слова снова канули в Лету в связи с исчезновением соответствующих реалий: *челночники*.

2.16. Архаизация многих слов и выражений лишь по причине того, что их перестали употреблять (они оказались вытеснены более современными синонимами): *каверза, конфуз, сутолока, сутяжничество, рачительный, сетовать, пока суть да дело* и множество других. Молодые люди не знают значений таких «книжных» слов, как *фанаберия, сибарит, фрондерство, парвеню* (они превратились в агнонимы) и не понимают некоторых отрезков художественных текстов, написанных еще в середине 20 в.

2.17. Использование лексики из сфер парапсихологии, оккультизма, астрологии, эзотерики, народной медицины. Например, то, что прежде именовалось *судьбой*, *планидой*, тем, *что на*

[6] *Перезагрузка* – англ. *reboot*, компьютерный термин, который вошел в русский язык благодаря эпизоду с участием Хиллари Клинтон и Сергея Лаврова; *картина маслом* – любимая присказка героя фильма «Ликвидация».

роду написано, теперь нередко называют *мантрой, кармой*. Параллельно с этим вновь вернулись в речь когда-то забытые и ставшие было историзмами лексемы *знахарь*, *целитель, заговор, гадалка, сглаз, приворот, навести порчу, снять порчу*.

2.18. Общее снижение синонимии (нивелировка лексических средств).

2.19. Бурное развитие игровых элементов: широкое использование языковой игры в заголовках СМИ, распространение цитат, намеков на чужие слова или известные события, аллюзий, шутливое и нарочитое применение иносказаний, обозначение известных людей через их высказывания, отсылки к их поступкам, ставшим достоянием общественности, или названиям их функций (*наше не место для дискуссий* вместо *Грызлов*, *гарант Конституции* вместо *Медведев, любитель тигров и китов* вместо *Путин*).

3. Орфография

3.1. Стало принято писать некоторые слова латиницей, например: *IT, upgrade*. Некоторые слова пишут и так, и так: *апгрэйд*. Названия зарубежных фирм чаще также пишут латиницей: *Fiat, Opel*. Макаронизмы используются в рекламе – часто в качестве языковой игры – или на сайтах Интернета, например: *АННАЛИЗ ТЕКСТА*.

3.2. Общее снижение грамотности. (Правда, особой грамотности и в советскую эпоху не наблюдалось, но был институт корректоров, которые занимались правкой. Теперь он, по-видимому, в значительной степени упразднен.) Распространение неграмотных и непонятных по смыслу переводных текстов на интернет-порталах (например lenta.ru, fontanka.ru), в титрах на телевидении, в рекламе. Вот только два примера с информационного портала fontanka.ru: *Я не думаю, что я должен оправдываться, – сказал 53-летний режиссер. – Я не снял этот фильм для вас или для какой-либо аудитории, и поэтому я не думаю, что я должен кому-то давать объяснения; Финляндии, которую министр скромно назвал G-34, он прочит место ключевой державы к пониманию европейским сообществом загадочной русской политической души*.

3.3. Появление в Интернете так называемого «эрратического языка» («эрратической лексики»[7]), отражающего языковую игру групп блогеров, основанную на нарочитом искажении орфографии (при сохранении правил графики) и включении некоторых придуманных ими формульных выражений, часто обсценного характера. Например: *аффтар жжот* – как положительная оценка текста[8].

4. Фонетика

4.1. В области интонации: иначе стали мелодически оформлять актерскую и дикторскую речь. Если сравнить нынешние фильмы с фильмами 70-х гг., это сразу становится заметно (см. наблюдения некоторых изменений в просодии: Современный русский язык..., 2008: 391–394).

4.2. Транслитерация и произносительная норма нерусских имен собственных приблизилась к норме источника: вместо *Генрих* теперь пишут и произносят *Хайнрих*, вместо *Гейдельберг – Хайдельберг*.

5. Стилистика

5.1. Наблюдается общая демократизация языка, проникновение разговорно-просторечного и жаргонного стиля в литературный язык, смешение «печатного» и «непечатного» (Современный русский язык..., 2008: 100–182). Вообще, нейтральный стиль, кажется, уходит в прошлое. Возможно, не навсегда. Но в настоящее время нейтральный стиль представляется в кругах интеллектуалов среднего и молодого поколения скучным и устаревшим. Ср. пример из интеллектуального ток-шоу: *Иракли Андроников фигачил байки* (без пейоративного оттенка; в переводе на нейтральный стиль – *рассказывал истории*). Тенденция к простоте и доступности проявляется и в научных жанрах: например, лингвисты стали явно чаще обращаться к жанру популярной, понятной неспециалистам литературы.

---

[7] Термин «эрратический язык» принадлежит Гасану Гусейнову (см.: http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm, а также http://company.yandex.ru/about/interview/archive/2005/08-01_01.xml (проверено 03.03.2011)).

[8] В интервью «Новой газете» М.А. Кронгауз указывает, что этот язык, пережив бурный расцвет в начале XXI в., постепенно уступает место обычному – видимо, мода на него отходит (см.: http://www.novayagazeta.ru/data/2011/022/35.html (проверено 03.03.2011)).

5.2. Местоимение *я* стало употребляться в научных работах – там, где прежде употреблялось местоимение *мы* или страдательный залог.

5.3. В газетных и журнальных статьях начали активно упоминать возраст тех, о ком пишут. Прежде это было не принято. Это происходит, по-видимому, под влиянием переводных статей (в западной традиции возраст описываемых в публицистических статьях лиц как раз принято называть).

5.4. На грани между языком и средствами общения, традиционно причисляемыми к нелингвистическим, стоят междометия. В области междометий в начале XXI в. также наблюдаются некоторые изменения: по-видимому, под английским и немецким влиянием: появились междометия *Вау!* – возглас удивления, восторга, восхищения; *О-о!* (краткое, отрывистое произнесение двух «о» на двух разных мелодических уровнях) – возглас удивления или выражения настороженности, предчувствия угрозы; *Упс!* – возглас, выражающий раскаяние в собственной неловкости, неуклюжести или облегчения из-за того, что опасность миновала.

Поскольку язык – только часть общего набора средств общения, то наряду с языковыми изменениями стоит упомянуть и введение некоторых новых символов, жестов, обычаев. В Интернете, смс-сообщениях, чатах стали использовать значки, отражающие настроение и – отчасти – долженствующие дополнить интонационную информацию, которая в письменной речи является довольно скудной. Появились также специальные сокращения, типичные только для этих видов общения. В жестикуляцию вошел символ «сердце» (чтобы, например, показать, что кто-либо кого-либо любит, могут нарисовать руками в воздухе сердечко – это нововведение, пришедшее с Запада). Появился еще один новый жест – выставленный средний палец руки при сжатых прочих пальцах в кулак (это жест, считающийся неприличным на Западе, прежде в России он не использовался). Зато стали реже показывать «фигу». Из заимствованных же жестов начали использовать «кавычки», которые показывают обеими руками, «мигая» указательным и средним пальцами.

Причины изменений в средствах коммуникации на грани XX и XXI вв.

Все причины изменений в средствах коммуникации можно разделить на общие (характерные для всех коммуникативных систем в любой исторический момент времени) и специфичные только для России на данном историческом этапе, а также на экстралингвистические и лингвистические. Последние относятся к общим причинам: они регулируют языковые изменения в любом языке.

Поскольку язык – явление социальное, причины и механизмы изменений в конечном итоге имеют социолингвистическую природу. Грамматические и семантические изменения происходят в языке под воздействием социальной потребности и социальных условий, а внутрисистемные языковые изменения происходят в речи определенных социальных слоев, так как язык не существует вне его носителей.

Итак, перейдем к рассмотрению причин. В этом перечне неизбежны повторы, так как причины отчасти иллюстрируются примерами, которые были приведены в перечне коммуникативных новшеств.

1. Экстралингвистические причины, специфичные для России на настоящем историческом этапе

1.1. Глобализация, интенсивность контактов с Западом (например, отпадение отчеств[9], называние возраста героев публицистических статей, заимствования, кальки, новый способ образования и записи сложных слов, латиница, макаронизмы, употребление местоимения *я* в научной речи, некоторые новые междометия, новые жесты).

1.2. Падение советского режима с его кодифицированной нормой публицистической речи, лживыми и надоевшими языковыми штампами, милитаристским псевдооптимизмом, псевдологикой, манипуляцией общественным сознанием, цензурой. Как результат, общая демократизация языка, бурный всплеск

[9] А.Д. Шмелев полагает, что исчезновение отчеств объясняется не столько влиянием Запада, сколько возрастанием простоты и неформальности языка СМИ (Шмелев, 2005). Не исключено, что в этой тенденции можно видеть одновременное действие более чем одной причины.

языковой игры, расширение представлений о нормативности письменной речи.

1.3. Изменение экономического уклада (капитализм, свободный рынок) и, как следствие, общественного мнения относительно деловых качеств и рода занятий. При советской власти предприимчивость, умение «делать дела», оборотистость считались чем-то заслуживающим порицания (например, слова *делянга, делец, оборотистый* употреблялись в пейоративных контекстах). Теперь же, наоборот, деловая хватка – это нечто положительное. Купля-продажа с выгодой для продавца именовались при советской власти *спекуляцией* или (в разговорном варианте) *фарцой*, теперь же это *бизнес*, а любой владелец фирмы по продаже товаров или услуг – *бизнесмен*. Видимо, по той же причине изменения взглядов на деловые качества и карьеру в русский язык вошли английское слово *лузер* и жаргонное русское словечко *лох*, называющие людей, не сумевших пробиться, разбогатеть, подняться по карьерной лестнице – словом, неудачников. Слово *неудачник* существовало и прежде, но оно, видимо, было по значению слишком общим, а *лузер* или *лох* – это как раз знаменательные вехи последнего пятнадцатилетия[10]. Этой же причиной объясняется обилие и активное употребление лексем в тематическом поле «физическая сила»: резкость, крепкие мышцы, бойцовские качества, напор, а иногда и насилие оцениваются скорее положительно, чем отрицательно. Действия милиции, разгоняющей демонстрации и митинги дубинками, пинками, выкручиванием рук и прочими насильственными проявлениями определяются даже демократической прессой как *жесткие*, а не *жестокие* – в этом эпитете присутствует явное снижение качества описываемого объекта.

1.4. Изменения общественного мнения, морали и идеологии. Например, уже не вызывает резкого общественного осуждения институт богатых любовников или молодых любовниц (как это имело место в годы советской власти) – и это отражается в языке. Стремление выделиться, не походить на соседей и коллег приводит к появлению оценочных прилагательных, обо-

[10] *Лох* слово далеко не новое; новым является его широкое распространение в современном интернет-пространстве и в разговорной речи.

значающих уникальность или необычность: *пафосный, элитный, гламурный, статусный, эксклюзивный, престижный, резонансный*. В советскую эпоху очень важно было «не выделяться», «быть как все», что проявлялось в разных сферах, например в одежде, в бытовом поведении. Вызвано это было, по-видимому, сочетанием насаждаемой коммунистической идеологии с дореволюционной, христианской. Быть особенным в различные периоды советского времени было и опасно, и недемократично; люди, отличавшиеся от других, подвергались разного рода нападкам, общественному осуждению, остракизму – вплоть до «проработок» на публичных «товарищеских судах» и выговоров «с занесением в личное дело»; а с другой стороны, демонстрировать свое богатство было плохим тоном и в дореволюционное время, среди дворянской интеллигенции, которая, главным образом, и формировала нормы поведения. Эта общественная мораль в советское время поддерживалась экономическим дефицитом и общей бедностью: у людей не было возможности съездить в «эксклюзивный» и «элитарный» отпуск, купить себе «престижное» платье. В то же время доступны и дешевы были книги, кино, «толстые» журналы, театр, концерты – на них общественная активность и была сосредоточена. Приличным считалось выделяться умением, начитанностью, образованностью, трудом, талантами, а не богатством. Ср. хрестоматийные пословицы: *По одежке встречают – по уму провожают*; *«Я» – последняя буква алфавита* и др. Слова, широко распространившиеся в современном русском языке и характеризующие любую степень «особости», уникальности, непохожести на всех прочих, наглядно отражают сдвиг в идеологии: важно иметь то, чего нет у других, ходить туда, куда других не пустят. Ср. курьезные словосочетания: *элитная сантехника, элитный алкоголь, элитарный ремонт, эксклюзивная мебель, статусные телефоны, престижная посуда.* Ср. также примеры из Интернета: *В отличие от массового, элитарный туризм рассчитан на состоятельную клиентуру; Вторым слоем наносится эксклюзивный цвет; Рейтинг профессий – самые престижные, доходные и перспективные*. Отметим, что указанные тенденции имеют как отрицательную (смешную, нелепую), так и положительную сторону. Поощряется развитие индивидуальности и умение радо-

ваться жизни, строить свой быт и семейные отношения – то, что давно принято в западных странах и отсутствовало в России.

1.5. Вытеснение некоторых слов по причине их ассоциативной отягощенности воспоминаниями советского прошлого. Они заменяются другими, например, *коллектив → команда*, но в некоторых случаях образуются лакуны: так, слово *коллективизм*, кажется, ничем не заместилось, в то время как на Западе дух товарищества и умение работать в коллективе (нем. *Teamgeist*, англ. *team-oriented*) – необходимые требования для приема на работу.

1.6. Плохой, непрофессиональный перевод[11]. Например, упоминание возраста в публицистических текстах, расширение сферы внешней модальности[12] связаны, видимо, с непрофессиональным переводом. Возможно, также объясняются изначально плохим переводом некоторые заимствования типа *тренд*, развитие некоторых новых значений у слов – «ложных друзей переводчика»: так, глагол *презентовать* теперь означает ‘представлять’, ‘делать презентацию’, хотя прежде этот же глагол имел значение ‘дарить’ и в этой ипостаси являлся классическим «ложным другом переводчика».

1.7. Ухудшение школьного образования и, как следствие, понижение общей грамотности.

1.8. Расширение компьютерных путей общения, требующих быстрой реакции (чат, электронная почта, блоги), – и, как следствие, упрощение синтаксиса, активное употребление разговорной лексики, жаргона, а также обилие ошибок и возрастание терпимости по отношению к ошибкам.

1.9. Сокращение корректорских ставок[13] и, как следствие, обилие ошибок в СМИ.

1.10. Речь государственных деятелей, которые используют жаргон в публичных выступлениях (в этом стилевом слое языка

[11] Можно высказать гипотезу о том, что непрофессионализм переводчиков является одной из причин языковых изменений; подтвердить или опровергнуть это предположение, по всей вероятности, невозможно.

[12] См. вторую часть данной статьи.

[13] А.Д. Шмелев предполагает, что сокращение числа корректоров – одна из основных причин падения грамотности (Шмелев, 2005).

синонимия крайне бедна[14]). Эта речь тиражируется средствами массовой информации и быстро достигает широких слоев населения (Левонтина, 2010: 95–97).

2. Экстралингвистические общие причины[15]

2.1. Нормальный процесс включения в язык новых слов вместо старых просто потому, что старые надоедают: *риэлтор* вместо *маклер*.

2.2. Мода на новые, «неизбитые» слова. Такими кажутся прежде всего заимствования. Например, *тренд* вместо *тенденция, пилинг* вместо *чистка*.

2.3. Социально-политическая эвфемизация (политика требует эвфемизмов для затушевывания горькой правды; политкорректность, проникающая с Запада, требует эвфемизации для формального выражения уважения к социальным меньшинствам; реклама требует эвфемизации для обеспечения успеха товаров и услуг на рынке).

2.4. Возникновение новых реалий: *палаточник, газель* (Современный русский язык..., 2008: 57). Особенно много новых реалий в области компьютерных видов деятельности: *инсталлировать, загрузить, горячая линия, социальные сети, зафрендить, блогер, чат*.

2.5. Заполнение лакун (понятия имелись и раньше, но для них не было однословных обозначений): *мачо*, *уикэнд*.

2.6. Социальный запрос текущего политического момента: *перезагрузка* – в значении ‘становление нового этапа отно-

[14] Например, тематическое поле «донос» можно представить множеством разностилевых средств: *доносить, написать донос, дать знать начальству, сообщить в вышестоящие инстанции, сообщить куда следует, стукнуть, поставить в известность начальство, настучать, написать телегу, накатать телегу, накапать, шепнуть кому следует, оговорить* и мн. др. – все эти средства заменяются нынче глаголом *слить*. Вместо однообразного *пиарить* можно было бы сказать *пользоваться дешевыми средствами пропаганды, добиваться дешевой популярности, искать популярности, пользоваться популистскими методами, действовать в угоду толпе, угождать толпе, прибегать к демагогии в целях саморекламы* и др.

[15] Несмотря на то что ниже перечисляются причины, общие для всех стран в данный или иной (похожий) исторический момент, мы продолжаем здесь приводить примеры из русского языка.

шений между странами’. В качестве социального запроса можно рассматривать и лексемы, связанные с политкорректностью.

2.7. Широкое распространение слов и выражений благодаря популярности тех, кто их произносит (заметные личности, которых принято теперь называть *VIP-персонами*).

2.8. Широко распространившийся способ общения через Интернет, мобильные телефоны. Эти виды коммуникации требуют от человека быстрой реакции, повышенной степени использования сокращений, дополнительных графических символов, разговорной и просторечной лексики. Они же способствуют созданию микроколлективов (микрокультур) с их собственными речевыми характеристиками.

2.9. Типичное не только для современной России, но и в принципе для смены исторических формаций увлечение широких слоев населения астрологией, гаданиями, мистикой, эзотерикой и прочими ненаучными и околонаучными областями знания.

2.10. Убогая современная литература (детективы, любовные романы, примитивный язык литературы, претендующей на уровень современной беллетристики) и отсутствие привычки читать классику. Это приводит к сокращению индивидуальных лексиконов и упрощению синтаксиса. Данная тенденция имеет место как в России, так и на Западе: молодые люди отчасти перестают понимать тексты, написанные еще в середине XX в., и не пользуются огромным количеством языковых средств, еще недавно активно употреблявшихся как в письменной, так и в устной речи.

3. Лингвистические (общие) причины

3.1. Чисто языковые ассоциации. Так, существительное *терпимость* ассоциируется со словами *терпение, терпеливый, дом терпимости*. Слово *толерантный* подобными ассоциациями не отягощено. Правда, для *толерантности* нет соответствующего глагола (**толерировать*). Но, возможно, и он появится, тем более что и глагол *терпеть* по своей семантике не имел отношения к существительному *терпимость*, а вместо глагола употреблялось словосочетание *проявлять терпимость*, которое в современном языке сменилось словосочетанием *проявлять толерантность*.

3.2. Расширение лексического или грамматического согласования, возможность образовать другие части речи или другие грамматические формы. Субстантивные сочетания со словом *новости* (*колонка новостей, полоса новостей, заголовки новостей*) превратились в атрибутивные с новым прилагательным *новостной*: *новостные колонки, новостная лента* и даже *новостной повод* (Gazeta.ru) вместо *повод для появления нового сообщения в газете*. Некоторые заимствованные прилагательные с самого начала обнаружили тенденцию к более широкой сочетаемости, чем старые слова, новыми явно вытесняемые. Так, прилагательное *креативный* повсеместно вытесняет прилагательное *творческий*, издавна бытовавшее в русском языке. Причина – помимо того, что *креативный* явно моднее, современнее, новее и потому ярче – еще и в следующем: прилагательное *творческий* было ограничено в сочетаемости по сравнению с прилагательным *креативный*. Так, нормативно: *творческий вечер, творческий подход, творческий человек,* но не **творческий юмор, *творческие фотографии, *творческий директор, *творческий учитель*. С прилагательным *креативный* сочетаемость значительно шире: все перечисленные здесь объекты можно охарактеризовать с помощью этого не столь давно появившегося в языке слова. Например, можно сказать: *Он не только самый креативный игрок команды, но ее харизматический лидер.* Но нельзя было бы (норма запрещает) сказать **творческий игрок*, можно только – *изобретательный игрок, находчивый игрок.* Пилагательное *креативный* по семантике шире, чем *изобретательный* и *находчивый*, и при этом имеет широкую сочетаемость, что обеспечивает ему успех. Кроме того, от *творческий* не образовать краткого прилагательного, а от *креативный* можно; краткие прилагательные удобны для использования их в роли сказуемого: *Он очень креативен*.

Прилагательное *признательный* до сравнительно недавнего времени означало только ‘благодарный’. Трудно сказать, когда именно появилось словосочетание *признательные показания* как юридический термин, но возникло оно сравнительно недавно, прямо на глазах. Прежде говорили *признался, сознался, написал признание*. Поначалу выражение *признательные показания* казалось нелепым, смешным и безграмотным, но потихоньку к

нему привыкли и начали использовать не только в специальном юридическом языке, но и в прессе как стилистически нейтральное. Причина того, что оно вошло в язык, видимо, снова чисто грамматическая: только таким образом от существительного *признание* можно было образовать прилагательное, а прилагательное удобно, оно требуется как характеристика некоторых видов показаний.

3.3. Расширение возможностей словообразования путем развития новых форм сложных слов (*топ-модель, бизнес-ланч*).

3.4. Семантические причины – развитие новых значений на месте лакун. Например, слово меняет свое значение, чтобы восполнить внутриязыковую лакуну и одновременно развивает собственную многозначность (как в случае с глаголом *засудить*).

Соотношение между практической необходимостью языковых изменений и реальными переменами

Соотношение между социальным запросом и языковыми изменениями неодномерно. Довольно сложно объяснить, почему в русский язык сейчас вошло слово *мачо*, хотя мачо имелись всегда и в социальной сфере в этом отношении ничего не изменилось: оттого, что в языке возникло это слово, людей, которых можно обозначить этим существительным, не стало ни меньше, ни больше. Можно было бы утверждать, что слова *мачо* или *сексист* – это проблески так называемой «феминистской лингвистики»[16]. Но при этом практически не используются выражения из того же семантического поля феминизма: *эмансипация, сексуальные домогательства,* да и слово *сексизм* употребляется редко и пока не прижилось, хотя примеров сексизма в публицистических и художественных текстах множество. По-прежнему невозможно одним словом назвать то, что в английском обозначается как *abuse*, а в немецком как *misshandeln, missbrauchen, belästigen.* Нет слова для характеристики потенциального

[16] Исторический обзор, детальное описание феминистской лингвистики и описание направлений гендерных исследований на современном этапе развития лингвистики можно найти в работе «Гендер и язык» (2005: 7–32). О влиянии западной феминистской лингвистики на русский язык см. (Павлова, 2010).

насильника, агрессивного человека (нем. *gewalttätig*). Феминистские тенденции сказываются в одних сферах языка (в языке появляются новые лексемы) и не сказываются в других: так, за последние годы не появилось новых непросторечных форм женского рода для обозначений профессий и социальных ролей (в отличие от английского и немецкого языков), что не согласуется с феминистскими тенденциями Запада. Фразу *Губернатор Петербурга отвечает на запрос депутата городского парламента о причинах увольнения директора школы № 38 Приморского района* (fontanka.ru) нельзя понять и перевести на некоторые языки (например на немецкий) правильно, если не знать, какого пола губернатор, депутат и директор, как нельзя было бы понять и перевести аналогичную фразу и двадцать лет назад. Более того, наблюдается прямо противоположная тенденция: преобладает явное стремление к закреплению «мужской доминанты» путем употребления обозначений профессий и социальных ролей мужского рода применительно к женщинам даже там, где имеются существительные женского рода: *писатель Н. Катерли*, *художник Изабелла Бочкарева, поэт и переводчик Ольга Седакова*. Не исключено, что самим женщинам эти варианты кажутся более солидными, серьезными, «равноправными», в то время как в действительности они затрудняют понимание текста и препятствуют корректному переводу на другие языки[17].

По-прежнему отсутствуют удобные официальные обращения людей друг к другу, если они не знают, как зовут собеседника. Нет слова, чтобы обозначить не собеседника, не партнера, не соседа, а просто человека, с которым в какой-то ситуации приходится вступать в контакт, например, того, к кому ты об-

[17] Нельзя согласиться с авторами коллективной монографии «Современный русский язык...» (2008: 84), когда они пишут об активизации оппозиций по признаку пола (*депутат – депутатша, клоун – клоунесса*) как об активном процессе русского языка, свидетельствующем о влиянии новых социальных явлений (феминизм не упомянут, но, видимо, подразумевается). Приводимые здесь формы женского рода сугубо просторечны и в норму не входят. В просторечии подобные формы бытовали издавна (*бухгалтерша, директриса*), и потому вряд ли их следует считать примерами новых процессов. А вот обратная тенденция – именовать женщин «мужскими титулами» – в языке СМИ явно наблюдается и может быть проиллюстрирована большим числом примеров.

ращаешься в транспорте[18]. Нет возможности как-то обозначить и совместное проживание людей, брак которых не зарегестрирован, а также отсутствует обозначение этих людей по отношению друг к другу[19].

Список примеров, описывающих ситуации, когда практическая необходимость в слове, вроде бы, есть, а слова нет и не возникает, можно продолжать до бесконечности, причем такие же списки можно составить для любого языка (Павлова, 2010: 66–74). В связи с этим идею порождения слов или развития значений исключительно благодаря одному источнику – практической надобности и социальному запросу – приходится отбросить. Хотя утверждать обратное – что практическая необходимость на языковые изменения не влияет – было бы столь же неверно.

Развитие внешней модальности на примере употребления глагола *мочь*

В настоящей работе предлагается различать модальность внутреннюю и внешнюю. Это термины хотя и распространенные, но не общепринятые, поэтому они требуют пояснения. Внутренняя модальность выражает отношение между подлежащим и сказуемым (*Он может попасть в яблочко почти не целясь; Коля должен убрать свой стол*), а внешняя – между каким-либо событием, выраженным в предложении, и отношени-

[18] Есть огромное число обращений разговорно-фамильярных, отражающих различную степень приязни, от симпатии и сочувствия до презрения: *голубчик, молодой человек, девушка, бабушка, батя, дедуля, приятель, милочка, уважаемый, милейший, почтенный* и проч. (Кронгауз, 2009: 110). М.А. Кронгауз пишет о фамильярности в сочетании с теплотой, однако во многих фамильярных обращениях нет не только сердечности, но и намека на симпатию. В то же время официальные обращения типа *господин, гражданин, сударь, сударыня* в речи не употребляются, на их месте лакуны. Слово *господин* используется иногда в официальных ситуациях, но в обиходную речь оно не вошло и все еще кажется нарочитым, искусственным.

[19] В языке милицейских протоколов и хроник событий в СМИ людей, состоящих в гражданском браке, именуют *сожитель, сожительница,* но в обиходном языке эти существительные практически не употребляются. В последнее время в русский язык вновь вошли забытые в советское время выражения *гражданский муж, гражданская жена*, однако и они употребляются чаще в официальном языке, но не в обиходно-бытовом.

ем к этому событию со стороны внешнего мира – самого говорящего или третьих лиц (*За это могут по головке не погладить; Гости должны прибыть с минуты на минуту*). Для выражения внешней модальности в русском языке обычно служат специальные модальные вводные слова и выражения (*наверное, авось, небось, вероятно, видимо, наверняка, кажется, должно быть, скорее всего, может быть* и проч.), однако иногда используются и модальные глаголы *мочь, быть должным* (см. приведенные выше примеры).

Иными словами, внутренняя модальность описывает отношение между действием, выраженным инфинитивом, и подлежащим (*может сделать* = ‘способен, умеет, имеет право сделать’; *должен сделать* = ‘обязан сделать, сознает внутреннюю необходимость’), а внешняя модальность выражает предположение, сомнение или уверенность других людей относительно какого-либо содержания, заключенного в предложении (*может сделать* = ‘должно быть, сделает’, ‘вероятно, сделает’, ‘не исключено, что сделает’; *должен сделать* = ‘наверняка сделает’).

Категория внешней модальности шире, чем в русском языке, представлена в английском и немецком, так как в этих языках все модальные глаголы обретают в ситуации внешней модальности совсем иные функции и значения, чем при выражении внутренней модальности, и переводятся на русский язык с помощью модальных слов: *He must be ill. / Er muss krank sein. – Он, должно быть, болен; He may be ill. / Er kann krank sein. – Он, наверное, болен; Er will krank sein. – Он якобы/утверждает, что болен; Er soll krank sein. – Говорят, что он болен.*

В последнее десятилетие в российских СМИ заметно повысилась доля внешней модальности, выражаемой с помощью глагола *мочь*, причем его употребление во многих контекстах вызывает неприятие и ощущается как ненормативное.

Сначала казалось, что это ощущение нарушения нормы связано только с употреблением выражения *может быть* без запятых (вместо *Матч Спартак – Зенит, может быть, будет перенесен на 21:20* теперь пишут: *Матч Спартак – Зенит* ***может быть*** *перенесен на 21:20*. Или: *Вопрос об увольнении мэра Москвы* ***может быть*** *решен на этой неделе* (ej.ru) вместо *Вопрос об увольнении мэра Москвы,* ***может быть,*** *решится (уже)*

на этой неделе. Объясняется эта экономия запятых, по-видимому, влиянием обильных неправильных переводов с английского или немецкого, где глаголы *can, können, may, mögen, dürfen* в сочетании с инфинитивами широко используются как средства передачи внешней модальности.

Сейчас уже ясно, что ощущение ненормативности вызывает не только словосочетание *может быть* без запятых, но и другие случаи употребления глагола *мочь*. И наоборот, есть немало предложений с тем же глаголом в той же функции, возражения не вызывающих[20]. Нами были составлены два списка: «нормативных» и «ненормативных» употреблений. Вот только некоторая выборка примеров из обоих списков.

Нормативно:

- *Социальная повестка дня на ближайшие несколько лет будет для власти наиглавнейшей. Специалисты в различных областях политики и экономики* ***могут*** *с этим тезисом не согласиться* (Е. Гонтмахер).
- *Самоубийство генерала МЧС в Приморье* ***может*** *быть связано с финансовыми скандалами* (Ведомости).
- *То, что интерпретировалось как восход Венеры,* ***могло*** *быть метеоритом* (lenta.ru).
- *К тому же есть опасения, что данные переписи* ***могут*** *быть фальсифицированы или подвергнуты цензуре* (The New Times).
- *Рост цен в 2011 году* ***может*** *оказаться в полтора раза выше, чем планирует правительство* (Независимая газета).
- *Предположительно, мраморный лев* ***мог*** *служить украшением камина в доме Пашкова на Моховой улице* (lenta.ru).

Ненормативно:

- *Немецкий историк Герд Крюмайх пришел к выводу, что одна из наиболее знаменитых фотографий Адольфа Гитлера, часто использовавшаяся нацистскими пропагандистами,* ***может*** *быть не настоящей* (lenta.ru).
- *Слияние Volkswagen и Porsche* ***может*** *быть отложено. Завершить сделку компаниям мешают судебные тяжбы* (Gazeta.ru).

---

[20] Наши впечатления от многих фраз и заголовков, включающих глагол *мочь*, в современных СМИ как странных и ненормативных совпали с впечатлениями нескольких коллег-лингвистов.

- *Шествие националистов **может** пройти по улице Ахмада Кадырова* (Каспаров.ру).
- *Неназванные аналитики из российского разведывательного сообщества заявляли, что США **могут** атаковать Иран 6 апреля в 4 часа утра* (The New Times).
- *Миллер **может** остаться в «Газпроме» на третий срок* (Polit.ru).
- *Сопредседатель Партии народной свободы Борис Немцов **может** появиться в эфире Первого канала в марте* (grani.ru).

Ощущение ненормативности обясняется двусмысленностью – возможностью истолковать предложения как содержащие внутреннюю модальность (кто-либо физически способен или имеет право на что-либо), так и выражающие модальность внешнюю (вероятно, возможно, по-видимому, произойдет такое-то событие). Часто даже контекст не снимает двусмысленности.

Сформулируем следующую гипотезу. По предварительным наблюдениям, требующим, однако, дальнейшей верификации, как **нормативное** употребление глагола *мочь* в качестве средства выражения внешней модальности воспринимается в следующих случаях.

1. Нет угрозы возникновения двусмысленности из-за путаницы между двумя возможными интерпретациями смысла модального глагола (как выразителя внешней или внутренней модальности). Так, предложение *Президент и премьер **могут** конкурировать на выборах 2012 года* допускает две интерпретации: а) президент и премьер имеют юридическое право или физическую возможность конкурировать (внутренняя модальность); б) возможно/не исключено, что они будут конкурировать (внешняя модальность). Двусмысленная фраза *Сопредседатель Партии народной свободы Борис Немцов **может** появиться в эфире Первого канала в марте* была бы корректной (истолковывалась бы однозначно), имей она вид *Сопредседатель Партии народной свободы Борис Немцов, возможно, появится в эфире Первого канала в марте* или *Не исключено, что сопредседатель Партии народной свободы Борис Немцов появится в эфире Первого канала в марте*, если исходить из того, что Владимир Познер намерен пригласить Немцова на телестудию.

Напротив, предложение *Британские предприниматели* ***могут*** *стать первыми иностранцами, купившими землю на Кубе под бизнес-проекты* расшифровывается однозначно в пользу внешней модальности, поскольку отношение между подлежащим и сказуемым нельзя истолковать здесь как выражение способности кого-либо что-либо совершить: у британских бизнесменов имеется юридически и экономически обоснованная возможность купить землю и речь в этом предложении идет лишь о том, что они, скорее всего, эту возможность реализуют, т.е. перед нами модальность предположения. Примечательно, что и в случае употребления выражения *может быть* без запятых возможны нормативные и ненормативные (двусмысленные) фразы. Так, заголовок *Аэропорт «Домодедово»* ***может быть*** *национализирован* (Новая газета) двусмыслен и потому воспринимается как ненормативный, а фраза *Бизнес* ***может быть*** *безнравственным в той же степени, сколь и нравственным* (Новая газета) воспринимается как нормативная и выражающая внешнюю модальность, поскольку никому не придет в голову искать внутреннюю модальную связь (способность) между бизнесом и нравственностью. В предложении *Билет может быть получен в вечерней кассе* однозначно устанавливается факт внутренней модальности при страдательном залоге, и потому предложение также следует рассматривать как нормативное. Ясно, что в ситуациях, в которых употребление модального глагола влечет за собой двусмысленность, его лучше не использовать.

2. Допустимо домыслить предложение такими выражениями, как *чего доброго, не приведи господи, не дай бог, того и гляди*, т.е. когда речь идет об угрозе, опасности, риске: *С минуты на минуту* ***может*** *взорваться бак с горючим; Нам за это* ***могут*** *влепить строгача с занесением; Меня* ***могут*** *неправильно понять; Это* ***может*** *вызвать кривотолки.*

3. В предложении эксплицитно выражено гадание вслух: *Почему он* ***мог*** *не позвонить?; Куда мой мед деваться* ***мог****?* (Б. Заходер).

4. В риторических вопросах, в которых собеседника приглашают разделить мнение говорящего: *Ну* ***мог*** *ли я уехать, получив вашу записку?* (В. Катаев); *Дело было так. Захожу в «Континенталь». Стоит Андрей Вознесенский. А теперь от-*

ветьте, – воскликнул Битов, – ***мог*** *ли я не дать ему по физиономии?!* (С. Довлатов). В подобных случаях имплицитно предполагаемый ответ – ‘не мог, и вы не можете с этим не согласиться’.

5. В предложении выражена уступительность (можно мысленно подставить уступительные слова *пусть, пусть даже, даже если*): *Он* ***может*** *хоть из себя выйти – я своего решения не изменю;* ***Можете*** *хоть совсем уволиться!* (В. Вересаев).

Как **ненормативные** воспринимаются все прочие случаи.

Это лишь предварительные наблюдения; возможно, список нормативных случаев вырастет, если произвести более тщательный и детальный анализ.

Чтобы подтвердить сформулированную гипотезу, произведем небольшой эксперимент.

Фраза *Google* ***может*** *начать показ фильмов Miramax на YouTube* (Gazeta.ru) представляется ненормативной (странной, двусмысленной), так как неясно, что она означает: то ли ‘Google имеет право начать показ фильмов’, то ли ‘Google, возможно, начнет показ фильмов’.

Фраза не производила бы впечатление странной в таких вариантах:

- *А ведь Google, не приведи господи,* ***может*** *начать показ фильмов Miramax на YouTube – с него станется!*
- *Интересно, по каким причинам Google* ***мог*** *начать показ фильмов на YouTube?*
- *Ну* ***мог*** *ли Google не показать этот фильм на YouTube?*
- *Google* ***может*** *хоть ежедневно показывать новые фильмы на YouTube – это не способно улучшить его финансовое положение.*

Итак, сформулированная выше гипотеза этими примерами подтверждается. Но все-таки вполне возможно (и даже вероятно), что описание нормативного (не вызывающего ощущения странности) употребления глагола *мочь* в функции выразителя внешней модальности приведенными здесь случаями не исчерпывается.

В целом можно утверждать, что сфера действия глагола *мочь* в его функции выразителя внешней модальности в последние десять – пятнадцать лет явно расширилась, по-видимому,

под влиянием английского языка. Возможно, широкому распространению глагола *мочь* в этой роли способствовал небрежный перевод, экономивший на запятых в случаях употребления выражения *может быть* как способа передачи внешней модальности, хотя доказать это предположение не представляется возможным. Так или иначе, с фактом расширения сферы действия глагола *мочь* необходимо считаться и учитывать его в описаниях грамматической нормы. Однако вряд ли употребление этого глагола в ситуациях обусловленной им двусмысленности может быть когда-либо признано нормативным.

Литература

Гендер и язык / ред. А.В. Кирилина. М.: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.

Кирилина А.В. Русский язык в мегаполисе как индикатор изменения языковой ситуации // Русский язык в условиях культурной и языковой полифонии. (Серия: Die Welt der Slaven): сб. ст. / ред. В. Жданова. München; Berlin: Verlag Otto Sagner, 2009. С. 75–87.

Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак, 2009. 230 с.

Левонтина И.Б. Русский со словарем. М.: Азбуковник, 2010. 364 с.

Маринова Е.В. Проблема системного описания неологической лексики современного русского языка // Русская академическая неография / ИЛИ РАН. СПб., 2006. С. 105–110.

Павлова А.В. Применение опыта немецкой феминистской лингвистики для анализа русского языка // Актуальные проблемы лингвистики XXI века: матер. Междунар. науч. конф. Киров, 2010. С. 177–199.

Павлова А.В. Что такое языковые лакуны? // Философия языка, лингвистика, лингводидактика. Пермь, 2010. № 1. С. 66–74.

Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, 1999. С. 152.

Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с.

Тарасов Е.Ф. Психо- и социолингвистические основания языковой и культурной полифонии в современном российском обществе // Русский язык в условиях культурной и языковой полифонии (Серия: Die Welt der Slaven): сб. ст. / ред. В. Жданова. München; Berlin: Verlag Otto Sagner, 2009. С. 21–33.

Шмелев А.Д. Ложная тревога или подлинная беда // Отечественные записки. 2005. № 2(22). [Электронный ресурс] URL: http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1033 (проверено 24.02.2011).

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Е.В. Ерофеева*
Пермский государственный университет

КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ И ИДИОМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА[1]

Интересы Аллы Соломоновны в лингвистике были весьма широки. Она занималась и восприятием речи, и текстом, и региональным и социальным варьированием языка, и многими другими проблемами. Однако все эти проблемы объединяло одно: что бы ни было в конкретном случае предметом ее исследования, Аллу Соломоновну всегда интересовало живое функционирование языка, связь лингвистической материи с теми условиями, в которых она реализуется, с конкретными условиями речевой деятельности. Поэтому в данной статье мне бы хотелось затронуть вопросы, связанные с коммуникативной ситуацией и ее ролью в современных социолингвистических описаниях.

Коммуникативная ситуация рассматривается в лингвистике как совокупность экстралингвистических условий, на фоне которых протекает речевая деятельность. Во всех направлениях лингвистики, связанных с изучением функционирования языка, в первую очередь в психолингвистике и социолингвистике, но также и в стилистике, жанроведении, прагматике и др., коммуникативной ситуации уделяется большое внимание. И это понятно. Невозможно рассматривать функционирование чего-либо, в том числе и языка, вне зависимости от условий этого функционирования. Коммуникативная ситуация – это окно, сквозь которое мы смотрим на мир, и мы строим модель этого мира, в том числе и языковую, сообразно с конкретной коммуникативной ситуацией.

Учет коммуникативной ситуации выступает как основополагающий методологический принцип именно в психолингви-

* © Ерофеева Е.В., 2011
[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 11-04-00009а.

стике: «из психолингвистического подхода прямо вытекает, что сложный и динамический фактор ситуации также неустраним не только из речи, но и из языка» (Сахарный, 1989: 8); ср.: «психолингвистический подход к проблеме функционирования языка не может ограничиваться анализом языковых явлений как таковых – последние должны изучаться в **специфической системе координат**, принимающей во внимание все многообразие факторов и условий, связанных с психической жизнью активного субъекта речемыслительной деятельности, включенной в другие виды деятельности в составе социума» (Залевская, 1999: 37). Обратим внимание на то, что данный принцип в том или ином виде сформулирован практически во всех учебниках и учебных пособиях по психолингвистике.

Социолингвистика также опирается на понятие коммуникативной ситуации и на анализ влияния коммуникативных ситуаций на речевую продукцию: «изменение каждой их них (коммуникативных переменных – *Е.Е.*) ведет к изменению коммуникативной ситуации и, следовательно, к варьированию средств, используемых участниками ситуации, и их коммуникативного поведения в целом» (Беликов, Крысин, 2001: 61). Однако ни в одном из учебников по социолингвистике опора на коммуникативную ситуацию не провозглашается методологическим принципом.

Для Пермской школы социо- и психолингвистики принцип опоры на коммуникативную ситуацию при анализе речевой деятельности и речевого материала является основополагающим. В рамках данного направления признается, что язык имеет «активный динамический характер: в зависимости от коммуникативной ситуации (в широком смысле слова) и знаний носителей языка система может перестраиваться и достраиваться» (Доценко и др., 2010: 147).

Принимая во внимание, что для социолингвистических исследований опора на экстралингвистические факторы не менее важна, чем для психолингвистических, рассмотрим, как учитывается коммуникативная ситуация в социолингвистике и какие перспективы в этом смысле есть у данной науки. Однако, прежде чем обратиться непосредственно к предмету нашего интереса, перечислим факторы (или коммуникативные переменные),

которые лингвисты включают в структуру коммуникативной ситуации.

Как считает Л.В. Сахарный, «в структуру коммуникативной ситуации входят: 1) говорящий; 2) слушающий; 3) предмет коммуникации, – то, о чем говорится; 4) код (“язык”), с помощью которого создается и воспринимается текст; 5) текст, т.е. сигнал, в котором с помощью языка закодирована информация, – материальное “тело” в акте коммуникации, которое связывает поведение говорящего и слушающего в этом акте; 6) общие условия, в которых происходит общение» (Сахарный, 1989: 116). Кроме перечисленных основных факторов на коммуникацию могут влиять и некоторые дополнительные: общая психологическая установка участников коммуникации, характер и цели коммуникации, социальные роли участников коммуникации, степень общности знаний о мире и языке, сочетание вербальных и невербальных, простых и сложных структур в коммуникативной ситуации (там же: 116–117).

В «Социолингвистике» В.И. Беликова и Л.П. Крысина в качестве компонентов коммуникативной ситуации называются следующие: 1) говорящий; 2) слушающий; 3) отношения между говорящим и слушающим; 4) тональность общения (официальная, нейтральная, дружеская); 5) цель; 6) средство общения (язык, диалект, стиль, а также параязыковые средства – жесты, мимика); 7) способ общения (устный/письменный, контактный/дистантный); 8) место общения (Беликов, Крысин 2001: 61). Как видим, перечисляются практически те же факторы.

Более подробно рассматривая ту или иную переменную в этом списке, мы можем расширять число факторов в структуре коммуникативной ситуации. Например, конкретизация фактора «способ общения» позволит ввести и такие формирующие «тип речевого поведения» говорящего факторы, как 1) средства выражения: звук, письмо, жест; 2) наличие или отсутствие партнера; 3) ориентированность – одно- или двунаправленность – речевого акта; 4) наличие одного или многих «воспринимателей», т.е. индивидуальную или массовую коммуникацию; 5) контактность или дистантность речевого акта (Холодович, 1967).

С другой стороны, объединяя факторы, мы можем уменьшать их количество. Так, например, по мнению М.В. Китайго-

родской и Н.Н. Розановой, «весь комплекс признаков, характеризующих КА (коммуникативный акт – *Е.Е.*), можно сгруппировать по четырем основополагающим параметрам, формирующим любую коммуникативную ситуацию: место, время, партнеры коммуникации, тема» (Современный русский язык…, 2003: 104).

Тем не менее число факторов, на которые ориентируются исследователи, обычно значительно шире, так как эти основные параметры рассматриваются более детально. И в первую очередь это касается характеристик коммуникантов и средства коммуникации.

Заслуживает особого внимания формула речевого сообщения, предложенная К.А. Долининым. Он рассматривает сообщение как зависимость от ряда экстралингвистических факторов:

$$C = f\,(Ан,\ Ат,\ Н,\ РС,\ ДС,\ КСв,\ ВМО),$$

где «*С* – сообщение, *f* – знак функции, *Ан* – адресант, рассматриваемый как носитель некоего статуса (социального, возрастного, полового и т.п.), конвенциональной роли, определенной картины мира, постоянных личностных свойств, а также сиюминутного психического состояния, включающего субъективное отношение к референтной ситуации и адресату; *Ат* – адресат, характеризуемый в первую очередь количественно (личность/группа/неопределенное множество людей) и выступающий в тех же ипостасях, что и *Ан* (в той мере, в какой они могут быть определены и известны адресату); *Н* – наблюдатель, характеризуемый количественно, а также как носитель статуса и конвенциональной роли; *РС* – референтная ситуация или тема сообщения; *ДС* – деятельностная ситуация, т.е. общий контекст деятельности, вербальной и невербальной, в который включено сообщение; *Ксв* – канал связи (устная/письменная, наличие/отсутствие визуального контакта между *Ан* и *Ат*, одновременность/разновременность порождения и восприятия и т.п.); *ВМО* – время, место и окружающая обстановка, непосредственно не связанная с *ДС*» (Долинин, 2003: 43; см. также: Долинин, 2001).

В данном случае представляется особенно важным, что текст предстает как функция от условий коммуникативной ситуации. Сообщение ограничено рамками (факторами) коммуни-

кативной ситуации – оно должно идеально соответствовать уникальному профилю, созданному сочетанием факторов конкретной коммуникативной ситуации.

Естественно, степень влияния разных факторов на речь неодинакова: одни факторы оказывают большее влияние, чем другие. «Ситуативные переменные имеют разный “вес” с точки зрения их влияния на характер коммуникативной ситуации. Бóльшим весом обладают те переменные, которые отражают некоторую лингвистическую или социальную **заданность** структуры общения, меньшим – переменные, соответствующие многообразию реальных коммуникативных ситуаций» (Беликов, Крысин, 2001: 63). В.И. Беликов и Л.П. Крысин считают, что количество переменных первого типа конечно, переменные же второго типа представляют собой незамкнутое множество (там же: 63). Для лингвиста наибольший интерес представляют именно переменные, отражающие «заданность структуры общения», т.е. выделение **типов коммуникативных ситуаций** и факторов, формирующих эти типы. Естественно, что для каждого научного направления важны разные типы коммуникативных ситуаций. Так, если психолингвистика в основном ориентирована на исследование факторов, формирующих индивидуально-психическую сторону индивида, то цель социолингвистики – показать зависимость речевого материала от факторов социального порядка при формировании языков социальных групп. Кроме того, в рамках отдельных направлений также могут исследоваться разные типы ситуаций, например, в социолингвистике могут изучаться социальные статусы или роли говорящих, что, безусловно, влияет на набор исследуемых факторов.

Учитывая сказанное выше, формулу, предложенную К.А. Долининым, можно представить в более общем виде:

$$C = f(F_1, F_2, ..., F_n),$$

где $F_1, F_2, ..., F_n$ – именно те факторы коммуникативной ситуации, которые должны быть учтены для исследуемого типа ситуации.

В изучении влияния социальных факторов на речь социолингвистика достигла довольно больших успехов. Исследования ведутся в рамках следующих направлений: изучение влияния языковой ситуации на функционирование языков (макро-

социолингвистика) и изучение влияния социальных статусов и социальных ролей на речь говорящих (микросоциолингвистика). Нельзя сказать, что эти направления совсем не пересекаются, поскольку функционирование языка зависит как от общей языковой ситуации, так и от конкретной ситуации его употребления человеком с тем или иным социальным статусом в том или ином регистре (см., например, классические работы У. Лабова об употреблении английского языка чернокожим населением Нью-Йорка: Labov, 1972a), однако в полной мере учет факторов коммуникативной ситуации характерен именно для микросоциолингвистики, и здесь рассматриваются в основном социальные параметры говорящих, их социальные роли и регистры общения. Таким образом, не только собственно социальные компоненты коммуникативной ситуации, но и стилевые компоненты общения с самого начала находились в центре внимания социолингвистики.

Планомерное исследование влияния различных социальных факторов на речь на материале разных языков ведется с конца 50-х – начала 60-х гг. прошлого столетия. Прежде всего здесь следует назвать ставшие классическими для социолингвистики работы У. Лабова (Labov, 1966, 1970, 1972a, 1972b и др.). В дальнейшем это направление получило развитие в работах П. Траджилла (Trudgill, 1974, 1978 и др.), Дж. Фишера (Fischer, 1964), В. Вольфрама (Wolfram, 1969), Д. Хаймса (Hymes, 1972), Р. Лакофф (Lakoff, 1975), П. Фишмена (Fishman, 1980) и мн. др. В этих работах исследовалось влияние на речь таких социальных факторов, как гендер, возраст, образование, социально-экономический класс, место жительства (вплоть до района города) и др. Помимо этих параметров рассматривался также параметр «стиль речи», который в большинстве случаев определялся исходя из общего коммуникативного регистра ситуации: официальный, нейтральный, разговорный.

Из русских социолингвистических исследований следует отметить прежде всего «Русский язык по данным массового обследования» (1974). В данной работе подробно рассмотрено влияние на речь таких социальных параметров говорящих, как пол, возраст, место, где прошло детство, место наиболее длительного пребывания, социальное положение, образование и

место, где оно получено, территориальная и социальная характеристика родителей, регулярность, с которой информант слушает радио. В дальнейшем на материале русского языка исследовались в основном те же факторы. В работах Пермской школы к ним традиционно добавлялись и некоторые психологические характеристики личности – темперамент, интровертированность/экстравертированность (см. работы: Ерофеева Е.В., 2005; Ерофеева Т.И., 2004 и др.); тип речи – чтение, монолог, диалог (Ерофеева Е.В., 2005); регистр общения (Зубарева, 2010).

В целом число социальных параметров, влияние которых на речь исследовано для разных языков мира, довольно велико. Следует, однако, помнить, что список изучаемых факторов в принципе не может быть одинаков для разных языков, поскольку социальное членение общества и даже место подобных социальных групп в структуре социума своеобразно для каждого народа или государства и даже может быть специфичным для определенного района или города.

Помимо влияния отдельных факторов исследовались и продолжают исследоваться различные сочетания факторов, или их взаимное влияние. Некоторые факторы, объединяясь друг с другом, могут способствовать образованию качественно новых социальных групп. Так, если фактор$_1$ и фактор$_2$ независимо друг от друга способствуют увеличению в речи частоты какого-либо явления, то их одновременное присутствие может значительно повысить использование данного явления в речи (здесь уместна аналогия с явлением резонанса в физике). Напротив, действуя в противоположных направлениях, факторы могут компенсировать действие друг друга, и тогда их влияние становится незаметным.

Взаимодействие факторов исследовал уже У. Лабов. В его работах рассматриваются в совокупности такие факторы, как социально-экономический класс и стиль речи, социально-экономический класс и возраст, пол и стиль речи, социально-экономический класс и этническая группа, возраст и этническая группа и др. (Лабов, 1975а, 1975б; Labov, 1966). Аналогичные сочетания факторов исследовал и П. Траджилл (Trudgill, 1974, 1978). В англо-язычной социолингвистической литературе рассматриваются взаимосвязи и других факторов: пол и возраст (в

основном на сравнении детской и взрослой речи), пол, возраст и социально-экономический класс, взаимосвязь различных факторов с территорией (местом рождения или жительства), с родом занятий (Cheshire, 1997; Edwards, 1979; Fisher, 1964; Fishman, 1980; Kommunikation in der Stadt, 1994; Graddol, Swann, 1989; Sachs et al., 1973 и др.).

В русской социолингвистике также обсуждалось взаимодействие некоторых факторов. Так, уже в работе «Русский язык по данным массового обследования» рассматривались не только отдельные социальные факторы, но и их сочетания. Например, в некоторых случаях социальная группа «студенты» подразделялась на две группы «студенты-филологи» и «студенты-нефилологи», т.е. в совокупности рассматривались сразу по меньшей мере три фактора: «социальное положение», «образование» (поскольку студенты занимают промежуточное положение между людьми с высшим и средним образованием) и «специальность» (Русский язык..., 1974: 253).

В работах Т.И. Ерофеевой исследовалось взаимодействие таких социальных факторов, как «место рождения», «пол», «возраст», «уровень образования», «специальность» (1994, 2004, 2010). Ею показано, что в разных городах Пермской области могут взаимодействовать, способствуя влиянию диалекта на речь информанта, разные градации этих факторов (Ерофеева Т.И., 2004, 2010).

С этих позиций исследуются в настоящее время не только собственно лингвистические переменные, но и некоторые, если можно так сказать, «социопсихолингвистические переменные», важные для функционирования языка в обществе, а именно – оценка речи как «своей/чужой», «приемлемой/неприемлемой» и т.п. (см., например: Краузе, 2008). Подобная оценка является важным параметром как языковой ситуации в целом, так и каждой конкретной коммуникативной ситуации.

Таким образом, в микросоциолингвистике достигнуты весьма значительные результаты в изучении «своего сегмента» коммуникативной ситуации. В данном направлении продолжаются исследования, позволяющие выйти на более высокие уровни обобщения, учитывающие сочетания в коммуникативной ситуации факторов как социального, так и психологическо-

го характера, а также общей структуры коммуникации. Все это, вероятно, позволит в будущем, объединив усилия социолингвистики, психолингвистики, стилистики, жанроведения, прагматики и т.п., перейти к построению обобщающих моделей типов коммуникативных ситуаций в разных социумах. Поэтому исследования в этой области ни в коем случае не должны прекращаться. Напротив – необходимо развивать их в координации с другими лингвистическими направлениями.

В то же время в социолингвистике есть раздел, который хотя и не оставляет совсем без внимания коммуникативную ситуацию, все же уделяет ей недостаточно внимания. Речь идет о теории форм существования национального языка.

Исследования форм существования языка (идиомов национального языка), с одной стороны, относятся к макросоциолингвистике, с другой – к микросоциолингвистике. Такие формы существования, как литературный язык, разговорная речь, диалект, просторечие и т.п., т.е. крупные социальные варианты языка (макроидиомы), традиционно относят к предмету макросоциолингвистики: «изучение социальной дифференциации языка включает в себя макроуровень, на котором выясняется, как распределены данный национальный язык и его подсистемы в разных социальных слоях носителей этого языка» (Беликов, Крысин, 2001: 246). Тем не менее внутриязыковой характер дифференциации и ее непосредственная связь с более дробной и специфической дифференциацией национального языка на микроидиомы (социолекты), с нашей точки зрения, позволяют считать любую социальную дифференциацию не только предметом макросоциолингвистики, но и предметом микросоциолингвистики. Здесь все зависит от тех задач, которые ставит перед собой исследователь, и от аспектов исследования. Поэтому и рассмотрение тех коммуникативных ситуаций, в которых реализуются те или иные макроидиомы, требует пристального внимания.

Остановимся на том, как описываются макроидиомы русского языка и какие признаки используются при их описании. Рассмотрим это на примере наиболее однозначных макроидиомов русского языка, таких как литературный язык, разговорная речь, диалект.

Прежде всего социолингвистическое описание идиома требует определения его круга носителей, или социальной базы. Именно этим отличается чисто лингвистическое определение идиома от его социолингвистического определения (Беликов, Крысин, 2001: 42–43).

Носители кодифицированного литературного языка (КЛЯ) определяются следующим образом: «1) русский язык является для них родным; 2) они родились и длительное время (всю жизнь или большую ее часть) живут в городе; 3) они имеют высшее или среднее образование, полученное в учебных заведениях с преподаванием всех предметов на русском языке» (там же: 44). Поскольку разговорная литературная речь (РР) находится в отношениях диглоссии с литературным языком, то ее социальная база совпадает с социальной базой литературного языка (Земская, 1979; Современный русский язык..., 2003 и др.). Не будем сейчас останавливаться на вопросе о том, насколько верно в принципе и насколько актуально для современного состояния русского языка такое определение круга носителей КЛЯ и РР, а также отношений между ними. Важно, что описание социальной базы строится по следующим социальным параметрам: место рождения и жительства, образование.

Социальная база диалекта определяется следующим образом: сельские жители старшего поколения, причем преимущественно женщины (Беликов, Крысин, 2001). Считается, что женщины сохраняют в своей речи большее количество архаических диалектных форм (Земская и др., 1993). С другой стороны, «территориальный диалект – это прежде всего язык **крестьянского** (подчеркнуто мной – *Е.Е.*) сельского населения и, одновременно, социальный диалект» (Герд, 2001: 20). В последнее время территориальные диалекты рассматриваются как подвид социальных диалектов, т.е. языковых образований, которыми пользуются определенные группы людей, объединенных по тем или иным социальным признакам. С этой точки зрения, социальная база современных русских говоров оказывается связана не только с территориальным, но и с некоторыми чисто социальными признаками: видом занятий, возрастом, в некоторой степени полом, но, кроме всего прочего, в неявном виде и с об-

разованием (поскольку подразумевается, что люди, занимающиеся крестьянским трудом, высшего образования не имеют).

Итак, мы видим, что уже при определении форм существования языка, рассматриваемых как базовые составляющие дифференциации национального языка, используется обращение к таким факторам коммуникативной ситуации, как социальные параметры говорящего. При этом могут быть затронуты не только явные параметры, заложенные в определения идиомов, но и многие другие социальные характеристики говорящих.

Однако не только признаки социальной базы могут и должны быть рассмотрены как связанные с коммуникативной ситуацией. Обратимся к другим признакам названных идиомов, которые указываются теми или иными исследователями. Сопоставим основные свойства литературного языка, разговорной литературной речи и территориального диалекта (см. табл.).

Таблица

Свойства идиомов русского языка

Свойства	КЛЯ	РР	Диалект
Территориальная ограниченность	–	–	+
Общепонятность	+	+	–
Системность	+	+	+
Нормированность	+	+	+
Кодифицированность	+	–	–
Стилистическая дифференцированность	+	–	+
Престижность	+	+	–
Ведущая роль письменной формы	+	–	–

Остановимся на анализе этих свойств. Прежде всего в списке данных свойств есть чисто лингвистические – это системность и нормированность. Остальные же свойства по своей сути являются социолингвистическими.

Кодифицированность литературного языка, так же как и обязательный, прескриптивный характер его норм, – свойство, связанное с общей социолингвистической, скорее даже политической, ситуацией. Это вопросы языковой политики, зависящей во многом от государственных структур, т.е. от макросоциолингвистических факторов.

Престижность идиома также во многом определяется языковой политикой и экономической ситуацией. Чем более высокую ступень в обществе занимает социальная база идиома, тем выше его престижность в данном обществе в целом.

Свойство «территориальная ограниченность» в определенном смысле описывает «ареал проживания», или место жительства, предполагаемых носителей. Заметим, что общепонятность – свойство, связанное с территориальной ограниченностью: идиомы, имеющие наддиалектный характер, более понятны всем носителям языка, чем те, которые связаны с определенным регионом. Безусловно, диахронически и наддиалектность, и общепонятность возникли как следствие объединения и выравнивания многих диалектов, но с синхронической точки зрения мы вполне можем связать их с параметром коммуникативной ситуации «место».

Стилистическая дифференцированность идиома – это прямое указание на то, что он может использоваться в разных коммуникативных ситуациях. Не углубляясь здесь в вопросы стилистики, отметим, что определяющими факторами данных ситуаций служат цель, тема сообщения и способ передачи сообщения (в первую очередь, устная или письменная форма речи). Но помимо этих базовых факторов стиль определяется общими условиями коммуникации: временем, местом, а также адресатом.

Поскольку наличие/отсутствие письменной формы для ряда идиомов вопрос довольно спорный (хотя мы склоняемся к мнению о ее отсутствии и у диалекта, и у разговорной речи), мы не будем ее обсуждать, а затронем лишь вопрос о ведущей роли письменной формы. Таковая присутствует только у литературного языка, который и формируется изначально в письменной форме, и продолжает функционировать в настоящее время преимущественно в письменной форме. Это возможно именно благодаря такому социальному признаку носителей литературного языка, как образование.

Таким образом, свойства идиомов национального языка оказываются связанными с целым набором социальных факторов. Это и макросоциолингвистические факторы: языковая политика или экономическая ситуация – и микросоциолингвистические факторы: место рождения/проживания, свобода пере-

движения, цель сообщения, тема сообщения, способ передачи информации, время, адресат, образование и др.

Помимо указания на признаки, свойственные идиому, любой идиом описывается через его функционирование, т.е. через те реальные коммуникативные ситуации, в которых он используется. Так, например, Е.А. Земская пишет, что, имея одну социальную базу, КЛЯ и РР различаются между собой именно особенностями функционирования: «русская РР – это та литературная формация, которой носитель литературного языка пользуется в быту, в кругу семьи и друзей, вообще в разнообразных условиях непринужденного общения» (Земская и др., 1981: 23). Для реализации РР необходимо совпадение трех условий: 1) неподготовленности речевого акта; 2) непосредственного участия говорящих в речевом акте; 3) непринужденности речевого акта (Земская, 1979). «Наличие этих трех особенностей ситуации необходимо и достаточно для реализации РР, т.е. между этими тремя особенностями ситуации и обнаружением разговорного (а не книжного) языка существует причинная связь. Устранение любой из этих особенностей меняет тип литературного языка» (там же: 4). Как видим, в данном случае перечисляются особенности коммуникативной ситуации, связанные с регистром общения (т.е. с отношениями между говорящими, как статусными, так и личностными) и каналом связи.

При описании диалекта также обычно указывается, что диалектная речь реализуется в основном как бытовая речь, т.е. также учитывается регистр общения и канал связи.

Таким образом, факторы «регистр общения» (официальный/неофициальный, дружеский/в отношениях неприязни и т.п.), а также «канал связи» (устная/письменная форма, наличие/отсутствие визуального канала между говорящими, одновременность/разновременность порождения и восприятия речи и т.п.) являются определяющими для реализации идиома, т.е. для его осуществления.

Итак, мы видим, что не только параметры социальной базы могут быть описаны в терминах коммуникативной ситуации. Если внимательно посмотреть на описания отдельных идиомов, то можно заметить, что многие параметры коммуникативной ситуации учтены в этих описаниях, однако только в редких слу-

чаях (как, например, при описании функционирования РР у Е.А. Земской) они рассматриваются именно как факторы коммуникативной ситуации.

Современное состояние языков, в том числе и русского, характеризуется не такой четкой выраженностью противопоставленных форм существования, как это было ранее. Выравнивание условий жизни приводит в языковом плане к тому, что переходные, промежуточные формы оказываются ведущими в современной дифференциации языков. А традиционное лингвистическое и даже социолингвистическое их описание не приводит к ожидаемым результатам. В такой ситуации надо менять методологию описания. И один из путей здесь, как мне кажется, – рассматривать коммуникативную ситуацию как ситуацию, формирующую идиом.

В целом, формулу, предложенную К.А. Долининым для сообщения (см. выше), можно и необходимо расширить для идиомов (*I*) национального языка. Тогда она примет следующий вид:

$$I = f(F_1, F_2, ..., F_n).$$

Очевидно, что, рассматривая идиомы как функции от факторов коммуникативной ситуации, необходимо в состав этих факторов включать уже не только факторы социальной базы, как это принято в современной социолингвистике, а весь комплекс факторов коммуникативной ситуации.

Функционирование идиома определяется набором тех коммуникативных ситуаций, в которых он реализуется. Возможность проводить обобщение на основе разных факторов или их объединений позволяет выделять не только **типы,** но и **подтипы коммуникативных ситуаций** разной глубины обобщения.

Однако существует еще один аспект, который необходимо затронуть, обсуждая данную проблему: при изучении функционирования идиомов крайне важно учитывать взаимодействие разных идиомов и их носителей в одной и той же коммуникативной ситуации. Носитель конкретного идиома, сталкиваясь с другим, чуждым и нетипичным для него идиомом, сталкивается и с нетипичными для его поведения (в том числе и речевого) коммуникативными ситуациями. Диалектологи и социолингвисты давно отмечали тот факт, что носители малопрестижных идиомов, разговаривая с носителями литературного языка,

стремятся говорить более нормативно, ближе к литературной норме. Однако в некоторых случаях возникает обратный эффект – гиперкоррекция: не владея нормами литературного языка, они «исправляют» то, что в их речи и так соответствовало литературной норме. Представляется, что в таких случаях мы имеем дело не просто с неосвоенностью одной коммуникативной ситуации, а с невладением определенным спектром подтипов какой-либо макроситуации, невозможностью регулировать свое речевое поведение в этой макроситуации в целом и варьировать его в рамках существующих подтипов ситуации. Наглядный пример – деловые документы, написанные людьми, не владеющими деловым стилем: в них нарушаются как общие каноны литературного языка, так и нормы стиля и нормы определенных видов документов (жанров) внутри делового стиля.

Во всем этом, как мне кажется, кроются интересные перспективы социолингвистических исследований:

1) выявление типов и подтипов коммуникативных ситуаций, характерных для языкового поведения той или иной социальной группы, и их описание;
2) установление соответствия между наборами типов и подтипов коммуникативных ситуаций для разных социальных групп;
3) изучение языкового поведения и его варьирования в рамках определенного типа ситуаций;
4) объединение идиомов на основе схожего речевого материала в разных коммуникативных ситуациях;
5) выявление типичных нарушений соответствия «идиом – тип/подтип)» ситуации;
6) определение причин нарушения норм коммуникативной ситуации.

Литература

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика: учебник для вузов / Рос. гос. гуман. ун-т. М., 2001. 439 с.

Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 488 с.

Долинин К.А. Высказывание и ситуация общения // Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб.: СОЮЗ, 2001. С. 17–24.

Долинин К.А. У изголовья лингвистической стилистики // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания: Лингвистика. История лингвистики. Социолингвистика: сб. статей / под ред. К.А. Долинина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. Вып. 5. С. 40–55.

Доценко Т.И. и др. Пермская школа социолингвистики: теоретические и методологические основы / Т.И. Доценко, Е.В. Ерофеева, Т.И. Ерофеева // Вестник Пермского ун-та: Российская и зарубежная филология / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. Вып. 2(8). С. 144–155.

Ерофеева Е.В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 320 с.

Ерофеева Т.И. Социолект: Стратификационное исследование: дис. … докт. филол. наук. СПб., 1994. 356 с.

Ерофеева Т.И. Современная городская речь / Перм. ун-т; Прикам. соц. ин-т; Прикам. соц.-гум. колледж. Пермь, 2004. 316 с.

Ерофеева Т.И. Штрихи речевого портрета Прикамья: уч. пособ. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. 192 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику / Рос. гос. гум. ун-т. М., 1999. 382 с.

Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979. 240 с.

Земская Е.А. и др. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев; отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1981. 276 с.

Земская Е.А. и др. Особенности мужской и женской речи / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект / отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1993. С. 90–157.

Зубарева А.А. Формулы русского речевого этикета: социолингвистическое исследование: уч. пособ. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. 198 с.

Краузе М. Язык города в свете концепции региолекта // Язык современного города: тез. докл. Междунар. конф. Восьмые Шмелевские чтения / Ин-т рус. яз. РАН. М., 2008. С. 86–89.

Лабов У. Исследование языка в его социальном аспекте // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1975а. Вып. 7: Социолингвистика / отв. ред. Н.С. Чемоданов. С. 96–181.

Лабов У. Отражение социальных процессов в языковых структурах // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1975б. Вып. 7: Социолингвистика / отв. ред. Н.С. Чемоданов. С. 320–335.

Русский язык по данным массового обследования: опыт социально-лингвистического изучения / под ред. Л.П. Крысина. М.: Наука, 1974. 352 с.

Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику: курс лекций. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 180 с.

Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Ин-т рус. яз. РАН; отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003. 568 с.

Холодович А.А. О типологии речи // Историко-филологические исследования: сб. ст. к семидесятилетию акад. Н.И. Конрада / гл. ред. М.Б. Храпченко. М.: Наука, 1967. С. 202–208.
Cheshire J. Linguistic variation and social function // Sociolinguistics: A Reader and Coursebook / eds. N. Coupland, A. Jaworski. Basingstoke; London: Macmillan, 1997. Pp. 185–198.
Edwards J.R. Social Class Differences and the Identification of Sex in Children's Speech // Journal of Child Language. 1979. Vol. 6. Pp. 121–127.
Fischer J. Social Influences on the Choice of a Linguistic Variant // Language in Culture and Society: A Reader in Linguistics and Anthropology / ed. D. Hymes. NY.: Harper & Row, 1964. Pp. 483–488.
Fishman P. Conversational insecurity // Language: Social psychological perspectives / eds. H. Giles, W.P. Robinson, P.M. Smith. NY.: Pergamon Press, 1980. Pp. 127–132.
Graddol D. Swann J. Gender voices. Oxford; Cambridge: Blackwell, 1989. 214 p.
Hymes D. Models of interaction of language and social life // Direction in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication / Eds. J. Gumperz, D. Hymes. NY.: Holt, Rinehart and Winston, 1972. Pp. 35–71.
Kommunikation in der Stadt / Hrsg. v. W. Kallmeyer. Berlin; NY.: de Gruyter, 1994. T. I.: Exemplarische Analysen des Sprachverhaltens in Mannheim. 197 s.
Labov W. The social stratification of English in New-York city. Washington DC: Center for Applied Linguistics, 1966. 501 p.
Labov W. The study of language in its social context // Studium general. Genève, 1970. № 23. Pp. 30– 87.
Labov W. Language in inner city: studies in the black English vernacular. Philadelphia PA: University of Pennsylvania Press, 1972a. 412 p.
Labov W. Sociolinguistic patterns. Philadelphia PA: University of Pennsylvania Press, 1972b. 344 p.
Lakoff R. Language and Woman's Place / R. Lakoff. New York: Harper and Row, 1975. 83 p.
Sachs J. et al. Anatomical and cultural determinants of male and female speech / Sachs J., Lieberman Ph., Erickson D. // Language Attitude: Current Trends and Prospects / eds. R. Shuy, Fasold. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 1973. Pp. 74–84.
Trudgill P. The social differentiation of English in Norwich. Cambrige: Cambridge University Press, 1974. 211 p.
Trudgill P. Sociolinguistic pattern in British English. London: Edward Arnold, 1978. 186 p.
Wolfram W. A sociolinguistic description of Detroit Negro speech. Washington, DC: Centre for Applied Linguistics, 1969. 237 p.

Марион Краузе*
Институт славистики Гамбургского университета (Германия)

МОДЕЛИ ЯЗЫКОВЫХ СИТУАЦИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОЛЕКТОВ

Модели языковых ситуаций: диглоссия и диаглоссия

Традиционно членение разновидностей русского этноязыка исходит из существования четырех идиомов: литературный (стандартный)[1] русский язык в письменной и устной форме, куда обычно относится и разговорный литературный язык (или русская разговорная речь), региональные диалекты, а также просторечие и жаргоны (см., например: Крысин, 1989, 2000, 2003, 2008). Если диалектами занимается в основном территориальная диалектология, то изучение литературного (стандартного) языка, просторечия и жаргонов объединяется в русистике как изучение «языка города». Это направление берет свое начало в 1920-х гг. В последние десятилетия, начиная с 1970 г., оно все заметнее переплетается с социолингвистикой.

Просторечие и жаргоны рассматриваются как социально обусловленные разновидности, системный характер которых является спорным (Ерофеева, 2003, 2005). Иначе дело обстоит с литературным языком и диалектами: они обладают системным характером, охватывая все уровни языка, и поэтому образуют базовые идиомы русского этноязыка.

Противопоставление литературного и диалектного языков находит свое отражение в модели диглоссии. Как известно, эта модель восходит к Ч. Фергюсону (Ferguson, 1959), который применяет ее к близкородственным языкам, при этом исключая из рассмотрения соотношение между территориальными диалектами и литературным языком. Почти на 50 лет позже, в работе о типологии соотношений между литературными языками и диалектами в европейских языках германист П. Ауэр расширяет

* © Краузе М., 2011

[1] Термины «литературный язык» и «стандартный язык» употребляются в этой статье синонимично, отдавая дань как русской, так и западной традициям в наименовании разновидности языка.

трактовку диглоссии. Он применяет критерии, разработанные Фергюсоном, к литературному языку и диалекту (диалектам) и констатирует следующие признаки их соотношения (Auer, 2005: 12):

- диалект и литературный язык четко различаются говорящими;
- диалект и литературный язык гентически связаны;
- диалект и литературный язык четко дифференцируются относительно их функций и социального престижа в том смысле, что
  - литературный язык обладает высоким социальным престижем, он употребляется в письменной коммуникации, а в устном виде только в формальных ситуациях;
  - диалект имеет низкий престиж и обеспечивает устную коммуникацию;
- литературный язык как престижная разновидность не является языком первичной социализации

Стадии развития литературных языков, которые П. Ауэр обобщает на базе этих критериев, приводятся на рисунке 1.

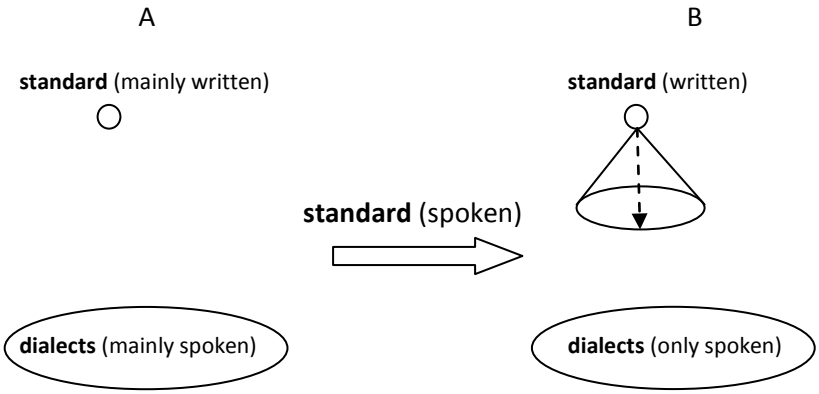


Рис. 1. Модель диглоссии: стадии развития в европейских языках (Auer, 2005: 16)

Первая стадия сосуществования диалекта (диалектов) и литературного языка характеризуется тем, что функциональная дифференциация проводится не последовательно – диалект используется преимущественно в устной коммуникации, литературный же язык – преимущественно письменно. Другими словами, процесс стандартизации еще не закончен. На второй стадии диалект четко прикреплен к устной коммуникации, литературный язык используется в письменной коммуникации, но вместе с тем возникает потребность в его использовании при живом общении между людьми. Это и приводит к возникновению устной формы литературного языка.

Возникает вопрос, насколько эта модель соответствут языковой ситуации[2] на территории современной России. Относительно языковой ситуации России в научной литературе имеются следующие позиции: М.В. Панов (Фонетика современного русского литературного языка, 1968: 189) исходит из **сосуществования** двух систем; Л.Э. Калнынь (1997), а также Л.И. Баранникова (1967) выражают **сомнение в существовании** диглоссии в России; Т.Н. Плешкова и Л.П. Комягина (2002) ставят **цель выработать диглоссию**, обращаясь в своей работе к учебной ситуации в школах Архангельской области. Как отмечает Л.Э. Калнынь, вопрос не решен преимущественно потому, что отсутствуют систематические эмпирические исследования (Калнынь, 1997: 115). Это обстоятельсто связано с тем, что диалектология русского языка до сих пор ориентирована на документацию и описание базовых диалектов; социолингвистическая парадигма как квантитативной, так и квалитативной ориентации в ней пока представлена в единичных исследованиях.

Исследования разновидностей русского этноязыка привели к расширению инвентаря идиомов. Так, между литературным языком и диалектами, представляющими полюсы шкалы престижности, отмечается существование и других разновидностей. С одной стороны, это регионально окрашенные разновидности литературного языка (см., например: Ерофеева Е.В., 1997, 2005;

[2] Под языковой ситуацией понимается территориальная, социальная и дискурсивная (ситуативная) дистрибуция существующих в языковом коллективе разновидностей языка.

Ерофеева Т.И., 1995), с другой – регионолекты (Герд, 2000, 2001; Ерофеева Е.В., 2005). Как пишет Е.В. Ерофеева, они образуют промежуточные варианты в том смысле, что для них характерно смешение признаков.

Это концепция близка к модели диаглоссии. Согласно упомянутому выше исследованию П. Ауэра, она соответствует современной языковой ситуации во многих европейских странах в большей степени, чем модель диглоссии (Auer, 2005: 22–26). П. Ауэр заимствует концепт диаглоссии Г. Бельмана, который характеризует ее специфику наличием промежуточных вариантов (intermediate variants) в континууме между полюсами литературного языка и диалектов (Bellmann, 1998: 24). При этом Г. Бельман допускает, что вопрос о системности промежуточных вариантов не решен. С его точки зрения, пока неясно, образуются ли в континууме вариантов отграниченные друг от друга идиомы. Модель диаглоссии представлена на рисунке 2.

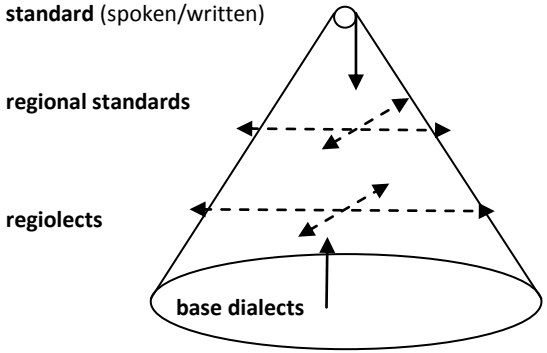


Рис. 2. Модель диаглоссии (Auer 2005: 22)

Что объединяет промежуточные разновидности? Их общим признаком является региональная окраска. Эта окраска часто трактуется как региональный акцент (regional accent) и связывается с особенностями произношения (Chambers, Trudgill, 1998: 4). Соответственно, понятие регионального акцента применяется только по отношению к устным формам общения.

Однако существует и более широкая трактовка региональной окраски, которая включает феномены других языковых уровней, в частности лексики и грамматики (Ерофеева Т.И., 1972). Этой интерпретации соответствует и определение понятия «регионолект» в работе Е.В. Ерофеевой, которая вслед за А.С. Гердом (2001) пишет: «Регионолект объединяет идиомы, функционирующие на единой (хотя и достаточно обширной) территории, выполняя в современном обществе функцию устного общения. В его "состав" входят общие для людей, проживающих на данной территории, грамматические, лексические и фонетические особенности» (Ерофеева Е.В., 2005: 100). Таким образом, в дефиниции Е.В. Ерофеевой понятие регионолекта сливается с понятием региональной окраски. Регионолект – это некий набор признаков, создающий региональную специфику в речи жителей определенной территории и проникающий в разные идиомы, используемые ими.

На самом деле в лингвистике нет единой точки зрения о том, представляет ли регионолект отдельную, хорошо очерченную разновидность или все же широкий языковой континуум, расположенный между базовыми диалектами, с одной стороны, и литературным языком – с другой (Auer, 2005: 22). В понимании Е.В. Ерофеевой регионолект не формирует отдельную разновидность, а проникает в имеющиеся на определенной территории разновидности, создавая региональный колорит. Этого же мнения придерживается и А.С. Герд: региональне особенности являются общими для целого региона, они характеризуют его языковую ситуацию целиком, независимо от деления на город и село или от образования говорящих (Герд, 2000, 2001). В силу его ареальной ограниченности для русского языка подчеркивается еще и расхождение с просторечием (Герд, 2000: 48).

Согласно этой концепции, региональная окраска – это феномен, градуальный в том смысле, что яркость и частота проявления региональных особенностей варьирует в зависимости от индивидуальных, региональных, социальных и ситуативных факторов. Понятие «регионолект» учитывает такую дифференциацию. Таким образом, регионолекты могут отличаться по степени отдаленности как от литературного языка, которому по опреде-

лению свойственен надрегиональный характер, так и от диалектов региона.

Региональная окраска: методы изучения

Обратимся к методам изучения региональной окраски речи. Они предполагают учет двух сторон феномена – речепроизводства и восприятия. Об этом свидетельствует определение, которое дается в коллективной монографии петербургских лингвистов по отношению к региональному акценту: региональные особенности «не отличаются стабильностью проявления, а встречаются наряду с нормативным употреблением гласных и согласных, и некоторый “фонетический акцент” не нарушает общего восприятия речи как литературной, если соблюдаются правила грамматики и словоупотребления» (Интерференция звуковых систем, 1987: 187).

Пока региональная окраска изучается прежде всего в речепроизводстве. Строятся вероятностные модели, в которых социолингвистические факторы соотносятся с реализацией определенных вариантов. Особенно широко по отношению к региональному акценту как самому стабильному проявлению региолекта применяется дескриптивный анализ количественного распределения вариантов (см., например: Chambers, 2003; Chambers, Trudgill, 1998; Kochetov, 2006; Labov, 2006)[3]. Предполагается, что региональная окраска создается не столько самим **наличием** специфических вариантов, сколько **частотой** их проявления (Ерофеева, 2005: 162). Но тогда возникает закономерный вопрос: когда же достигается критический порог и одинаков ли он для разных лингвистических переменных (variables) системы? Другими словами, существует ли дифференциация по весомости как для самих переменных, так и для реализующих их вариантов?

Количественные данные по речепроизводству не дают удовлетворительных ответов на эти вопросы. При их толковании нужно учитывать по крайней мере еще и восприятие. Кроме того, целесообразно выйти за рамки чисто количественной мето-

[3] Использование количественных методов в изучении других уровней языка сложнее, хотя, как доказывает Т.И. Ерофеева (1995), возможно и плодотворно.

дологии и применять методы качественного анализа коммуникации, а также данные языковых биографий говорящих (Coupland, 2007)

Обратимся к аспектам восприятия. На самом деле пока имеется мало данных по восприятию и оценке региональных разновидностей русского языка. Первые систематические данные по опознанию и оценке русских диалектов получены в начале XX в. для разных регионов России (Krause et al., 2003, 2006). Во вторую серию экспериментов были включены стимулы, представлющие литературный язык: три фрагмента речи жителей Москвы, три – жителей Санкт-Петербурга. Они были оценены коренными жителями Кирова, Курска и Москвы. Выборка испытуемых состояла из студентов гуманитарных и негуманитарных специальностей.

На рисунке 3 представлены частоты оценки московских и петербургских, стимулов как литературных. Оказывается, что их «литературность» оценивается по разному в зависимости от места жительства испытуемых: 86% реакций молодых москвичей признают данные стимулы литературными, в то время как доля этой оценки у кировчан составляет лишь 57%, а у курян – 54%. Эти данные указывают на то, что в разных регионах России существуют разные эталоны литературного языка.

Это можно интерпретировать как серьезную улику, указывающую на психолингвистическую перцептивную реальность региональных вариантов литературного языка, о которых уже писали Е.В. Ерофеева и А.С. Штерн на материале эксперментов по восприятию звучащей речи аудиторми-пермяками и аудиторами-петербуржцами (Ерофеева, Штерн, 1991; Штерн, 1993; о перцептивных эталонах см. также: Джапаридзе, 1985).

Похожая картина складывается и при оценке регионально окрашенной речи, не относящейся к метрополиям страны. Приведем ранее неопубликованные результаты первой серии тестов на материале пермской городской речи.[4] Усредненные данные для четырех говорящих, которые отличались по степени региональной окрашенности речи, представлены на рисунке 4. В дан-

[4] Образцы речи были взяты из звуковой хрестоматии «Городские социолекты: пермская городская речь» (Ерофеева Т.И. и др., 2000).

ной серии экспериментов речевые фрагменты оценивались жителями Петербурга, Кирова и Курска. Примечательно, что петербургские испытуемые в целом относились более терпимо к региональной окраске в речи говорящих: 96% услышанных стимулов они оценили как литературные или близкие к литературной норме. Испытуемые из Кирова дали такие оценки только в 73% случаев, испытуемые из Курска – в 76%.

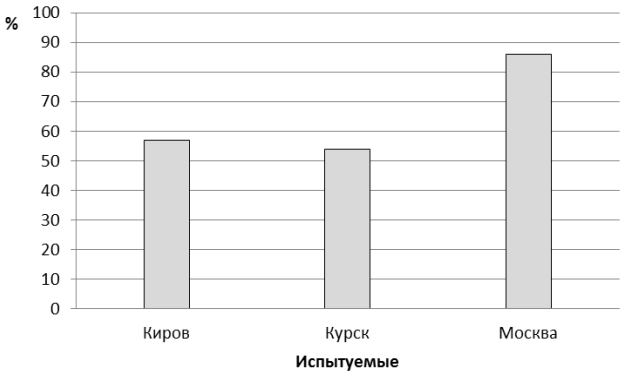


Рис. 3. Оценка литературных стимулов (Москва, Санкт-Петербург) как литературных испытуемыми из разных городов (Krause et al., 2003: 197)

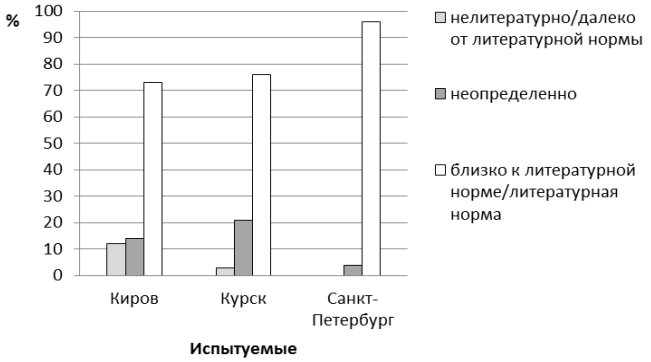


Рис. 4. Оценка регионально окрашенной речи (г. Пермь)

При этом яркость региональной окраски оценивается тоже по-разному, что можно видеть на рисунке 5 для стимула Ре10 и рисунке 6 для стимула Ре40. На этих графиках изображены только те реакции, которые относят примеры пермской городской речи к литературному языку или речи, близкой к литературной норме. С одной стороны, видно, что по данным восприятия Ре10 четко отличается от Ре40, что соответствует описанию материала с точки зрения речепроизводства (см.: Ерофеева Т.И. и др., 2000). С другой стороны, очевидны разные распределения оценок в зависимости от места проживания аудиторов.

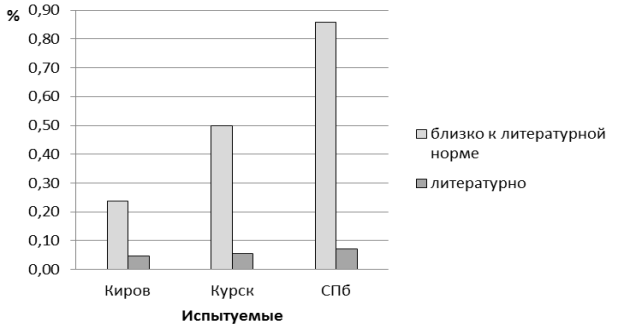


Рис. 5. Оценка регионально окрашенной речи по близости к литературной норме (говорящий Ре10)

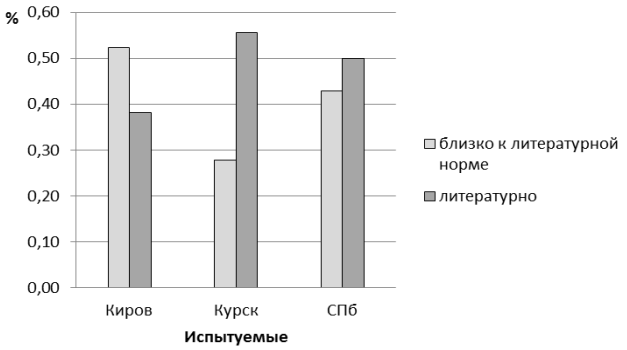


Рис. 6. Оценка регионально окрашенной речи по близости к литературной норме (говорящий Ре40)

Наши данные указывают на значительные расхождения в перцептивных базах жителей разных регионов. С нашей точки зрения, это наблюдение следует рассматривать в контексте проблемы языковой ситуации. Представляется целесообразным систематически изучать восприятие регионально окрашенных разновидностей, включая изучение их имиджа в разных регионах Российской Федерации, причем не столько профессиональными аудиторами, сколько наивными носителями русского языка. Такие исследования предполагают систематическое изучение корреляции фактов речепроизводства с данными по восприятию речи. Они способны пролить свет на вопрос, существует ли в современном языковом пространстве России тенденция, противостоящая традиционному центризму нормы.

По отношению к языковым процессам в современной России широко принимается позиция дестандартизации (Auer, 2005: 25). В качестве одной из возможных реакций на этот процесс наблюдается расширение нормы при кодификации, которое, например, находит отражение в проекте нового словаря произносительных норм русского языка, готовящегося к изданию в Институте русского языка (Каленчук и др., 2007). Однако возможна и другая трактовка «расшатывания» нормы – это тенденция к плюрицентризму, который приведет к отчасти уже признанному сосуществованию вариантов. Такие экстралингвистические факторы, как величина территории, различия в экономической, социальной и культурной инфраструктуре и в демографической ситуации в разных регионах России, усиление регионализма и регионального самосознания (Петров, 2003) в противовес центру поддерживают такую гипотезу. Ее проверка требует масштабной эмпирической работы, интегрирующей разные методы изучения языковой ситуации как в аспекте речепроизводства, так и с позиции восприятия речи и социолингвистической оценки. В конечном итоге цель такой работы состоит в моделировании языковых ситуаций в разных регионах России.

Моделирование языковых ситуаций: опыт германистики

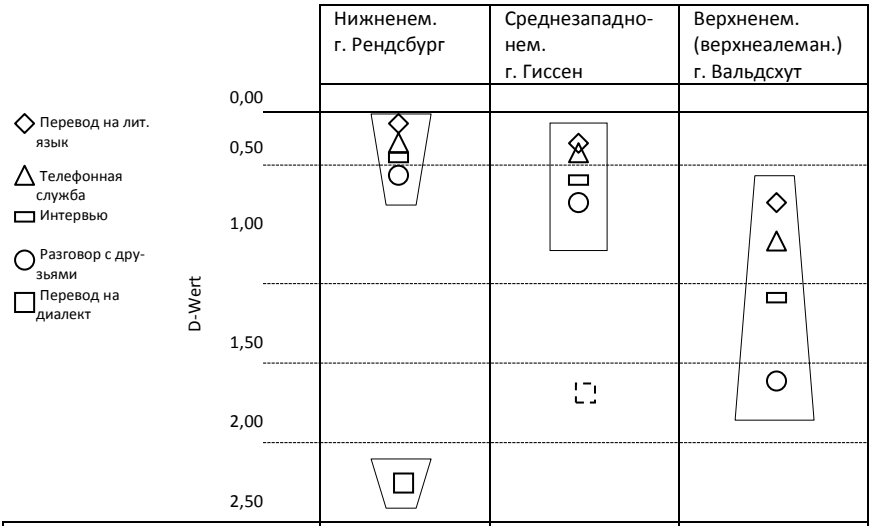
Гипотеза о сосуществовании различных языковых ситуаций на территории одного национального языка была проверена немецким германистом Р. Керайн (Kehrein, 2008). В его пилотном проекте анализируется речь и языковая компетенция жите-

лей трех городов, находящихся в разных диалектных зонах Германии. Анализ, который представляет Р. Керайн в публикации 2008 г., сосредоточивается на одном говорящем из каждого города. Естественно, что выводы, полученные на такой маленькой выборке, носят предварительный характер, тем не менее они подтверждают предположение о сосуществовании совершенно разных языковых ситуаций на территории Германии. Методика исследования может послужить отправным пунктом для научных проектов в России, тем более что квантитативная ориентация в нем дополняется качественными методами анализа.

Р. Керайн анализирует речь трех сотрудников полиции, выросших и проживающих в городах Рендсбург (нижненемецкая зона), Гиссен (среднезападная зона) и Вадльсхут-Тинген (верхненемецкая зона). Отправной точкой исследования послужили записи телефонной службы полиции. Они дополнялись записями других коммуникативных ситуаций, что, по сути, соответствует парадигме вариации речевых стилей У. Лабова. Были записаны интервью с незнакомым человеком (исследователем) и разговор с друзьями. Кроме того, было проведено тестирование активной и пассивной диалектной компетенции. В этих целях испытуемые переводили диалектный текст на литературный язык и наоборот.

В центре внимания количественного анализа стоит произношение. По методу, разработанному А. Ламели (Lameli, 2004) для немецкого языка, был определен показатель отклонения от нормы литературного языка для каждого говорящего в каждой из обследованных ситуаций. При этом критическим порогом считается показатель $D = 0{,}2$; показатели, которые превышают это число, интерпретируются на базе исследований А. Ламели (Lameli, 2004) и А. Ленц (Lenz, 2003) как индикаторы региональной окраски, отличной от нормы литературного языка.

Как видно из рисунка 7, для разных говорящих формируются совершенно разные схемы распределения числа *D*. Для них характерны разные по отдаленности от порога литературности и по внутренней дифференциации пучки показателей, которые интерпретируются Р. Керайном как социолингвистические репертуары.



	Нижненем. г. Рендсбург	Среднезападнонем. г. Гиссен	Верхненем. (верхнеалеман.) г. Вальдсхут
Перевод на лит. язык	0,33	0,44	0,67
Телефонная служба	0,39	0,46	0,90
Интервью	0,46	0,60	1,08
Разговор с друзьями	0,55	0,68	1,59
Перевод на диалект	2,25	1,80	1,67

Рис. 7. Модели языковых ситуаций в Германии: предварительный опыт (по данным: Kehrein, 2008: 140, 146–148)

Учитывая при интерпретации количественных данных информацию о языковых биографиях испытуемых, включая их отношение как к диалекту, так и литературному языку, Р. Керайн интерпретирует результаты следующим образом. К диглоссии явно тяготеет житель г. Рендсбург, который владеет двумя разновидностями языка и использует их в разных коммуникативных ситуациях (Kehrein, 2008: 148): ситуации «телефонная служба», «интервью», «разговор с друзьями» и «перевод на литературный язык» четко противопоставлены «переводу на диалект» и эмпирически не исследованной, но выявленной в опросе семейной коммуникации. Для других говорящих намечаются разные виды диаглоссии. В случае говорящего из г. Гиссена оказывается, что он не компетентен в диалекте и владеет регионолектом, достаточно близким к литературному языку, но все же

отклоняющимся от него; при этом в исследуемых коммуникативных ситуациях показатель региональной окраски варьирует слабо. Поэтому делается вывод, что данный говорящий тяготеет к «моновариантности» (там же: 146), в отличие от говорящего из г. Вадльсхут-Тинген, речь которого отличается большой вариативностью и при этом все же обнаруживает два пучка показателей *D*. Поэтому Керайн приписывает ему статус «бивариантности» (там же: 147).

Переходя от индивидуальных данных к экстраполяции языковых ситуаций в определенных регионах, мы видим, что полученные данные подкрепляют гипотезу о наличии разных языковых ситуаций на территории Германии. Напрашиваются аналогичные исследования и на территории РФ.

Перспективы изучения языковых ситуаций

Исследование Р. Керайна базируется преимущественно на данных речепроизводства, сосредоточиваясь на фонетике. Чтобы работать аналогичным путем, целесообразно определить и для русского языка показатель критического порога литературности/региональности (*D*). Это очень трудоемкая задача, которая предполагает сбор и анализ данных речепроизводства, с одной стороны, и изучение их восприятия носителями языка – с другой. В связи с этим возникает множество вопросов, в первую очередь следующие.

- Какие признаки следует учитывать и какой вес у них должен быть, чтобы хотя бы на фонетическом уровне определить критический порог литературности?
- Будет ли этот порог одинаковым для разных регионов РФ?
- Каким образом можно учитывать региональные особенности на других уровнях языковой системы?

Изучение языковых ситуаций, в свою очередь, предполагает масштабное эмпирическое исследование, которое должно учитывать региональную, социальную, а также ситуативную вариацию (ср. с иной терминологией: Штерн, 1993), а также восприятия жителей разных регионов. При этом чисто квантитативные методы получения и анализа материала должны быть дополнены качественными методами, в частности, справкой о языковой

биографии и об установках по отношению к разновидностям этноязыка (Krause, 2010).

В таких исследованиях важно опираться именно на жителей регионов. Известно, что городская речь и ее окрашенность пока активно изучались преимущественно в крупных городах. Представляется целесообразным расширить объект исследования и более активно обращаться к маленьким городам (см., например: Букринская, Кармакова, 2008), поскольку по данным переписи населения 2002 г. как раз малые города и поселки городского типа с населением до 50 тыс. жителей составляют 89% городских поселений РФ (Всероссийская перепись населения 2002 г. [электр. ресурс]).

Можно только согласиться с пермскими социолингвистами, которые еще в 2000 г. утверждали, что «…назрела необходимость выработать общие подходы и методы изучения речи провинциальных городов “с разным социальным статусом”, т.е. крупных (областных центров), средних (районных центров) и маленьких городов и поселков городского типа» (Ерофеева Т.И. и др., 2000: 14).

Литература

Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период (к проблеме соотношения языка и диалекта). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1967. 206 с.

Букринская И.А., Кармакова О.Е. Язык повинциального города // Язык современного города: тез. докл. Междунар. конф. Восьмые Шмелевские чтения / отв. ред. М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова; Ин-т рус. яз. РАН. М., 2008. С. 28–30.

Всероссийская перепись населения 2002 года. [Электронный ресурс] URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?;population2.doc (проверено 30.07.2011).

Герд А.С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня / отв. ред. Л.П. Крысин. Москва: Азбуковник, 2000. Вып. 1. С. 45–52.

Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия: изд. 2-е. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 448 с.

Джапаридзе З.Н. Перцептивная фонетика: основные вопросы. Тбилиси: Мецниереба, 1985. 117 с.

Ерофеева Е.В. Экспериментальное исследование фонетики регионального варианта литературного языка: учеб. пособ. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1997. 140 с.

Ерофеева Е.В. Статус просторечия в современном русском языке // Русский язык сегодня. М.: Азбуковник, 2003. Вып. 2: Активные процессы конца XX века / отв. ред. Л.П. Крысин. С. 434–442.

Ерофеева Е.В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 320 с.

Ерофеева Е.В., Штерн А.С. Модели перцептивных эталонов гласных и внутриязыковая интерференция // Литературный язык и народная речь / ред. Ф.Л. Скитова. Пермь, 1991. С. 45–54.

Ерофеева Т.И. Локальная окрашенность разговорной речи лиц, владеющих литературным языком: Анализ записей пермской интеллигенции: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. 260 с.

Ерофеева Т.И. Социолект: стратификационное исследование: дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1995. 356 с.

Ерофеева Т.И. и др. Городские социолекты: Пермская городская речь: звучащая хрестоматия / Т.И. Ерофеева, Е.В. Ерофеева, И.И. Грачева. Пермь; Бохум, 2000. 173 с.

Интерференция звуковых систем / ред. Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая. Ленинград: Изд-во Ленинград. ун-та. 1987. 280 с.

Калнынь Л.Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // Вопросы языкознания. 1997. № 3. С. 115–124.

Каленчук М.Л. и др. Новый орфоэпический словарь русского языка: произношение и ударение / М.Л. Каленчук, Р.Ф. Касаткина, Л.Л. Касаткин // Фонетика сегодня: матер. докл. и сообщ. Междунар. конф. / отв. ред. Р.Ф. Касаткина; Ин-т рус. яз. РАН. М., 2007. С. 87–90.

Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука. 1989. 188 с.

Крысин Л.П. Социально обусловленные процессы в русском языке конца XX века // Sprachwandel in der Slavia / ed. L. Zybatow. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000. T. 1. S. 467–480.

Крысин Л.П.. Формы существования (подсистемы) русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2003. С. 33–78.

Крысин Л.П. Активные процессы в русском языке конца XX − начала XXI века // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянских культур. 2008. С. 13–32.

Петров Н. Формирование региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в современной России / ред. В. Гельман, Т. Хопф. СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. С. 125–186.

Плешкова Т.Н., Комягина Л.П. Языковая ситуация и культура речи / Поморск. гос. ун-т. Архангельск, 2002. 112 с.

Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры / отв. ред. М.В. Панов. М. Наука, 1968. 213 с.

Штерн А.С. Три аспекта городского билингвизма (фонетический уровень) // Живое слово в русской речи Прикамья / гл. ред. Ф.Л. Скитова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 1993. С. 28–37.
Auer P. Europe's sociolinguistic unity, or: A typology of European dialect/standard constellations // Perspectives on Variation: Sociolinguistic, Historical, Comparative / Eds. Delbecque N., van der Auwera J., Geeraerts D. Berlin-New York: de Gruyter, 2005. Pp. 7–42.
Bellmann G. Between base dialect and Standard language // Folia Linguistica. 1998. Vol. 32. Is. 1–2. Pp. 23–34.
Chambers J.K. Sociolinguistic theory: linguistic variation and its social significance: 2-nd ed. Oxford: Blackwell. 2003. xxiv, 311 p.
Chambers J.K., Trudgill P. Dialectology: 2-nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. xiv, 199 p.
Coupland N. Style: Language Variation and Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. xiv, 209 p.
Ferguson Ch.A. Diglossia // Word. 1959. 15. Pp. 325–340.
Kehrein R. Regionalakzente und linguistische Variationsspektren im Deutschen // Dialektgeographie der Zukunft. Akten des 2: Kongresses der Internationalen Gesellschaft für Dialektologie des Deutschen (IGDD) / eds. P. Ernst, F. Patocka, P. Wiesinger. Stuttgart: Steiner, 2008. S. 131–156.
Kochetov A. The role of social factors in the dynamics of sound change: a case study of a Russian dialect // Language Variation and Change. 2006. 18. Pp. 99–119.
Krause M. Zur Typologie von Sprachsituationen: binnensprachliche Variation zwischen Standard und Dialekt im heutigen Russland // Wiener Slawistischer Almanach. 2010. 65. S. 53–81.
Krause M. et al. Mentale Dialektkarten und Dialektimages in Russland: metasprachliches Wissen und linguistische Determinanten der Bewertung von Dialekten / M. Krause, V. Ljublinskaja, Ch. Sappok, A. Evdokimov, A. Kopylova, E. Moškina, V. Podrušnjak // Zeitschrift für Slavistik. 2003. 48. S. 188–211.
Krause M. et al. Russian speaker's dialect image – a perceptional study / M. Krause, V.V. Ljublinskaja, Ch. Sappok // Topics in dialectal variation / eds. Filppula M. et al. Joensuu, 2006. Pp. 31–44.
Labov W. The social stratification of English in New York City: 2-nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 485 p.
Lameli A. Standard und Substandard: Regionalismen im diachronen Längsschnitt. Stuttgart: Steiner, 2004. 272 S.
Lenz A.N. Struktur und Dynamik des Substandards: Eine Studie zum Westmitteldeutschen (Wittlich/Eifel). Stuttgart: Steiner, 2003. 443 S.

Т.И. Ерофеева*
Пермский государственный университет

ЧАСТНЫЕ СОЦИОЛЕКТЫ: СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ УСТНОЙ РЕЧИ[1]

Предметом нашего исследования стали городские социолекты, реализующиеся в городской речи жителей Пермского края. Материалы, положенные в основу работы, собирались в процессе многолетнего непосредственного наблюдения за речевым общением и в ходе опросов и анкетирования различных социальных групп Перми и городов Прикамья. Теоретические основы работы опираются на предложенные А.С. Штерн идеи описания языка города (Штерн, 1993) и на применение статистических методов при описании лингвистического материала (Штерн, 1992).

Социолект понимается нами как речь среднего индивида, являющегося представителем определенной социальной группы, культуры (Ерофеева Т.И., 2009). В термине «социолект» социальное рассматривается широко. Строго говоря, феномен «речевая общность коллектива» следует обозначить как «биопсихосоциолект», но в связи с удобством и краткостью лучше обратиться к термину «социолект». Итак, «социолект» есть система речевых средств определенной группы, детерминированная рядом страт.

Термин «страта» используется в значении ‘слой людей, объединенных каким-либо общим признаком’, обычно – социальный слой. Мы используем термин «страта» в расширительном значении: не только слой людей, но и признак, по которому проводится стратификация. Такое понимание термина дает возможность перейти на новый уровень обощения и рассматривать страты как составляющие, которые формируют социолект. Тогда с точки зрения стратификации социолект – это набор языковых кодов, которыми владеют индивиды, объединенные какой-либо стратой или стратами.

---

* © Ерофеева Т.И., 2011
[1] Исследование выполнено при поддержке грантов РГНФ № 11-04-00009а и № 11-14-59012 а/У.

Социолекты могут рассматриваться на разных уровнях обобщения. Предлагается различать частные и обобщенные социолекты. Частными социолектами вслед за Е.В. Ерофеевой (2005) мы называем вариацию изучаемых лингвистических признаков по одной страте.

В данной статье будут рассмотрены частные социолекты, реализующиеся в городах Пермского края, по стратам «гендер» и «возраст».

Стратификационное изучение речи горожан показывает, что социальные характеристики говорящего влияют на единицы всех лингвистических уровней, при этом наиболее научно плодотворным представляется описание речи на лексическом уровне, поскольку именно в лексике обнаруживается общественное сознание носителя языка, его взгляд на материальную, производственную и духовную культуру.

Лексические единицы повторяются в речи нерегулярно, поэтому их изучение лучше вести методом анкетирования. Мы исследовали четыре типа лексических единиц: локализмы, архаизмы, жаргонизмы и профессионализмы. Для каждой из этих групп слов была составлена анкета, в которую входили слова соответствующих групп. В анкете информантам предлагалось указать значение каждого слова и отметить, употребляют ли они это слово в речи, т.е. информанты давали отчет о знании и употреблении изучаемых лексических единиц на основе интроспекции. Таким образом, рассматривались два параметра – «знание» и «употребление» слова.

Для каждого информанта была получена абсолютная частота ответов «знаю» (знание слова засчитывалось, если информанты указывали верное значение слова) и абсолютная частота ответов «употребляю».

Полученные частотные данные обрабатывались с помощью дисперсионного анализа силы влияния (ДА): существенность или несущественность влияния страт устанавливалась на 5%-м уровне значимости.

ЧАСТЫЕ СОЦИОЛЕКТЫ ПО СТРАТЕ «ГЕНДЕР»

Еще Н.С. Трубецкой отмечал, что «при внимательном наблюдении… тонкие условные различия между мужским и женским произношением можно, пожалуй, обнаружить в любом

языке» (Трубецкой, 1960: 27). Анализ современной лингвистической литературы показывает, что фактор «гендер» является важным в реальной коммуникации. Получены данные о различиях в речи мужчин и женщин для разных языков (Гаранович, 2007; Земская и др., 1993; Кирилина, 1999; Мартынюк, 1987; Fishman, 1980; Maltz, Borken, 1982 и др.).

Гендерные особенности проявляются в различных сферах жизни неодинаково. Наряду с универсальными биогенетическими различиями мужчин и женщин многие их особенности являются следствием исторически сложившейся дифференциации мужских и женских социальных ролей, воспитания, культуры. Таким образом, гендер рассматривается как социальный, а не биологический фактор (см.: Кирилина, 1999). В лингвистической литературе отмечается, что влияние гендера на речь достаточно ощутимо, однако исследования проводятся в основном на фонетическом и грамматическом уровнях, а также рассматриваются речевые стратегии (см., например: Гётте, 2009; Стернин, 2008). Лексический уровень исследован мало.

Для изучения зависимости владения лексическими единицами от гендера было проведено пять эксперимента.

Эксперимент 1. В данном эксперименте рассматривалось влияние гендера на владение локализмом. Материалом для этого эксперимента послужили 69 локальных слов: 39 существительных, 20 глаголов, 3 прилагательных, 5 наречий, 1 фразеологическая единица и 1 частица. В список входили слова различных лексических групп, которые принадлежали ядру лексико-грамматической системы города (Ерофеева, Скитова, 1992). Выборка информантов состояла из 48 информантов и была сбалансирована по стратам «гендер», «возраст», «место рождения» и «специальность». В результате анкетирования было получено 6 624 реакции.

Из таблицы 1 видно, что локальные слова оказываются знакомыми информантам-мужчинам в 84% случаев, а информантам-женщинам – в 82% случаев; 54% предъявленных в анкете слов употребляются в речи мужчинами, в то время как женщины употребляют только 47% слов.

Таблица 1

Частоты знания и употребления локализмов и архаизмов в зависимости от страт (%)

Страта		Локализм		Архаизм	
		Знание	**Употр.**	**Знание**	**Употр.**
Гендер	мужчины	84	54	54	**47**
	женщины	82	47	53	**40**
Возраст	20–29 лет	**70**	**50**	56	47
	30–39 лет	**81**	**55**	54	43
	40–49 лет	**89**	**55**	53	45
	50 лет и >	**92**	**47**	52	38

Данные ДА показывают, что страта «гендер» не оказывает существенного влияния на знание и употребление локального слова информантами.

Тем не менее частоты параметров «знание» и «употребление» локализмов выше для информантов мужчин. Такие выводы подтверждаются данными, которые получены русскими и американскими учеными при исследовании разных языковых единиц. Например, именно в речи мужчин встречается больше просторечных единиц (Крысин, 1989: 56). Кроме того, «в речи полного стиля женщины употребляют меньше осуждаемых форм, чем мужчины» (Лабов, 1975: 155). Диалектные особенности на фонетическом уровне сохраняются в речи мужчин в большей степени, чем в речи женщин (Ерофеева Е.В., 2005; Игнаткина, Литвачук, 1989: 142).

Эксперимент 2. Этот эксперимент проведен аналогично первому. Материалом для него послужила анкета, составленная из 37 архаических единиц, которые были отобраны на основании пилотажных экспериментов. Анкета включала 24 существительных, 3 глагола и 10 прилагательных. Объем выборки информантов составил 96 человек (выборка сбалансирована по стратам «гендер», «возраст», «место рождения», «образование» и «специальность». В результате анкетирования было получено 7 104 реакции.

Как видно из таблицы 1, мужчины и женщины почти в равной мере знакомы с архаическим словом (на данной выборке слов). ДА показывает, что страта «гендер» не оказывает существенного влияния на знание архаизма.

Однако на употребление архаического слова страта «гендер» оказывает существенное влияние: мужчины значительно чаще употребляют архаические слова, чем женщины (см. табл. 1; здесь и далее в таблицах существенные расхождения частот выделены жирным шрифтом).

Таким образом, мужчины и женщины примерно одинаково знают архаическое слово, но при этом мужчины в речи употребляют архаизмы значительно активнее, чем женщины.

Эксперимент 3. Материалом анкеты послужили 30 профессиональных единиц. Профессиональную лексическую микросистему составляют три типа лексических единиц: термины, обычно фиксируемые в специальных словарях и являющиеся принадлежностью КЛЯ; профессионализмы – дублеты терминологического обозначения, употребляемые в неофициальной обстановке; профессиональные жаргонизмы – профессиональные слова, которые отличаются от профессионализмов ярко выраженной экспрессией и образностью (Ерофеева Т.И., 2009). Анкета включала 8 терминов, 13 профессионализмов и 9 профессиональных жаргонизмов.

Объем выборки информантов составил 24 человека (выборка была сбалансирована по стратам «гендер», «возраст» и «образование». Информантами были музыканты со средним и высшим специальным образованием (исследовалась профессиональная лексика музыкальной среды). Всего в эксперименте было получено 1 440 реакций. Эксперимент проводился вместе с Ж.С. Загоруйко (см.: Загоруйко, 1999).

Таблица 2 показывает, что женщины и знают, и употребляют больше профессиональных единиц, чем мужчины, однако данные ДА показывают, что влияние страты «гендер» на «знание» профессиональных единиц является несущественным.

Эксперимент 4. Материалом анкеты в данном случае послужила иноязычная лексика. Термином «иноязычная лексика» мы пользуемся вслед за Л.П. Крысиным. Под иноязычным словом Л.П. Крысин имеет в виду любое неисконное для данного

языка слово, вне зависимости от степени его освоенности заимствующим языком, но употребляемое в речи (Крысин, 2004). Отобранные для эксперимента слова (75 лексических единиц) включают наименования реалий из типичных для русского языка сфер заимствования: политики, экономики, техники, массовой культуры, спорта и т.п. В эксперименте приняло участие 48 информантов. Выборка информантов была сбалансирована по стратам «гендер», «возраст», «образование» и «специальность»; объем полученных реакций составил 7 200. Эксперимент проводился вместе с И.В. Дьяконовой (см.: Дьяконова, 2002).

Таблица 2

Частоты знания и употребления профессиональных лексических единиц в зависимости от страт (%)

Страта		Знание	Употребление
Гендер	мужчины	83	75
	женщины	91	83
Возраст	20 лет – 34 года	**92**	**88**
	35 лет – 44 года	**79**	**74**
	45 лет – 54 года	**88**	**45**

В данном эксперименте рассматривался не единый параметр «знание» слова, а отдельно учитывались параметры «стереотипное знание» и «индивидуальное знание». За стереотипное знание иноязычного слова принималось толкование, соответствующее основному словарному определению. Под индивидуальным знанием имелось в виду такое толкование, при котором отмечались определенные отклонения от словарного определения, но при которых основной смысл слова все-таки передавался.

Как видно из таблицы 3, разница в стереотипном знании иноязычных слов у мужчин и женщин не слишком велика, но все-таки у мужчин наблюдается большая частота стереотипных толкований слова. При этом частоты индивидуального знания у мужчин и женщин полностью совпадают. Следовательно, знание иноязычных слов в целом у мужчин несколько выше. Тем не менее статистически существенной разницы в знании ино-

язычного слова согласно данным ДА между ответами мужчин и женщин не наблюдается.

Однако в употреблении исследованных единиц мужчинами и женщинами по данным ДА отмечается существенная разница: мужчины значительно чаще женщин употребляют иноязычные слова.

Таблица 3

Частоты знания и употребления иноязычных лексических единиц в зависимости от страт (%)

Страта		Знание		Употребление
		Стереотипное	Индивидуальное	
Гендер	мужчины	57	19	**65**
	женщины	51	19	**53**
Возраст	20–39 лет	53	20	63
	40–59 лет	55	17	65

Эксперимент 5. Материалом эксперимента послужила анкета, состоявшая из 50 жаргонизмов, которые были отобраны из живой студенческой речи. Поскольку лексика студенческого жаргона представлена двумя пластами – производственным ядром и общебытовым словарем (Скворцов, 1972), то оба эти пласта были отражены в анкете. Из 50 слов анкеты 15 принадлежали производственному ядру жаргона, а 32 – общебытовому словарю. Объем выборки информантов составил 48 человек (выборка была сбалансирована по стратам «гендер», «курс» и «специальность»). Всего в эксперименте получено 4 800 реакций.

Из таблицы 4 видно, что мужчины чуть лучше женщин знают жаргонизмы и чаще употребляют их. Тем не менее результаты ДА по параметру «знание» показывают, что страта «гендер» не оказывает существенного влияния на «знание» жаргонной единицы. Это говорит о специфике жаргонной студенческой единицы, употребляемой в особом языковом коллективе. В этом коллективе настолько важна общая социальная страта «студент», что все остальные, не общие для коллектива социальные страты, подавляются ею. Нам кажется, что эти данные согласуются с мнением Л.П. Крысина о речевой гомогенности

группы: выработка общей манеры речевого поведения «возможна лишь при условии, что все члены группы владеют одним и тем же языковым кодом (жаргоном, диалектом и т.п.)» (Крысин, 1989: 83).

Таблица 4

Частоты знания и употребления жаргонизмов в зависимости от страт (%)

Страта		Знание	Употребление
Гендер	мужчины	76	**53**
	женщины	70	**43**

Рассмотрение параметра «употребление» показывает, что «гендер» – существенный фактор: мужчины чаще, чем женщины, употребляют жаргонные слова.

Итак, анализ знания и употребления лексических единиц различного характера показывает, что в большинстве случаев мужчины лучше, чем женщины, знают и чаще употребляют все рассмотренные лексические единицы, но с помощью ДА было обнаружено, что «гендер» является существенной стратой только для «употребления» архаизмов, жаргонизмов и иноязычных слов. Влияние данного фактора на параметр «знание» различных лексических единиц в нашем случае всегда оказывается несущественным.

ЧАСТНЫЕ СОЦИОЛЕКТЫ ПО СТРАТЕ «ВОЗРАСТ»

Учет возрастной дифференциации испытуемых традиционен в социо- и психолингвистике. Возраст является сложным фактором, связанным как с «разнородными явлениями роста», так и «со многими сложными явлениями общественно-экономического, культурно-исторического, идеологического и социально-психологического развития человека» (Ананьев, 1980: 48). Сложность и неоднородность фактора «возраст» проявляется в том, что он неразрывно связан с фактором «поколение», который, в свою очередь, является социально-культурным фактором. Помимо этого, человек, продвигаясь по временной оси, меняет не только координату «возраст», но и социально-

культурное окружение, поскольку мир вокруг него также не стоит на месте.

Психологи говорят о том, что «человек в своем развитии проходит несколько возрастных периодов, каждому из которых соответствует расцвет определенных психических функций и свойств личности» (Грановская, 1988: 364), однако единства мнений по поводу определения границ возрастных групп в психологической литературе нет.

В связи с тем, что наши эксперименты проводились в разное время, выбирались разные градации страты «возраст», что вызвано необходимостью найти наиболее адекватное деление носителей языка по данной страте.

Рассмотрим результаты представленных выше экспериментов 1–4 по страте «возраст» (в эксперименте 5, где материалом были жаргонные слова, страта «возраст» не учитывалась в виду возрастной специфики носителей жаргона: все они являются студентами и принадлежат единой возрастной группе).

Эксперимент 1. В данном эксперименте информанты были разбиты на четыре возрастные группы: 20–29 лет, 30–39 лет, 40–49 лет, 50 лет и более.

Как видно из таблицы 1 и рисунка 1., частота знания локального слова с возрастом увеличивается, при этом разница между самой молодой (20–29 лет) и самой старшей группой (50 и более лет) составляет 22%. Что касается параметра «употребление», то меньше всего локализмы употребляют самые молодые информанты и информанты старшей возрастной группы. Точнее, информанты старшей группы думают (согласно их самооценке), что употребляют в речи мало диалектных слов, в то время как реально в их речи локализмов больше, чем в речи других возрастных групп.

Необходимо отметить, что частоты употребления локализма намного ниже, чем частоты знания этой единицы. Очевидно, это является результатом восприятия локализма как социально непрестижной и, следовательно, связанной с более низкой культурой единицей (см. об этом явлении при использовании просторечия: Крысин, 1989: 2). Именно поэтому «говорящий выбирает форму, отвечающую его представлениям о том, что “пра-

вильно” или “престижно”, а не ту, которую он действительно употребляет» (Лабов, 1975: 126).

Влияние страты «возраст» на оба рассмотренных параметра согласно данным ДА оказалось существенным на 5%-м уровне значимости. Таким образом, можно сделать вывод о зависимости знания и употребления локальных лексических элементов от страты «возраст».

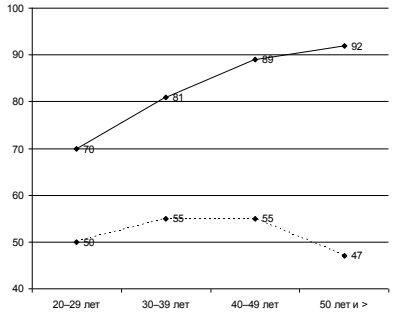


Рис. 1. Частоты знания (—) и употребления (- - -) локализмов в зависимости от страты «возраст»

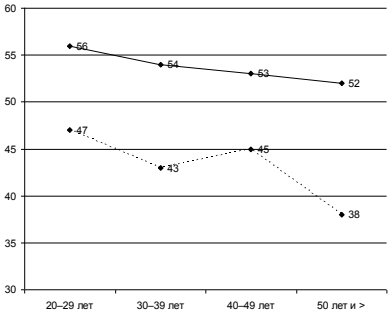


Рис. 2. Частоты знания (—) и употребления (- - -) архаизмов в зависимости от страты «возраст»

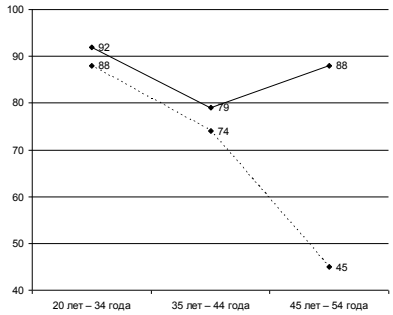


Рис. 3. Частоты знания (—) и употребления (- - -) профессионализмов в зависимости от страты «возраст»

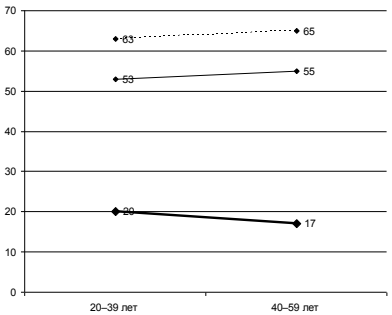


Рис. 4. Частоты стереотипного знания (—), индивидуального знания (—) и употребления (- - -) иноязычных слов в зависимости от страты «возраст»

Эксперимент 2. В данном эксперименте рассматривались те же градации страты «возраст», что и в предыдущем.

Отметим, что средние проценты знания и употребления архаизма оказались ниже, чем соответствующие показатели для локализма (см. табл. 1). Поскольку выборки информантов сбалансированы и сопоставимы, можно сделать вывод, что локальное слово «ближе» информантам, чем архаическое, что, на наш взгляд, объясняется спецификой данных лексических единиц.

Таблица 1 и рисунок 2 показывают, что, в отличие от частоты знания локализма, частота знания архаизма падает с увеличением возраста информантов. Наибольшая частота употребления архаизмов также наблюдается у самой молодой группы информантов, а наименьшая – у самой старшей. Однако разница в частотах не слишком значительна. Результаты ДА показывают, что влияние страты «возраст» нельзя признать существенным для обоих параметров.

Эксперимент 3. Градации страты «возраст» в данном эксперименте были следующими: 20 лет – 34 года, 35 лет – 44 года, 45 лет – 54 года.

Наибольший процент знания профессионализмов отмечается для самой молодой группы информантов, а наименьший – для средней по возрасту группы; частоты знания профессиональной единицы для старшей возрастной группы оказываются средними (см. табл. 2 и рис. 3). Возможно, эти различия связаны с поколенческими культурными различиями в возрастных группах: молодые информанты лучше владеют профессиональными жаргонизмами, а пожилые – терминологическими единицами.

Для параметра «употребление» наблюдается резкое падение частоты с увеличением возраста. Накапливая пассивное знание профессиональных лексических единиц, информанты старшей возрастной группы считают, что в речи данная лексика употребляется ими не слишком активно.

Влияние страты «возраст» оказалось существенным по данным ДА для обоих параметров.

Эксперимент 4. В данном эксперименте рассматривалась дифференциация информантов по двум возрастным группам: 20–39 лет, 40–59 лет.

По данным таблицы 3 и рисунка 4 видно, что частоты всех трех рассмотренных в эксперименте параметров: стереотпиного знания, индивидуального знания и употребления иноязычных слов – отличаются друг от друга незначительно (разница составляет 23%). Результаты ДА также показывают, что влияние страты «возраст» на владение иноязычным словом на всех уровнях является несущественным.

Таким образом, страта «возраст» на лексическом уровне оказывает существенное влияние на знание и употребление таких единиц, как локализм и профессионализм. Владение архаизмом и иноязычным словом возрастом не определяется.

Полученные результаты являются важными для исследования речи провинциального города: возраст выступает как социальная страта, обеспечивающий локальную окраску речи горожан.

Сопоставим данные экспериментов по стратам «гендер» и «возраст». В таблице 4 знаки «+» стоят в тех графах, которые соответствуют существенному влиянию рассмотренных страт (знаком «–» отмечены графы, для которых влияние страты не исследовалось).

Таблица 4

Существенность влияния страт на «знание» и «употребление» лексических единиц

Единица	Параметр	Страта	
		Гендер	Возраст
Локализм	знание		+
	употребление		+
Архаизм	знание		
	употребление	+	
Профессиональное слово	знание		+
	употребление		+
Иноязычное слово	знание		
	употребление	+	
Жаргонизм	знание		–
	употребление	+	–

Как видно из таблицы 4, страта «гендер» оказывает существенное влияние только на употребление лексических единиц,

т.е. влияет на речевое поведение говорящих. В то время как страта «возраст», если и оказывает существенное влияние, то на владение лексической единицей в целом, т.е. и на знание, и на употребление этой единицы.

Кроме того, мы видим, что разные страты определяют владение разными лексическими единицами: в наших экспериментах обе страты ни разу не оказались существенными для одной и той же единицы. Очевидно, это связано со спецификой лексических единиц: лексические единицы оцениваются информантами как экзотические или привычные в зависимости от социальных параметров информантов. Так, как нам кажется, архаизмы, иноязычные слова и жаргонизмы мужчины оценивают как «свои» и, соответственно, активно употребляют их в речи. Для информантов пожилого возраста более свойственна связь с говорами, поэтому и знание локальных единиц у них выше.

Таким образом, проведенное исследование показывает важность изучения частных социолектов для разных языковых единиц и лингвистических параметров, поскольку на данном материале можно увидеть сложное взаимодействие языкового материала и социальных параметров говорящих.

Литература

Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: в 2-х т. / под. ред. А.А. Бодалева, Б.Ф. Ломова. М.: Педагогика, 1980. Т.1. 230 с.

Грановская Р.М. Элементы практической психологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 564 с.

Гаранович М.В. Функционирование признаков мужского и женского письма: динамический аспект (на материале художественной прозы) // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. ст. / отв. ред. Т.И. Ерофеева; Перм. ун-т. Пермь, 2007. Вып. 9: Анализ языковых единиц в социолингвистическом аспекте. С. 73–80.

Гётте Е.Ю. Речевое поведение в гендерном аспекте: проблемы теории и методики описания: дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 268 с.

Дьяконова И.В. Иноязычное слово: социопсихолингвистический аспект исследования: дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2002. 204 с.

Ерофеева Е.В. Вероятностные структуры идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2005. 320 с.

Ерофеева Е.В., Грачева Д.С. Организация лексикона профессиональной среды // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: матер. и исслед. / отв. ред. И.И. Русинова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008. Вып. 2. С. 152–164.

Ерофеева Т.И. Современная городская речь / Перм. гос. ун-т, ПСИ, ПССГК. Пермь, 2004. 316 с.
Ерофеева Т.И. Социолект: стратификационое исследование / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. 240 с.
Ерофеева Т.И., Скитова Ф.Л. Локализмы в литературной речи горожан. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1992. 92 с.
Загоруйко Ж.С. Профессиональный «портрет» малой социальной группы: структурно-семантическое и стратификационное описание: дис. … канд. филол. наук. Пермь, 1999. 129 с.
Земская Е.А. и др. Особенности мужской и женской речи / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект / отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев; Ин-т рус. яз. РАН. М., 1993. С. 90–157.
Игнаткина Л.В., Литвачук Н.Ф. Вариативность фонетических характеристик речи в зависимости от социальных факторов // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1989. С. 138–144.
Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты / Ин-т социологии РАН. М., 1999. 189 с.
Крысин Л.П. Русское слово: свое и чужое: исследование по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянских культур, 2004. 888 с.
Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 188 с.
Лабов У. Исследование языка в социальном контексте // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1975. Вып. 7: Социолингвистика. С. 96–181.
Мартынюк А.П. Женская речь и проблемы общения // Вестник Харьковского ун-та. Харьков, 1987. № 312. С. 30–34.
Стернин И.А. Эффективное речевое воздействие // Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избранные работы / науч. ред. З.Д. Попова. Воронеж: Истоки, 2008. С. 253–293.
Трубецкой Н.С. Основы фонологии: пер. с нем. А.А. Холодовича; ред. С.Д. Кацнельсон. М., 1960. 372 с.
Fishman P. Conversational insecurity // Language: social psychological perspectives / eds. H. Giles, W.P. Robinson, P.M. Smith. New York: Pergamon Press, 1980. Pp. 127–132.
Maltz D.N., Borker R.A. A cultural approach to male-female miscommunication // Language and social identity / ed. J. Gamperz. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. Pp. 196–216.

Е.Н. Полякова*
Пермский государственный университет

К ИСТОКАМ ПЕРМСКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ[1]

Исследователи современной городской речи выделяют в ней общерусские элементы, стоящие за пределами литературной нормы, характеризуемые обычно как **просторечные**, а **просторечие** в целом как социально обусловленную разновидность речи, существующую наряду с диалектами, жаргонами, литературной речью. При изучении просторечные элементы обнаруживаются в результате сопоставления с данными кодифицированного литературного языка (как не относящиеся к нему).

Социальная база просторечия – горожане без образования или с невысоким уровнем образования. В первой половине – середине XX в. просторечие было хорошо представлено в пермских городах. Резкие социальные изменения в России XX в. (рост уровня образования, миграции населения) приводили к существенным сдвигам в социальной картине городов и в речи их жителей. Процент носителей просторечия как разновидности русской речи сократился, но просторечные элементы в городской речи сохраняются, хотя на протяжении века меняется их место и роль.

Вопрос о просторечии встал перед учеными, изучающими русский язык, уже в XVIII в., когда начиналось научное исследование русского языка (работы В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова и др.) и разрабатывался новый литературный язык.

Актуальным вопрос о просторечии был и для лексикографов, характеризующих лексику в словарях. Само слово *просторечие* впервые отмечается в словаре И. Нордстета – «Российском, с немецким и французским переводами словаре» (1780–1782), видимо, под влиянием сопоставления состава русского

* © Полякова Е.Н., 2011
[1] Работа выполнена при финансовой поддержке грантов Аналитической государственной ведомственной целевой программы Министерства образования и науки Российской Федерации «Развитие научного потенциала высшей школы» №2.1.3/11793 и №2.1.3/11776.

языка с западноевропейскими языками. В первом академическом шеститомном «Словаре Академии Российской» 1789–1894 гг., составителями которого были президент Российской Академии Е.Р. Воронцова-Дашкова, академики И.И. Лепехин, С.Я. Румовский, Б.П. Иноходцев, профессора Московского университета А.А. Барсов, С.Е. Десницкий, И.И. Мелиссино, лица духовного звания (например, митрополит Гавриил), писатели Г.Р. Державин, Д.И. Фонвизин, И.Ф. Богданович, Я.Б. Княжнин и др., разработана система помет, в которой было место и определению просторечия. Наряду с пометами *просто* (соответствует современному *разговорное*) и *простонародное* (в XVIII в. «крестьянское и мещанское», преимущественно диалектное) существовала помета *просторечное* (или *в просторечии*), которая предусматривала употребление слов «простым народом в обыкновенных разговорах» (История, 1998: 107). Касается эта помета в словаре, конечно, лексики, и характеризуется просторечие в историческом аспекте обычно тоже в основном по данным лексики.

Таким образом, в последней четверти XVIII в. ученые и литераторы выделяют просторечие («разговоры обыкновенные») и определяют в академическом словаре просторечные слова как отличающиеся от лексики литературного языка, что свидетельствует о существовании самого просторечия в этот период как разновидности русского языка. Можно ли говорить о существовании просторечия до этого времени, т.е. в XVII – начале XVIII в., когда литературный язык был иным, чем в конце XVIII в.?

В 1961 г. Б.А. Ларин в статье «Разговорный язык Московской Руси» характеризует начальный этап образования национального русского языка (со второй половины XVI в. до середины XVIII в., т.е. в интересующий нас период) и определяет его состав, к которому относит 1) областные диалекты (крестьянские по социальной принадлежности); 2) диалекты средних и «подлых», т.е. низких сословий; 3) разговорную речь высших классов (Ларин, 1961: 22). Это положение подтверждают памятники письменности того времени.

Наиболее близка к понятию «просторечие» в XVI – начале XVIII в., по терминологии Б.А. Ларина, речь «средних и “под-

лых" сословий», т.е. ремесленников, купцов, стрельцов, солдат и других горожан. Его наблюдения сделаны в основном на московских материалах, в частности на материалах допросов по «Слову и делу государеву». В середине XX в. язык периферийных текстов XVI–XVII вв. еще только начинали изучать.

В настоящее время имеется уже большое количество публикаций и исследований памятников разных территорий России – текстов рязанских, курских, орловских, воронежских, смоленских, вологодских, пермских, шадринских, мангазейских, томских, забайкальских и др. Сопоставление их данных позволяет решать многие вопросы истории языка, в частности, посмотреть в историческом аспекте на просторечие и на лексику, считающуюся в настоящее время просторечной.

Как в этом случае выглядят истоки нашего, пермского просторечия, можно показать по данным лексики памятников Пермского края конца XVI – начала XVIII в., рассмотренным в сопоставлении с более поздними местными текстами и различными непермскими материалами.

Пермские данные, используемые для изучения истоков просторечия, представлены в большом количестве дошедших до нас деловых текстов различных видов (жанров), в разной степени отражающих живую речь. Сохранились (в основном в рукописном виде) судебные, административные, имущественные, переписные, таможенные, монастырские и другие пермские документы, составленные в XVI – начале XVIII в. в судных избах и приказных палатах трех городов Пермского края, а именно: Соликамска (его раннее название – Усолье Камское, годом основания считают 1430), Чердыни (1472 г.) и Кунгура (год основания – 1663 г.; правда, сохранилась перепись жителей старого Кунгура 1647 г., существовавшего на другом месте и сожженного башкирами). Города Перми в это время еще не было: первое упоминание о русском поселении на этом месте («починок на реке Каме и на речке Егошихе») относится к 1647 г., т.е. к середине XVII в., но это еще крестьянское поселение всего из двух дворов. Только в XVIII в. (в 1723 г.) на его месте был открыт Егошихинский медеплавильный завод, ставший основой губернского города Перми, учрежденного в 1780 г.

Наиболее ценными для выявления фактов просторечия оказываются судебные акты, особенно допросные сказки, в которых почти под диктовку записывались показания местных жителей (ответчиков, свидетелей). Составитель сказки должен был максимально сохранить эти показания, ему некогда было детально редактировать текст в соответствии с нормами делового языка, как это делалось, например, при записи приговора по рассмотренному делу, хотя он успевал иногда и в свидетельские показания вставить принятые обороты и уточнения, характерные для делового языка. Показателем передачи в документе прямой речи является вводящая ее частица *де*.

Приведем пример из допросной сказки, записанной в городе Кунгуре в 1707 г.: *Говорила де у Вахромия де Корнева не ведаю пожар или* ***ино что делатца*** *в сенях де огонь горит* ***пособи*** *де мне из моего дому* ***робят*** *мне моих вынести…и она де Акилина… к ней в дом пошла и взяли де было они Акилина с нею Ефимьей ее елфимьевых* ***робят*** *и хотели де было* ***нести вон*** *и неведомо какой человек к той избе пришед хотел де их застрелить из лука и они заперлись в тое избу и* ***крычать*** *де не* ***смели*** *для того что де в том* ***дому*** *никово мужеска полу не было а подворника де своего Дементья она Акилина не* ***збудила*** *для того что де она Елфимья про пожар* ***сказывала*** *не в доме но на дворе а из того дому назад идти домой она не* ***смела*** (КСАУ: 114).

Здесь встречаются принятые в деловой речи лексика (*ведаю*, *пришед*, *мужеска полу*) и синтаксические конструкции (ср. постоянные уточнения местоимений с помощью имен: *она де Акилина*, *с нею Ефимьей*). Но вместе с тем передается рассказ самой Акилины, ее лексика (*робята*, *пособи*, *нести вон*, *сказывать*, *збудить*, *крычать не смели*), видны некоторые фонетические особенности ее речи, например: утрата *j* и стяжение гласных (*ино*, *делатца*). Стяжение гласных в пермских актах отмечается, как правило, именно в показаниях жителей: *Как де он Савка в* ***которо*** *время голову отсекал и в то де время уходила она Евдокиица на сторону* (КЗСИ: 121).

Многие общерусские слова и выражения, употребляемые жителями городов Пермского края и записанные в показаниях, воспринимались в XVII в. самими составителями документов как сниженные, о чем свидетельствует замена их синонимами,

принятыми в официальных текстах приговоров. Писчие дьячки и подьячие **редактировали** тексты официальных жанров (например приговоров) в соответствии со сложившимися нормами делового языка, который был в XVII – начале XVIII в. функциональной разновидностью русского литературного языка. Именно эти сниженные слова явились основой лексики с пометами *просторечное* или *в просторечии* в словарях конца XVIII в. и последующих столетий.

Помогает выявлению общерусских сниженных (в представлении писцов XVII в.), т.е. просторечных (с нашей точки зрения), слов сопоставление лексики разных записей одного судебного дела, а также сопоставление пермских данных с материалами делового языка того же времени, но других территорий России. Отметим случаи употребления в пределах одного дела двух синонимов, один из которых оказывается сниженным и определяется нами для XVII в. как просторечный.

Сулить* (*суливать*) – *хотеть дать

В допросе: *Анисья ея Марью к себе в дом не зывала и холста де ей Марье на рукава не* ***суливала*** (КЗСИ: 843). В описании дела: *Сказывала она упокойная Марфа звала де ея она Анисья к себе… и* ***хотела*** *де она Онисья ей Марье* ***дать*** *холста на рукава* (КЗСИ: 843).

Глагол *сулить* (и *суливать*) ‘обещать’ отмечается в документах XVII в. разных территорий, т.е. был общерусским, ср.: *У них ясашные люди многие емлют в долг лошади и платье и козлины и за то им* ***сулят*** *платеж собольими и бобрами* (Том. сл.: 276); *Он де Василей ему Кувалде днгъ шесть рублев не* ***суливал*** (Смол. сл.: 290). Но при редактировании его заменяли, ср. в пермских текстах вместо сниженного слова *суливала* нейтральное *хотела дать.*

Как просторечное слово *сулить* отмечается в словарях XVIII–XX вв., ср.: «**Сулю**, в простореч.: обещаю» (САР 5: 964); «**Сулить** (устар., простореч.). То же, что обещать» (ТСРЯ 4: 589); «**Сулить**… *Устар. и простореч*. Обещать сделать или дать что-либо» (ССРЛЯ 14: 1179). Таким образом, слово *сулить* в XVII в. лицами, владеющими деловым языком (разновидностью литературного языка), оценивалось так же, как и впоследствии, и его можно считать просторечным в XVII в.

То же самое отмечается и относительно других слов, заменявшихся при редактировании синонимами.

Присушный – приворотный

В допросе: *Наговорил де он Павел в стокане в пиво* ***присушные*** *слова… и она де Мавра тот стокан приняв пила и с того де времени по нем Павле стала тосковать и по се число тоскует* (КСАУ: 125). В показаниях при допросе зафиксированы глагол *присушить* (*присушивать*), существительное *сухота* ‘болезненное состояние в результате присушивания’: *Павел на Сарапуле в селе Кибаеве* ***присушил*** *женку Марину Игнатьеву дочь… и ту де женку от той* ***сухоты*** *отходил свекре я Карп Кубирев* (там же). Но в приговоре: *Павлу учинить жестокое наказанье… чтоб ему Павлу и другим на то смотря* ***приворотных*** *слов впредь наговаривать было неповадно* (КСАУ: 125). Составитель дела посчитал нужным заменить слово *присушный* (как сниженное) более нейтральным *приворотный*. Так же слова с этими корнями оценивались и в последующие периоды, например: в ССРЛЯ слово *присушивать* отмечается как *просторечное* и толкуется с помощью нейтрального синонима *привораживать*: «**Присушивать**, присушенный… *Простореч*. В поверьях – привораживать, колдовством заставлять любить кого-либо» (ССРЛЯ 11: 783).

В пермских памятниках наберется немало таких пар синонимов, из которых один воспринимался как сниженный и заменялся нейтральным.

Назвище – прозвание

Десятник Ивашко Третьяков он же по ***назвищу*** *Добрая Корова допрашиван* (КЗСИ: 128) – *Десятник… Иван* ***прозванием*** *Добрая Корова* (КЗСИ: 128). В допросе отмечается слово *назвище* и дериват от полного имени *Ивашко*, в приговоре – слово *прозванием* и имя в нейтральной полной форме *Иван*.

Путаный – стреноженый

Вели… ево Ульяна в том роспросить для какого вымыслу с товарищем своим с Васильем в наволоке к ***путаным*** *лошадям приходили* (КЗСИ: 522а) – *Нашли на Ирени речке в наволоке неведомо чьих двух лошадей* ***стреноженых*** (КЗСИ: 522 а).

Редактирование касалось не только нарицательной лексики, но и антропонимов, ср. употребление в живой речи женских

именований на *-иха*, образованных от имен и прозвищ мужей и замена их именованиями без суффикса *-иха* в официальных частях документов: *Она* ***Терешиха*** *сказывала ему Калинке*, но *Бьет челом на Марью Сергееву* ***Терентьеву жену*** *Исакова* (КА: 84). Оказывается, Терешиха – жена Терентия.

Изучение подобных случаев употребления синонимов показало, что в Прикамье XVII – начала XVIII в. писцы воспринимали значительную часть лексики, фиксируемой в речи ответчиков и свидетелей, как неподходящую к официальным актам, к текстам делового языка. Они оценивали ее так же, как лексикографы конца XVIII в и последующих столетий вплоть до нашего времени.

Просторечные слова в пермских памятниках противопоставлены не только нейтральным словам делового языка, но и лексике церковно-книжного типа литературного языка, ср. например, ряды синонимов: *робята – дети – чада* или *здор – ссора – пря*. Ср.: *Констянтин де у него Антона в приданом просил расписку и от того де у них меж собою учинидся* ***здор*** (КЗСИ: 258) – *А за что де он Савка и по какой* ***ссоре*** *ево Федора убил про то де он Андрюшка не ведает* (КЗСИ: 121) – *Была меж ними* ***пря*** *и вражба о мельнице монастырской* (АПМ: 28).

Таким образом, сниженная лексика составляла значительную часть лексикона жителей пермских городов. Наряду с общерусской нейтральной лексикой (*мать, лес, корова, ходить, делать, черный, белый*), она составляла основу формирующегося городского просторечия.

В Прикамье XVII в. в нем присутствовали и отдельные севернорусские диалектизмы, обычно называвшие бытовые реалии (ср. в чердынском акте – *голбец* ‘подполье’): *И я сирота пришел домой и окошко перед избою отперто стало поло и в окошко захлянул и в избе ходит Андреева дочь лизет в* ***голбец*** (ЧМ: 2558: 2). Отдельные диалектизмы в речи жителей пермских городов являлись коми-пермяцкими заимствованиями, например, в кунгурских актах – *челпан*: *Несла* ***челпан*** *хлеба* (КСАУ: 708); *Взял два* ***челпана*** *хлеба* (КСАУ: 566). Видимо, в речи жителей Чердыни и Соликамска в XVII в. их было достаточно много, что отразилось на формировании в этот период

многих фамилий от коми-пермяцких слов, хотя в официальной письменности XVI–XVII вв. антропонимы коми-пермяцкого происхождения писцы старались тоже редактировать – переводить на русский язык. Так, в деревне Ныряб (из слов *ныр* ‘нос’ и *ыб* ‘поле’) проживал человек, именование которого *Ныр* писец в 1579 г. перевел на русский язык (*Иванко Нос*). Из именования *Нос* и возникла фамилия *Носов*, существующая в Ныробе на протяжении уже более четырех веков.

Итак, истоки пермского просторечия мы находим в памятниках Прикамья XVII – начала XVIII в.

Источники с условными сокращениями

АПМ – Акты Пыскорского монастыря. Рукопись. Архив СПИИ РАН. Кол. 115, № 388.

КА – Кунгурские акты XVII в. (1668–1699 гг.) / А.А. Титов. СПб., 1888.

КЗСИ – Кунгурская земская судная изба. Рукопись. РГАДА. 1702–1705 гг.

КСАУ – Кунгурские судебно-административные учреждения XVII-XVIII вв. Рукопись. РГАДА. Фонд 1015. Опись 1.

ЧМ – Чердынские свитки XVII–XVIII вв. Рукопись. Чердынский краеведческий музей. Фонд 2558.

Список литературы с условными сокращениями

История – История русской лексикографии / отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 1998. 610 с.

Ларин Б.А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1961. С 22–34.

Нордстет И. Российский, с немецким и французским переводами словарь. СПб., 1780. Ч. 1. 1782. Ч. 2.

См. Сл. – Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVII вв. (по материалам письменности Смоленского края) / отв. ред. Е.Н. Борисова; Смоленск. гос. пед. ун-т. Смоленск, 2000. 367 с.

Том. сл. – Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / под ред. В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. 336 с.

Н.В. Богданова*
Санкт-Петербургский государственный университет

КОНСТРУКЦИЯ *(Я) ДУМАЮ (ЧТО)* В РУССКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ: СООТНОШЕНИЕ РАЗНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ТИПОВ[2]

Материалом для настоящего исследования стал Звуковой корпус русского языка (ЗКРЯ – сбалансированная аннотированная текстотека (САТ) и блок «Один речевой день» (ОРД)), работа над которым ведется на филологическом факультете СПбГУ (см. о нем, например: Богданова и др., 2008а, 2008б). Думается, что это направление изучения звучащей речи вполне соответствует тем начинаниям в русистике и психолингвистике, которые связаны с именем Аллы Соломоновны Штерн.

Известно, что устная спонтанная речь создается в условиях временно́го дефицита, поэтому она обдумывается и порождается в одно и то же время. Одной их наиболее ярких особенностей устной спонтанной речи является вставка разного рода хезитационных элементов – показателей раздумий говорящего в процессе речепорождения, поиска им нужного слова. В расшифровках звучащего материала они обозначаются обычно как ∫, (…), *э-э*, *м-м*, растяжки гласных или согласных, разрыв слова, повторы разного типа и т.п. Ср.:

- *и таким образом Берестов возвратился домой* ***с-с-с-с****о славою* (САТ, инф.-студ., чтение[3] сюж. текста);
- *ой /ха-ха* ***я чего-то*** */* ***я чего-то*** */* ***я чего-то*** *запомнила только конец // как они кота накормили /* ***это самое*** *// он начал /* ***это самое*** */* ***э-э ну это*** */* ***как его*** *//* ***э-э ну з…*** */* ***ж****… /* ***ну*** *жареной свининой //* ***значит*** */ окунями // и он начал кататься валять по полу // кататься и валяться по полу //* ***ну вот ну*** *он* ***значит*** *был / грязный / рыжий / как они его* ***в общем это самое*** *нашли / подобрали / так вроде бы*

* © Богданова Н.В., 2011

2 Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 10-06-00300.

3 Наши исследования убедительно показали, что **чтение** является разновидностью спонтанной речи, хотя и максимально мотивированной исходным стимулом. Материал чтения, в том числе подготовленного, содержит все черты, свойственные спонтанной речи (см. Сапунова, 2009).

(САТ, инф.-жен., медик, низкий уровень речевой компетенции (УРК), пересказ сюж. текста);

- *так был* ***ярк…*** ⌠ ***это самое*** ⌠ *был* ⌠ *июльский день* / ***вот*** / *небо было чистым* / *безоблачным* / *солнце* ⌠ *светило* ***(…) ну я не знаю*** / *это надо описывать как-то* (САТ, инф.-жен., юрист, низкий УРК, пересказ несюж. текста).

Среди таких элементов, описанных довольно подробно на самом разном материале (см.: Александрова, 2004; Бубнова, 1999; Дараган, 2000 [электр. ресурс], 2003 [электр. ресурс]; Сапунова, 2010; Степанова, 2006 и мн. др.), встречаются и целые **хезитационные конструкции** (ХК), в которых эти колебания говорящего в выборе речевых средств или направления продолжения речи находят достаточно развернутое вербальное воплощение. Например:

- *так вот примерно такой же дом // такая типа даже землянка // не дом а именно землянка // где он там / жил // долго // и молился // и / люди приходили //* ***я думаю что*** *в такую // все-таки // такая неказистая // без особых / никаких удобств вообще // там люди / совсем иного / рода и сорта и вообще не от мира сего // от бога наверное* (САТ, инф.-жен., медик, низкий УРК, описание несюж. изображения);
- *много конечно есть примет //* ***не знаю*** */ хм-хм / связанные с погодой // не знаю / что сказать / даже // ну как // то туман стеле… / то самое* (САТ, инф.-жен., медик, низкий УРК, пересказ несюж. текста).

На данном этапе анализа материалов ЗКРЯ в поле зрения попали две такие конструкции: отрицательная *(я) не знаю* и преимущественно утвердительная *(я) думаю (что)* (ее отрицательная параллель (*я) не думаю (что)* также встречалась в данной функции, но существенно реже). Обе они ассоциируются в первую очередь со сложноподчиненным предложением с придаточным изъяснительным, далеким от всяких хезитаций: *Я думаю, что он придет*; *Я не знаю, что* (*кто, когда, зачем, где* и т. п.)… Обе весьма распространены в нашей устной речи и выявлены в ходе анализа вставных конструкций в спонтанном монологе (см.: Богданова, 2010), кроме того, обе пока еще не нашли серьезного описания в научной литературе. Первая из этих конструкций довольно подробно рассмотрена в статье

Н.А. Хан (Хан, 2011), вторая стала объектом анализа в настоящем исследовании.

О высокой степени употребительности в спонтанной речи конструкции *(я) думаю (что)* свидетельствует уже частотность формы *думаю*: она встретилась в ОРД 241 раз (по данным на январь 2011 г.) и занимает в частотном словнике довольно высокое 118 место (на 280 тыс. словоупотреблений), в то время как ближайшая по частоте форма соответствующего инфинитива *думать* – лишь 2399 место (6 употреблений). Столь же частотны в нашей речи *подумала* (также 6 употреблений, 2576 место[4]) и *думают* (5 употреблений, 2873 место). Видно, сколь несопоставимы эти цифры[5]. В работе, посвященной построению спонтанного монолога-описания, конструкция *я думаю* названа в числе сильных маркеров начала описания изображения, а ее вариант *я думаю что* – в числе сильных маркеров окончания монолога-описания (см. подробнее: Филиппова, 2010).

Необходимо, однако, отметить, что бóльшая часть употреблений конструкции *(я) думаю (что)* действительно никак не связана с хезитацией. Это может быть, например, компонент структуры сложноподчиненного предложения (предикативная основа главного предложения + союзное средство) с придаточным изъяснительным. Ср.:

- *очень хотела съездить в Испанию / ну не то чтобы мечта / но вот очень хочу / **я думаю что** годочка через три я там как-нибудь // ну <смех> в Испанию я хотела бы* (САТ, инф.-жен., студ., свободный рассказ);
- *я не возражаю / только **я думаю / что** им не интересно* (ОРД);
- *ну / это все здорово / **я думаю что** / Захару / может / неудобно будет кушать тут / с утра* (ОРД).

4 Столь существенная разница в местах форм *подумала* и *думать* (по 6 употреблений) объясняется большим количеством единиц, встретившихся в ОРД 6 раз; в частотном словнике они выстроены по алфавиту, и каждая единица получила свой – все возрастающий – номер. При более строгом учете частотности с помощью рангов разница в местах между этими формами, конечно, исчезнет, что, тем не менее, никак не изменит соотношения с формой *думаю*.

5 Еще частотнее оказалась форма *знаю* (58 место в частотном словнике ОРД, 608 употреблений), что, несомненно, способствует увеличению употребительности различных конструкций с этой формой, в том числе и хезитационных.

Другая ситуация, в которой появляется исследуемая конструкция, – вводное предложение (без союзного средства *что*), что также в минимальной степени связано с хезитацией:

- *ну об о национальных особенностях* ***я думаю*** *не нужно говорить / это естественно / и всем знакомо* (САТ, инф.-жен., препод. рус. яз., свободный рассказ);
- *наверное и все // больше я ничего не смогу сказать я думаю* (САТ, инф.-жен., препод. рус. яз., пересказ несюж. текста);
- *нет / это произошло* ***я думаю*** *раньше* (ОРД);
- *а / два и семь метра / так у нас еще и останется* ***я думаю*** */ это восемьдесят рублей штука* (ОРД);
- *достань ему розеточку тогда отсюда с ягодками ! ну розеточку ему неудобно /* ***я думаю*** (ОРД).

Исследуемая конструкция может также быть самостоятельным простым предложением в составе бессоюзного сложного, где союзного средства нет, но следующая часть носит такой же изъяснительный характер, что и придаточное в составе сложноподчиненного, или же является, по сути, прямой речью:

- *ну вот / может быть / поедем вот в Египет /* ***я думаю*** */ у-у / крутецки / ну поедем здорово / не поедем ну и ладно / слава богу* (САТ, инф.-жен., студ., свободный рассказ).
- *я всегда думала / что если я там / ну начиная с каких-то банальностей /* ***думаю*** */ похудею / или там буду пониже ростом или повыше ростом / или там у меня будет пальцы рук длиннее или ногти длиннее* (САТ, инф.-жен., студ., свободный рассказ);
- *а потом* ***думаю*** */ не-е-ет / фигушки / я лучше щас не высплюсь* (САТ, инф.-жен., студ., свободный рассказ);
- *а* ***я думаю*** *я не выучу стихотворение про вас* (ОРД);
- *ну и в общем я купила // потом с этим пино-гри тоже / вот четыреста рублей пол-литра бутылка // ты представляешь ? я вообще цены обычно не запоминаю / но вот эти значит тоже ходила /* ***думаю*** *нет / черт подери / куплю // вот и мы дважды его покупали* (ОРД).

Встретились и употребления исследуемой конструкции (без *что*) с зависимой предложно-падежной формой (в примерах подчеркнута):

- *да да да ... вот это мне ... но **я думаю** знаешь / сейчас о другом* (ОРД);
- ***я** уже **думаю** о том что-о / мне надо искать () жилье может быть // но денег жалко* (ОРД);
- *да так(?) как это / может рассказывал / это племяшка у меня говорит / ну / она (э-э) снимала (э-э) жилье на Фонтанке / и говорит / там стоят / ну говорит там / какой нибудь там екс седьмой и (э-э) этот (э-э) бомба / это так / это так фигня у них // значит говорит / смотрю говорит **думаю** о-о / кто-то прикололся значит* (ОРД).

Видно, однако, что во всех приведенных примерах можно при желании найти «следы» хезитации. В первом случае это вводное слово-предложение *знаешь* и дистантное расположение глагола *думаю* и зависимой падежной формы *о другом*. В следующем примере это хезитационная затяжка гласного на союзном средстве *что* и, кстати, общая синонимичность данной конструкции *я думаю о том что* – исследуемой *я думаю что.* Наконец, в последнем случае о некотором колебании говорящего свидетельствует обрыв синтаксической структуры после предлога, а также затяжка гласного в нем.

И все же довольно часто хезитационный характер исследуемой конструкции сомнений не вызывает. Рассмотрим на ряде примеров особенности функционирования данной хезитационной конструкции (ХК).

Часто хезитационный оттенок таких конструкций оказывается лишь слегка намечен, главным образом, так же как в примерах выше, – соседством с другими заполнителями паузы колебания (в текстах подчеркнуты):

(1) *ну **я думаю что** в городе приметы нам не нужны / поскольку / мы о них просто забываем* (САТ, инф.-жен., медик, средний УРК, пересказ несюж. текста);

(2) ***я думаю что** э-э художник / достиг того что он желал изобразить здесь* (САТ, инф.-жен., медик, средний УРК, описание несюж. изображения);

(3) *то-то-то / но **я думаю / что-о** он как бы ... шутка ли / за две ... загвоздка то в том / что когда у него на счете / у него крышняк едет* (ОРД);

(4) *еще туда едут // да ? и-и* ***я*** *так* ***думаю / что*** */ конечно / это-о (...) (э-э-э-м) ну / тоже опять видно будет* (ОРД);

(5) ***я думаю что*** *(...) все нормально // просто я раньше боялась сдавать / что вдруг у меня эта (...) / простуда-то была* (ОРД);

(6) *знаешь /* ***я*** *даже зачастую* ***думаю что-о*** */ вот / если уж на то пошло / уже Полину / (...) легче секретарем взять* (ОРД).

Следующие примеры включают, как представляется, достаточно бесспорные ХК, что каждый раз поддерживается теми или иными структурными особенностями текстов.

(7) *на этом прекрасном / э-э / прекрасном эпизоде* ***я думаю что*** *мы завершаем свое повествование* (САТ, инф.-муж., студ., описание сюж. изображения).

Обстоятельство *на этом прекрасном эпизоде* относится, конечно, не к «главному» предложению в составе потенциального сложноподчиненного (*я думаю*), а к следующему текстовому фрагменту *мы завершаем свое повествование*. Иными словами, перед нами типичная вставка хезитационного характера, поддержанная еще и хезитативом э-э, и повтором прилагательного *прекрасного*[6].

(8) *э-э в этом году к сожалению /* ***я не думаю что*** *я смогу поехать куда-нибудь / в такое необычное место / интересное // но тем не менее такая возможность существует и может быть через год я куда-нибудь еще поеду* (САТ, инф.-жен., медик, высокий УРК, свободный рассказ).

Та же ситуация – в примере (8), где обстоятельство *в этом году* в вместе с вводным компонентом *к сожалению*, относится к отдаленному текстовому фрагменту *я смогу поехать куда-нибудь*. Вставка здесь выражает не только дополнительную информацию об отрицании содержания следующей части фрагмента и некоторую неуверенность, но и отношение говорящего к достоверности, осуществимости того, о чем говорится именно во второй части высказывания (пересечение вставного и вводного характера ХК).

6 Конечно, можно увидеть в этом и подобных примерах инверсию, также свойственную устной спонтанной речи, однако фрагменты реального монолога вполне могут быть интерпретированы и предложенным способом. Возможно, инверсия в спонтанном монологе меняет функциональную нагрузку лексических единиц.

Близка к рассмотренным и ситуация в примере (9): обстоятельство *сейчас*, предшествующее фрагменту *я думаю что*, относится вовсе не к нему, а к следующему отрезку текста *он* / э-э *сидит дома*, что и позволяет считать данный фрагмент вставной ХК:

(9) *э-э сейчас* ***я думаю что*** *он / э-э сидит дома* (САТ, инф.-жен., медик., высокий УРК, свободный рассказ).

Следующие примеры также содержат те или иные формальные показатели наличия в них именно вставных ХК, а не подчинительной связи двух простых предложений в составе сложного:

(10) *так // **я думаю что** последние три года / я должна признать // мне повезло / потому что я имела возможность / хорошо отдыхать* (САТ, инф.-жен., медик, высокий УРК, свободный рассказ).

В примере (10) таким формальным показателем можно считать наличие вводного предложения *я должна признать*, «разрывающего» контакт «союза» *что* и собственно «придаточного предложения» *мне повезло*. Устранение фрагмента *я думаю что* (прием устранения часто называют одним из доказательств вставного характера того или иного фрагмента текста) практически не отражается на структуре оставшегося монолога.

(11) *это / **я думаю что** / осень // осенняя // ну скажем так / или поздний август или / начало / осени* (САТ, инф.-жен., медик, средний УРК, описание несюж. изображения).

В примере (11) ХК помещена между подлежащим и сказуемым основного текста, что и не позволяет рассматривать ее как главное предложение в составе сложноподчиненного.

В следующем примере (12) такой «помехой» до некоторой степени является, как представляется, повтор подлежащего *я* и паузальное выделение всей конструкции:

(12) *ну / я не знаю / в шесть или в семь / **я думаю что** / я одну оставлю* (ОРД).

Наконец, в следующих примерах (13–15) рассматриваемая конструкция находится буквально внутри основного предложения, что не оставляет сомнения в ее статусе как хезитационной:

(13) *так вот примерно такой же дом // такая типа даже землянка // не дом а именно землянка // где он там / жил // долго // и молил-*

*ся // и / люди приходили // **я думаю что** в такую // все-таки // такая неказистая // без особых / никаких удобств вообще // там люди / совсем иного / рода и сорта и вообще не от мира сего // от бога наверное* (САТ, инф.-жен., медик, низкий УРК, описание несюж. изображения);

(14) *и когда рисовал Шишкин / **я думаю что** / это настолько было реально для всех поколений что в общем-то / производит впечатление конечно / очень глубокое* (САТ, инф.-жен., медик, средний УРК, описание несюж. изображения);

(15) *я Сашу / Са… / с… с… с… / Сашу знаю / вот / а **думаю что** там / ты говорит учти / что ты думай / что если он там узнает / что у него объемный процесс / типа того / думай что он будет / лететь он будет / да / вот он говорю / да* (ОРД)[7].

Видно, что в большинстве случаев хезитационный характер данной конструкции создается и усиливается еще и необычным порядком слов, что, думается, отражает не сознательную стратегию говорящего, а просто спонтанность его речи (см. об инверсии выше).

В максимально естественной речи (из блока ОРД) статус рассматриваемой ХК вообще зачастую трудно определим:

(16) *чисто такие / визуальные посмотрела там // мне так показалось // я говорю / Балт-Трэйду / **я думаю что** я знаешь / я еще пару месяцев ничего такого конкретного не скажу // мне вообще там трудно сказать* (ОРД);

---

7 Любопытно, что в довольно обширном собрании звучащего материала (64 спонтанных монолога – свободных рассказа на знакомую тему, записанных от 16 информантов), исследованном Е.Ю. Верхолетовой (2010), среди весьма немногочисленных употреблений конструкции *(я) думаю (что)* встретилась лишь одна с некоторыми признаками хезитации: *(м-м) / дети (очень) интересные / (очень) рано взрослеют / (очень) рано (как бы) живут (уже) взрослой жизнью / (поэтому) (в принципе) (**я думаю что**) я работаю со взрослыми детьми* (форма представления материала – авторская).

Существенно употребительнее в этом материале оказалась хезитационная конструкция *(я) не знаю*: *не нанимать таджиков / которые (здесь) / (просто) оборзели / (то ес(т)ь) у них (такие) цены (**я не знаю**) как будто они еврорабочие; (ну) (я понимаю) но ты (хоть) немножечко-то прояви (какой-то) / (вот) заинтересованность / (что-то) / (вот) (какой-то) (**я не знаю**) (ну); (хм) / (конечно) / мы (вот) собой гордимся / мы (вот) / разгребли (там) / (**я не знаю**) / два квадратных метра / вдоль забора* и мн. др.

(17) *ты сделай / сделай // допустим (...) ну ... пятьдесят семь // **я думаю что** ты... минус двенадцать / да ? это будет // да-а // пятьдесят семь минус двенадцать / это будет как бы сначала минус десять / сорок семь / потом минус два / сорок (...) пять // то есть выбираешь сорок пять // и щелка... запоминаешь символ / и щелкаешь сюда* (ОРД);

(18) *у вас уже достаточно / у вас пиелонефрит // **я... я... я думаю** / у меня-я нет / я вот по... я вот с этого...* (ОРД).

В отличие от обычных пауз хезитации, в том числе заполненных так называемыми неречевыми звуками (э-э, *м-м*) или словами-паразитами (*вот, ну, это, это самое, как его, как говорится, значит*), хезитационные конструкции, как правило, одновременно выполняют еще и метакоммуникативную («текст о тексте», т. е. разговор по поводу самого речепорождения) или дискурсивную (своеобразная навигация по тексту) функции. Ср.:

(19) *и она просто / у нее там на на уровне подсознания срабатывает / нет / не хочу / потому что // я не знаю почему / **думаю что*** (ОРД) (хезитация и дискурсивный маркер конца монолога);

(20) *вот // мне не нра... не нравится мне некие моменты / не нравится в какой-то степени даже очень больше для меня / вот я подумала все-таки / **я думаю** / <u>не знаю</u> / вот я бы наверное / если я такая хорошая как мне казалось он такой хороший / я б наверное так не поступила бы / ну вот // ну не знаю / во.()..во многих моментах // вот // ну знаешь как говорится нужно ценить то что имеешь // а у нас (э) люди когда потеряют / только начинают ценить* (ОРД) (хезитация и метакоммуникация, подчеркнутая соседством с ХК *не знаю*).

Думается, что учет подобной конструкции существенно расширяет общий перечень лексических средств выражения колебаний говорящего в процессе спонтанного говорения и открывает новые возможности для описания самого механизма порождения речи.

Литература

Александрова О.А. Речекоммуникативный статус паузы колебания: автореф. дис. … канд. филол. наук. Великий Новгород, 2004.

Богданова Н.В. О некоторых структурных элементах спонтанного монолога (вставные конструкции в звучащем тексте) // Международное

виртуальное образовательное сообщество. III Международная виртуальная конференция «Информационные и коммуникативные технологии в русистике: современное состояние и перспектива». Ереван, 2010. С. 29–34.

Богданова Н.В. и др. Звуковой корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: концепция и состояние формирования / Богданова Н.В., Асиновский А.С., Русакова М.В., Степанова С.Б., Шерстинова Т.Ю. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2008а. Вып. 7 (14): по матер. ежегод. междунар. конф. «Диалог» (2008) / гл. ред. А.Е. Кибрик. С. 488–494.

Богданова Н.В. и др. О «корпусе» текстов живой речи: принципы формирования и возможности описания / Богданова Н.В., Бродт И.С., Куканова В.В., Павлова О.В., Сапунова Е.М., Филиппова Н.С. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2008б. Вып. 7 (14): по матер. ежегод. междунар. конф. «Диалог» (2008) / гл. ред. А.Е. Кибрик. С. 57–61.

Бубнова Г.И. Просодия речевых огрехов // Экспериментальные исследования речи: сб. науч. трудов / Ин-т языкознания РАН. М., 1999. С. 5–48.

Верхолетова Е.Ю. Структурно-динамический подход к социальной стратификации устной речи: дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2010.

Дараган Ю.В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Труды Междунар. семинара Диалог 2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Протвино, 2000. Т. 1: Теоретические проблемы. [Электронный ресурс] URL: http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=6260&y=2000&vol=6077 (проверено 24.02.2011).

Дараган Ю.В. Паразитизм или симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоев и обслуживающие его вербальные средства // Труды Междунар. семинара Диалог 2003 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Протвино, 2003. [Электронный ресурс] URL: http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Daragan.htm (проверено 24.02.2011).

Сапунова Е.М. Неподготовленное чтение как вид речевой деятельности и тип устного спонтанного монолога (на материале русского языка): дис. … канд. филол. наук. СПб., 2009.

Сапунова Е.М. Разновидности пауз хезитации в спонтанном монологе (на материале чтения) // Матер. XXXVIII Междунар. филологич. конф. СПб., 2010. Вып. 22: Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков / отв. ред. А.С. Асиновский, науч. ред. Н.В. Богданова. С. 138–146.

Степанова С.Б. Общее и индивидуальное в хезитациях (на материале русской спонтанной речи) // Матер. XXXV Междунар. филологич. конф. СПб., 2006. Вып. 20: Секция фонетики. Ч. 1. С. 24–32.

Филиппова Н.С. Принципы построения устного описательного дискурса (на материале русской спонтанной речи): дис. … канд. филол. наук. СПб., 2010.

Хан Н.А. Конструкция *(я) не знаю* в русской спонтанной речи: соотношение разных функциональных типов // Мир русского слова, 2011 (в печати).

Н.В. Боронникова*
Пермский государственный университет
Е.В. Верижникова*
Московский государственный университет

О КОММУНИКАТИВНОМ СТАТУСЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ МЕЖДОМЕТИЙ В СОВРЕМЕННОМ МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ (на примере турецкого междометия *аман*)[8]

В статье рассматриваются семантика и функционирование междометия *аман*, заимствованного в македонский язык из турецкого. На основе сопоставления значений междометия в ранний период существования литературного языка и на современном этапе его развития делается вывод о его коммуникативном характере и модификации его семантики в зависимости от контекста, стилистического характера текста и коммуникативных интенций говорящего.

Широко известно, что македонский язык распространен в центре Балканского полуострова, где сложилась уникальная конвергентная группа, возникшая на базе многовекового взаимодействия множества языков. Это так называемый Балканский языковой союз (БЯС), объединяющий генетически неблизкородственные языки (балкано-романские, албанский, болгарский, македонский, новогреческий и ряд говоров сербского) (о БЯС см.: Асенова, 2002; Десницкая, 1979; Нерознак, 1991).

Македонский язык, как отмечает Р.П. Усикова, считается одним из наиболее балканистичных, поскольку находится в центре балканского ареала и в своей грамматической системе содержит наибольшее число балканизмов. Балканистичность македонского языка в сфере лексики, по ее мнению, состоит в отсутствии какого-либо пуризма и подверженности интерференции со стороны языков, бывших престижными в Македонии в разные исторические периоды (Усикова, 2003: 10–11).

Балканизации македонского языка способствовал ряд экстралингвистических факторов. Во-первых, на Балканах в те-

* © Боронникова Н.В., Верижникова Е.В., 2011
[8] Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 11-14-59008 а/У.

чение многих веков наблюдалась ситуация полилингвизма и диглоссии. Во-вторых, у македонского этноса долгое время не было государственности и кодифицированного литературного языка. По замечанию Р.П. Усиковой, «в условиях отсутствия собственной государственности и сдерживающего начала со стороны родного кодифицированного литературного языка македонские локальные говоры оставались главным идиомом македонского языка, а все балканские влияния шли именно на диалектном уровне. При официальной коммуникации македонцы были вынуждены употреблять язык того государства, в которое входила в тот момент македонская языковая территория, а в общении с незнакомыми людьми, среди которых могли быть и представители иного этноса, выбирать такие слова и конструкции, с помощью которых можно было донести информацию и быть понятыми. Отсюда и становление специфического балканского языкового менталитета, когда язык легко усваивает и присваивает чужое, делая его как бы своим»[9] (там же: 11).

В ходе языкового смешения наблюдалась четкая социальная дифференциация сфер употребления языков: македонский язык, как правило, обслуживал сферу бытовой коммуникации, а в ситуации официального общения использовался язык того этноса, который в данный момент исторического развития доминировал в политической, экономической или духовной жизни общества (в разные исторические периоды это были греческий, турецкий, сербскохорватский языки). Язык доминирующей нации приобретает статус языка высокого социального престижа. Я. Матрас называет такой язык прагматически доминантным, определяющим правила и узус речевого общения в многоязычном сообществе (см.: Matras, 1998: 281 – цит. по Русаков, Соболев, 1998: 16). (Подробнее о языковом смешении, языковых контактах, языковой ситуации и социолингвистическом статусе контактирующих языков см.: Вайнрайх, 1979; Гавранек, 1999; Пауль, 1960 и др.)

Б. Конеский в «Истории македонского языка» (1965 г.) выделяет три основные фазы развития лексического состава маке-

[9] О специфике оппозиции «свой/чужой» на Балканах см. исследования Т.В. Цивьян (например: Цивьян, 2005).

донского языка, в ходе которых он вступал в контакты с языками более высокого социального престижа. Первую фазу Б. Конеский обозначает как период влияния греческого языка, вторую – как период влияния турецкого, а третью он называет современным этапом развития словаря (Конески, 1965: 179).

В течение пяти веков турецкий язык был господствующим на Балканском полуострове. «В этот период происходит формирование македонских городов и торгово-ремесленных районов в них в том виде, в котором они дошли до нашего времени. Турецкий элемент сыграл в этом процессе значительную роль. Все это придавало турецкому языку позицию языка с особым престижем» (там же: 186). По данным Б. Конеского, в словарь македонского языка вошло более трех тысяч лексических заимствований из турецкого языка (там же: 186).

Турцизмами в балканских языках называют слова турецкого, а также арабо-персидского происхождения, заимствованные посредством турецкого (см.: Јашар-Настева, 2001; Усикова, 2003; Friedman, 1996). В. Фридман отмечает, что турцизмы в современном македонском языке употребляются в трех типах контекстов: 1) исторические/эпические/архаические; 2) локально окрашенные/диалектные; 3) иронические/пейоративные/стилистически сниженные (Friedman, 1996: 137).

Отдельные турцизмы, согласно Б. Конескому, встречаются в македонских текстах начиная с XVI в. (Конески, 1965: 186); по данным О. Яшар-Настевой, которая ссылается на П. Скока, с начала XV в. (Јашар-Настева, 2001: 19). Наибольшее количество турцизмов проникает в македонский язык в XIX в. в связи с ростом городского населения, развитием торговли и ремесел, это обеспечивает македонскому населению более тесные контакты с турецким языком (Конески, 1965: 187). Турецкий язык для торговцев и ремесленников стал языком межнационального общения. Многие писатели и собиратели фольклора того времени, например Й. Крчоский, К. Пейчинович, братья Д. и К. Миладиновы, Р. Жинзифов, Г. Прличев, К.П. Мисирков, М. Цепенков и др., в своих записях приводили цитаты на турецком языке (пословицы, крылатые выражения и др.), что также говорит об особой социальной роли турецкого языка в тот период. Кроме того, для объяснения значения многих славянских лексем использо-

вались турецкие выражения (см.: Конески, 1965: 187; Јашар-Настева, 2001: 23).

С распадом Османской империи в 1912–1913 гг. турцизмы, обозначавшие реалии государственного, правового, экономического устройства общества, выходят из широкого употребления и в настоящее время воспринимаются как архаизмы или историзмы, ряд слов имеет диалектную окраску. Лексемы, обозначающие абстрактные понятия (*севда* ‘любовь’, *сефалак* ‘удовольствие, развлечение’, *табиет* ‘нрав, характер’, *марифет* ‘мастерство, ловкость’), приобретают стилистическую окраску фольклорности и связаны с патриархальным бытом. Многих из подобных слов уже нет и в словаре современного турецкого языка. Другие же турцизмы, чаще всего обозначающие какие-либо конкретные бытовые реалии и понятия (*алва* ‘халва’, *боза* ‘буза (просяной квас)’, *тава* ‘сковорода’, *килим* ‘ковер’ и др.), полностью адаптировались к основному лексическому фонду и входят в разряд стилистически нейтральной лексики. Как правило, турцизмы встречаются в языке тех писателей и поэтов, чье творчество близко к народнопоэтическому (см.: Јашар-Настева, 2001: 26).

Особо следует сказать о судьбе турцизмов в современном македонском языке. В разговорной речи наблюдается тенденция к пейоризации турецких заимствований. Лексемы, относящиеся к сфере абстрактных понятий, этикетных формул, используются в эмоционально окрашенном, шутливо-ироническом, сниженном значении (см.: Усикова, 2003: 54; Friedman, 1996: 137). Особенно часто случаи такой «языковой игры» встречаются в разговорной речи и в современной прессе. За последние два десятилетия язык македонских СМИ демократизировался, в статьи с преобладающей воздействующей функцией (колонки, комментарии и т.п.) для создания эффекта эмоционального, непринужденного разговора с читателем авторы вводят большое количество сниженных элементов: разговорных, просторечных, жаргонных и даже обсценных, и среди них весомое место принадлежит турцизмам. Поиск новых средств ведет даже к оживлению архаизированных турцизмов. Как правило, они используются в неодобрительном, ироническом, саркастическом ключе. Примеры многочисленны: *душмани* – о политических против-

никах, нейтральное – *противник*; *дереџе* ‘положение, чаще плачевное’, вместо *состојба*; *ќеиф – задоволство* ‘удовольствие’; *лаф – збор* ‘слово’; *кандиса* ‘убедить’, ‘согласиться’; *куртули* ‘спасти’, ‘избавиться’. Характер использования турцизмов хорошо демонстрирует следующий пример, где речь идет о бывшем премьер-министре: *Во спротивно, за наш зијан* (лит. *штета* ‘ущерб’)*, а за сопствен ќар* (лит. *добивка* ‘выгода, выигрыш’)*, пред светот ќе нè застапува едно инаетливо детиште* [Никола Младенов. Фокус 29.06.2001] ‘А не то, нам на беду, себе на радость, перед целым миром нас будет представлять капризный ребенок’.

Помимо полнозначных слов из турецкого языка в македонский были заимствованы многочисленные служебные слова и междометия. Этому опять-таки способствовал особый статус турецкого языка, как языка прагматически доминантного. По словам Я. Матраса, такой язык служит для билингвальных носителей ресурсом для «дискурсивных, жестообразных, регулирующих дискурс целей, т.е. прежде всего донором **междометий** (выделено нами. – *Н.Б., Е.В.*), слов-наполнителей (fillers) и эмблематических выражений, сентенциальных частиц, фокусных частиц, включающих фазовые наречия, а также союзы, прежде всего противительные» (Matras, 1998: 293–294 – цит. по Русаков, Соболев, 1998: 16).

Что касается собственно лингвистических факторов, способствующих легкому проникновению междометий в чужой язык, – это их повышенная эмоциональность и грамматическая аморфность (термин И.А. Шаронова, см.: Шаронов, 2008). Именно принадлежность к эмоциональной сфере языка в совокупности с дискурсивным характером способствует полной интеграции междометий в язык-преемник. Кроме того, как утверждает У. Вайнрайх, «перенесенные слова часто входят в стилистический слой фамильярной лексики или жаргона, приобретая при этом пейоративные коннотации, которых они не имели в прежнем языке» (Вайнрайх, 1979: 94).

Говоря же о морфологической интеграции междометий, У. Вайнрайх отмечает, что «в речи двуязычных лиц морфемы со сложными грамматическими функциями менее способны к перенесению, чем морфемы, выполняющие простые функции… Та-

кие неинтегрированные морфемы, как слова-предложения или междометия, могут переноситься почти свободно» (Вайнрайх, 1979: 67–68). Ссылаясь на Э. Хаугена, У. Вайрайх замечает, что «классы морфем определенного языка можно расположить в виде непрерывного ряда от флексий, наиболее интегрированных в структурном и синтагматическом отношениях, через такие "грамматические слова", как предлоги, артикли или вспомогательные глаголы, до полнозначных слов – существительных, глаголов и прилагательных и далее до независимых наречий и совершенно неинтегрируемых междометий. Тогда можно было бы выдвинуть следующую гипотезу: чем более полной является интеграция морфемы, тем менее вероятным может быть ее перенесение» (Вайнрайх, 1979: 68).

Пласт заимствованных из турецкого языка (или посредством турецкого) междометий в македонском довольно широк. Определить время, условия (а в некоторых случаях и источник) их заимствования в настоящее время достаточно затруднительно в силу конвергентного развития БЯС (см., например, о судьбе междометий *бе, бре, море* в балканских языках: Brian, 1994). Однако к собственно турецким заимствованиям междометного характера, исследователи относят лексемы *аjде(те), ајол, алал (ти вера; ти е), ама, аман(те), аферим, аш, ашколсун, бакалам, бериќатверсен, бујрум/н(те), вај, валај-билај, варда, гиди (дегиди, дејгиди, дејди, ѓиди, егиди, ејгиди, еди), гитла, давран, дур, дамбарадумбара, евала, завал, ѕангар, иљала (ишала), јаврум, јазак, јок, јуриш (јуруш), кузум, машала, мераба, олан, олум, пеки, пирола, сакан, сиктер, сус (суз), тандар-мандар (тандара-мандара), тинтири-минтири, џагара-магара, џанам, шуќур* и др. (см.: Јашар-Настева, 1987; 2001; Конески, 1965; ср. также с данными БЕР).

Первичный анализ заимствованных из турецкого междометий показывает, что они обслуживают сферу эмоций (как правило, это вторичные междометия), волеизъявлений и этикета. Особое место среди турецких заимствований занимают ономатопоэтические междометия, в которых наблюдается полная или частичная редупликация (что характерно для тюркских языков), и так называемые «заполнители пауз», которые используются в качестве запева в народной поэзии.

В своей статье мы остановимся на анализе семантики и функций междометия *аман*, которое, вслед за И.А. Шароновым, обозначим как междометие-коммуникатив (Шаронов, 2004: 146). Под коммуникативом он понимает тот тип грамматически аморфных высказываний, которые могут быть объединены по признаку непосредственной реактивности и номинативной опустошенности. «Коммуникатив – это синтаксически автономная реактивная реплика говорящего лица, используемая исключительно для выражения речевой интенции или эмоции говорящего» (там же: 146). Как отмечает И.А. Шаронов, «рассматривая и описывая три основные функции языкового знака, К. Бюлер противопоставляет первые две функции – экспрессивную (связанную с говорящим) и апеллятивную (связанную со слушающим) третьей функции – репрезентативной (связанной с предметом речи). Обычные высказывания выполняют все три функции одновременно. Коммуникативы – это единицы, реализующие только первые две функции. Они не предназначены для того, чтобы выполнять репрезентативную функцию. В свою очередь, коммуникативы делятся на симптомы и сигналы (там же: 147).

Обратимся к анализу словарного значения междометия *аман*. Толковые словари (ТИ, РСХТ, за исключением ЗМ) трактуют междометие *аман*<*aman* (арабск.) как вторичное, производное от существительного со значением ‘милость, пощада, спасение’, иллюстрируя его одним и тем же примером: *аман не му дава* ‘он не дает ему передышки’. Более развернутые примеры на употребление существительного *аман* находим в РНП, где из контекста следует, что *аман не му дале* следует понимать как ‘его не пощадили’, т.е. отняли жизнь.

В значении междометия, по данным словарей, *аман* выражает мольбу, просьбу о милости, прощении, помощи. Действительно, в текстах немало примеров, где представлено именно это значение, в (1) оно даже дублируется незаимствованным синонимом:

(1) *Од лутина Мравчо поцрвене како сува пиперка.*

От злости Муравей сделался красным как сухой горький перец.

– Е, дури сега нема да ти простам! – и го извлече ножот од ножницата, што беше заденатa за појасот.

*– **Аман**, <u>милост</u>! – клекна биволот на колена. – Нареди, сè што треба ќе направам, само немој да ме колеш!*

[В. Подгорец. Деца под печурки. 1964]

– А вот теперь я тебя не прощу! – и вынул нож из чехла, висевшего на поясе.

– **Пощади**, <u>помилуй</u>! – буйвол упал на колени. – Приказывай, что я должен сделать, только не убивай меня!

Отмечается также употребление *аман* в народной поэзии в качестве припева (2) или запева:

(2) САНДРЕ (започнува сам а после му се придружува и Илче...):
Оди моме на вода
Со две стомни шарени
*И беќарот по него, оф **аман, аман**!*
Постој, моме, почекај
Да ти речам два збора,
*Два збора, два изгора, оф **аман, аман**!*
Подај ми го стомнето
Вода да се напијам –
*Срце да си оладам, оф **аман, аман**!*
Се излажа момето
Му го даде стомнето
*Вода да се напијат, оф **аман, аман**!*

(Илче повисоко.)
Не го зеде стомнето
Тук' го фати за рака –
*Му го скрши прстенот, оф **аман, аман**!*

[Р. Крле. Милиони маченици. 1940[10]]

САНДРЕ (затягивает песню, затем к нему присоединяется Илче…)
Пошла девка по воду
с кувшинами пестрыми
А за нею молодец, ой **люли, люли**!
Постой, девица, погодь,
Два словца тебе скажу,
Жарких два словца скажу, ой **люли, люли**!
Дай водицы
Мне напиться,
Ретивое охладить, ой **люли, люли**!
Девица поверила,
Подала кувшин ему
Пусть воды напьется, ой **люли, люли!**
(Илче берет выше)
Не кувшин, а рученьку
Молодец схватил –
И сломал колечко ей, ой **люли, люли**!

Представляется, что новые толковые словари (ТИ, ЗМ) не отражают тех изменений, которые произошли в значении и употреблении *аман* к настоящему времени в результате глобальных социолингвистических изменений и в русле общей тенденции пейоризации турцизмов после того, как турецкий язык утратил

[10] Здесь мы указываем год создания или первой публикации, он может не совпадать с годом выхода издания, использованного для эксцерпции.

свой прежний статус. Тогда как уже О. Яшар-Настева в своем фундаментальном труде, написанном еще в 1961 г., тонко замечает, что *аман*, кроме вышеуказанного значения, употребляется и для выражения досады, т.е. негативной эмоции, вызванной чем-либо надоевшим, назойливым: ***аман*** *викна от него* ‘он **взвыл** от него’, ср. с рус.: *надоел, хоть* ***караул*** *кричи* (Јашар-Настева, 2001: 123). Она указывает и на то, что вследствие очень частого употребления наблюдается «ослабевание значения» междометия (там же), т.е. что в сопровождении элементов *де, бре, мори, џанам* оно, по сути дела, употребляется в фатической функции.

Действительно, *аман* встречается и в функции существительного, и в функции междометия. Однако вопрос о том, какая из этих функций является транспозитивной, во всяком случае на синхронном срезе, нельзя считать однозначно решенным. В подавляющем большинстве случаев в собранном материале (к настоящему времени методом сплошной выборки обработано свыше 50 художественных произведений, привлечен также материал из Интернета) *аман* выступает как междометие. Такие примеры, где *аман* выполняет синтаксическую функцию члена предложения (3), скорее, следует трактовать как конверсию междометия. Ср. (3) и (4),(5), где в таком же контексте выступают во вторичной функции междометие *оф* и звукоподражание.

(3) Совет знахарки по поводу возникших проблем со здоровьем:

– Треба да ја смени собата, вели Маса Ќулумоска, или треба да ја смени куќата, вели.

– Бре, ***аман****, велиме.*

– Нема ***аман****, вели.*

[П.М. Андреевски. Пиреј. 1980]

– Он должен в другую комнату перейти жить, – говорит Маса Кюлумовска, – или в другой дом.

– Ой, да что ты, **помилуй**, – говорим.

– Никакого **помилуй** (т.е. только так, другого выхода нет.)

(4) *–* ***Оф****!*

– Нема ***оф****! Треба да работиш и толку!* [из спонтанной речи]

– Ох!

– Никаких «**ох**»! Надо работать, значит надо!

(5) ***Крк-мрк*** *нема, пари сум дал, ќе те јадам. (Некој ќирацијa имал си месо в еден склопец и кога вечерал в полето, влезла една жаба в склопецот, та ја уловил да ја јаде, ако и да викала «**крк**»).*
[М. Цепенков. Поговорки. 1891]

Никаких **ква**, деньги заплачены, придется есть. (У одного извозчика в поставце было мясо, сел он в поле поужинать, а в поставец запрыгнула жаба, он ее схватил и собрался есть, хоть она и кричала «**ква**»).

При определении разряда, к которому следует отнести это междометие, нужно прежде всего исходить из того, что оно является коммуникативом-сигналом, т.е. предполагает собеседника, обращено к нему, требует его реакции, акциональной или вербальной, выражает интенцию говорящего. Потому оно очень часто употребляется в комбинации с фатическими частицами-междометиями *бе, бре* и т.п., основная функция которых – контактоустановление и контактоподдержание. Необходимо учитывать и то, что при множественном адресате *аман* способно присоединять и постфикс *-те* (6), как и глаголы в повелительном наклонении, что свидетельствует о его принадлежности к разряду волеизъявительных междометий (аналогично и в турецком языке – *amanın* (Јашар-Настева, 2001: 123)).

(6) <…> *царот си се шетал без ниедно крпче на себе и не смеел ни да признае дека не си ја гледа облеката за да не испадне антимонархиста, и никој не смеел ни да писне за да не го прогласат за удбаш и комуњара, и сите викале «алал вера, бе царе, со здравје да си го носиш», и сè било така додека едно дете не се свестило и рекло «**аманте, бе** луѓе, па царот е пиштол-гол!», те на тој начин испаднало попаметно од сите граѓани на царството, сосе интелектувалци, новинари и академици.*
[Д. Митревски. Предговор // Р. Пејовиќ. Сеир. 2001]

<…> царь разгуливал себе, а на нем ни единого лоскутка, и не смел признаться, что одежды-то своей и сам не видит, а не то запишут в антимонархисты, да и никто из людей пикнуть не смел, неровен час объявят сексотом и коммунякой, все знай кричали: «Красота, царь, носи на здоровье», – так и продолжалось, пока один мальчишка не опомнился и не сказал: «**Да вы что**, люди добрые, царь-то голголёшенек!», и таким образом оказался умнее всех граждан в том царстве-государстве, со всеми его интеллектуалами, журналистами и академиками.

Аман – одно из наиболее частотных междометий-турцизмов в современном языке. Весьма широк и диапазон его употребления как с точки зрения ситуаций, в которых оно используется, так и с точки зрения разнообразия текстов, в которых встречает-

ся. Оно употребляется в художественной литературе, СМИ, разговорном языке, интернет-опосредованной коммуникации (форумах, блогах). Поскольку его употребление всегда предполагает адресат сообщения, при анализе необходимо учитывать прагматический и социолингвистический факторы.

Представляется, что значение мольбы о милости, пощаде является исторически исходным. В современном турецком языке *aman* в значении междометия обозначает а) ‘помогите!, пощадите!’; б) ‘ради бога!’; а также может выражать предостережение ‘смотри!’ (БТРС: 52). Субстантивное значение ‘пощада, милость; жалость’ также отмечается, но как второе. Исходя из семантики, логично предположить, что в условиях коммуникации с представителями турецкой власти именно междометное употребление было первичным. Необходимость взывать к милости и просить о пощаде перед лицом сильного, обладающего властью казнить и миловать, в известных исторических обстоятельствах было типичной ситуацией. Разумеется, это необходимо было делать по-турецки. Многочисленные описания подобной коммуникативной ситуации находим в литературе.

(7) *Кога го наближи Царевдвор, првото преспанско село, низ кое помина на враќање од ловот, страшни писоци му ги заглушија ушите…*

*– **Аман**, бегот ни ја грабна невестата… – Падна пред коњот на пашата белокоса старица.*

Пашата ги набра веѓите. Коњот под него исцвиле силно приклештен од уздата се исправи на задните нозе. Пак исцвили. Жената не се

Когда, возвращаясь с охоты, паша подъезжал к Царевдвору, первому преспанскому селу, страшные крики оглушили его…

– Милости прошу![11] Бей украл нашу молодуху, – седая старуха бросилась прямо под ноги лошади.

Паша сдвинул брови. Конь под ним заржал, и, вздернутый уздой, встал на дыбы и снова заржал. Женщина не двинулась с места. Воздев

[11] Следует признать, что приводимые переводы не могут адекватно продемонстрировать значение междометия, в силу отсутствия даже приблизительного междометного эквивалента в русском языке, поэтому в большинстве случаев используются императивные формы. Пожалуй, ближе всего значение просьбы передает вторичные русские междометные словосочетания *ради Бога, Бога ради*, однако его внутренняя форма может ввести читателя в заблуждение. Тем не менее впоследствии мы иногда используем его, но следует иметь в виду, что идея Всевышнего никоим образом не присутствует в сознании носителя македонского языка при произнесении *аман*, что, возможно, и не так для исходного турецкого междометия.

помрдна од местото. Со испружени раце кон пашата – таа молеше, заклеваше…

– Ти и господ…

[И. Точко. Избор раскази: Прстен. 1959]

руки, она молила, заклинала:

– Только на тебя и Господа уповаю…

Пример (8) наглядно демонстрирует, как из междометного употребления развивается субстантивное.

(8) *– Ха-ха-ха! Никому ништо не плаќате! Тоа многу убаво го знам јас, па затоа и дојдов со беговите и сејмените да соберам што не сакате сами да донесете. За сто години што не сте платиле арач, десеток, беглик, сакам денеска. Слушнавте? – викна кадијата и остро ги погледна сите врзани. – Инаку, ни глушец нема да остане во селово.*

*– **Аман**, ефенди, **аман** бегу, **аман** ага, **аман** пашум, – почнаа сите врзани да молат. – **Аман**, што сме должни ние да плаќаме за нашите дедовци и прадедовци, – проговори сам попот.*

*– Нема **аман**, нема заман бре ќерата! Вие се фалите како вас Турчин не ве бил досега, како не признавате ни цара ни визира, како не плаќате никому ништо. Сега ќе видиме кој повела во оваа земја, вие или падишахот наш. Повела каурин или Турчин?*

[С. Попов. Калеш Анѓа. 1958]

– Ха-ха-ха! Вы никому ничего не платите! Будто я не знаю! Потому и приехал я с беями и жандармами, чтобы собрать то, что вы сами не хотите принести. Все, что вы за сто лет не заплатили: подушную подать, десятину, налог на домашний скот – все нынче хочу получить. Слыхали? – крикнул кади и грозно оглядел связанных. – А коли не заплатите – и мыши живой в селе не останется.

– **Смилуйся**, эфенди, **смилуйся,** бей, **смилуйся** ага, **смилуйся** паша, – взмолились пленники. – **Смилуйся**, разве должны мы платить за дедов и прадедов, – произнес священник.

– Как бы ни так, ни **пощады** тебе [т.е. бесполезно кричать **смилуйся**], ни милости, мерзавец! Вы похваляетесь, что турок вас ни разу не бил, что ни султана, ни визиря вы не признаете и никому ничего не платите. А вот мы сейчас и поглядим, кто хозяин этой земли, вы или наш падишах. Гяур или турок здесь хозяин?

Многочисленны примеры, свидетельствующие о том, что в том же значении **аман** употреблялся и в диалогах между македонцами. При анализе коммуникативного междометия **аман** необходимо учитывать социолингвистический фактор: как правило, в таких примерах адресат высказывания – лицо, вышестоящее на социальной лестнице (9), обличенное властью (11), или же лицо, в данной коммуникативной ситуации находящееся в позиции силы (10). В примере (9) это богач, ростовщик, держащий в руках мелких ремесленников, совершивший паломниче-

ство ко Гробу Господню, о чем свидетельствует обращение *аджи*, что дополнительно повышает его социальный статус.

(9) ТРАЈКО: *Нејкам веќе да чујам за тоа! Не биде ли како што реков, ќе те дадам на суд, покуќнината со телал ќе ти ја продадам.*

МИТРЕ: ***Аман**, ацица, немој така, немој да ме сосипеш сосем, ацица.*

[В. Иљоски. Бегалка. 1928]

ТРАЙКО: И слышать больше не хочу! Не будь по-моему, я тебя под суд отдам, все пожитки твои с молотка пущу.

МИТРЕ: **Пощади**, аджи, не надо, не разоряй меня вконец, аджи.

(10) *И војводата го пречекува кај воденицине Чатлакови. Го зема на пушка и му излегува.*

*– **Аман**, вели Џемо, не земај душа, вели и го намовнува лицето, го собира ко гасеница.*

[П.М. Андреевски. Пиреј. 1980]

И встречает его воевода у мельниц Чатлаковых. Берет его на прицел и выходит ему навстречу.

– **Пощади**, умоляет Джемо, не забирай мою душу, говорит, а лицо у него съеживается, сморщивается, как печеное яблоко.

(11) *Во тој момент излезе и мајка ми. Таа исто така почна да го моли извршителот со солзи во очите:*

*– **Аман,** господине, смилувајте се на децата! – липаше таа во очај. – Цела година млекце не каснале. Живеат од коприви и пченкарник. Ако ни ја земете козата, им го уништувате и животот на децата.*

[В. Подгорец. Дрво на спомените. 1985]

Тут вышла и мама. Она тоже со слезами на глазах стала умолять пристава:

– **Смилуйся**, господин, пожалей детей! – рыдала она в отчаянии. – Они уже целый год молочка не ели. Только и видят, что крапиву да мамалыгу. Если вы у нас козу отберете, то детей погубите.

Примечательно, что широкое употребление *аман* в тот период, очевидно, приводит к тому, что оно уже вполне осваивается языком и не несет печати принадлежности к языку исламских завоевателей. Об этом свидетельствуют примеры его использования в сказках (12) и в художественной литературе (13), (14) при обращении к Всевышнему и небесным заступникам, в молитве (13).

(12) *Поминале многу годиње и дошол ангел Божи за да му земат душата.*

*– Бре **аман**, ангеле!*

Прошло много лет, и явился ангел Божий, чтобы забрать его душу.

– Смилуйся, ангел!

– ***Аман****, заман немат, туку готви се, дури јет брго! – му рекол ангелот.* [М. Цепенков. Христос со дванаесетте апостоли. 1890]	– «**Смилуйся**» не поможет, готовься, потому что час твой близок! – сказал ему ангел.
(13) <…> ***аман****, мори беспорочна девице, варди ми го, од раката твоја не оставај го…* [В. Малески. Разбој. 1969]	<…> **помилуй** (**спаси**), Дева Беспорочная, сохрани мне его, не оставь его своей поддержкой…
(14) <...> *Господи, очисти ме од недоличните мисли,* ***аман*** *очисти!* *Тоа беше Вета Петраноска, богомолката.* [В. Малески. Разбој. 1969]	<…> Господи, очисти меня от недостойных мыслей, **прошу тебя**, Господи! Это Вета Петраноска, богомолка, подала голос.

Время действия романа В. Малеского (13,14) – межвоенный период и вторая мировая война, но многие персонажи сложились как языковые личности еще в период активного влияния турецкого языка. Собственно, уже эти примеры демонстрируют связь значений ‘пощади, помилуй’ и ‘спаси’. В (14) междометие, сопровождая императив, скорее усиливает интенсивность просьбы. Следует отметить, что *аман* может употребляться самостоятельно, поскольку содержит идею мольбы о пощаде, помиловании, спасении, но чаще просьба выражается глаголом в форме императива или аналитической конструкцией «*немој да* + презенс» ‘не надо, не делай что-л.’, а *аман*, открывающее высказывание, задает его тональность, представляя, пользуясь удивительно тонким и точным сравнением Б. Конеского о междометиях, «своего рода “ключ” к его эмоциональному содержанию» (Конеский, 1967: 545), а в данном случае выполняет и фатическую роль – маркировки характера контакта: говорящий признает свое нижестоящее положение в контакте и тем самым пытается разжалобить адресата, склонить к милосердию.

Выражение просьбы или ее усиление при императиве междометием *аман* широко представлено в текстах. Важно отметить, что в этом случае адресант либо по социальному статусу выше адресата, либо в данной коммуникативной ситуации находится в привилегированной позиции, располагает возможностями оказать адресату услугу или благодеяние (15).

(15) *Во ранина запреа изморените коњи пред куќата на Бојана. Бојана летна по дрвените скали и извика:*

*– **Аман**, докторе, спасувај!*

Но пред неа стоеше само Митре. <…> Тој ја погледна тажно и без здив прошепоти:

– Немал време!

– Докторот!

– Немал време. Немал време за нас, Бојано!

[И. Точко. Избор раскази: Бојана. 1953]

Ранним утром усталые лошади остановились перед домом Бояны. Она сбежала по деревянным ступеням с криком:

– **Ради Бога**, доктор, спаси!

Но перед ней стоял только Митре. <…> Он печально посмотрел на нее и едва прошептал:

– У него, вишь ты, времени нет!

– У доктора!

– Времени у него, дескать, нет! Для нас нет времени, Бояна!

(16) *Изминувам една кривина, вели, изминувам и друга, трета, и колку да излезам на правото, ме зарпира една претоварена жена. **Аман**, повози ме, вели жената, ми паднаа нозеве од одење.*

[П.М. Андреевски. Последните селани. 1987]

Проезжаю я поворот, рассказывает он, проезжаю второй, третий, и только выехал на прямую дорогу, останавливает меня женщина, с тяжелой ношей. **Ради Бога**, подвези меня, говорит женщина, у меня уже ноги отваливаются.

В примере (17) абсурдность ситуации строится на несоответствии реального положения дел и коммуникативного статуса, задаваемого междометием: просьба оказать услугу обращена к человеку, находящемуся в максимально возможной «низкой» позиции: под угрозой лишения жизни от руки именно тех, в чьи уста вкладывается междометие:

(17) *Се искачува горе, се пикнува меѓу гранките, меѓу чаталите и се гледа одозгора. Пак како уплашена верверица се гледа. Тие го молат да слезе, го молат за да го обесат.*

Аман, му велат, не смееме да те оставиме необесен. Наредба е, велат.

[П.М. Андреевски. Скакулци. 1983]

Он карабкается вверх, забирается в чашу, в заросли и выглядывает оттуда. Выглядывает, как испуганная белка. А они умоляют его спуститься, спуститься, чтобы повесить.

Пожалей ты нас, говорят они ему, не можем мы тебя отпустить, не повесить. Приказ такой, говорят.

Рассмотренное значение ‘милости!, пощады!; помогите!’ знакомо и понятно современному носителю македонского языка: часть приведенных выше примеров взято из произведений, написанных не только в 50-е, но и в 80–90-е гг. XX в. Разумеет-

ся, здесь мы имеем дело с художественным авторским текстом, в котором историческая ситуация моделируется, события недалекого или давнего прошлого описываются с позиции другого времени. Тем не менее они вполне согласуются с примерами, которые мы в изобилии находим в произведениях, созданных в период османского владычества: фольклорных (18), (19) и, пусть и немногочисленных, художественных (20).

Просьба:

(18) – ***Аман***, *оче дуовниче, те молам, земи ме и мене со тебе на аџилак, за да се сторам и јас еден аџија, да и да умрам, да не жалам.*

Вака му велеше Силјан на дуовникот и му се молеше дури со плач на очите, за да го земи на Божи гроб.
[М. Цепенков. Силјан Штркот. 1892]

– **Умоляю**, отче, заклинаю тебя, возьми меня с собой в паломничество, чтобы и мне побывать в Святой Земле, тогда и помереть не жалко будет.

Так говорил духовнику Сильян, со слезами на глазах умоляя взять его ко Гробу Господню.

Мольба о пощаде в случае социального и ситуативного превосходства адресата (19):

(19) *Научено момчето за на лов, беше излегло еднаж низ планина и видело еден заяк, колку да врли со стрелата, да го отепа и дал вик зајако:*

*– **Аман**, момче, не стрелај ме, оти си имам мали дечиња, та ќе ми останат сираци.*
[М. Цепенков. Двете деца, брат и сестра, што ѝ мачеше маштеата, и татко му ѝ однесе в планина. Записано во второй половине XIX в., опубликовано в XX в.]

Юноша частенько охотился, и однажды пошел в горы, увидел зайца и только собрался выпустить стрелу, чтобы убить его, как заяц вскричал:

– **Смилуйся**, юноша, не убивай меня, у меня детишки малые, останутся сиротами.

Пример (20) наглядно демонстрирует разницу в вербальном поведении Дуко, с достоинством противостоящего узурпаторам, который употребляет фатическое междометие *бре*, маркирующее равную коммуникацию и зачастую несущее негативную коннотацию, и остальных, смиренно умоляющих о милости к юноше, на что указывает *аман*. Примечательно, что в этой драме 1900 г., главная идея которой – непокоренность македонско-

го народа, а тема – противостояние македонцев и турок, *аман* встречается лишь дважды.

(20) (Другите Турци го фаќаат Дука и го тепаат).

ДУКО: (Се спротивставува). *Кучиња, пуштете ме бре!*

СИТЕ: **Аман** ага, пуштете го.

[В. Чернодрински. Македонска крвава свадба. 1900]

(Остальные турки хватают Дуко и избивают его).

ДУКО: (Сопротивляется). Псы, а ну отпустите меня!

ВСЕ: **Пощади**, ага, отпустите его.

Однако со времени усвоения этой языковой единицы произошло не только изменение статуса турцизмов (большинство из которых перешли в нижний страт языка: разговорный язык, просторечие), но и изменение структуры коммуникации. Из набора вертикальной оси общественных отношений (высший ↔ низший) к моменту кодификации литературного македонского языка ушел компонент ‘господство–подчинение’ (и как порабощение со стороны завоевателей, и как неравенство в рамках сословных отношений). На нынешнем этапе коммуникативное междометие *аман* используется только в ситуации горизонтальных отношений (среди равных), поскольку при официальном общении его использование блокировано. Однако следует иметь в виду, что официальная, дистанцированная коммуникация среди носителей македонского языка встречается гораздо реже, чем в русскоязычной среде. Особенность коммуникации в македоноязычной среде состоит в преобладании равных отношений, поскольку на протяжении почти всего существования македонского народа (до 1944 г.) власть была иноязычной и даже имущественные различия между македонцами не слишком отражались на положении человека в социальной пирамиде. Повседневный этикет в общении незнакомых людей менее церемонный, направлен на «присвоение» собеседника, введение его в собственную личную сферу. Нередко уже при первом вступлении в коммуникацию (в такси, в лифте) македонцы обращаются друг к другу на «ты» и, стало быть, могут использовать разговорные и просторечные формы.

Следствием всего этого является изменение в структуре значений *аман*. По-прежнему таким образом может выражаться просьба, однако без компонента уничижительности, в рамках

бытового, дружеского общения, иногда с раздражением (21), а иногда и с шутливым оттенком (22).

(21) *Дами и господа. <…> Ајде да градиме, навистина, здрава држава. **Аман** извлечете ги од џебовите и последните резерви на позитивна енергија.*
[Агим Јонуз. Каква се чума зададе? Време. № 1842. 09.12.2009]

Дамы и господа <…> Давайте уже, в самом деле, строить прочное государство. **Ради Бога**, **ну** достаньте вы из карманов последние запасы позитивной энергии.

Этот публицистический текст (21), как и вообще большинство современных текстов в СМИ, написан в свободной манере неформального разговора с читателем. Использование официального обращения *дами и господа* в подобном тексте при общей разговорной тональности статьи, к тому же в близком соседстве с *аман*, передает сарказм автора в связи с происходящим в стране, возмущение поведением соотечественников.

(22) (Художники расписывали церковь в селе, где крестьяне по очереди их кормили.)

Работеле речиси цели два месеци, а за ручек јаделе само пита. Дојде редот да ручаат и кај кметот.

– Кај мене ќе имате најдобар ручек – пита со сирење!

*– **Аман**, не пита! – извикал Лазар Личеноски! – два месеци јадеме само пити. – Сакаме грав за ручек.*
[Н. Бајо. Новинарот нула тринаесет. 2006]

Работали они целых два месяца, и на обед в каждом доме их угощали питой. Пришел черед обеда у сельского старосты.

– У меня вас ждет самый лучший обед – пита с брынзой!

– Ох, помилосердствуй, только не пита! – закричал Лазар Личеноский. – Мы уже два месяца только питу и едим. Нам бы простой фасоли.

В условиях равных непринужденных отношений значение мольбы о милосердии трансформируется в значение протеста, призыва прекратить неприятное, не одобряемое адресантом действие, выполняемое адресатом (23), или выражение возмущения, неудовольствия, досады в связи с этим действием (23, 24, 25). Соответствия, которые можно было бы подобрать в русском языке: *хватит!, перестань!, сколько можно!, довольно!* и т.п.

(23) *<…> јас реков дека навистина нешто со сестра ѝ на Бистра не е во*

<…> я сказала, что с сестрой Бистры и правда что-то не так. Та-

ред. Дека е толку голема, а сепак не зборува како што треба. Мони ми се заврте и ме погледна.

*– **Аман** Ива, како не ти е срам така да зборуваш. Греота е детето, срамота.*

[Р. Бужаровска. Чкртки (Лулашка). 2007]

кая большая, а говорить как следует до сих пор не умеет. Мони обернулась и посмотрела на меня.

– **Перестань**, Ива, как тебе не стыдно так говорить. Бедная девочка, постыдись.

(24) *Обидите да го бранат од нападите ги дочекуваше со цинизам: **Аман** не бранете ме мене, бранете се себе. Не ме напаѓаат мене. Го напаѓаат нашиот јазик, нашиот идентитет. Така зборуваше Конески.*

[Ерол Ризаов. Преубаво ни е името... Утрински весник. № 3253. 9.04.2010]

Попытки защитить его от нападок он встречал холодно: «**Оставьте**, не надо меня защищать, себя защищайте. Ведь это не в меня они целят. Они нападают на наш язык, нашу самобытность». Так говорил Конеский.

(25) *Ова комшиве само ми се бунат, ми лаеле кучињата многу. **Аман** бе комшија, му викам ја, па да знаева да зборат, ќе зборе, ама...*

[14.03.2010, форум, где жалуются на жизнь: http://www.ispraznise.mk/?page=15]

Соседи без конца возмущаются, дескать, собаки мои громко лают. **Уймись уже**, сосед, говорю я ему: могли б говорить, не лаяли бы, так ведь не могут…

Зачастую реакция досады вызвана надоевшим или не одобряемым действием, которое говорящий вынужден терпеть продолжительное время (26). В примере (27) это значение выражено эксплицитно контекстом. В этом случае *аман* может выступать в составе с усилительной частицей *веќе* ‘уже’ или, чаще, ее просторечным вариантом – сербизмом *више* (28). Обычной конструкцией при выражении данного значения является также сочетание с предлогом *од* (29) или *со* (30) и существительным, называющим объект раздражения.

(26) *– Одам вечер – ќе реков додека одевме низ паркот.*

– Каде сега?!

– За Белград.

*– **Аман** бе, Игор, прибери се малку!*

[И. Исаковски. Пливање во прашина. 2005]

– Я вечером уезжаю, - сказал я ей, пока мы шли по парку.

– Куда на этот раз?

– В Белград.

– **Сколько можно**, Игорь, посиди хоть немного на месте!

(27) *Во човековата заедница, оние со ниско ниво на политичка култура ги*

В обществе люди с низким уровнем политической культуры воспри-

*доживуваат различните (по етничка, верска, расна или друга припадност) како зараза, инфекција, отров. Оттаму произлегуваат ставовите од типот «сè им дадовме, што уште сакаат?!», «секое трпение има граници» што има исто значење како и «доста ги трпевме». Во поблага варијанта ќе го слушнете и изразот «сакаат преку леб погача», што по-прво значи «**аман**, до кога со овие барања», а и двете водат до «доста ги трпевме». Сè заедно води или може да доведе до уште предрасуди, гетоизирање, омраза, односно до оружен конфликт или континуирани тензии и насилства.*
[М. Џабир. Дерала. Нешто како лер. Дневник. 20.11.2009]

нимают не совпадающих с ними по этнической, религиозной, расовой или иной принадлежности, словно это зараза, инфекция, яд. Отсюда и высказывания вроде «мы все им дали, чего им еще надо?!», «всякому терпению есть предел». В мягкой форме это звучит как «а им все мало», что по сути дела означает: «**караул**, конца нет их требованиям», а это не что иное, как «довольно мы их терпели». Всё вместе ведет или может привести к еще большему предубеждению, гетоизации, ненависти, то есть к вооруженному конфликту или растущей напряженности и насилию.

(28) *Пак ли на вести ќе слушаме за Грција, за името, **аман** веќе!*
[И. Костовска. Бележник за една грчка хипокризија. Нова Македония. № 21946. 29.3.2010]

Опять в новостях нам придется слушать про Грецию, про спор о названии нашей страны, **сколько можно**!

(29) *Ехххх **аман** од фудбал, **аман** од спорт... **аман** од вашите седенки и пијанки. Па и јас сум тука... и јас сакам да те видам а не...* *...камо да ти изгуби тимот за кој навиваш..... лоша сум лоша знам!!!*
[17.03.1010 Женский форум: http://forum.femina.mk/vrski/sto-bi-mu-kazale-t324/130.html]

Эхххх, **караул** от этого футбола, **караул** от этого спорта… **караул** от ваших мальчишников и пьянок. А я?… я тоже хочу тебя видеть, а не… [смайлик «молчу»]… вот бы команда, за которую ты болеешь, проиграла… да, вот такая я, злая, злая!

(30) <...> *социјалистичкиот грб е дел од нас. Местото му е во учебниците; учениците, идните генерации да си го изучуваат таков каков што е. Лично, од естетски аспект, и ништо не му фали. Вака (без ѕвездата) како некој венец за ... Велат како привремено решение до влезот во НАТО. **Аман** со привремени решенија, пак ли за 2–3 месеци (2–3 децении) ќе ги менуваме патните исправи.*

<…> социалистический герб – это уже часть нас. Его место – в учебниках, чтобы школьники, новые поколения знали его таким, каким он был. По-моему, с эстетической точки зрения он был совсем не плох. А теперь, без звезды, напоминает венок для… Говорят, мол, это временное решение, до вступления в НАТО. **Ох уж** эти временные решения, снова что ли через 2–3 месяца (2–3 десятилетия)

[Д. Колчаровски. Грб без рбет или рбет со грб? Дневник. 14.11.2009]

нам паспорта менять!

Очень часто в современном языке *аман* в неформальной, бытовой коммуникации выражает удивление, смешанное с недоверием, чаще всего это реакция на сообщение о чем-то неприятном. Здесь тоже можно усмотреть связь со значением ‘помилуй’: говорящий как бы не хочет верить в то, что слышит, он хотел бы, чтобы это оказалось неправдой. Русские соответствия: *ой, да что ты!, не может быть!* и т.п. Ответная реплика свидетельствует о том, что говорящему требуется дополнительное подтверждение, что это действительно так (31):

(31) – *Здраво!*
– Здоро́во!
– *Здраво и дупло!*
– Здоро́во-здоро́во!
– *Што има ново?*
– Что новенького?
– *Вака и вака и вака…*
– То-то и то-то и то-то…
– *Молчи, бре?!*
– Ой-ой-ой!
– *Така и така и така…*
– Так-то и так-то и так-то…
– ***Аман**, што ми кажуваш!...*
– **Не может быть,** да что ты!
– *Ете, тоа…*
– Вот так…
– *Море, несреќа, да е скраја од нас!...*
– Ай, беда, помилуй Бог!..

[П.М. Андреевски. Скакулци. 1989]

Нередко *аман* выступает в сочетании с *бе*, *бре*, образуя с ними устойчивый междометный комплекс. Эти контактивы подчеркивают ситуацию непринужденного, приятельского общения, а также дополнительно усиливают эмоциональность:

(32) Разговор с таксистом:

ОН: *Идам ја по карики за клипови коа од таму, ете ти, шлепер врти лево, нагазил, ја му свирам СТОЈ БЕ, ЕЕЕЕЈ СТООООЈ!!! Он – БААААП у истата врата.*

ОН: Еду я за уплотнительными кольцами для цилиндров, как вдруг, на́ тебе, грузовик сворачивает налево, на полном газу, я ему сигналю СТОЙ ЖЕ ТЫ, СТОЙ!!! И он – БАААМ в ту же самую дверь.

ЈА: ***Аман бе**, шо зборите*!?

Я: ***Ой, да что вы говорите**!?*

ОН: *Да бе, али тоа не е све.*

ОН: *Да, но и это еще не все.*

[Р. Пејовиќ. Сеир (Такси). 2001]

(33) АНАСТАЗИЈА: *Византија веќе одамна ја нема.*

АНАСТАСИЯ: Византия уже давно не существует.

ХЕЛЕН: *Како така?*

ХЕЛЕН: Как это?

АНАСТАЗИЈА: *Византија се распадна пред многу векови.*

АНАСТАСИЯ: Византия погибла много веков назад.

ХЕЛЕН: ***Аман*** *бре?*
АНАСТАЗИЈА: *Да.*
ХЕЛЕН: *Штета.*
[Г. Стефановски. Жив човек. 2004]

ХЕЛЕН: **Да ты что?**
АНАСТАСИЯ: Да.
ХЕЛЕН: Какая жалость!

Впрочем, по-видимому, главное в такой коммуникативной ситуации именно удивление и неготовность сразу поверить собеседнику, это сигнал ему дополнительно подтвердить услышанный факт, а отрицательная эмоция, хотя и присутствует в большинстве примеров, не обязательна (34), и факт может даже быть радостным (35).

(34) <...> *се работи за еден вирус, којшто ги фаќа само некои луѓе, а ние не сме од тие некои.*
– ***Аман*** *бе!*
– *Да бе!*
[Е. Лафазановски. Романот за оружјето. 2003]

<…> это вирус, который поражает лишь некоторых, а мы не эти некоторые.
– **Да что ты**?!
– Да, говорю тебе!

(35) ПОП ЈАНЧЕ: *А, велиш, и таа тебе те сака?!*
ИЛИЈА: *Ја сакам од малечок, а еве три години кај се милуваме.*
ПОП ЈАНЧЕ: (изненаден подскокнува од радост). ***Аман*** *бре!...* (го чука по коленото). *Како што треба!*
[Р. Крле. Антица. 1940]

ПОП ЯНЧЕ: И что, говоришь, и она тебя любит?!
ИЛИЯ: Я люблю ее с детства, и вот уже три года мы друг дружке милы.
ПОП ЯНЧЕ: (подпрыгивает от радостного удивления). **Не может быть!** (хлопает его по коленке). Вот и ладно!

В современном языке переосмыслилось и сочетание *аман господи*, которое невозможно использовать при обращении верующих к Господу. Это словосочетание фразеологизировалось и употребляется для выражения удивления, смешанного с неодобрением.

Таким образом, исследование функционирования междометия *аман* в современном македонском языке позволяет сделать некоторые выводы, касающиеся как механизма заимствования междометий из языка социального престижа, так и процессов, происходящих в семантике и поведении этой единицы после прекращения активного контакта с этим языком. Заимствуется коммуникативно важная единица, необходимая для употребления в типичной ситуации отношений с иноязычной властью.

Первоначально это междометие-сигнал, посылаемый от низшего к высшему в социальной или ситуативной иерархии. В результате смены социолингвистических условий происходят изменения не только в стилистической окраске, но и в значении междометия. Теперь это сигнал, посылаемый равным равному (или даже вышестоящим нижестоящему), причем исключительно в ситуации непринужденного общения. Первоначальное значение архаизируется, а на его основе формируется и выходит на первый план значение, возникающее в результате своеобразной языковой игры.

Картину значений этой языковой единицы можно было бы представить следующим образом:

аман I (*при множественном адресате также* ***аманте***) *междометие, коммуникатив-сигнал*

1. (*выражение мольбы о пощаде, милости*) пощади!, помилуй!, спаси!;

- *характерный контекст*: ***аман,*** *форма императива;* ***аман, немој да…!***;
- *примеры*: ***аман, не ме убивај!*** пощади, не убивай меня!; ***аман, немој!*** пощади, не надо!

2. (*выражение мольбы, просьбы; обычно в контексте с императивом*) умоляю!, прошу!, ради Бога!

- *примеры*: ***аман, помогни!*** ради Бога, помоги!

◊ **аман заман…!** *усиление просьбы*

3. (*выражение призыва прекратить раздражающее, не одобряемое действие*) ну хватит уже!, перестань!, сколько можно!

- *характерный контекст*: ***аман со*** *некого/нешто,* ***аман од*** *некого/нешто*;
- *примеры*: ***аман со политичарите!*** караул от этих политиков!; ***аман од тие поскапувања!*** невозможно больше! опять подорожания!

◊ **аман веќе!, аман више!, аман бе!, аман бре!**;

4. (*выражение недоверия с призывом подтвердить информацию*) да что ты говоришь!, не может быть!

◊ **аман бе, аман бре**

♦ **аман господи!** *междометие* Боже упаси!, Господи помилуй!

аман II *в значении существительного* милость, пощада

- *характерный контекст*: ***нема аман***

Литература

Асенова П. Балканско езикознание: Основни проблеми на балканския езиков съюз. В. Търново: Faber, 2002. 375 с.

Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Изд-во при Киев. гос. ун-те Издательского объединения «Вища школа», 1979. 266 с.

Гавранек Б. К проблематике смешения языков // Зарубежная лингвистика / общ. ред. В.Ю. Розенцвейга, В.А. Звегинцева, Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1999. Вып. III. С. 56–73.

Десницкая А.В. О современной теории балканистических исследований // Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л.: Наука, 1979. С. 3–15.

Јашар-Настева О. Турските елементи во јазикот и стилот на македонската народна поезија / Македонска академија на науките и уметностите. Скопје, 1987. 111 с.

Јашар-Настева О. Турските елементи во македонскиот јазик / Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков». Скопје, 2001. 301 с.

Конески Б. Историја на македонскиот јазик. Скопје: Кочо Рацин; Белград: Просвета, 1965. 104 с.

Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик: д. I, II. // Конески Б. Избрани дела во седум книги. Скопје: Култура, 1967. Т. 6. 552 с.

Нерознак В.П. Балканский языковой союз // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1991. С. 63–64.

Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1960. 494 с.

Русаков А.Ю., Соболев А.Н. Субстанциально-функциональная теория балканского языкового союза и славянские языки: доклад к XIV Международному съезду славистов в Охриде, Македония. СПб.: Наука, 2008. 40 с.

Усикова Р.П. Грамматика македонского литературного языка. М.: Муравей, 2003. 376 с.

Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы: изд. 2-е, доп. М.: КомКнига, 2005. 280 с.

Шаронов И.А. Междометия в речи, тексте и словаре / Рос. гос. гуманит. ун-т. М.:, 2008. 288 с.

Шаронов И.А. Коммуникативы и жесты: связи и взаимодействие // Московский лингвистический журнал / Рос. гос. гумантит. ун-т. М., 2004. Т. 8. № 2. С. 145–160.

Brian D.J. Borrowing at the Popular Level: Balkan Interjectional Particles of Turkish and Greek Origin // Septieme congres internacional d'etudes du Sud-Est Europeen: rapports. Athenes, 1994. P. 507–520.

Friedman V. The Turkish Lexical Element in the Languages of the Republic of Macedonia from the Ottoman Period to Independence // Zeitschrift für Balkanologie. 1996. V. 32. № 2. S. 133–150 [Электронный ресурс] URL: http://home.uchicago.edu/~vfriedm/cv.html (проверено 30.07.2011).

Словари

БТРС – Большой турецко-русский словарь: 3-е изд., стер. / Баскаков А.Н. и др. М.: Живой язык, 2006. 960 с.

БЕР – Български етимологичен речник / ред. В.И. Георгиев. София: БАН, 1971–2002. Т. 1–7. [Электронный ресурс] URL: http://promacedonia.com (проверено 30.04.2011).
РСХТ – Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања / сост. Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски; ред. Б. Конески. Скопје, 1961. Т. I. 528 с.
ТИ – Толковен речник на македонскиот јазик / Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков». Скопје, 2006. Т. I. 640 с.
РНП – Речник на македонската народна поезија. Скопје, 2001. Т. I. 506 с.
ЗМ – Мургоски З. Речник на македонскиот јазик / Филолошки факултет «Блаже Конески». Скопје, 2005. 948 с.
ТРС – Турецко-русский словарь. / сост. Д.А. Магазаник; под ред. В.А. Гордлевского. М.: ОГИЗ, 1945. 705 с.

Е.М. Сторожева*
Пермский государственный университет

ОЦЕНКА ИДИОМНОЙ КОННОТАЦИИ СЛОВА ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП[1]

Проблема коннотации в лингвистике до сих пор не решена до конца. Ее изучением занимались многие лингвисты (Апресян, 1974; Долинин, 1987; Звегинцев, 1957; Кобозева, 2000; Кожина, 1983; Комлев, 2003; Стернин, 1985; Телия, 1986; Шмелев, 1973 и др.), тем не менее многие теоретические и практические вопросы в этой области до сих пор остаются недостаточно разработанными.

В научной литературе существует множество подходов к описанию коннотации. При каждом подходе на первый план исследования выдвигаются те или иные аспекты коннотации, а ее определение дается в зависимости от целей и задач конкретного направления науки.

Мы определяем коннотацию как такую информацию в значении слова, которая обусловлена различными экстралингвистическими факторами, влияющими на коммуникацию: психолингвистическими, социолингвистическими, прагматическими и собственно коммуникативными. Вкладывая в понятие социаль-

* © Сторожева Е.М., 2011
[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 11-04-00009а.

ного широкий смысл, в целом можно говорить о том, что коннотация **социально обусловлена:** среди всех компонентов лексической коннотации можно выделить и собственно социальный.

Идея о наличии у слова социальной коннотации в лингвистике не является новой: социальные элементы коннотативного значения выделяли и описывали еще Л. Ельмслев (1960) и Л. Блумфилд (1968). Они не только разграничивали социальные и индивидуальные коннотации, но и выделяли разные типы коннотаций в зависимости от социальных характеристик говорящих.

В современных работах, посвященных изучению коннотации, также указывается, что коннотации несут в себе информацию о принадлежности субъекта к определенной социальной группе (Долинин, 1987; Стернин, 1985 и др.). Однако, говоря о социальной обусловленности коннотации, исследователи обычно имеют в виду ее зависимость от разного рода условий употребления слова в речи людей с определенными социальными характеристиками. В то же время социальная обусловленность коннотации, на наш взгляд, имеет 2 аспекта. Первый, уже названный, – это формирование коннотации в определенных социальных условиях функционирования слова. Он так или иначе учитывается в разных работах (Долинин, 1987; Шмелев, 1973 и др.). Второй аспект ранее до нас не был исследован, но он вытекает из первого – это зависимость оценки коннотации слова от социальных параметров носителей языка. Логично предположить, что если коннотация формируется в определенном социальном контексте функционирования слова, то люди, близкие этому контексту, находящиеся внутри него, будут иначе воспринимать коннотацию данного слова, чем люди, находящиеся вне такого контекста.

Предметом нашего исследования стала **идиомная коннотация**. Идиомная коннотация выступает компонентом социально обусловленной коннотации слова и определяется как отнесение слова к тому или иному идиому языка. Этот компонент коннотации отражает функционирование слова в речи социальных групп, являющихся носителями определенных идиомов языка (Сторожева, 2009).

Сильнее всего от социальных параметров говорящих должны зависеть именно идиомные компоненты коннотации, то есть «приписывание» слова сфере употребления людьми, которые являются социальной базой данного идиома.

Идиомные компоненты коннотации определяются нами с учетом характеристики выбранных для исследования идиомов (разговорной литературной речи, просторечия, жаргона, регионолекта), а также с учетом социальных параметров, которые лежат в основе выделения социальных баз этих идиомов (образования, возраста, места постоянного проживания, специальности).

Принимается, что слово обладает **коннотацией разговорности**, если оно осознается носителями языка как употребляемое в устной непринужденной речи образованных людей. У слова есть **просторечная коннотация**, если оно воспринимается как используемое широким кругом лиц, не владеющих литературным языком. Языковая единица обладает **жаргонной коннотацией**, если она связана в сознании носителей языка с речью относительно устойчивой социальной группы, объединяющей людей на основании различных социальных признаков. У слова есть **коннотация локальности**, если оно осознается как характерное для повседневной речи жителей отдельных регионов и несвойственное кодифицированному литературного языку.

Для того чтобы выявить, насколько зависит отнесение слов к разным идиомам языка от социальных характеристик информантов, был проведен лингвистический эксперимент. Эксперимент проходил в виде анкетирования, в котором приняли участие 100 испытуемых, объединенных на основании их социальных характеристик в 5 групп (по 20 человек в каждой). Подробная характеристика информантов представлена в таблице 1.

Испытуемые с заданными социальными параметрами являются представителями социальных баз разных языковых идиомов. При организации групп учитывались также такие факторы, как «специальность» (гуманитарная филологическая, гуманитарная нефилологическая и негуманитарная) и «место проживания» (в первые 4 группы вошли жители г. Перми, в 5-ю – жители столиц). Фактор «специальность», по данным разных исследований, оказывает влияние на владение литературными норма-

ми, а фактор «место проживания» – на владение локальными элементами речи.

Таблица 1

Характеристика групп информантов

№ группы	Социальные параметры информантов	Идиом, носителями которого являются информанты
1	Преподаватели-лингвисты филологических факультетов пермских вузов; средний возраст – 45,4 года	Разговорная литературная речь
2	Студенты 3-го курса филологического факультета Пермского государственного университета; средний возраст – 19 лет	Молодежный жаргон
3	Студенты нефилологической специальности пермских вузов; средний возраст – 20,5 года	Молодежный жаргон
4	Жители г. Перми со средним специальным образованием, средний возраст – 52,4 года	Просторечие
5	Студенты филологических и нефилологических специальностей вузов Москвы и Санкт-Петербурга; средний возраст – 19,2 года	Молодежный жаргон

Испытуемым были предложены 154 слова, которые по данным словарей имели различные социальные окраски, а также получали разную оценку у информантов по результатам предварительного эксперимента. Кроме того, в список были включены слова, рассматриваемые составителями пособия «Локализмы в литературной речи горожан» (Ерофеева Е.В. и др., 2002) как локализмы, т.е. слова, имеющие региолектную окраску.

Все слова информанты должны были распределить по группам в зависимости от того, какая социальная группа по преимуществу использует данное слово в речи: молодежь, малообразованные люди, образованные люди, жители определенного региона. Если информанты считали, что слово является

общеупотребительным, то они должны были это отметить. Информанты могли ставить плюсы в нескольких графах, если они считали, что слово встречается в речи нескольких социальных групп.

Выделенные характеристики слова мы соотносили со следующими социальными коннотациями: мы считали, что если слово употребляется преимущественно молодежью, то оно имеет коннотацию жаргонности; если слово встречается преимущественно в речи малообразованных людей, то оно имеет коннотацию просторечности; если слово встречается преимущественно в речи жителей определенного региона (Пермского края), оно имеет коннотацию локальности; если слово общеупотребительно и понятно всем, оно обладает коннотацией разговорности. Поскольку информанты могли отмечать, что слово употребляется несколькими социальными группами, то вывод о принадлежности слова к той или иной группе делался в зависимости от сочетаний рассматриваемых коннотаций.

Принималось, что у слова есть устойчивая идиомная коннотация, если ее отметили не менее 30% информантов, что является достаточным уровнем для достижения как минимум средней согласованности в оценках.

Количественные данные об оценке идиомной коннотации проанализированных слов и их употреблении разными группами информантов представлены в таблице 2. Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что слово может иметь однозначную идиомную коннотацию, а может характеризоваться смешением различных идиомных коннотаций.

Приведем некоторые примеры: 87% информантов оценили слово *хлам* как общеупотребительное, слово *морозилка* таковым посчитали 83%, *чокнутый* – 80%, *растяпа* – 74%; *вякать* в значении ‘что-то невнятно говорить’ было расценено как слово, характерное в основном для речи малообразованных людей (44%) и характерное для молодежи (47%); *кутузка* ‘тюрьма’ – как общеупотребительное (40%) и характерное для малообразованных людей (32%) и т.п.

Информанты 4-й группы (люди со средним специальным образованием) дают меньше всего сочетаний коннотаций, т.е.

они достаточно слаженно относят слово к одному определенному идиому.

Информанты 5-й группы дают больше всего коннотативных сочетаний: они смешивают не только две–три коннотации, но и четыре, при этом очень часто со всеми прочими видами идиомных коннотаций у них сочетается оценка локальное. Очевидно, это можно объяснить тем, что все нелитературное они воспринимают как местное, локальное и дают слову соответствующую оценку.

Рассмотрим, какие группы дают максимальное количество реакций по основным идиомным коннотациям и их сочетаниям. Из таблицы 2 видно, что максимум значений по общеупотребительной коннотации дают информанты 1-й и 4-й групп. Эти две группы наиболее противопоставлены друг другу по социальным характеристикам: при этом преподаватели-филологи являются носителями литературного языка и разговорной литературной речи и оценивают общеупотребительную лексику как употребляемую своей социальной группой, а также с точки зрения профессиональных знаний. Люди со средним образованием от них дистанцированы и в то же время по возрасту далеки от молодежи (и, соответственно, плохо владеют жаргонной лексикой), и поэтому оценивают оба этих лексических слоя со стороны.

Максимум оценок слов как характерных для речи малообразованных людей дают информанты 2-й группы, т.е. студенты филологического факультета. На наш взгляд, это происходит потому, что они многие грубые жаргонизмы относят к речи малообразованных людей, т.е. эмоциональную коннотацию переносят на социальную, например, для таких слов, как *хайло*, *канать*.

Максимум значений при определении слов как характерных преимущественно для речи молодежи дают студенты-нефилологи и информанты со средним образованием. Как видим, при определении жаргонных слов более слаженно действуют группы, объединенные на основании признака «нефилологи».

Закономерно, что максимум значений при определении локальных слов дают информанты 1-й и 2-й групп, то есть преподаватели и студенты филологического факультета, знакомые с теорией локализмов. Очевидно, «локальное» – слабо актуальная

помета для наивных носителей языка; тем не менее люди, знакомые с теорией локализмов, оценивают локальные слова как

Таблица 2

Абсолютная частота определения идиомной коннотации слов информантами разных групп

Идиомная коннотация	Группа информантов				
	1	**2**	**3**	**4**	**5**
Только общеупотребительное	41	18	19	33	21
Только в речи образованных людей	1				
Только в речи малообразованных людей	7	18	11	9	14
Только в речи молодежи	17	19	22	25	11
Только локальное	9	8	5	5	3
Общеупотребительное + в речи образованных людей	3	2		2	1
Общеупотребительное + в речи малообразованных людей	16	15	5	5	2
Общеупотребительное + в речи молодежи	35	28	31	48	7
Общеупотребительное + локальное	3	3	5	3	2
В речи молодежи + образованных людей					1
В речи молодежи + в речи малообразованных людей	5	24	39	7	7
В речи молодежи + локальное	1	2	1		11
В речи малообразованных людей + локальное	5	8	4		2
Общеупотребительное + в речи образованных людей + локальное					1
Общеупотребительное + в речи малообразованных + в речи молодежи	3	7	9	4	4
Общеупотребительное + в речи молодежи + локальное					19
Общеупотребительное + в речи малообразованных людей + локальное	2	1			3
В речи молодежи + в речи малообразованных людей + локальное			1		18
Общеупотребительное + в речи образованных людей + в речи молодежи + локальное					2
Общеупотребительное + в речи малообразованных + в речи молодежи + локальное					15
Без явной идиомной коннотации	6	1	2	13	10

общеупотребительные, а те, кто не знаком с локализмами, рассматривают их как нечто чужое.

Заметим также, что максимум смешении коннотаций «общеупотребительное» и «молодежное» зафиксирован у информантов 4-й группы (48), т.е. у информантов со средним образованием: они большее количество жаргонных слов считают допустимыми в речи любых носителей языка.

При смешении коннотаций «общеупотребительное» и «характерное для речи малообразованных людей», т.е. при оценке слов как просторечных, максимум значений дают информанты 1-й и 2-й групп, представители которых, по нашему мнению, могут взглянуть на речь малообразованных людей со стороны. Информанты 3-й и 4-й групп, очевидно, употребляют эти слова, поэтому не называют их характерными для речи малообразованных людей, а информанты 5-й группы, по всей видимости, не считают их общеупотребительными.

Максимум реакций на смешение коннотаций «молодежное» и «встречающееся в речи малообразованных людей» выявлен у информантов 2-й и 3-й групп, то есть у студентов различных специальностей. Скорее всего, в данном случае испытуемые этих групп противопоставляют себя тем, кто употребляет другой жаргон.

Можно заметить, что при определении той или иной коннотации достаточно слаженно действуют информанты групп, объединенных на основании фактора «специальность» – филологи или нефилологи – или на основании фактора «студенты»; часто также максимум значений при определении той или иной коннотации дают группы, наиболее далекие от социальной базы идиома, к которому они относят то или иное слово.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что выбор тех или иных сочетаний коннотаций зависит от социальных факторов, в соответствии с которыми носители языка принадлежат социальным базам рассмотренных идиомов. Оценка идиомной коннотации слова зависит от социальных параметров говорящих, от того, к социальной базе какого идиома принадлежит носитель языка, при этом для каждой социальной группы существует определенная иерархия идиомных коннотаций и их сочетаний.

Литература
Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 368 с.
Блумфилд Л. Язык / пер. с англ. Е.С. Курбяковой, В.П. Мурат. М.: Прогресс, 1968. 607 с.
Долинин К.А. Стилистика французского языка. М.: Просвещение, 1987. 303 с.
Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. Вып. 1. С. 264–389.
Ерофеева Е.В. и др. Локализмы в литературной речи горожан: : уч. пособ.: 2-е изд., испр. и доп. / Е.В. Ерофеева, Т.И. Ерофеева, Ф.Л. Скитова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 107 с.
Звегинцев В.А. Семасиология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 323 с.
Кобозева И.М. Лексическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Русский язык, 1983. 223 с.
Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: УРСС, 2003. 192 с.
Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 172 с.
Сторожева Е.М. Социальная обусловленность идиомного компонента лексической коннотации: дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2009. 248 с.
Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 141 с.
Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 274 с.

М.В. Гаранович*
Пермский государственный университет

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В НАИВНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА[2]

Гендер рассматривается как социокультурный фактор конструируирования социальной идентичности говорящего (Горошко, 1996; Гриценко, 2005; Кирилина, 1999; Ощепкова, 2003). Как правило, гендер взаимодействует с другими параметрами личности: возрастом, статусом, социальной группой и т.д.

* © Гаранович М.В., 2011
[2] Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 11-04-00009а.

Одной из наиболее известных работ в этой области стал труд Д. Таннен «Ты меня просто не понимаешь: женщины и мужчины в диалоге» (Таннен, 2005). Автор анализирует коммуникативные неудачи в общении лиц разного пола и объясняет их разными требованиями, предъявляемыми обществом к мужчинам и женщинам, а также спецификой социализации в детском и подростковом возрасте. Под воздействием этих факторов у мужчины и женщины вырабатываются разные мотивы поведения, разные стратегии и тактики общения. Речевое поведение мужчин, как правило, нацелено на достижение и сохранение независимости и высокого социального статуса. От женщин общество ожидает неконфликтности, уступчивости, эмоциональности. Согласно концепции Д. Таннен, различные речевые стратегии мужчин и женщин ведут к различиям в интерпретациях одних и тех же высказываний мужчинами и женщинами. В этой связи Д. Таннен говорит о гендерлекте – социально и культурно обусловленных особенностях общения мужчин и женщин. Мы склонны считать, что в данном случае выводы Д. Таннен можно интерпретировать как различие в **стереотипах речевого поведения мужчин и женщин**, существующих в языковом сознании носителей языка определенного лингвокультурного сообщества.

Одним из таких стереотипов, сформированных в языковом сознании общества и различных социальных групп, оказывается стереотип эмоционального речевого поведения женщин, рассмотрению которого и посвящена эта статья.

Для того чтобы понять, какие социальные факторы влияют на стереотипы речевого поведения мужчин и женщин (т.е. на ожидания от речевого поведения мужчин и женщин), приведем результаты эксперимента, проведенного с целью обнаружения существующих в общественном и групповом языковом сознании стереотипных представлений о различных особенностях речевого поведения мужчин и женщин. Информантам в ходе эксперимента предлагалось ответить на вопрос «Какие, по Вашему мнению, существуют признаки и характеристики мужской и женской речи?» Предполагалось, что информанты, отвечая на поставленный вопрос, должны представить свое стереотипное видение особенностей вербального поведения мужчин и женщин в современном коммуникативном пространстве.

В ходе эксперимента было получено 1 220 реакций от 144 информантов, принадлежащих к различным социальным группам. Выборка информантов была сбалансирована по социальным параметрам (исследованные социальные факторы и их градации см. в табл.).

Полученные от информантов реакции (лексемы и выражения), представляющие различные семы и характеризующие речь мужчин и женщин с разных сторон, объединялись на основе общности лексического значения в стереотипные признаки речевого поведения мужчин и женщин. Из 1 220 реакций 605 реакций характеризовали женскую речь Они были сведены в 163 признака речевого поведения женщин.

Признаки, входящие в стереотип речевого поведения женщин, были представлены как иерархия типичных черт, которая строится с учетом степени актуальности признаков речевого поведения женщин в сознании носителей языка. Анализ распределения реакций всех информантов (см. табл.) показывает, что в структуре стереотипа речевого поведения женщин можно выделить несколько зон:

1) ядро стереотипа (56–80 реакций);
2) ядерную зону стереотипа (25–28 реакций);
3) предъядерную зону стереотипа (20–21 реакций);
4) периферийную зону стереотипа (12–16 реакций);
5) периферию стереотипа (1–11 реакций).

Только 12 из 163 признаков речевого поведения женщин вошли в ядро, ядерную или предъядерную зоны стереотипа; остальные составили периферию. Именно эти 12 стереотипных признака и будут предметом обсуждения в данной статье.

Распределение частот реакций информантов по признакам речевого поведения женщин в зависимости от социальных параметров информантов представлено в таблице. Цифры, выделенные в таблице полужирным шрифтом с подчеркиванием, соответствуют признакам ядра стереотипа речевого поведения женщин; полужирным – признакам ядерной зоны; обычным шрифтом – признакам предъядерной зоны; цифры, данные в скобках, указывают на признаки периферийной зоны общего стереотипа речевого поведения женщин и периферии групповых стереотипов речевого поведения женщин. Серым цветом обо-

значены значительные расхождения между значениями градаций факторов (будем считать, что количество реакций различается существенно, если разница в частотах признака у разных градаций социального фактора составляет 7 единиц и более).

Таблица

Частота признаков речевого поведения женщин в общественном и групповом языковом сознании (абс.)[3]

Признак	Всего	Гендер		Возраст		Образование		Спец.	
		М	Ж	1	2	В	С	Г	НГ
Эмоциональность	**80**	**33**	**47**	**40**	**40**	**47**	**33**	**51**	**29**
Образность	**56**	12	**44**	**27**	**29**	**36**	**20**	**37**	**19**
Многословность	**28**	11	**17**	15	13	12	**16**	**18**	10
Быстрый темп	**27**	10	**17**	**23**	(4)	14	13	**16**	11
Нелогичность	**25**	**16**	(9)	**19**	(6)	15	10	14	11
Вежливость	**25**	15	10	**17**	(8)	13	12	(8)	**17**
Непредметность	21	11	10	13	(8)	12	(9)	13	(8)
Мягкость	20	12	(8)	10	10	10	10	(9)	11
Мелодичность	(16)	(6)	10	(9)	(7)	(5)	11	11	(5)
Детализированность	(14)	(4)	10	10	(4)	11	(3)	(9)	(5)
Неразборчивость	(13)	(3)	10	10	(3)	(9)	(4)	(8)	(5)
Отсутствие инвективов	(12)	(2)	10	11	(1)	(2)	10	(3)	9
Всего	***337***	***135***	***202***	***204***	***133***	***197***	***140***	***186***	***151***

Таблица демонстрирует модель стереотипизации признаков речевого поведения женщин как в общественном языковом сознании, так и в сознании разных социальных групп.

Как видно из этой таблицы, в ядро общего стереотипа речевого поведения женщин входят два признака **‘эмоциональность’** (слова *эмоциональность, эмоциональная, эмоционально окрашенная лексика* – 80 реакций) и **‘образность’**, актуализированный словами *ассоциативна, выразительность, метафоричность, много прилагательных, образная, эпитеты, экспрессивность, яркая на эпитеты, яркость* (56 реакций).

3 В таблице использованы следующие сокращения: М – мужчины, Ж – женщины; 1 – возрастная группа 17–39 лет, 2 – возрастная группа 40–62 года; Г – гуманитарии, НГ – негуманитарии;В – высшее образование, С – среднее образование.

Можно сказать, что данные признаки формируют стереотип эмоционального речевого поведения женщин. Семантически связанными с признаками **‘эмоциональность’** (80 реакций) и **‘образность’** (56 реакций) оказываются признак предъядерной зоны **‘мягкость’** (слова *нежность, ласковый тон* – 20 реакций) и признак периферийной зоны **‘мелодичность’** (слова *музыкальность, певучая* – 16 реакций). Данные признаки также соотносятся с представлением об эмоциональности речи женщин.

По мнению носителей языка, речь женщин характеризуется также многословностью: признаки **‘многословность’** (слова *многословность* и *болтливость* – 28 реакций) и **‘быстрый темп’** (слова *быстрый темп* и *торопливость* – 27 реакций) входят в состав ядерной зоны общего стереотипа и формируют представление о «болтливости» женщин. Периферийный признак **‘детализированность’** (слова *детализированность, детальное бытописание, несущественные детали, развернутое описание* – 14 реакций) дополняет в данном случае это представление.

Кроме того, в языковом сознании общества формируется стереотип нелогичного речевого поведения женщин, актуализированный ядерным признаком **‘нелогичность’** (слова *бессмысленность, иррациональность, непоследовательность изложения, нелогичность, необдуманность* – 25 реакций), предъядерным признаком **‘непредметность’** (слова и словосочетания *отступление от заданной темы разговора, отсутствие заданной темы разговора, «перескакивание» с темы на тему* – 21 реакция) и признаком периферийной зоны **‘неразборчивость’** (слова *неразборчивость, сумбурность* – 13 реакций).

В целом речь женщин оценивается в языковом сознании общества положительно, о чем свидетельствует формирование у носителей русского языка представления о вежливом речевом поведении женщин: признак **‘вежливость’**, актуализированный словами и словосочетаниями *воспитанность, политкорректность, внимательность к собеседнику, тактика «внимательного слушателя», интеллигентная, культурная, некатегоричность, неконфликтность, уступчивость, гибкость, тактика подстраивания под собеседника, терпимость к собеседнику* (25 реакций), включен в ядерную зону и признак **‘отсутствие**

инвективов', представленный словами *избегание инвективной лексики, отсутствие нецензурной лексики, отсутствие мата* (12 реакций), – в периферийную зону.

Как видно из приведенной выше таблицы, самое большое количество реакций (80) было получено именно на признак **'эмоциональность'**, что говорит о высокой степени закрепленности данного стереотипа в общественном языковом сознании.

Однако сопоставление частот реакций разных социальных групп демонстрирует значительные расхождения в представлениях о речевом поведении женщин в зависимости от таких факторов, как «гендер», «образование» и «специальность».

Представим распределение реакций, данных информантами, принадлежащими к четырем исследуемым социальным группам, в виде графиков, на которых видны расхождения между значениями градаций фактора «гендер», «возраст», «образование» и «специальность» (см. рис. 1, 2, 3, 4 и табл.).

Как видно из таблицы и рисунков 1–4, представители всех социальных групп разделяют общественный стереотип эмоционального речевого поведения женщин: во всех групповых стереотипах признак **'эмоциональность'** стоит на первом месте в иерархии признаков речевого поведения женщин и включен в ядро.

Однако если рассмотреть распределения реакций по социальным группам, то оказывается что гендерный стереотип эмоционального женского речевого поведения формируется прежде всего в языковом сознании гуманитариев (см. рис. 4): они дали самое большое количество реакций на данный признак (51 реакция из 80).

Формирование гендерного стереотипа эмоционального речевого поведения женщин в языковом сознании гуманитариев связано, на наш взгляд, с тем, что в социальной группе гуманитариев сформированы определенные ожидания эмоционального речевого поведения женщин. Гуманитарии, в том числе и женщины-гуманитарии, в силу своей профессии направленности имеют возможность выражать свои чувства в общении с окружающими. В связи с этим эмоциональность речевого поведения женщин в общении оценивается гуманитариями положительно.

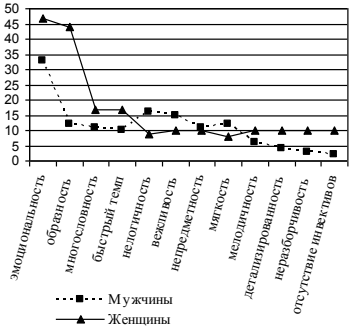


Рис. 1. Распределение частот реакций мужчин и женщин по признакам речевого поведения женщин

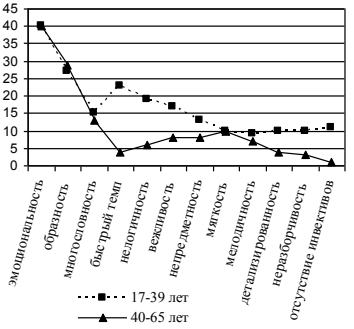


Рис. 2. Распределение частот реакций информантов в возрасте 17–39 лет и 40–65 лет по признакам речевого поведения женщин

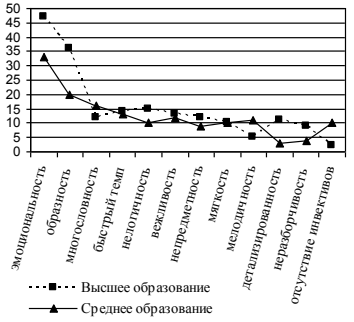


Рис. 3. Распределение частот реакций информантов с высшим и средним образованием по признакам речевого поведения женщин

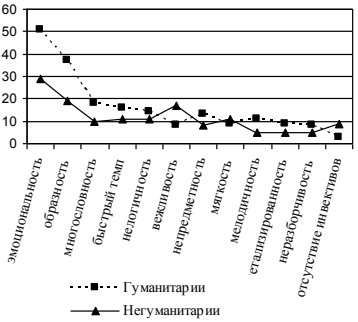


Рис. 4. Распределение частот реакций гуманитариев и негуманитариев по признакам речевого поведения женщин

Как видно из рисунков 1 и 3 представление об эмоциональности речевого поведения женщин формируется также в языковом сознании самих женщин и людей с высшим образованием: в отличие от мужчин женщины дали больше реакций на данный признак (47 реакций женщин и 33 реакции мужчин). Такое же количество реакций отмечено у информантов с высшим образованием (47 реакций vs 33 реакции у информантов со средним

образованием). Тот факт, что женщины в бóльшей степени, чем мужчины разделяют данное представление, связан с тем, что женщины оценивают себя, основываясь на сложившихся в общественном языковом сознании традиционных установках по поводу эмоционального женского речевого поведения.

По фактору «возраст» (см. рис. 2 и табл.) особых различий в распределении реакций по исследуемому признаку не выявлено (получено по 40 реакций от каждой из возрастных групп).

Признак **‘образность’**, как видно из таблицы и рисунков 1–4, чаще называется представителями тех же социальных групп: гуманитариями (37 реакций гуманитариев и 19 реакций негуманитариев), информантами с высшим образованием (36 реакций информантов с высшим образованием и 20 реакций информантов со средним образованием) и самими женщинами (44 реакции женщин и 12 реакций мужчин). В языковом сознании указанных социальных групп складывается стереотип образности речи женщин: информанты оказываются внимательными к более конкретным проявлениям эмоциональности речи (например, были получены такие реакции, как *много прилагательных, метафоричность, яркая на эпитеты* и др.).

Таким образом, женщины, гуманитарии и люди с высшим образованием оказываются более компетентными, чем другие социальные группы, в оценке женского речевого поведения и дают более детальные характеристики речи женщин. Женщины оценивают свое речевое поведение как эмоциональное, яркое и экспрессивное, в отличие от мужчин, которые дали на исследуемый параметр небольшое количество реакций: признак **‘образность’** (12 реакций) в структуре группового стереотипа женского речевого поведения, сформированного в языковом сознании мужчин, оказывается в предъядерной зоне (см. табл.).

Признак **‘мягкость’**, как видно из таблицы и рисунков 2–4, выделяется в равной степени информантами младшей (10 реакций) и старшей (10 реакций) возрастной групп, гуманитариями (9 реакций) и негуманитариями (11 реакций), людьми с высшим (10 реакций) и средним (10 реакций) образованием. Однако по распределению реакций по фактору «гендер» (см. табл. и рис. 1), можно судить о том, что данный стереотип формируется преимущественно мужчинами (12 реакций мужчин и 8 реакций

женщин). Выделение этой характеристики мужчинами связано, на наш взгляд, с тем, что в мужском языковом сознании сформированы ожидания от речевого поведения женщин: они хотят видеть в речи женщин проявления нежности и заботы. Однако мужчины не дают конкретных лингвистических признаков, таких, например, как уменьшительно-ласкательные суффиксы, ласковые обращения к детям и т.п. Мужчины оценивают женскую речь обобщенно.

Как видно из таблицы и рисунков 1, 3 и 4, фонетический признак проявления эмоциональности речи женщин **‘мелодичность’** чаще выделяется женщинами (10 реакций женщин и 6 реакций мужчин), гуманитариями (11 реакций гуманитариев и 5 реакций негуманитариев) и информантами со средним образованием (11 реакций информантов со средним образованием и 5 реакций информантов с высшим образованием). В языковом сознании младшей (1) и старшей (2) возрастных групп фонетический аспект восприятия речи женщин не стереотипизируется, о чем свидетельствует нахождение признака **‘мелодичность’** на периферии групповых стереотипов речевого поведения женщин (см. рис. 2 и табл.). Представители возрастных групп 17–39 лет (9 реакций) и 40–62 года (7 реакций) не обнаруживают особых различий в оценке мелодичности речи женщин, очевидно фактор «возраст» на формирование исследуемого стереотипа не влияет (см. рис. 2).

Таким образом, анализ формирования гендерного стереотипа эмоциональности речевого поведения женщин в языковом сознании различных социальных групп показывает, что данный стереотип формируется в основном женщинами, гуманитариями и людьми с высшим образованием. Представители этих социальных групп дают более детализированные признаки, характеризующие женское речевое поведение как эмоциональное и экспрессивное. Большое количество реакций, данных женщинами на признаки, ассоциируемые с эмоциональностью, свидетельствует о том, что стереотип эмоционального речевого женского поведения функционирует в общественном сознании, но формируется прежде всего в языковом сознании самих женщин. Высокая степень актуализации признаков, связанных с эмоциональностью речевого поведения женщин, в языковом сознании

гуманитариев обусловлена представлениями, сформированными в данной социальной группе: гуманитарии в силу своей профессии сами проявляют эмоции в речи и считают эти проявления возможными и для женщин.

Литература

Горошко Е.И. Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический анализ): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1996. 22 с.

Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера: дис. … докт. филол. наук. Н. Нофгород, 2005. 405 с.

Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1999. 180 с.

Ощепкова Е.С. Идентификация пола автора по письменному тексту (лексико-грамматический аспект): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2003. 24 с.

Таннен Д. Ты просто меня не понимаешь: женщины и мужчины в диалоге // Гендер и язык / Московск. гос. лингвистич. ун-т; Лаборатория гендерных исследований. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 235–505.